

Ю. В. ЕРЕНИН

ЮНОШЕСКИЙ
ИЗОЛЯЦИОНИЗМ —
ОРУДИЕ
АНТИКОММУНИЗМА

Засурскому

Асеву

Николаевичу

с уважеиими

и шикетей.

Ерешки.

Ю. В. ЕРЕМИН

ЮНОШЕСКИЙ ИЗОЛЯЦИОНИЗМ— ОРУДИЕ АНТИКОММУНИЗМА

Рекомендовано Министерством высшего и среднего специального образования СССР в качестве учебного пособия для студентов философских факультетов, аспирантов и преподавателей философии высших учебных заведений

**Научный редактор доктор философских наук,
профессор Ю. В. Воронцов**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЫСШАЯ ШКОЛА»
Москва 1972**

Ю. В. Еремин.

Юношеский изоляционизм — орудие антикоммунизма. Учебное пособие по спецкурсу для студентов философских факультетов университетов, аспирантов и преподавателей философии. М., «Высшая школа», 1972. 272 стр.

В книге критически анализируются современные буржуазные теории о роли и месте молодежи в обществе, показывается несостоятельность антикоммунистических концепций «конфликта поколений», «молодежного общества», «юношеской культуры», «дендеологизации молодежи».

Написанная с привлечением значительного количества оригинальных материалов, в том числе зарубежных источников, книга аргументированно, с позиций марксистско-ленинской философии, разоблачает псевдореволюционность теоретиков юношеского изоляционизма и убедительно показывает их антикоммунистическую направленность.

1—5—4

11—73

1ФБ

Рецензенты:

Доктор философских наук, проф. В. С. Готт.
В. В. Бутин

Ленинская внешняя политика Коммунистической партии Советского Союза пользуется единодушной поддержкой советского народа. Как отметил состоявшийся в мае 1972 г. Пленум ЦК КПСС, принципиальная, последовательная внешняя политика СССР отвечает коренным интересам Советского государства, мирового социализма, национально-освободительного движения, активно способствует утверждению принципов мирного сосуществования государств с различным социальным строем, отпору агрессивной политике империализма¹.

В условиях мирного сосуществования возрастает роль идеологической борьбы на международной арене. «Добиваясь утверждения принципа мирного сосуществования, — отмечает Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, — мы отдаем себе отчет, что успехи в этом важном деле ни в какой мере не означают возможности ослабления идеологической борьбы. Напротив, надо быть готовыми к тому, что эта борьба будет усиливаться, становиться все более острой формой противоборства двух социальных систем»².

Активная борьба с буржуазной идеологией предполагает аргументированное разоблачение предназначенных для различных категорий населения всякого рода антикоммунистических теорий. Одной из них является теория юношеского изоляционизма, с помощью которой буржуазные идеологи пытаются воздействовать на молодежь.

Теорию юношеского изоляционизма можно определить как попытку буржуазных идеологов запрограммировать автономное развитие подрастающего поколения на ложной «внеклассовой» основе с помощью эклектических концептуальных построений с антикоммунистической направленностью.

Неправомерность рассмотрения социальных функций молодежи изолированно от общества обстоятельно вскрыта классиками марксизма-ленинизма. Они научно обосновали роль подрастающего поколения в классовой борьбе трудящихся, разработали методологию анализа юношеского движения.

Основатели научного коммунизма отмечали важное значение молодежи в жизни общества, в революционном преобразовании мира, включая ее в «решающий «ударный отряд» интернациональной пролетарской армии»³. При этом они указывали на необходимость учитывать специфические черты подрастающего поколения. В. И. Ленин отмечал, что молодежь «по необходимости вынуждена при-

¹ См.: О международном положении. Постановление Пленума ЦК КПСС, принятое 19 мая 1972 года. «Правда», 20. V. 1972.

² «Правда», 28. VI. 1972.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 22, стр. 545.

ближаться к социализму *иначе, не тем путем, не в той форме, не в той обстановке, как ее отцы*¹.

В то же время создатели научного коммунизма никогда не абсолютизировали специфические черты молодежи и рассматривали ее в соответствии с определенной социальной структурой общества. Марксистско-ленинская методология анализа юношеского движения основывается на понимании всеобщих законов диалектического и исторического материализма.

Теоретики юношеского изоляционизма рассматривают молодежь изолированно от общества, игнорируя ту диалектическую взаимосвязь, которая существует между категориями части и целого. Абсолютизируя молодежь как «молодежное общество», они, по существу, исходят из главенства частей над целым.

Между тем социальные функции подрастающего поколения невозможно уяснить, исходя из рассмотрения самого подрастающего поколения вне его отношения с обществом в целом. Диалектико-материалистическое понимание молодежи как части и общества как целого дает ключ к изучению социальных функций молодежи в современном мире, в общем процессе исторического развития. Вместе с тем это понимание позволяет на научной основе анализировать характер взаимосвязей молодежи с различными социальными группами в структуре общества.

Буржуазные философы и социологи искусственно изолируют личность молодого человека от социальной среды, классовой структуры общества, абсолютно не считаясь с диалектикой единичного и общего. Они говорят о молодом человеке вообще, независимо от его классовой принадлежности. Даже в тех случаях, когда теоретики юношеского изоляционизма упоминают о принадлежности молодого человека к определенному социальному слою, эта принадлежность выступает как второстепенная характеристика, а главными остаются возрастные особенности.

Однако определяющими являются именно классовые, социальные различия молодежи. Класс выступает в данном случае как общее, молодежь — как особенное и личность молодого человека — как единичное. Подрастающее поколение приобретает конкретную форму социальной деятельности в зависимости от классовой принадлежности. Конкретной формой своего существования молодой человек обязан не себе, а тому исторически сложившемуся классу, в составе которого он действует.

Основоположники научного коммунизма всегда считали важнейшей характеристикой молодежи ее классовую принадлежность². Знаменательно, что именно Марксу принадлежит термин «подрастающее поколение пролетариата»³. Энгельс, связывая грядущую

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 226.

² Подробнее см.: Апресян З. Г. Разработка К. Марксом и Ф. Энгельсом политики коммунистов в отношении молодежи. «Позывные истории», выпуск второй. М., «Молодая гвардия», 1970.

³ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, стр. 438.

революцию с молодежью, имел в виду рабочую молодежь¹. В «Немецкой идеологии» показана полная несостоятельность попыток говорить о молодом человеке вообще, не делая разницы между юным контрщиком, молодым английским рабочим, молодым янки, не говоря уже о молодом киргиз-кайсаке².

Определяя социальные функции студенчества, В. И. Ленин писал, что оно «не было бы тем, что оно есть, если бы его политическая группировка не соответствовала политической группировке во всем обществе,— «соответствовала» не в смысле полной пропорциональности студенческих и общественных групп по их силе и численности, а в смысле необходимой и неизбежной наличности в студенчестве тех групп, какие есть в обществе»³.

Методология рассмотрения положения в обществе молодого человека как представителя определенного класса, опирающаяся на диалектическую взаимосвязь единичного и общего, позволяет устанавливать определенные закономерности развития юношеского движения в общем русле борьбы рабочего класса, всех трудящихся. Одновременно она дает возможность для понимания специфики молодежи, принадлежащей к данному классу.

Марксистско-ленинская методология познания действительности позволяет дать объективный критический анализ и самой теории юношеского изоляционизма в целом.

Юношеский изоляционизм как явление идеологического и социально-психологического характера имеет давнюю историю. Формирование его установок, как правило, связано с острыми общественными ситуациями. Кризисное положение во Франции после термидорианского переворота значительно облегчило наполеоновской пропаганде внушение мысли о том, что новое поколение не нуждается в духовных ценностях старших и самостоятельно сможет завоевать полмира. Значительные массы молодежи удалось увлечь социальной демагогией в духе юношеского изоляционизма фашистам в Италии 20-х годов, нацистам в Германии в начале 30-х годов, франкистам в Испании в середине 30-х годов, т. е. в то время, когда в этих странах наблюдалась сложная политическая ситуация.

В России юношеский изоляционизм имел некоторое распространение в мелкобуржуазных слоях во время революционных событий.

В современных условиях всплеск юношеского изоляционизма можно было наблюдать во Франции в мае 1968 года.

Изоляционистские настроения усиленно культивировались антикоммунистическими элементами во время контрреволюционного мятежа в Венгрии и выступления контрреволюционных сил в Чехословакии.

Своеобразное преломление юношеского изоляционизма в сторону мелкобуржуазного шовинизма можно наблюдать в современном Китае.

¹ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 2, стр. 557.

² См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, стр. 114.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 343.

Оживление юношеского изоляционизма в кризисные ситуации объясняется рядом обстоятельств.

Во-первых, эксплуататорские классы и выражающие их идеологию политические группировки в это время усиленно ищут в обществе те слои, на которые можно было бы опереться. Объективная расстановка сил предопределяет тот факт, что классы к этому времени занимают довольно четкие позиции. Это заставляет буржуазию и ее идеологов обращаться к молодежи, представляя ее как общественную силу, не связанную с классами.

Во-вторых, в кризисной ситуации обостряется вопрос о перспективах общественного развития, которые к тому же в это время могут быть не совсем ясными. Эксплуататорские классы пользуются этим для того, чтобы в спекулятивных целях обещать различным группам общества возрастание их социальной роли. Особенно часто подобный подход практикуется по отношению к молодежи в силу ее недостаточного социального опыта и возможной расплывчатости идеалов.

В-третьих, ряд специфических качеств молодежи — максимализм, импульсивность, эмоциональная возбудимость и т. д. — дают буржуазии и ее агентуре возможность надеяться на использование этих качеств в целях социальной демагогии.

Как прежде, так и теперь теоретики юношеского изоляционизма маскируют его классовую сущность разговорами об особой ведущей прогрессивной роли молодежи в преобразовании общества и на этой основе пытаются сформировать свои «автономные» и «самостоятельные» идеологические установки. Но никакой «автономности» и «самостоятельности» этих установок не может быть в силу того, что каждая идеология отражает интересы того или иного класса. Юношеский изоляционизм не может отражать интересы «юношеского класса» — ибо его нет. Поэтому он всегда питается идеями тех эксплуататорских классов, интересам которых служит.

Юношеский изоляционизм может отражать самую реакционную буржуазную идеологию, но при этом он обычно облекается в псевдосоциалистическую фразеологию. Примером тому может служить «гитлерюгенд», пропагандировавший самую активную роль идеологически обработанной молодежи в установлении фашистского «нового порядка» с помощью социальной демагогии «национал-социалистов».

Питательной почвой юношеского изоляционизма является оппортунизм. Стремление юношеского изоляционизма к использованию реформистской идеологии понятно: эта идеология рассчитана на обман широких народных масс, в том числе молодежи, и потому охотно используется теоретиками юношеского изоляционизма. Характерно, что идеологи оппортунизма и ревизионизма нередко одновременно формируют и основные установки юношеского изоляционизма. Известно, что ярый враг ленинизма Троцкий постоянно противопоставлял старшим молодежи, лизливо называя ее «барометром партии». Подвергший ревизии учение Маркса американ-

ский философ Маркузе одновременно сформулировал теорию об особой роли подрастающего поколения в наши дни.

Нередко юношеский изоляционизм имеет основой национализм, используя при этом терминологию социализма. Подобный симбиоз дал о себе знать в Китае в виде искусственно насаждаемого националистического фанатизма хунвейбинов и цзяофаней.

Те или иные виды буржуазной идеологии могут в разных пропорциях переплетаться в теоретических установках юношеского изоляционизма. Это особенно характерно для современного кризисного этапа буржуазной идеологии с ее плюрализмом. Однако при всех модификациях идеологических заимствований юношеского изоляционизма сегодня его определяющей чертой является антикоммунизм и антисоветизм. Особенно явно это проявилось во время выступления контрреволюционных сил в Венгрии и Чехословакии, когда буржуазная идеология объявила молодежь в отличие от старших мобильной и решительной силой в проведении социально-экономических и политических реформ, которые носили четко выраженную антикоммунистическую и антисоветскую направленность.

Уже говорилось, что изоляционистские настроения культивировались буржуазной идеологией в среде подрастающего поколения с давних пор, однако как теория юношеский изоляционизм оформился недавно — в 50—60-х годах.

Концептуальное оформление юношеского изоляционизма в последние годы связано с рядом обстоятельств, отражающих как общие тенденции общественного развития периода научно-технической революции, так и специфику положения молодежи.

Феномен научно-технической революции самым непосредственным образом отразился на положении различных социальных, возрастных групп населения как в социалистических, так и в капиталистических странах. Хотя ее последствия в различных общественных условиях имеют принципиально иной характер, тем не менее можно утверждать, что научно-техническая революция повсеместно несет с собой значительные перемены в социально-экономической жизни, технологии, сфере нравственных ценностей и т. д. В это время особенно острой становится проблема адаптации к быстро меняющимся обстоятельствам. Она стоит перед всеми возрастными группами, но в наиболее чистом виде данная проблема возникает перед молодежью, которая не обладает значительным социальным опытом и чья социализация происходит в условиях быстро сменяющихся коллизий многих сторон действительности. Естественно, при этом особо важно учитывать принципиальные и существенные перемены в современном мире.

Общественное развитие последних лет характеризовалось прежде всего укреплением позиций социализма, ростом мощи и авторитета Советского Союза. Сегодня особенно актуальной стала ленинская мысль о том, что «пример социалистической Советской республики в России будет стоять живым образцом перед народами всех стран, и пропагандистское, революционизирующее действие этого образца будет гигантским»¹.

В то же время потерпели полное поражение попытки империализма сокрушить Советское государство насильственным способом, путем войны и экономической блокады. Поэтому, не отказавшись от своих планов повернуть вспять развитие человечества с помощью оружия, империализм вместе с тем все больше усилий сосредоточивает на планомерной идеологической эрозии социалистического общества.

В этой тактике буржуазная идеология особенно выделяет молодежь. В своих попытках подорвать социализм изнутри империалистические государства «делают главную ставку на идейное разоружение молодежи, стремятся ослабить ее революционный энтузиазм, притупить классовое самосознание, противопоставить старшему поколению, посеять скептицизм и аполитичность, преклонение перед чуждыми социалистическому обществу буржуазными нравами и моралью»².

Выделение буржуазной идеологией подрастающего поколения находит свое практическое отражение, в частности, в том, что не менее 70 процентов передач «Голоса Америки» на Советский Союз рассчитано на юношескую аудиторию. Примерно такую же структуру имеют передачи Би-би-си и «Немецкой волны».

Буржуазные идеологи учитывают, что молодые люди, составляющие в СССР более половины населения и имеющие высокий образовательный и культурный уровень, в настоящее время энергично осваивают различные сферы материальной и духовной деятельности и что характер этого процесса будет во все большей степени влиять на развитие советского общества в целом. Рассчитывая, что современные юноши и девушки не прошли суровой школы революционной, боевой и трудовой закалки, как это было с их отцами, антикоммунисты хотели бы извратить понимание молодежью своей возросшей социальной роли и вызвать на этой почве настроения юношеского изоляционизма.

Что же касается молодежи капиталистических стран, то здесь теоретики юношеского изоляционизма по-своему не могли не учитывать как увеличение удельного веса подрастающего поколения в структуре народонаселения (в развитых капиталистических странах каждый восьмой — молодой человек в возрасте 15—24 лет), так и общего кризиса капитализма и его влияния на положение и мировоззрение молодежи. Отрицательные явления научно-технической революции в буржуазном обществе, рост безработицы, снижение реальной заработной платы, весьма ограниченные возможности для повышения квалификации — все это в первую очередь коснулось подрастающего поколения и не могло не вызвать его недовольства. Оно усугублялось резко отрицательным отношением молодежи к новым формам духовной эксплуатации, включая манипулирование

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 250.

² О 50-лети ВЛКСМ и задачах коммунистического воспитания молодежи. Постановление Центрального Комитета КПСС от 3 октября 1968 года М., «Молодая гвардия», 1968, стр. 6.

общественным сознанием. На этой основе стала возникать определенная самоидентификация молодежи, оформлявшаяся в виде протеста по отношению к государственным и другим институтам. И этот протест буржуазная идеология хотела бы облечь в форму юношеского изоляционизма, безобидного для социальных устоев капитализма.

Следует принять во внимание и тот факт, что объективные тенденции общественного развития, успехи социализма, деятельность коммунистических партий, а также коммунистических союзов молодежи привели к бурному подъему юношеского движения и его все большей консолидации на основе марксизма-ленинизма. Юношескому изоляционизму в данном случае буржуазными идеологами отводится роль того предохранительного клапана, через который выпускается социальная активность молодежи.

Надо также иметь в виду, что ускоренное общественное развитие в наше время обостряет интерес, и прежде всего молодежи, к проблеме будущего. Что ждет в ближайшие десятилетия подрастающее поколение — это тот вопрос, на который сегодня должна давать ответ та или иная идеология. Антикommунизм считает выгодным и здесь польстить юношам и девушкам, изобразив будущее как некое «молодежное общество» и вместе с тем отвлечь их от конкретных задач по революционному переустройству действительности.

Таким образом, целый ряд объективных факторов — численный рост молодежи в структуре народонаселения, возрастающий уровень ее образования и культуры и связанное с этим освоение наиболее современных сфер духовной и материальной деятельности, резкий подъем юношеского движения и усвоение им марксистско-ленинской идеологии — вынуждают антикоммунизм к построению специальных концепций молодежи, причем ее возросшая социальная роль и в то же время недостаточный жизненный опыт делают для буржуазных идеологов заманчивым оформление этих концепций в духе юношеского изоляционизма.

Объективно буржуазные идеологи пытаются воспользоваться определенным отставанием сознания молодежи от бытия в наше время социальной динамики. Они также надеются, что целый ряд специфических качеств подрастающего поколения — высокий максимализм, любознательность, демократичность, стремление к справедливости и гуманности — могут помочь в его обособлении и идеологической индокринации. Именно по этой причине, как признает известный буржуазный теоретик средств массовых коммуникаций Леонард Доуб, молодежь всегда является любимым объектом пропаганды.

Теория юношеского изоляционизма развивалась на основе концептуальных схем ряда философских течений. По аналогии с идеальным государством Платона она стремится возродить в будущем отжившие общественные отношения. Предлагаемый ею для молодежи обособленный путь развития находится в русле позитивистского субъективного идеализма. Движущая сила этого развития — ди-

намичный и энергичный молодой человек с «волей к будущему» весьма напоминает сильную личность с «волей к власти» Ф. Ницше. Наконец, в теории юношеского изоляционизма активно используются мотивы «конфликта поколений» с их ярко выраженной фрейдистской основой.

В разработку теории юношеского изоляционизма внесли свой вклад известные на Западе философы Р. Арон, Г. Маркузе, а также Ж.-П. Сартр, который, в частности, ввел для определения социальной сущности молодежи термин «детонатор». Однако наиболее полное отражение эта теория получила в работах К. Беднарика, Э. Брёза, Ч. Гамблетта, Ж. Дюкесна, К. Кенистона, Д. Леверсона, Г. Легмана, П. Лори, Д. Мейза, Д. Мертена, Д. и М. Раунтри, Ч. Рейха, Т. Розака, Ф. Тенбука, И. Шварца, Г. Шельски, М. и К. Шерифов и др.¹

Бурное развитие в последние годы молодежного движения на Западе привело к тому, что его проблемы широко освещались в периодической печати, особенно в печати США, Англии, Франции, ФРГ, скандинавских и латиноамериканских стран. По этим проблемам постоянно выступают такие известные публицисты, как А. Фонтэн.

У многих философов и социологов, рассматривающих молодежное движение с позиций юношеского изоляционизма, есть некоторые расхождения, однако совпадение их основных посылок позволяет говорить о теории юношеского изоляционизма как о принятой концептуальной системе большим кругом буржуазных ученых.

Отличительной чертой теории юношеского изоляционизма является стремление обосновать автономное развитие подрастающего поколения с помощью искусственного тезиса об его «особой» роли в современном обществе. Она рассматривает молодежь как некий «возрастной класс» независимо от ее социального положения. В футурологическом аспекте теория пытается программировать развитие с помощью вводимых ею понятий «юношеской культуры» и «молодежного общества». Ее методологической особенностью является эклектизм, объединяющий мотивы «конфликта поколений», «отчуждения молодежи», псевдореволюционности подрастающего поколе-

¹ Bednarik K. The young worker of to-day, a new type. London, 1962; Breuse E. Vers une Pédagogie des loisirs Juveniles. Bruxelles, 1965; Duquesne J. Les 16—24 ans. Paris, 1963; Hamblett Ch., Levenson J. Generation X. London, 1966; Keniston K. The uncommitted. Alienated Youth in American society. New York, 1965; Keniston K. Young radicals. New York, 1968; Laurie P. The teenage revolution. London, 1965; Legman G. The Fake Revolt. New York, 1967; Mays J. The young pretenders. A study of teenage culture in contemporary society. London, 1965; Reich Ch. The Greening of America. New York, 1970; Rowntree J. and M. Youth as a class. «International socialist journal», Rome, 1968, N 25; Roszak T. The Making of a Counter Culture. Reflections on the Technocratic Society and its Youthful Opposition. New York, 1969; Schwartz J., Merten D. The Language of adolescence. «The American Journal of Sociology», vol. 72, N 5, 1967; Shelsky H. Die skeptische Generation. Eine Soziologie der deutschen Jugend. Düsseldorf—Köln, 1968; Sherif M. and K. Reference groups. Exploration into conformity and deviation of adolescents. New York, 1964.

ния, «устарелости» для него идеологии и т. д. Теория имеет антикоммунистическую направленность.

Хотя теория юношеского изоляционизма провозглашает глобальность задач подрастающего поколения, тем не менее она особо выделяет советскую молодежь якобы в силу специфики ее проблем.

«Советологические» аспекты теории юношеского изоляционизма разработаны, в частности, буржуазными социологами П. Джувилером, А. Кассофом, Ж. Патриком, Р. Фишером, Д. Хаммером и другими¹. В основу их построений легли «исследования» многочисленных «советологических» центров по проблемам советской молодежи.

В Соединенных Штатах Америки свыше 200 научных центров и кафедр занимаются «изучением» проблем советской молодежи. Одним из наиболее известных является «Исследовательский центр по вопросам русской политики» при Гарвардском университете. Он начал свою деятельность в разгар «холодной войны» и сразу же заключил соглашение с издательской компанией «Гарвард юниверсити пресс» о широкой публикации своих книг, монографий и статей о Советском Союзе. В числе «исследований» этого «центра» — допрос его сотрудниками детей эмигрантов. Не случайно именно здесь появились «труды» Кассофа о советской молодежи и комсомоле.

В ФРГ изучение проблем советской молодежи ведется в «институтах Восточной Европы», которые возникли с начала 50-х годов при многих университетах и других высших учебных заведениях. Этими вопросами занимается также «Федеральный институт» в Кельне. В целом для молодежной «советологии» ФРГ характерно стремление подчинить результаты «исследований» интересам оперативной антисоветской пропаганды. Так, известный по молодежным передачам «Немецкой волны» на русском языке Гюнтер Барч является одновременно одним из теоретиков юношеского изоляционизма.

В Англии вопросами советской молодежи занимается колледж Святого Антония в Оксфорде. Подобная проблема изучается также в университетах Бирмингема и Глазго.

Во Франции ряд публикаций о мировоззрении советской молодежи подготовлен сотрудниками Парижского университета. В частности, здесь получили признание «исследования» Патрика.

Показательно, что прямыми организаторами социологических «исследований» о молодежи социалистических стран весьма часто выступают реакционные организации. Политический комитет по мо-

¹ Fisher R. T. The Soviet pattern for youth as revealed in the proceedings of the Congresses of the Komsomol. New York, 1955; Hamner D. Among students in Moscow: an outsider's report. «Problems of Communism», 1964, N 4; Juviler P. Communist moral and Soviet youth. «Problems of Communism», 1961; Kassof A. The Soviet youth program. Regimentation and rebellion. Cambridge (Mass.), Harvard univ. press, 1965; Patrick G. Les organisations de masse en Union Soviétique. Syndicats et Komsomol. Paris, 1966; Patrick G. Rôle du Komsomol sur le Parti Communiste de l'Union Soviétique et sur la jeunesse soviétique. Paris, 1961.

лодежным проблемам НАТО и Европейское объединение молодежных организаций с помощью научных центров изучали проблемы установления «диалога» с молодежью Восточной Европы. Реваншистская «Немецкая молодежь Востока» в ФРГ создала специальную «рабочую группу по зарубежным вопросам».

Теория юношеского изоляционизма с ее попыткой внесения идеологической инфекции в среду подрастающего поколения имеет определенное прикладное значение для антикоммунизма и активно используется буржуазными средствами массовой коммуникации, особенно радио. Базируясь на основных положениях этой теории, а также на трудах известных на Западе теоретиков информации, буржуазные средства массовой коммуникации разрабатывают особые формы и методы формирования общественного мнения в молодежной среде ¹.

Интересы активного участия молодежи в мировом революционном процессе, строительстве коммунизма в нашей стране требуют постоянного разоблачения буржуазных концепций подрастающего поколения.

Коммунистическая партия всегда придавала важное значение борьбе против попыток увлечь молодежь с помощью демагогических рассуждений об ее «особой роли» с пути революционной борьбы за переустройство общества. В. И. Ленин дал достойную отповедь измышлениям Троцкого, лицемерно льстившего молодежи. Указав, что коммунисты стоят за полную самостоятельность союзов молодежи, В. И. Ленин в то же время подчеркнул: «...но и за полную свободу товарищеской критики их ошибок! Лстить молодежи мы не должны» ².

Необходимость действенной и принципиальной борьбы против буржуазных изоляционистских концепций в юношеской среде особенно актуальна в наши дни резкого подъема революционного молодежного движения и одновременного усиления идеологических диверсий антикоммунизма. Поэтому международное Совещание коммунистических и рабочих партий указало на важность разъяснения подрастающему поколению опасности разного рода псевдореволюционных идей, оказания ему помощи в определении правильного пути в борьбе против империализма, в защиту своих интересов ³.

Дальнейшее совершенствование процесса коммунистического воспитания предполагает формирование у молодежи активного им-

¹ Albig W. *Modern Public Opinion*. New York, 1956; Arnold T. *Kommunistische Propaganda und ihre Abwehr*. München, 1961; Childs G. *Introduction to Public Opinion*. New York, 1940; Choukas M. *Propaganda comes of Age*. Washington, 1965; Doob L. *Public Opinion and Propaganda*. New York, 1948; Gerson W. *Alienation of Mass Society. Some Causes and Responses*. «Sociology and Social Research», 1965, January, vol. 49; Holt R. *Perspectives in Social Psychology*. New York, 1965; Merlin L. *Le vrai dossier de la télévision*. Paris, 1961; Rapoport A. *Strategy and Conscience*. New York, London.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 226.

³ См.: «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы». М., Политиздат, 1969, стр. 309.

мунитета по отношению к самым новейшим формам и методам воздействия буржуазной идеологии, умения аргументированно разоблачать ее антикоммунистическую и антисоветскую сущность. «Наша молодежь должна уметь вести наступательную борьбу против буржуазной идеологии,— говорил в речи на XVI съезде ВЛКСМ Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев.— Каждый комсомолец — это активный боец идеологического фронта, непримиримый ко всем формам буржуазного влияния. В борьбе между буржуазными и социалистическими идеями нет места нейтрализму и компромиссам»¹.

В последнее время вышли труды советских ученых, специалистов в области работы с молодежью, в которых вместе с рассмотрением других вопросов дается аргументированная критика попыток буржуазной идеологии в формировании «извращенного сознания» у подрастающего поколения². Тем не менее задачи борьбы с антикоммунизмом требуют специального критического анализа концепций буржуазных философов о положении и роли молодежи в обществе, дальнейшего разоблачения постоянно модернизирующихся форм идеологических диверсий в молодежной среде, которые сегодня в значительной степени концентрируются в теории юношеского изоляционизма.

¹ Брежнев Л. И. Речь на XVI съезде ВЛКСМ. «XVI съезд ВЛКСМ. Стенографический отчет». М., «Молодая гвардия», 1971, стр. 25.

² См.: Баннов Б. Б. Мятёж возмущенного разума. М., «Молодая гвардия», 1970; Баталов Э. А. «Новые левые» и Герберт Маркузе. М., 1970; Борисов А. И. «Левый» радикализм и рабочее движение развитых капиталистических стран. М., «Знание», 1971; Брычков А. Р. Бунт в альма-матер. М., «Знание», 1971; Брычков А. Р. Молодая Америка. М., «Молодая гвардия», 1971; Бутин В. В., Червяков В. В. Низвергатели истин. М., «Знание», 1971; Воронцов Ю. В. Операция Брейнушинг. М., «Молодая гвардия», 1971; Замошкин Ю. А., Мотрошилова Н. В. «Новые левые» — их мысли и настроения. «Вопросы философии», 1971, № 4; Кейзеров Н. М., Федосеев А. А. Борьба двух идеологий и молодежь. Л., 1970; Кон И. С. Студенчество на Западе как социальная группа. «Вопросы философии», 1971, № 9; Конференция «Актуальные проблемы современного молодежного движения. Критика антимарксистских и антикоммунистических концепций». Тезисы докладов и выступлений. М., МГУ, 1971; Косолапов Р. И., Печенев В. А. Идеиная борьба за молодое поколение. М., «Знание», 1971; Ленин, молодежь, современность. Московская общегородская молодежная научная конференция. Тезисы докладов. М., 1970; Ломейко В. Б. Левее истины. М., «Молодая гвардия», 1970; Митрохин Л. Н. Американские миражи. М., 1965; Молодежь, ее интересы, стремления, идеалы. Сборник под редакцией Когана Л. Н. М., «Молодая гвардия», 1969; Морджинская Е. Д. Ленинизм и современная идеологическая борьба. М., «Мысль», 1970; Мяло К. Г. Социальная динамика майского движения (Франция, 1968). «Вопросы философии», 1969, № 6; Новинская М. И. Молодежь в условиях современного капитализма. «Вопросы философии», 1969, № 3; Решетов П. Н. Неприкаянные...? М., «Молодая гвардия», 1970; Салычева Л. А. Студенческое движение: 1960—1970. «США: экономика, политика, идеология», 1972, № 4; Светлов А. Н. Ложные друзья молодежи. М., «Знание», 1970; Юлина Н. Буржуазные идеологические течения в США. М., 1971; Якушевский И. Т. Ленинизм и «советология». Л., 1970; Янаев Г. И. Классовая борьба и молодежь. М., «Знание», 1971.

ЧАСТЬ I МОЛОДЕЖЬ И ОБЩЕСТВО В БУРЖУАЗНОЙ СОЦИОЛОГИИ

Глава I «Конфликт поколений» и «новое отчуждение»

В основе теории юношеского изоляционизма лежит тезис об антагонизме психологии, ценностных ориентаций и потребностей отцов и детей, получивший относительно законченное оформление в так называемой концепции «конфликта поколений».

Концепция «конфликта поколений» начала формироваться в буржуазной науке как психоаналитическое учение в начале нынешнего века и ее основателем можно считать австрийского психиатра Зигмунда Фрейда. В своих работах «Толкование сновидений», «Тотем и табу», «Я и Оно» он сформулировал тезис об извечной борьбе поколений на сексуальной основе, восходящей к далекому доисторическому прошлому.

В первобытной орде верховная власть принадлежала жестокому и ревнивому отцу, который изгонял сыновей, когда они подрастали и заявляли свои права на женщины. Но однажды сыновья, сговорившись, убили отца и завладели его женами. С тех пор «конфликт поколений» приобрел характер мучительной и неразрешимой психологической дилеммы. Чувство вины и страх за предстоящую возможность самим повторить судьбу отца заставили сыновей установить первые табу, перешедшие затем в нравственные нормы и законы современного общества.

Однако в человеке остались подсознательные стремления к кровосмесительным связям. В качестве скрытой причины «конфликта поколений» Фрейд называет половое влечение мальчиков к матери и связанное с ним агрессивное чувство к отцу, или «комплекс Эдипа», а у девочек — соответствующий комплекс, определенный неофрейдистами как «комплекс Электры». Эти комплексы извечны. Царь Эдип, убивший своего отца Лайя и женившийся на своей матери Иокасте, якобы представляет собой лишь осуществление желаний нашего детства.

«Как в высших, так и в низших слоях человеческого общества, — утверждал Фрейд, — почитание родителей отступает на задний план перед другими интересами. Туманные сведения, дошедшие до нас из мифологии, и сказания о первобытном состоянии человеческого общества дают довольно безрадостное представление о власти отца и о бессердечии, с которым он ею пользовался. Кронос пожирает своих детей, а Зевс оскотливает своего отца и становится на его место. Чем полновластнее отец в древней семье, тем больше оснований у

сына, как признанного его наследника, занимать враждебную позицию, тем сильнее его нетерпение достичь власти через посредство смерти своего отца. Даже в нашей буржуазной семье отец, стесняя самоопределение сына, сам способствует развитию зародыша вражды, скрывающегося в их отношениях. Врач зачастую имеет возможность наблюдать, что скорбь о потере отца не может подавить у сына радости по поводу обретенной, наконец, им свободы. Сохранившуюся в нашей семье *potestas patris familiae* каждый отец судорожно старается сохранить за собой — недаром Ибсен выдвинул на первый план своих исторических драм вековую борьбу отца и сына. Поводы к конфликту между матерью и дочерью возникают, когда дочь подрастает и встречает в матери соперницу своей сексуальной свободы; матери же зрелость дочери напоминает о том, что настало время отказаться от собственной половой жизни»¹.

Антагонизм устремлений поколений на биологической основе получил у Фрейда выражение в виде борьбы присущего организму стремления к жизни — Эроса и также присущего организму стремления к смерти — Танатоса. Старшее поколение, которое объективно больше связано с требованиями Танатоса, пытается, однако, стимулировать в себе стремление к жизни — Эрос. Вместе с тем оно ущемляет стремление к жизни молодого поколения с помощью разного вида табу.

Введение и развитие ограничений и запретов якобы привело к тому, что цельная прежде психика человека раздвоилась на самостоятельные системы: подсознательные стремления к кровосмесительным связям и агрессивные желания по отношению к старшему поколению, что Фрейд называл термином «Оно», и на сознательное — «Я». Однако и в «Я» есть область бессознательного, передаваемого от поколения к поколению, «Идеал — Я», или сформировавшаяся в глубокой зрелости цензура сознания, которая предписывает воздерживаться от агрессивных актов по отношению к старшим. Таким образом, борьба поколений — это борьба «Оно» и «Идеала — Я», экстраполируемая на человеческое общество в целом.

Психоанализ Фрейда в субъективной форме отразил некоторые объективные аспекты взаимоотношений поколений в буржуазном обществе. Так, Фрейд весьма точно описал возникающую в буржуазной семье ситуацию под влиянием частнособственнической психологии. Однако его философские позиции при толковании взаимоотношений поколений в целом отличает субъективизм и волюнтаризм. Вместо того чтобы выводить психологию поколений исходя из условий их бытия, Фрейд делал обратное: из психических особенностей поколений выводил состояние их взаимоотношений.

В своем учении об условных и безусловных рефлексах И. П. Павлов убедительно доказал, что от поколения к поколению передаются лишь инстинкты человека — пищевые, самосохранения, половые, к которым никак нельзя отнести сформулированный Фрей-

¹ Freud S. Die Traumdeutung. «Gesammelte Werke». Bd. II—III. London, S. 263.

дом «эдипов комплекс». Более того, формы проявления инстинктов не остаются неизменными, а корректируются социальной действительностью.

Тем более неправомерно говорить о передаче от поколения к поколению сложного содержания внутреннего мира человека. Безусловно, прав известный советский ученый А. Н. Леонтьев, утверждая, что психика человека является функцией тех высших мозговых структур, которые формируются у него онтогенетически в процессе овладения им исторически сложившимися формами деятельности по отношению к окружающему его человеческому миру. Та сторона развития людей, которая физиологически выражается в воспроизведении, изменении и усложнении этих структур у сменяющих друг друга поколений, и представляет собой процесс исторического развития психики¹.

Фрейдистский психоанализ получил широкое признание у современных теоретиков юношеского изоляционизма в силу двух причин: во-первых, он позволяет объяснить выступления молодежи против социальных основ капиталистической системы исключительно биологическими причинами, преломленными через «эдипов комплекс», и, во-вторых, с помощью психоанализа буржуазные социологи и социальные психологи делают попытку переклочить «нездоровые эмоции» подрастающего поколения в выгодное для них русло.

Однако в новых условиях фрейдистская концепция о взаимоотношении поколений не могла оставаться неизменной, и она действительно претерпела значительные изменения — прежде всего в сторону все большей социологизации.

Подобный процесс довольно отчетливо виден на примере буржуазной американской социологии и социальной психологии молодежи, где концепция «конфликта поколений» в ее нынешнем виде стала оформляться в 50-е годы.

Наиболее близкой к психоанализу Фрейда явилась теория «эдипова мятежа» буржуазного социолога Льюиса Фейера, изложенная им в книге с символическим названием «Конфликт поколений». Причину всех выступлений молодежи против догматов буржуазного общества Фейер усматривает в ее слепой, подсознательной ненависти к старшему поколению. В этих выступлениях он видит неизбежную тенденцию к насилиям и комбинациям цареубийства, отцеубийства и самоубийства. Движущей силой молодежных выступлений якобы являются смутные впечатления раннего детства, включая настойчивое желание смерти отца и вместе с тем сознание своей вины за подобное желание, что может выражаться в возникновении ненависти к самому себе.

Концепция «эдипова мятежа» имела существеннейшие изъяны даже в глазах буржуазных социологов и социальных психологов: ведь она не объясняла, почему именно в наше время стало фактом широчайшее развитие юношеского движения.

¹ См.: Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М., 1965, стр. 396.

Это упущение постарался снять известный американский социолог антикоммунист Збигнев Бжезинский в своей теории «исторического несоответствия». Согласно последней причине недовольства молодежи следует искать в ее подсознательной озабоченности тем, что ее идеалы и она сама отстают от развития общества. Основываясь на принятой в буржуазной социологии концепции «индустриального общества», в котором власть принадлежит технократам, Бжезинский утверждал: молодые люди, верящие в «старомодные духовные ценности» типа гуманизма и романтизма, предчувствуют, что для них не найдется места в «постиндустриальном» мире, под которым понимается развитое капиталистическое общество. Поэтому современное юношеское движение якобы напоминает бунты луддитов, разбивавших машины, чтобы задержать развитие промышленности.

На первый взгляд, в утверждениях Бжезинского можно усмотреть несоответствие с основной посылкой теории юношеского изоляционизма, а именно: с признанием особой роли молодежи. Но это лишь кажущееся несоответствие. Бжезинский выступает не против юношеского движения вообще, а против прогрессивного юношеского движения. Особую роль молодежи он усматривает в формировании духовных ценностей «постиндустриального» мира, что впоследствии найдет выражение в концепции так называемого «молодежного общества».

Но и теория «исторического несоответствия» не смогла сколько-нибудь удовлетворительно объяснить причины подъема молодежного движения. Заменяя «эдипов комплекс» луддистским комплексом «ненависти к технике», Бжезинский не вышел за рамки узкого субъективизма.

Неудача с конструированием моделей взаимоотношений поколений, исходя из какой-либо одной посылки, побудила буржуазных социологов и социальных психологов к созданию «синтетических» концепций. Типичным примером в этом отношении может служить теория «старой и новой революций» профессора психологии Йельского университета Кеннета Кенистона.

Революции происходят не потому, что появляются новые идеалы, считает Кенистон, а потому, что молодое поколение начинает серьезно считать старые идеалы предыдущих поколений основой своей политической деятельности и социальных преобразований. Гуманистическая мечта о человеческом благе и многозначительной, полноценной жизни до сих пор якобы принималась всерьез лишь в узких кругах аристократии и богемы старшего поколения; теперь же она стала реальной целью миллионов молодых людей.

В чем же причина подобной социальной метаморфозы? Кенистон усматривает ее прежде всего в богатстве «постиндустриального общества» и связанных с этим возможностях для особого выделения периода «юности». Годы учебы в колледже или университете освобождают молодых людей от многих навыков и понятий: не критического принятия груза прошлого, предрассудков детства, сдержанности в выражении чувств, тирании «авторитетов». Вместе с

тем Кенистон не отвергает действия в психике подрастающего поколения определенной цензуры. Он лишь оговаривается, что она ослаблена рядом факторов, и прежде всего освобождением молодых людей от обязанности трудиться, а это, мол, позволяет им критиковать общество с безопасной позиции незаинтересованности.

Поэтому в «постиндустриальном обществе» молодежь производится переоценка социальных ценностей, полагает Кенистон. Индустриальные общества заинтересованы больше всего в решении задач производства. «Индустриальная этика», будь то религиозная или коммунистическая, считает благополучие делом будущего и делает главный упор на самодисциплину и самоограничение, на экономические успехи и рост производительности. Ориентация этих обществ на увеличение производительности требует от них высокой организованности. Иное в «постиндустриальном обществе». Здесь все большее и большее число молодых людей, мол, растет в таком окружении, где материальное изобилие и политическая свобода воплощены в жизнь, а не являются далекой целью. Таким молодым людям «индустриальная этика» кажется безнадежно устаревшей и ненужной.

В силу этого, утверждает Кенистон, молодые люди обращаются к новым целям: с одной стороны, они стремятся к тому, чтобы общество действительно производило достаточно и справедливо распределяло произведенное; с другой стороны, пользуясь материальными благами и досугом, они ищут путей новой плодотворной жизни. Вот почему якобы самые скромные требования соблюдения лояльности, дисциплины или подчинения известным правилам легко воспринимаются как моральные оскорбления или как проявление авторитарного произвола, требующие сопротивления.

Сегодня, делает вывод Кенистон, наблюдается сплав двух революций различной исторической природы. Одна — продолжение старой революции «индустриального общества»: либерально-демократическая революция, начавшаяся в Америке и во Франции в конце XVIII века и охватившая затем почти все страны мира. Другая — новая, «постиндустриальная» революция, стремящаяся сформулировать новые цели, соответствующие задачам XX и XXI веков. Этот сплав и определяет нынешний этап «конфликта поколений»¹.

Используя терминологию Кенистона, можно сказать, что его теорию определяет сплав концепций Фейера и Бжезинского — хотя это может показаться парадоксальным, ибо сам Кенистон критикует их концепции за «односторонность». В самом деле, разве критическое отношение молодых людей к духовным ценностям старшего поколения, о чем говорит Кенистон, не напоминает подсознательные негативные эмоции в концепции Фейера? А утверждения об устарелости «индустриальной этики» — разве они принципиально отличаются от тезиса Бжезинского об умирании «старомодных духовных ценностей» в технократический век?

¹ Кенистон К. Чего добиваются студенты. «Америка», 1970, № 159.

Во всех этих теориях прослеживается переосмысленное положение Фрейда о соотношении сознательного и подсознательного в психике человека, сформировавшегося в доисторическом процессе взаимоотношений поколений. С одной стороны, это раздражение молодежи социальными институтами старшего поколения, с другой стороны, это влияние внутреннего цензора в духе фрейдистского «Идеала — Я». Разумеется, социологический камуфляж прикрывает использование основ психоанализа, что, однако, не избавляет новейшие теории о «конflikте поколений» от сильнейшего влияния фрейдизма. Так, Кенистон в конечном итоге отождествляет выразителей своей концепции «двух революций» с потребителями наркотиков и заявляет, что протест молодежи пока питается неосознанным недовольством.

Это недовольство идет от давно минувших эпох. «Борьба поколений — это исторически закономерное явление, — приходят к выводу авторы социологического анализа в уругвайском периодическом издании «Марча». — Поколения отцов и детей во все времена борлись между собой с большей или меньшей силой»¹.

Фрейдистское понимание подсознательных мотивов во взаимоотношениях отцов и детей используется современными буржуазными социологами, социальными психологами и для обоснования глобального характера «конflikта поколений». Как ситуация с убийством отца детьми имела место в каждой первобытной орде с вытекающей отсюда раздвоенной психикой, так и недовольство молодежи против институтов старшего поколения имеет место в каждом современном обществе независимо от его социального устройства. Хотя в итоге трудно понять, пишет социолог Абрахам Сантибаньес, что может иметь общего молодежь социалистических и капиталистических стран, тем не менее «движение молодежи имеет некоторые общие черты — свое классовое сознание, свою нетерпимость и свое отчаянное желание найти новые решения»².

Однако искушение применить принципы психоанализа для объяснения современных процессов в среде молодежи не может быть беспредельным даже для представителей буржуазной науки. Дело в том, что фрейдизм, в том числе и в сильно социологизированном виде, не в состоянии объяснить важнейшие причины подъема молодежного движения.

Уже говорилось о том, что он не дает ответа на вопрос, почему именно в наши дни наблюдается подъем юношеского движения. Поправки Бжезинского на аналогию поведения современной молодежи с действиями студентов или Кенистона на наступление «постиндустриальной» эпохи не вносят в этом отношении какой-либо ясности.

Фрейдистское понимание «конflikта поколений» не вяжется с широким размахом молодежного движения, которое стало важным фактором в различных сферах социальной жизни.

¹ «Marcha», 17. V. 1968.

² «Ercilla», 11. VI. 1968.

И, наконец, какое отношение имеет «эдипов комплекс» к бурной политизации молодежного движения?

Поэтому, поскольку использование психоанализа в моделях «конфликта поколений» не дает ответа на многие вопросы, буржуазные ученые обращаются к попыткам «конкретного социологического анализа» положения молодежи в обществе в послевоенные годы.

* *
*

Эмпирические данные буржуазных социологов прежде всего призваны иллюстрировать широкое распространение «конфликта поколений». Так, по данным американского юношеского журнала «Семнадцать», 84 процента юношей и девушек признают наличие этого конфликта¹.

Однако подобные данные, как справедливо отмечает ряд советских ученых, преувеличивают социально-психологическую однородность возрастных поколений, игнорируют существующие внутри них классово-политические различия и не уточняют существа расхождений².

Что же касается концептуальных основ, то «конкретный социологический анализ» буржуазных специалистов по юношеским проблемам имеет в своей основе попытку рассмотреть в глобальном масштабе развитие «конфликта поколений» от «пассивных» форм к «активным» как вполне закономерный и обоснованный процесс.

Создавая видимость глубокого и всестороннего рассмотрения изоляционистских тенденций «конфликта поколений», большинство буржуазных социологов, однако, умалчивает, что взрыв молодежной «агрессивности» оказался для них в общем неожиданным. В самом деле, в пятидесятые годы они писали о росте аполитичности, распространении снисходительного конформизма, поисках молодежью спокойной и безопасной жизни. Отмечалось, что подавляющее большинство молодых людей отказывалось от участия в решении важных общественных вопросов, довольствовало своей судьбой, стремилось добиться престижа и решить личные проблемы. Даже предсказывалось дальнейшее развитие мелкобуржуазного конформизма, спад индивидуализма и своеобразный альтруизм, основанный на новых методах воспитания детей «средних классов». Более того, считалось, что из демократизированной в послевоенное время семьи должны выходить молодые люди, умеющие работать в коллективе. Хотя некоторые западные социологи отмечали поиск молодежью смысла жизни и возможностей проявить себя, по существу, никто из них, как признает профессор Чикагского института социологии Ричард Флакс, «не предвидел организованного недовольства,

¹ «Seventeen», II. 1971.

² См.: Ко н И. С. Студенческие волнения и теория «конфликта поколений». «США: экономика, политика, идеология», 1971, № 3.

движения протеста, которые возникли в начале шестидесятых годов»¹.

Реакцией буржуазной науки на рост самосознания молодежи явилась широкая культивация особой «социологии оглупления», предназначенной для подрастающего поколения.

«Конкретный социологический анализ» буржуазными учеными развития «конфликта поколений» идет в основном в трех направлениях: обращении к особенностям исторического развития в послевоенное время, к некоторой специфике социальной психологии поколений и, наконец, к рассмотрению перспектив взаимоотношений молодежи и старших в русле антикоммунистической футурологии.

Буржуазная наука стремится объяснить глобальность «конфликта поколений» особенностями исторического развития последних лет, когда конец мировой войны вызвал повсеместно начало «новой эпохи». Однако послевоенное развитие буржуазные социологи связывают не с образованием мировой социалистической системы, ростом влияния и авторитета Советского Союза, обострением классовой борьбы в капиталистических странах и подъемом национально-освободительного движения, а с выходом на мировую арену «тоталитарных идеологий» и образованием новых «структур господства», желающих преодолеть возникший хаос и исправить ошибки прошлого. В связи с этим делается вывод, что послевоенное время превратилось в период реставрации, вобравшей в себя определенные реакционные черты.

Подобное утверждение противоречит всему ходу общественного развития. Известно, что послевоенное время характеризуется не реставрацией, а бурным общественно-политическим развитием, когда марксизм-ленинизм стал властителем дум сотен миллионов людей на земле, когда коммунистическое движение превратилось в самую влиятельную политическую силу современности.

Зачем же понадобились антикоммунистам явные инсинуации? Фальсификация исторического процесса нужна им в данном случае для противопоставления поколений с позиций юношеского изоляционизма. Конечно, говорят буржуазные социологи, молодые люди были готовы справиться с актуальными программами в послевоенную пору, однако предлагавшийся старшими способ претворения этих программ в жизнь напоминал прежние времена. Ибо, когда старшие пытались направить свой взор вперед, их глаза невольно задерживались на опыте прошлого.

Эта тенденция к регрессу объясняется тем, что новые моменты напоминали старшему поколению мыслительные модели XIX столетия,— независимо от того, шла ли речь о капитализме или коммунизме, либерализме или парламентаризме. Даже в том случае, когда эти идеологии приспособлялись к новым условиям, их прежнее содержание оставалось в силе. При этом особый акцент буржуазная социология ставит на том, что прежние идеологические системы, претендовавшие на роль новых моделей, искали ответ на наступ-

¹ «Démocratie nouvelle», 1967, N 3.

ление индустриального века, а между тем индустриальный век наступил, и прежние методы решения проблем не соответствовали создавшемуся положению¹.

В конечном итоге консерватизм старшего поколения, утверждают буржуазные социологи, привел в новых условиях к повсеместному развитию бюрократических систем, которые якобы стремились войти со своих послевоенных позиций в историю 50—70-х годов. И хотя эти системы, мол, добились значительных результатов в экономическом подъеме и растущем благосостоянии, но в настоящее время настолько зачерствели в созданных ими лабиринтах власти, что не могут не стремиться к статус-кво предыдущих поколений. Поэтому недовольство молодых направлено «против лиц, которые с чисто человеческой точки зрения не поднимаются над институтами»².

Как видим, фальсификация ценностной ориентации поколений в послевоенные годы прямо связывается с буржуазной теорией «единого индустриального общества». Несостоятельность этой теории в определении единого направления развития капиталистической и социалистической систем приводит к неправомерному отождествлению устремлений и задач молодежи капиталистических и социалистических стран.

В то же время налицо явное извращение существа развития управленческих систем в процессе научно-технической революции. Социальная суть, последствия научно-технической революции при различных общественных системах носят различный характер, точно так же весьма разнятся и системы управления. Их качественные особенности определяются не спецификой мышления поколения, а характером социального устройства того общества, в котором они применяются.

Неправомерно поставлен вопрос и о дифференцированном отношении поколений к тенденциям общественного развития. Конечно, возрастные особенности определенным образом могут сказываться при восприятии тех или иных явлений, но определяющим в данном случае являются социальные условия.

И, наконец, почему молодежь должна игнорировать опыт прошлого? Обращение к анализу прошлого имеет для нее ничуть не меньшее значение, чем для старшего поколения — при недостаточном социальном опыте молодежи усвоение ею закономерностей исторического процесса является насущной необходимостью при выработке цельного мировоззрения.

Правда, буржуазные социологи противопоставляют отношение поколений к опыту прошлого еще и в аспекте следования консервативным тенденциям. Но кто же стремится сохранить отжившие общественные отношения? Капиталистическая система, ее институты и идеология.

¹ «Deutsche Jugend», VII. 1968.

² «Neue Züricher Zeitung», 12. VII. 1969.

Социально-психологические мотивы при рассмотрении буржуазными учеными «конфликта поколений» строятся на основе попыток формирования у молодежи «извращенного сознания». Единственной реальностью для подрастающего поколения, говорят они, есть ощущение, что амбиция, оставленная ему в наследство от старших, является ложной. И в этих условиях молодежи не остается ничего другого, как открыто высказывать свое разочарование и прийти к болезненному выводу о том, что анахронизм существующего аппарата власти можно нарушить лишь в результате «энергичных ударов».

Активные выступления молодежи против институтов старшего поколения, считает Флакс, возможны при двух ситуациях. Во-первых, когда молодежь оказывается вне рынка труда, потому что ее количество превышает число вакантных мест, соответствующих ее способностям и уровню образования. И, во-вторых, когда она замечает, что условия жизни в своей семье не соответствуют общественной морали.

Что касается первого условия, называемого Флаксом, то с ним следует согласиться с той лишь оговоркой, что безработица — явление капиталистическое. В отношении его второго условия можно заметить, что оно взято вне реальных социальных обстоятельств и потому лишено реального смысла. В самом деле, о какой семье и о каком обществе идет речь? Флакс об этом не говорит, а это весьма существенно, ибо предложенная им ситуация в различных общественных условиях будет развиваться различно.

Тем не менее американский социолог считает правомерным из своих двух условий вывести следующую «закономерность»: молодежь чувствует свой долг сформировать новые духовные ценности в противовес старшим. При этом он объявляет неизбежным совпадение подъема молодежного движения с распадом традиционной власти и отмирание таких духовных ценностей, как хорошее воспитание, оптимизм, рационализм и наивный национализм, которые, мол, все меньше и меньше оказываются приспособленными «к условиям развития промышленности и усиления классовых конфликтов»¹.

В данном случае утверждение Флакса можно было бы понять как ту известную аксиому, что империализм выступает как враг высших духовных ценностей человечества, в том числе и молодежи. И здесь следовало бы ждать конкретного социологического анализа. Но абстрактный подход к проблеме кризиса духовных ценностей лишает построения Флакса какой-либо научности.

«Конфликт поколений» буржуазная социология связывает также с разрушением традиционных социальных групп, уменьшением силы традиций и осознанием изоляционистски настроенной и обрванной молодежью несостоятельности советов старших.

Футурологические аспекты в «конфликте поколений» связываются как с изоляционистскими устремлениями молодежи, так и с от-

¹ «*Démocratie nouvelle*», 1967, N 3.

вержением ею современного мира. Подрастающее поколение, заявляя буржуазные социологи, больше не интересуется 1945 годом и тем, что достигнуто в настоящее время по сравнению с уровнем этого года. Оно интересуется 2000-м годом и тем, как способствовать наступлению новой эры.

Используя данные буржуазной футурологии, социологи молодежных проблем указывают на то, что именно к указанному моменту должен быть решен целый ряд вопросов, непосредственно связанных с жизнью молодежи. Причем наиболее сложным объявляется вопрос о ее жизни в обществе «официального бюрократизма», ибо, как утверждают буржуазные социологи, становится все более очевидным, что политические концепции XIX столетия больше не соответствуют массовой демократии современности, а тем более будущего.

Но какие политические концепции — об этом буржуазные социологи не говорят, так как им важно создать видимость глобальности общественной ситуации для обоснования глобальности юношеского изоляционизма. В то же время они пытаются дискредитировать в глазах молодого поколения самую научную, жизненную и популярную идеологию нашего времени — марксизм-ленинизм и направить подрастающее поколение на поиски каких-то особых духовных ценностей.

С этой целью тенденциозно противопоставляются, с одной стороны, самоопределение молодого человека и, с другой стороны, постоянное столкновение с необходимостью «приспособления к жизни». Но и тут снова не уточняется характер политических концепций. Более того, самоопределение личности, возможное лишь в условиях социализма, ставится в один ряд с необходимостью ее унификации, что отличает капиталистическое общество.

Может показаться, на первый взгляд, странным, что буржуазные социологи говорят о несовершенстве общественного устройства, не рекламируя «разумность» и «гармоничность» капиталистических канонов. Но это лишь тактический ход. Зыбкость господствующих систем и бессилие отдельного индивидуума объявляются буржуазными социологами причинами беспокойства молодого поколения. Отсюда, в свою очередь, делается в духе экзистенциализма вывод о том, что сегодняшняя молодежь предчувствует катастрофу, но не в состоянии определить средства по ее предотвращению. А раз так, то «юношеский бунт зачастую ставит утопические цели, ибо утопия — привилегия молодежи»¹.

Что может быть безобиднее для буржуазии, чем этот бунт без цели и адреса, бунт, направленный в никуда?

Надо также учесть, что «ответственность» за нецеленаправленность и бессодержательность юношеского бунта буржуазные идеологи также возлагают на старшее поколение. Прошло то время, пишет датский социал-демократический журнал «Верденс ганг», когда каждое очередное поколение могло указывать путь для последую-

¹ «Deutsche Jugend», VII. 1968.

щего, ибо последнее с большой правдоподобностью знало, что его существование будет формироваться по канонам предыдущего поколения. И это якобы потому, что сегодня старшее поколение знает очень мало о будущем и тем самым вынуждено констатировать: те нормы поведения и моральные предписания, которые были связаны с более спокойным обществом, становятся слишком узкими для нынешней действительности. Именно поэтому, считает редакция журнала, за последние годы наблюдаются более сильные напряженные отношения между двумя поколениями, чем когда-либо раньше.

В данном случае весьма вульгарно интерпретируется ускорение темпов общественного развития. Действительно, социальные коллизии могут сменяться в наше время довольно быстро. Но разве в связи с этим мы меньше знаем о будущем, чем, скажем, знали люди 100 или 200 лет тому назад? Наоборот. Марксистско-ленинская теория позволяет на научных основах совершенно реально прогнозировать будущее и определять конкретные задачи молодежи для его достижения.

Привнося в отношении поколений к будущему мотивы агностицизма, журнал весьма рельефно выражает типичный испуг мелкого буржуа перед будущим и пытается отгородиться от него теориями, основанными не на экономических реальностях, а на весьма иллюзорных категориях «степени интеллекта». Воспитанное на устаревших нормах старшее поколение якобы находится в беззащитном положении и подвергается многим новым воздействиям. Молодежь подвергается тому же самому воздействию, но воспринимает новое более близко, потому что она знает о таких вещах, о которых старшие не могли иметь представления. Молодежь, мол, лучше понимает взаимосвязь вещей и поэтому не хочет с закрытыми глазами одобрять прошлые представления. А это, делается вывод, «рано или поздно заставит старших определить свое отношение к требованиям нового поколения»¹.

Однако уровень мировоззрения человека определяется не принадлежностью к тому или иному поколению, а социально-экономическими и политическими условиями, в которых живет поколение. Поэтому советская молодежь имеет единое со старшими мировоззрение. Поэтому же рабочая молодежь капиталистических стран занимает в классовой борьбе позиции трудящихся старшего поколения. И наоборот, молодые люди стоят на различных идейных позициях в зависимости от принадлежности к тому или иному классу.

Только стремлением буржуазных идеологов отвлечь молодежь от жгучих проблем современности можно объяснить их тезис о том, что подрастающее поколение больше не интересуется настоящим. Значительная социальная роль молодежи, ее активное участие в общественной жизни, резкая политизация юношеского движения — все это говорит о самой непосредственной заинтересованности молодежи в решении современных проблем общественного развития и стремлении внести свой ощутимый вклад в этот процесс.

¹ «Verdens gang», VI. 1968.

Рассмотрение направлений попыток буржуазных ученых дать социологический анализ взаимоотношений поколений позволяет сделать вывод о необъективном и предвзятом характере выводов антикоммунистических социологов. Неправомерность этих выводов связана прежде всего с фальсификацией процесса общественного развития. Она вытекает из стремления буржуазной социологии рассматривать мировоззрение молодежи в отрыве от формирующих это мировоззрение социальных факторов. Она предопределяется умышленным гипертрофированием возрастных особенностей подрастающего поколения.

Характерно, что буржуазные социологи при всем их пристрастии к эмпиризму не могут представить в данном случае результатов широких и репрезентативных социологических исследований для обоснования своих выводов и остаются в сфере бездоказательного схематизма. Их выводы опровергаются социальной практикой, противоречащей надуманному тезису о закономерности развития «конфликта поколений» в послевоенное время.

* *
*

При рассмотрении взаимоотношений поколений буржуазная идеология широко использует категорию так называемого «нового отчуждения», под которым понимается разрыв молодежи с ценностями и образом жизни старшего поколения.

Толкование категории «нового отчуждения» не всегда тождественно в буржуазной идеологии.

Некоторые буржуазные социологи определяют молодежь как «чужой народ» в силу разницы во взглядах и манерах поведения между старым и новым поколениями.

Западногерманский социолог Г. Шельски всю современную молодежь безотносительно к ее классовой принадлежности и политической ориентации рассматривает как «потерянное поколение, полностью отрицающее мир взрослых»¹.

Кенистон считает, что для молодежи сегодня характерны отчужденность, неприязнь, отрешенность, свобода от обязательств, безучастность, апатия, безразличие, «некоммуникабельность», нейтралитет — и все эти термины указывают на чувство потерянности, на расширяющуюся пропасть между молодыми людьми и их социальной средой. Тенденцией нашего времени объявляется отход от связи, отношений, общения, диалога, а беспокойство молодежи якобы отражает эту тенденцию. Кенистон даже полагает, что «отчуждение, когда-то рассматриваемое как состояние, навязанное людям несправедливой экономической системой, теперь все чаще выбира-

¹ Sh e l s k y H. Die skeptische..., 2 Aufl.

ется самими людьми в качестве их основной позиции по отношению к обществу»¹.

Наконец, некоторые буржуазные социологи ставят акцент на том, что именно «старшее поколение должно рассматриваться отчужденным по отношению к молодежи»².

Однако, несмотря на некоторую разницу в трактовке категории «нового отчуждения», основные позиции буржуазных идеологов совпадают. Ставший модным термин отчуждение применяется при характеристике психических и социальных расстройств, состояния длительного беспокойства, моральной дезориентации, отчаяния, деперсонализации, беспомощности, социальной дезориентации, одиночества, атомизации, беспомощности, изоляции, пессимизма, потере убеждений и социальных ценностей. Хотя в соответствии с таким широким толкованием понятия отчуждения его носителями оказываются самые различные люди (женщины, промышленные рабочие, чиновники, сезонные рабочие, артисты, умственно неполноценные люди, наркоманы и т. д.), в последнее время в буржуазной социологии все больше говорится об отчуждении молодежи, стоящей в растерянности на пороге мира взрослых.

Отчуждение молодого индустриального рабочего от труда, по утверждению буржуазных социологов, охватывает сравнительно небольшую часть процесса отчуждения — в любом случае эта категория рабочих представляется для них быстро тающей частью населения. «Новое отчуждение», по их мнению, пожалуй, является более худшим видом отчуждения и, по крайней мере, отлично от старого: оно затрагивает не только тех, кто находится на социальном дне, но и тех, кто находится в социальных верхах. Это отчуждение якобы не только навязано обществом, но и во все большей степени выбирается молодыми людьми в качестве основной реакции на давление общества. А сам факт «нового» в сегодняшнем отчуждении, говорят буржуазные социологи, показывает, «насколько далеко ушло наше общество от раннего капитализма, который вдохновлял критическое воображение Маркса»³.

Таким образом, «новое» в процессе отчуждения служит буржуазным социологам не только для фальсификации существа взаимоотношений поколений, но и для обоснования якобы изменившегося характера капитализма. Однако, что бы они ни говорили, остается частная собственность как «продукт, результат, необходимое следствие *отчужденного труда*, внешнего отношения рабочего к природе и к самому себе»⁴; презрение к человеку по-прежнему является «действительной, сознательной точкой зрения денежного человека, его добродетелью»⁵. Остается неизменным в своей основе и характер отчуждения, раскрытого К. Марксом.

¹ Keniston K. The Uncommitted..., p. 3.

² «Primera Plana», 2. VI. 1969.

³ Keniston K. The Uncommitted..., p. 5.

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 569.

⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. I, стр. 411.

Определение «нового» типа отчуждения потребовалось буржуазным социологам для доказательства того, что сегодняшнее отчуждение не уходит своими корнями в нищету, отверженность, болезни, подавленность, отсутствие выбора и возможностей у молодежи при капитализме. Наоборот, «новое отчуждение» якобы поражает молодежь в то время, когда, по стандартным выражениям старшего поколения, она имеет все возможности, чтобы жить.

Именно в этом ракурсе — как следствие распушенности пресытившихся юнцов — буржуазная идеология стремится изображать «молодежные беспорядки» в США и Западной Европе, хотя известно, что подрастающее поколение протестует совсем не вследствие становления мнимого «общества избобилия». При этом следует подчеркнуть, что молодежь капиталистических стран выступает не только против загнившей буржуазной морали, бюрократизма и т. д., но прежде всего против несправедливой социально-экономической системы.

Буржуазная социология пытается найти причины отчуждения молодежи независимо от классовой принадлежности и наличия определенных общественно-экономических и политических условий. Такими причинами объявляются негативные плоды цивилизации, к которым относятся перенаселение земного шара, подчинение человека интересам развития техники, распространение бюрократических методов управления. Именно это якобы побуждает юное поколение из-за его неосведомленности к мятежу и, как пишет западно-германский журнал «Шпигель» в статье «Потерянные сыновья», этот «протест молодежи против анонимной власти технического бюрократического мира в конце концов опирается на Маркса»¹.

Ссылка на Маркса понадобилась в данном случае для того, чтобы представить процесс отчуждения как следствие весьма неконкретного «индустриального общества», хотя Маркс совершенно определенно связывал отчуждение с конкретной общественно-экономической формацией — капитализмом. «Капитал, — писал Маркс, — все более оказывается... отчужденной, обособленной общественной силой, которая противостоит обществу как вещь и как сила капиталиста через посредство этой вещи»².

Отчуждение молодежи ставится буржуазными социологами в зависимость от двух тенденций. Первая из них связывается с растущим рационализмом в жизни молодежи и процессе ее обучения, а вторая — с уменьшением возможностей занимать посты, которые бы не были связаны с бюрократической сферой.

Эти тенденции якобы в определенный момент сталкиваются со спецификой развития современных семейных отношений, которые характеризуются стремлением к демократичности и равноправию в отношениях между людьми, большой терпимостью, желанием приобщиться к духовным ценностям, менее всего связанным с материальным успехом.

¹ «Der Spiegel», 29. IV. 1968.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. I, стр. 290.

Молодые люди, воспитанные в такого типа семейной среде, утверждают буржуазные социологи и психологи, с большим трудом приспособляются к общественным институтам, требующим подчинения власти взрослых, уважения различий в установленных статусах, высокого рационализма, духа соперничества. Они особенно чувствительны к актам произвола, к некритической формулировке лояльности по отношению к общепринятым духовным ценностям, к практической деятельности институтов, идущей вразрез с проповедуемыми идеалами. Дополнительный источник раздражения молодежи появляется якобы тогда, когда она обнаруживает коренное противоречие между духовными ценностями, которые ей внушаются в семье, и жизнью, с которой она сталкивается ежедневно.

Буржуазные социологи делают вывод, что сейчас общество имеет дело с первым молодым поколением, которое испытывает желание освободиться от традиционного стремления к материальному успеху и имеет средства это сделать. Поэтому организованный протест молодежи может превратиться в характерную черту «индустриального общества». Однако подобное «новое отчуждение» надо скорее приветствовать, нежели сожалеть о нем, ибо оно обещает принять форму не социально-экономического протеста, а бунта без цели, отрицания без всякой положительной программы.

Совершенно не случайно буржуазные социологи подчеркивают стремление молодежи «освободиться от материального успеха». Применительно к капиталистическому миру это надо понимать так, что все молодые люди там пресытились материальными благами. Но это совершенно не соответствует действительности. Используя выступления молодежи против буржуазных общественных устоев, которые в итоге пытаются свести человеческую жизнь к голому чистогану, антикоммунистические идеологи передергивают факты. На самом деле трудящаяся молодежь и демократическая часть студенчества капиталистических стран не пресытились материальными благами, а отвергают строй жизни, основанный на эксплуатации и несправедливой системе распределения материальных благ.

Неудачи буржуазных социологов подвести термин «новое отчуждение» под основы развития юношеского движения и взаимоотношения поколений привели к попыткам рассмотреть его дифференцированно в отношении различных групп молодежи. Подобная дифференциация вызывалась также потребностями прикладного антикоммунизма, пропаганды юношеского изоляционизма среди различных категорий подрастающего поколения.

Можно выделить два типа «нового отчуждения» в трактовке буржуазной идеологии: с одной стороны, воинственность молодежи, полная ненависти и нетерпимости, часто готовая перерасти в насилие; с другой стороны, пассивность, стремление оградить себя от внешних событий, уйти от реальной действительности. Такой точки зрения придерживается, в частности, известный американский идеолог Джордж Кеннан¹.

¹ «New York Times Magazine», 21. I. 1968.

Хотя эти типы теоретически не связываются с определенным социально-экономическим и политическим строем, однако на практике они обычно используются при характеристике молодежного движения социалистических и капиталистических стран. С развитием молодежного движения и его отчуждения от общества в социалистических странах связываются насильственные тенденции, а в капиталистических странах — ненасильственные.

Представителями ненасильственных тенденций считаются хиппи, которые, по выражению профессора Калифорнийского университета Энтони Гидденса, являются типичными американцами. Он полагает, что само появление хиппи есть продукт психологического страха, неуверенности и беспокойства, т. е. отчуждения в понимании буржуазной социологии. Другой американский социолог профессор университета в Южной Калифорнии Джон Милнер полагает, что хиппи выражают общую реакцию на существование институтов, которые не могут быть ликвидированы в результате юношеского броска, как это было сделано предшествующим поколением. В частности, Милнер говорит о разочаровании молодежи тем фактом, что их родители тяжело работают, чтобы заработать деньги, и в конце концов никогда не бывают счастливы. Молодые люди видят, что богатство и материальные выгоды не приносят их родителям спокойствия и не решают проблемы неуверенности в жизни, и это-де является причиной нежелания молодежи повторять самообман старших. Он предсказывает, что движение хиппи получит широкое распространение и принесет хорошие плоды.

Действительность в самих Соединенных Штатах полностью опровергла прогнозы Гидденса и Милнера. Увлечение идеалами хиппи, по существу, сходит на нет, а тон в движении американской молодежи задают боевые выступления против войны во Вьетнаме, против социальной несправедливости в США, переходящие нередко в рукопашные бои с полицией и войсками. Совершенно несостоятельными оказались и предсказания буржуазных социологов о распространении движения, подобного хиппи, в социалистических странах.

Социальная сущность движения хиппи будет рассмотрена позднее, сейчас же следует отметить неправомочность его определения как ненасильственной тенденции в «новом отчуждении». Протест хиппи направлен не против отцов, а против устоев капиталистического общества, которые в сознании части молодежи могут произвольно идентифицироваться с институтами старшего поколения. Но эту идентификацию должна видеть социология и, естественно, ее объяснять.

Надо также иметь в виду, что движение хиппи явилось реакцией не на материальное пресыщение, а на подчинение духовных запросов интересам бизнеса.

Наконец, нельзя олицетворять хиппи с массовым движением американской и западноевропейской молодежи, имея в виду, что все большая часть подрастающего поколения приобщается к активной классовой борьбе вместе со старшим поколением.

Этот процесс не могут не замечать даже буржуазные социологи, что находит отражение в их попытках определить буржуазный вариант насильственных тенденций в «новом отчуждении». Однако это не отчуждение от буржуазного общества.

Носителями отчуждения, проявляющегося в виде активного протеста, говорит английский социолог Антони Смит, являются не промышленные рабочие, которые якобы забыли о том, что борьба возможна, а молодые люди. Их отчуждение связывается с новым процессом обучения. Молодежь, особенно студенты, в отличие от старшего поколения, смотрит на учебные заведения скорее как на особое средство производства, чем на специальный тип учреждений. Внутри вузов для молодежи, как внутри общества в целом, проблема заключается в отчужденности от учреждений, которые осуществляют контроль. Причем, поскольку университеты и колледжи — это место, где рождаются мэнеджеры, в учебных заведениях более глубоко раскрываются конфликты и противоречия «индустриального общества»¹.

Но разве отчужденность от общественных институтов выступает в возрастных категориях? Нет, она выступает в категориях социальных. Студенчество капиталистических стран протестует не против систем контроля вообще, а против регламентации буржуазных институтов. Развитие кругозора в процессе обучения, понимание несоответствия проповедуемых официальных идеалов действительности углубляют этот протест.

Термин отчуждение «стал едва ли не самым модным словом даже в кругах, мало симпатизирующих марксистскому мышлению», — признает автор книги «Отчуждение современного человека» Ф. Паппенгейм². «Понятия, подобные термину отчуждение, становятся широко распространенными», — констатирует Кенистон³.

Однако буржуазная социология выхолащивает то конкретное социально-экономическое содержание, которое вкладывал в понятие отчуждения К. Маркс, считавший, что «материальная, непосредственно чувственная частная собственность является материальным, чувственным выражением *отчужденной человеческой жизни*»⁴.

Буржуазные социологи хотели бы подменить материальные основы отчуждения надуманными возрастными и таким образом лишить категорию отчуждения конкретного классового смысла. Но объективные тенденции в развитии современного юношеского движения приходят в явное противоречие с подобной интерпретацией причин и характера отчуждения.

В самом деле, в капиталистических странах сегодня приобрело широкий размах отвержение молодежью духовных ценностей буржуазного общества — и не на возрастной, а на классовой основе.

¹ «The Listener», 20. VI. 1968.

² Pappenheim F. The Alienation of Modern Man. New York, 1959, p. 14.

³ Keniston K. The Uncommitted..., p. 4.

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 588—589.

В выступлениях молодежи отчетливо прослеживается стремление разрушить тем или иным способом институты капиталистического общества.

Подрастающее поколение во все более широких масштабах не приемлет практическую деятельность буржуазных правительств.

Все это говорит о том, что отчуждение молодежи можно рассматривать только на классовой основе и только как отчуждение подрастающего поколения от капиталистического общества.

* *
*

Пытаясь распространить «конфликт поколений» на советское общество, буржуазные социологи искусственно переносят на него сконструированные ими глобальные причины отчуждения молодежи. Вопросы взаимоотношений поколений, утверждают они, волнуют советских юношей и девушек столь же глубоко, как и их сверстников во всем мире.

Однако в характере этих взаимоотношений называются существенные различия по сравнению с тем же явлением на Западе, которые связываются со специфическими насильственными тенденциями в развитии «конфликта поколений».

Неправомерность подобной постановки вопроса становится особенно очевидной при анализе тех «факторов», которые называются буржуазными социологами в качестве причины насильственных тенденций «конфликта поколений».

Основную причину буржуазные ученые, работающие в области социологии молодежи, видят в том, что взаимоотношения поколений в советских условиях развиваются при обстоятельствах, когда страна еще не вступила в «стадию массового потребления товаров длительного пользования», в отличие от основных капиталистических государств. Используя теорию У. Ростоу о «стадиях экономического роста», они утверждают, что неразвитость экономики приводит и к неразвитым формам взаимоотношений поколений.

Прежде всего, буржуазные социологи пытаются противопоставить поколения на почве удовлетворения материальных потребностей. Стабильный низкий уровень обеспечения материальными благами, говорят они, приводит и к стабилизации их распределения, при этом подавляющее большинство материальных благ якобы оказывается в руках старшего поколения. Хотя уровень жизни в Советском Союзе и повышается, утверждает Кассоф, молодые люди не могут удовлетворять свои потребности в той мере, как это принято на Западе, хотя их отцы, поднявшиеся по служебной лестнице, уже имеют приличный или даже высокий жизненный уровень.

Утверждения Кассофа, выступающего с позиций вульгарного юношеского изоляционизма, находятся в полном противоречии с объективным процессом социального становления подрастающего поколения. Советское общество создает для этого становления все

необходимые условия. В Советском Союзе молодежь имеет все реальные возможности для получения образования, повышения квалификации. За одну и ту же работу полагается одна и та же заработная плата — независимо от возраста того, кто ее выполнял. Более того, молодежи предоставляется целый ряд льгот: сокращенный рабочий день, дополнительные оплачиваемые отпуска при заочной учебе и т. д.

Вместе с тем в соответствии с принципами социализма удовлетворение материальных потребностей прямо связано с затраченным трудом. Принося с годами все большую пользу обществу, совершенствуя свою квалификацию, человек получает и все больше прав для удовлетворения своих материальных потребностей.

Однако, несмотря на наличие в советском обществе всех необходимых условий для разумного удовлетворения материальных потребностей молодежи, буржуазные идеологи предрекают обострение социально-экономического конфликта. Это мотивируется, с одной стороны, ростом образования молодежи и, с другой стороны, нежеланием людей зрелого возраста уступать свои служебные места и привилегии. Буржуазные идеологи заявляют, что в этой борьбе старшие, безусловно, оттеснят своих «юных конкурентов». Буржуазная пропаганда даже предрекает, что в ближайшие годы советская промышленность не сможет обеспечить работой молодых людей и связывает это с сильной рождаемостью послевоенных лет, введением экономической реформы и автоматизацией производственного процесса.

Антикоммунистам хотелось бы уверить молодежь в том, что «более низкие» экономические стимулы для подрастающего поколения носят не преходящий характер, что они не исчезнут даже в связи с переходом молодежи в старшую возрастную категорию. Дело в том, утверждают буржуазные идеологи, что неравенство в материальном стимулировании создает неравенство в общественном положении, а это делает неравенство наследственным.

Однако буржуазные идеологи полностью искажают сущность передаваемых по наследству ценностей. На самом деле именно старшее поколение выступило активным создателем тех многочисленных материальных благ, которыми сегодня пользуется молодежь. При этом следует иметь в виду, что сам рост потребностей юношей и девушек обусловлен в конечном итоге трудом их отцов. Показательные данные в этом отношении дали, например, два социологических исследования на Урале — в тридцатые годы и в наше время, проведенные автором. Если в тридцатые годы молодые рабочие называли в числе своих потребностей приобретение патефона, велосипеда, радио и получение места в общежитии, то через 30 лет там же потребностями были приобретение транзистора, мотоцикла, мотороллера, телевизора и получение отдельной благоустроенной квартиры¹.

¹ Тезисы докладов Всесоюзной научно-теоретической конференции «Молодежь и социализм», секция I. М., «Молодая гвардия», 1967, стр. 51.

Многочисленные факты разоблачают измышления антикоммунистических идеологов и о мнимом неравноправии поколений в отношении занятия тех или иных должностей. Так, по результатам тех же исследований, на Урале люди в возрасте 20—39 лет составляют в среднем более половины, а в ряде случаев — около двух третей руководящих кадров.

Противопоставление поколений на почве удовлетворения потребностей буржуазные социологи пытаются дополнить извращенным толкованием материалистической философии на уровне обыденного сознания. В Советском Союзе, заявляя они, связь родителей и детей строится на принципах материальной целесообразности, что якобы определяется господством материалистической философии. Если советские дети хорошо относятся к родителям, а родители к детям, то это объясняется глубоко укоренившимся в советском обществе представлением о том, что от детей следует ждать определенной отдачи по мере строительства лучшей социальной системы. А поэтому, делает вывод известный американский философ Т. Парсонс в статье «Советские молодые люди. Что они собой представляют», свойственные советским отцам и детям черты чувствительности и ответственности в их взаимоотношениях имеют материальную основу¹.

Более того, некоторые концепции вульгарного материализма, якобы воспринимаемые молодежью, буржуазные социологи связывают со стремлением ее к западному образу жизни. В качестве аргумента для доказательства этого мифического процесса они ссылаются на распространение западной музыки и одежды, укороченных или удлиненных юбок и легкого грима, что якобы существенно обострило отношения между поколениями.

Тенденциозное подчеркивание материальных устремлений молодежи имеет не последней целью столкнуть поколения не только на потребительской почве, но и на основе отношения к материалистической философии.

Совершенно неправомерно отождествляя принципы материалистической философии с потребительской психологией, буржуазные социологи умышленно производят подмену различных понятий. Марксистско-ленинская философия действительно признает первичной материю, но она никогда не считала и не считает, что отношения между людьми строятся лишь на основе материальной выгоды. Говорить так о советском обществе — значит механически переносить на него те нормы взаимоотношений поколений, которые культивирует капитал. Именно в капиталистическом обществе, в буржуазной семье утверждается система взаимоотношений индивидов, когда личная выгода становится определяющим мотивом их поведения. И наоборот, социализм утверждает взаимоотношение поколений, основанное на единстве мировоззрения, духовной близости.

Одновременно буржуазные социологи делают другое, также абсолютно неправомерное отождествление, сводя все потребности и

¹ «New World Review», VIII—IX. 1967.

интересы к сугубо личным, к длине юбок и оттенкам помады. Они не принимают во внимание, что потребности и интересы могут носить ярко выраженный общественный характер, что является определяющим для социалистической системы. Воспринимая ее ценности, молодежь ощущает себя продолжателем дела старших на основе глубоко осознанных общественных интересов. Это дает ей понимание социальной важности ее деятельности, внушает оптимизм и уверенность.

Помимо материальных факторов в развитии «конфликта поколений» буржуазные социологи называют также факторы политические, подразделяя их на традиционные и новые.

К традиционным факторам они относят вековую борьбу революционных сил России с царским самодержавием. Не видя классовых причин этой борьбы, буржуазные социологи сводят ее к постоянному антагонизму поколений, что якобы стало особенностью национального самосознания. В то же время, пытаясь подменить революционные традиции контрреволюционными, противопоставить советский и национальный патриотизм, они отождествляют национальные традиции только с дореволюционным прошлым. Рост интереса молодежи к дореволюционным культурным ценностям, по их мнению, означает неосознанное стремление вернуться к традиционным формам борьбы поколений в России на новом витке исторической спирали и одновременно поиск путей освобождения от нынешних духовных ценностей.

На самом деле интерес молодежи к прошлому связан с осмыслением процесса формирования прогрессивных идеалов. Революционные традиции народа, помогающие формировать гражданское самосознание молодого поколения, уходят своими корнями в глубину истории. Они неразрывно связаны с многовековой борьбой за лучшее будущее, с классовым опытом. В тяжелые для Родины дни Коммунистическая партия не случайно обратилась к образам наших великих предков, чтобы показать величие и несокрушимость духа народа во все периоды его истории. И сейчас в воспитательной работе с молодежью большое значение имеет обращение к духовным и культурным ценностям страны, к ее революционным, демократическим традициям. Уроки отечественной истории являются важным фактором формирования патриотического самосознания молодежи.

Новые политические факторы в развитии «конфликта поколений» буржуазные социологи пытаются связать с социальными преобразованиями в процессе социалистического строительства. Как утверждает норвежский социолог Я. Юхансен, чем сильнее социальные преобразования в стране, тем более отчетливо выражен «конфликт поколений»¹.

Однако ни Юхансен, ни его коллеги совершенно не говорят о сущности этих социальных преобразований. Между тем нельзя не учитывать, что социальные изменения в Советском Союзе и других

¹ «Arbeiderbladet», 26. VIII. 1968.

социалистических странах проводятся в интересах всех поколений трудящихся, что не разъединяет, а сплачивает поколения. Особенно надо отметить, что осознание молодежью определяющей роли старшего поколения в благоприятных для нее социальных преобразованиях вызывает закономерное чувство благодарности отцам.

Испытывая трудности в обосновании политического характера «конфликта поколений», буржуазные социологи говорят об опосредованном влиянии политических факторов на взаимоотношения отцов и детей. По мнению ряда буржуазных ученых, политическая переориентация молодежи приводит к тому, что обесценивается само понятие наследования самых различных ценностей, образуется некоторая прерывность в отношениях поколений. Как утверждает известный американский публицист и социолог Л. Липсон, особый подвариант «конфликта поколений» в советских условиях якобы определяется разным отношением отцов и детей к результатам социалистического строительства, что ставит определенный предел для их взаимопонимания в моральной плоскости. Если бы мятеж юности был только политической оппозицией, заявляет он, к ней можно было бы применить некоторые сдерживаемые методы. «Но как будут стареющие воины бороться против мятежной апатии своего собственного потомства? Что, если потомки просто игнорируют победы, купленные такой ценой?»¹.

Подобная бездоказательность и безапелляционность характерны не только для высказываний Липсона. Буржуазные ученые стараются говорить о политических аспектах «конфликта поколений» как о нечто само собой разумеющемся, не подлежащем дискуссии и потому не требующем доказательств. По существу, буржуазная наука использует в данном случае стереотипы антикоммунистической пропаганды. «Исследование» Липсона, помещенное в известном «научном» антикоммунистическом издании «Проблемы коммунизма», по своей аргументации ничем не отличается от передач махровой антисоветской радиостанции «Свобода», рекомендующей советским людям «прямо и откровенно признать наличие кризиса молодежи».

Характерный прием, с помощью которого буржуазные идеологи пытаются утвердить «объективный» характер «конфликта поколений», состоит в том, что они стремятся внешне приглушить его антисоветскую направленность. «Конфликт поколений» якобы не носит теперь в трактовке буржуазной социологии политической антисоветской направленности и потому, мол, советской идеологии нет необходимости доказывать отсутствие «конфликта поколений» в социалистическом обществе.

Практически подобная тактика предполагает внешне уважительное отношение к старшему поколению и даже его «реабилитацию». Консерватизм психологии старшего поколения, стали говорить антикоммунистические идеологи, — это результат консерватизма общественной жизни минувших лет, а динамика психологии

¹ «Problems of Communism», V—VI. 1963.

молодежи — результат изменений в советской действительности. Значит виновато не столько старшее поколение, сколько прошлое, которое сделало его таковым.

Но какое прошлое? Хотя буржуазные социологи порой об этом прямо не говорят и даже тенденциозно подчеркивают влияние на молодое поколение «демократических изменений» в последние годы, ясно, что речь идет о прошлом и настоящем советского общества. Таким образом, буржуазные идеологи пытаются противопоставить не только поколения, но также прошлое и настоящее советского общества. Понятно, что подобная тактика имеет ярко выраженную антисоветскую направленность.

Скрыть антисоветскую направленность теории «конфликта поколений» буржуазные идеологи стремятся даже с помощью привлечения понятных для советской молодежи категорий материалистической диалектики, которые, однако, в корне искажаются. Так, в частности, извращается понятие свободы и необходимости на материале внутрисемейных отношений.

Надо различать, внушают буржуазные идеологи, субъективную и объективную сторону в поведении родителей. Субъективно — они против либерализма детей, потому что опасаются за их судьбу, объективно — они с ними. «Специалисты» по советской молодежи демагогически утверждают, что долгое время прием детей в пионеры и даже в комсомол был для родителей как источником печали, так и радости. Спекулируя на проблеме раздвоения личности, Кассоф говорит, что «открытое выражение чувств родителями могло бы вызывать неприятное, даже опасное положение в семье, когда, с одной стороны, дети подвергались семейным приказам, а, с другой — сильному внешнему нажиму. Многие родители научились скрывать свои чувства, чтобы не подвергать репрессиям детей... Сегодняшнее поколение родителей — продукт советской системы»¹.

Кассоф совершенно не понимает категории свободы как осознанной необходимости. Для него свобода — это открытое проявление антисоветских настроений бывшими эксплуататорскими элементами, а необходимость — это их вынужденное признание советской власти. Такое вульгарное толкование не имеет ничего общего с объективным характером категории свободы и необходимости. Уж если говорить о действии этой категории в условиях социализма, то надо прежде всего иметь в виду осознание личностью законов общественного развития и свободы деятельности в пределах этих законов и в интересах развития общества.

Однако буржуазных социологов менее всего волнует научная сторона вопроса, для них важно прикладное значение поднятой проблемы. Поэтому они отвергают научный анализ социальных процессов и обращаются к иррационализму, эмоциям, рассматривая «конфликт поколений» в плане псевдогуманизма. Молодежь, по их мнению, должна быть доброй и снисходительной к отцам. При этом молодежь умышленно и тенденциозно ставится над старшими, ей

¹ K a s s o f A. The Soviet..., p. 128.

внушается превосходство и даже предоставляется право «прощать» старшее поколение.

За что «прощать»? За свержение прогнившего буржуазно-помещичьего строя? За создание тяжелой индустрии? За победу в Великой Отечественной войне? За превращение нашей Родины в великую социалистическую державу? Естественно, обо всем этом буржуазные идеологи не говорят. Они лишь смакуют трудности социалистического строительства, отдельные ошибки и недостатки, преодолев которые старшее поколение создало все условия для всестороннего развития действительно здорового — духовно и физически — молодого поколения.

Разрешение «конфликта поколений» буржуазные идеологи видят не только в «прощении» молодежью старших. В свою очередь, и старшее поколение должно открыто признать перед молодежью свои «ошибки», исходя из тех же принципов «гуманизма», доброго отношения и справедливости. «Кризис молодежи в России, — вещала «Свобода», — может быть преодолен при одном условии: если будут вскрыты ошибки отцов».

Буржуазная идеология даже дает рецепты, как это надо делать, ссылаясь на пример наиболее «мужественных» представителей старших. Разумеется, такие представители обычно оказываются на Западе.

Предлагая решение «возрастного конфликта» путем широкой общественной критики старшего поколения, буржуазная идеология исходит отнюдь не из конструктивных установок. Разрабатывая этот тезис в чисто пропагандистской плоскости, она пытается внушить молодежи, что старшие якобы в силу давящего над ними груза злоупотреблений и догматизма никогда не пойдут на признание своих «заблуждений». А отсюда выводится альтернатива полного разрыва и борьбы со старшим поколением.

Таким образом, теория «конфликта поколений» имеет явно выраженный антисоветский характер. Противопоставление идейности отцов мнимой аполитичности молодежи носит отпечаток стремления опорочить марксизм-ленинизм и практику коммунистического строительства. Надуманное противопоставление образа жизни поколений имеет целью клевету на советскую действительность и рекламу буржуазного образа жизни. Столкновение «чувства коллективизма» старших и индивидуализма, который буржуазные идеологи хотели бы видеть у советской молодежи, ставит своей задачей извращение проблем личности, клевету на гуманистическую сущность социализма. Приписывание юношам и девушкам аполитичности отражает абсолютно нереальную цель буржуазных идеологов противопоставить молодежь Коммунистической партии, комсомолу.

Разговоры буржуазных идеологов о их стремлении «объективно» рассмотреть взаимоотношение поколений в социалистических условиях являются попыткой прикрыть прикладной антисоветский характер их теоретических построений. За рассуждениями о «человеческих отношениях» поколений друг к другу кроется попытка нарушить морально-политическое единство советского общества.

Определение молодежи в качестве особой социальной силы советского общества имеет целью создать условия для проникновения буржуазной идеологии. При этом буржуазные идеологи грубо фальсифицируют советскую действительность. Так, стремление подрастающего поколения к самоутверждению объявляется следствием возросшего уровня образования и культуры, нетерпимость к формализму и духовной унификации — следствием разносторонних интересов, социальный динамизм — следствием широкой информированности, принципиальность — следствием жизни в более демократических условиях.

Однако буржуазная социология замалчивает, что такие социальные процессы, как рост материального и культурного уровня советских людей, развитие и совершенствование социалистической демократии, являются результатом коммунистического строительства. Эти процессы есть органическая часть жизни всего населения нашей страны, в том числе и молодежи, о которой проявляется огромная забота. Естественно, что молодежь бесконечно признательна за все это Коммунистической партии, Советскому государству, старшему поколению.

«Рабоче-крестьянская молодежь, — говорится в постановлении Центрального Комитета КПСС «О 50-летию ВЛКСМ и задачах коммунистического воспитания молодежи», — всегда шла и идет за Коммунистической партией, видя в ней своего вождя и учителя»¹. Активное участие молодого поколения в коммунистическом строительстве — убедительное подтверждение того, что для советской молодежи нет ничего выше интересов коммунизма, Родины, народа.

Говорить о «конфликте поколений» в советских условиях — значит грубо исказить социальную действительность, демонстрировать полнейшее непонимание объективных законов развития социалистического общества. Об антагонистических конфликтах речь может идти в обществе, где имеются антагонистические классы. Классовые антагонизмы могут идентифицироваться людьми с отношениями тех или иных социальных группировок, в том числе с взаимоотношениями поколений. Однако подобный процесс совершенно не применим к советскому обществу, где отсутствуют классовые антагонизмы.

Единство поколений в советских условиях проявляется во всех сферах жизни.

Оно находит отражение в области экономической жизни. Было бы нелепо говорить о каком-либо ущемлении материального положения молодежи — именно старшее поколение явилось создателем для нее многочисленных материальных благ.

Оно находит отражение в области духовной жизни: поколения имеют единое марксистско-ленинское мировоззрение, единую ком-

¹ О 50-летию ВЛКСМ и задачах коммунистического воспитания молодежи. Постановление Центрального Комитета КПСС от 3 октября 1968 года. М., «Молодая гвардия», 1968, стр. 3.

мунистическую мораль, единую цель — построение коммунистического общества.

Оно находит отражение в продолжении и развитии молодежью дела старших — поэтому подрастающее поколение глубоко заинтересовано в наиболее полном и органическом усвоении ценностей отцов.

Разумеется, между поколениями могут наблюдаться определенные различия в области образования, вкусов, привычек, но подобные различия нельзя отнести к конфликтным, антагонистичным. Тем не менее, буржуазные социологи выдают эти различия за существенные и принципиальные, искажают их сущность, чтобы как-то закамуфлировать бездоказательность теории «конфликта поколений».

Однако подобный камуфляж только говорит о провале попыток внесения идеологической инфекции в среду молодежи с помощью искусственных социологических моделей. Имея целью выработать тактику «отбрасывания коммунизма», «эрозии социалистического общества», эти модели игнорируют социально-исторические закономерности, фальсифицируют настоящее и будущее советского общества и молодого поколения. Несоответствие подобных теорий реальной действительности компенсируется тенденциозно подобранными единичными фактами. А такой подход лишает буржуазные социологические концепции какой-либо научной основы.

* *
*

Заканчивая рассмотрение теории «конфликта поколений», следует отметить ее глубоко субъективный характер.

Прежде всего, теорию «конфликта поколений» характеризует полнейший волюнтаризм в методике социологического анализа. Буржуазная социология не очерчивает возрастные границы поколений. Даже само понятие «молодежь» имеет весьма расплывчатое толкование. Так, американские социологи, в частности, Кенистон, считают молодежным возраст от 17 до 30 лет, а французские социологи — от 14 до 24 лет.

Буржуазные социологи говорят о «специфике» взаимоотношений поколений в социалистических и капиталистических странах, но делают это в сугубо антикоммунистических целях. При этом в целом не отмечается принципиальной разницы в причинах тех или иных взаимоотношений поколений, хотя характер этих взаимоотношений определяется положением социальных групп в конкретном обществе.

Точно так же буржуазные социологи не считаются с тем, что люди одной и той же возрастной категории могут относиться к различным классам, а их ценностная ориентация определяется классовой принадлежностью. В класс входят как молодые, так и старшие, объединяет их не возраст, а классовые интересы.

Наконец, в буржуазной социологии отсутствует четкое определение самого «конфликта поколений». В чем он проявляется? В противоречиях идеологических, политических, экономических, психологических? Буржуазные ученые называют самые различные сферы проявления «конфликта поколений», но в то же время не раскрывают его определяющих сторон.

Субъективизм теории «конфликта поколений» проявляется и в ее отношении к процессу общественного развития и его движущим силам. Получается, что общественный прогресс определяется не социально-экономическим развитием общества, а распрями поколений, что разрешение социальных противоречий происходит не в результате классовой борьбы, а в итоге осознания молодежью своей особой роли.

Вместе с тем теория «конфликта поколений» в извращенной форме отразила определенные объективные стороны положения и ценностной ориентации молодежи.

Многие западные социологи считают объективным фактором обособление молодежи капиталистических стран, называя при этом ряд причин. Одна из них — отставание социального опыта нынешнего подрастающего поколения от молодежи 30—40-х годов. Например, английский социолог Д. Мейз говорит, что «для нынешней молодежи Испания и Абиссиния — лишь географические понятия»¹. А как же быть с массовым, невиданным по своим масштабам и политическому накалу протестом современной молодежи против преступлений американской военщины во Вьетнаме, агрессии на Ближнем Востоке? Факты говорят как раз об обратном — возрастающей зрелости юношеского движения.

Ряд ученых видят причину самоидентификации подрастающего поколения в том, что в капиталистических странах современный молодой человек — в отличие от старших — воспринимает возросший современный стандарт потребления как нечто само собой разумеющееся, что в последние годы резко возросла покупательная способность юношей и девушек. Но говорить так — значит, по существу, становиться на точку зрения самых реакционных антикоммунистических социологов типа Бжезинского, доказывающих, что молодежь капиталистических стран просто пресытилась в эпоху массового потребления товаров длительного пользования.

На наш взгляд, процесс осознания молодежью своих интересов можно понять только в связи с общим кризисом капитализма и обострением классовой борьбы. Вступление подрастающего поколения капиталистических стран в сознательную жизнь совпало с научно-технической революцией и созданными ею невиданными до этого возможностями для удовлетворения потребностей самых широких масс. Однако молодежь стала свидетелем того, что блага научно-технической революции в своем большинстве достались весьма ограниченному кругу, несмотря на широкую рекламу «госу-

¹ М а у s J. The young..., pp. 16, 15.

дарства всеобщего благоденствия», «сформированного общества» и т. п.

Молодежи пришлось также испытать на себе другое противоречие современного капиталистического общества в условиях научно-технической революции, а именно деградацию духовных ценностей и культуры буржуазии на общем фоне роста образования.

Наконец, в последние годы наблюдается весьма быстрый процесс пролетаризации молодой интеллигенции.

В этой обстановке с ее весьма сложными коллизиями часть молодежи могла произвольно соотносить пороки общества с системой духовных ценностей прошлого, а опосредованно — со старшим поколением. Участие в классовой борьбе могло ею пониматься как участие в «конфликте поколений», тем более, что буржуазная идеология всячески стремится произвести в сознании подрастающего поколения подмену классовых противоречий возрастными.

Извращая понимание молодежью своего положения в обществе, буржуазная идеология хотела бы извратить сущность самих социальных процессов, и прежде всего подменить классовую борьбу «конфликтом поколений». Но развитие социальных процессов имеет объективный характер, объективными факторами определяются и взаимоотношения поколений. Теория «конфликта поколений» не в состоянии изменить закономерности общественного развития, она может лишь с помощью их фальсификации формировать своего рода «извращенное сознание». Все это позволяет говорить о ее прикладном антикоммунистическом характере.

Глава 2

Псевдореволюционность и ее социальное содержание

Появление различных псевдореволюционных теорий непосредственно связано с общим процессом загнивания капитализма.

В это время в общественной психологии различных социальных слоев капиталистических стран получают распространение настроения неуверенности, неудовлетворенности, разочарования.

Становится очевидной несостоятельность духовных ценностей периода раннего капитализма. На подобной почве развивается нигилизм и апатия, так называемое «несчастное сознание». Молодежь, только еще усваивающая духовные ценности общества, рекламируемые как высшие и благороднейшие, особенно остро чувствует их несоответствие с действительностью на фоне массового недовольства существующим строем.

Подобные настроения лежат на поверхности и легко фиксируются обыденным сознанием. Непонимание социальных причин явления невольно связывается в нем с мелкобуржуазным бунтарством. Естественно, в конкретной обстановке это проявляется по-разному, но общим является отсутствие ясной цели и программы протеста, что не угрожает основам существующего общественного устройства. Более того, распространенное непонимание причин со-

циального недовольства позволяет правящим эксплуататорским классам переводить протест в русло борьбы с мнимым противником опять же в своих целях. Поэтому псевдореволюционность всегда использовалась самыми реакционными буржуазными демагогами для достижения своих политических интересов с помощью молодежи. Даже Геббельс, представлявший реакционнейшую идеологию империализма — фашизм, облакал свои речи и статьи в «революционную» терминологию, а Муссолини предлагал Гитлеру опубликовать «Европейскую хартию» о «революционном» характере войн фашистских государств¹.

В современную эпоху «несчастное сознание» сохраняется в психологии различных социальных групп. Однако в наше время определяющее влияние на миллионы людей оказывает мощный революционный процесс — и не только на трудящихся, но и на значительные круги мелкой и средней буржуазии, разумеется, в специфической форме.

«В мире разворачиваются мощные революционные процессы, — говорится в Основном документе международного Совещания коммунистических и рабочих партий в Москве в 1969 г. — В борьбе против империализма объединяются три великие силы современности: мировая система социализма, международный рабочий класс и национально-освободительное движение. Нынешний этап характеризуется ростом возможностей для нового продвижения вперед революционных и прогрессивных сил»².

В странах мировой социалистической системы подрастающему поколению принадлежит весьма важная роль. В Советском Союзе молодые люди в возрасте до 30 лет составляют более половины населения. Самоотверженно трудясь, овладевая знаниями, военным искусством, молодежь вносит важный вклад в укрепление могущества Советской страны и тем самым в укрепление позиций социализма в мировом масштабе, в развитие мирового революционного процесса.

Широкое участие Ленинского комсомола, заявил на XVI съезде ВЛКСМ президент Всемирной федерации демократической молодежи Анджело Олива, в победоносной борьбе советского народа за создание нового общества, свободного от всякой эксплуатации, за создание коммунистического общества — воплощено в тысячах примеров долгого и упорного труда, вдохновенных поисков. «И значение этих свершений вышло далеко за пределы великого Советского Союза, чтобы стать всеобщим достоянием революционной молодежи»³.

¹ См.: Израэлян В. Л., Кутаков Л. Н. Дипломатия агрессоров. М., 1967, стр. 271.

² Задачи борьбы против империализма на современном этапе и единство действий коммунистических и рабочих партий, всех антиимпериалистических сил. «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы». М., Политиздат, 1969, стр. 285.

³ Олива А. Речь на XVI съезде ВЛКСМ. «XVI съезд ВЛКСМ. Стенографический отчет», ч. I. М., «Молодая гвардия», 1971, стр. 130.

Все большие слои молодежи капиталистических стран вовлекаются в мощный революционный процесс. Выступления молодежи, отмечается в Основном документе международного Совещания коммунистических и рабочих партий, отражают глубокий кризис современного буржуазного общества. Трудящаяся, прежде всего рабочая молодежь, которая подвергается сверхэксплуатации и не видит для себя перспективы при капитализме, все активнее включается в классовую борьбу, вступает в профсоюзы, в коммунистические и другие демократические организации. Широкие массы студенчества выступают не только против недостатков отсталой системы обучения, не только за право иметь свои организации и эффективно участвовать в руководстве учебными центрами, но и против политики господствующих классов. Все больше молодых людей, воодушевляемых борьбой вьетнамского народа и другими примерами героической борьбы против империализма, участвует в крупных народных выступлениях против империализма, за демократию, мир и социализм¹.

Молодежь является также важным фактором национально-освободительного движения. Она составляет основную часть патриотических сил, ведущих вооруженную борьбу против колонизаторов. Она активно участвует в создании национальной экономики и возрождении культуры молодых государств, вставших на путь некапиталистического развития.

Стремясь отвлечь молодежь от революционной теории и практики, буржуазные идеологи подсовывают ей различные псевдореволюционные суррогаты. Сформированные в последние годы коцепции так называемой «капиталистической революции» в США и «социалистической революции» в ряде стран Западной Европы, где у власти находятся социалистические партии II Интернационала, в значительной степени ориентируются на подрастающее поколение. Однако основные надежды возлагаются на концепцию об особой революционной роли молодежи в наше время.

Теоретические обоснования новой революционной роли молодежи делались и делаются целым рядом западных философов и социологов, в частности Сартром, Миллсом, Дж. и М. Раунтри и даже Ароном². Так, Миллс писал в 1960 г. английским «новым левым»: «Кто именно мыслит и действует радикально? Во всем мире — и внутри обоих блоков и вне их — ответ будет одинаков — это молодая интеллигенция... Вот почему мы должны начать изучать эти новые поколения интеллигентов во всем мире как настоящие живые движущие силы развития. Забудьте марксизм XIX века...»³.

¹ См.: Задачи борьбы против империализма на современном этапе и единство действий коммунистических и рабочих партий, всех антиимпериалистических сил. «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы». М., Политиздат, 1969, стр. 308—309.

² Aron R. *La Révolution Introuvable*. Paris, Fayard, 1968.

³ Mills C. W. *Letter to the New Left*. «New Left Review», 1960, № 5.

Об особой революционной роли подрастающего поколения, якобы противостоящего рабочему классу, говорит и Жан-Жак Серван Шрайбер. Молодежь, утверждает он в статье «Молодежь на пути к власти», вышла на передний край и продвинула ход событий вперед. С удивлением можно констатировать, что «как на Западе, так и на Востоке рабочий класс сыграл, напротив, сдержанную, даже консервативную роль в процессе преобразований»¹.

Однако систематизированный и оформленный вид утверждения об особой революционной миссии молодежи получили в работах Г. Маркузе. Их критический анализ содержится в ряде исследований советских ученых, рассматривающих философию Маркузе в целом². Нас же интересует лишь аспект о роли молодежи в современном обществе.

* *
*

Герберта Маркузе вряд ли можно считать специалистом молодежных проблем. За весь свой весьма долгий период занятия философией он никогда специально не рассматривал вопросы юношеского движения. К молодежи его привели поиски того социального «агента», который бы заменил революционный рабочий класс. Искусственное выпячивание Маркузе особой революционной роли молодежи, заигрывания с ней привели к тому, что он был провозглашен в ряде капиталистических стран «Марксом XX века», «идолом левого крыла интеллектуалов», а его идеи и выражения были отнесены к «специальным, привилегированным внутри языка левого крыла студентов»³.

Для Маркузе характерны мелкобуржуазные метания от одной крайности к другой. В своем известном труде «Одномерный человек», вышедшем в 1946 году, он попытался определить пути обновления капиталистического общества и не увидел этих путей⁴. Рабочий класс и другие возможные критические силы общества, говорит Маркузе, интегрированы капиталистической системой и стали ее составной частью. Рабочий класс проглотил капиталистическую приманку и предпочитает довольствоваться холодильниками и стиральными машинами. Безысходным пессимизмом веет от основополагающего произведения Маркузе — а ведь через несколько лет этот семидесятилетний пессимист будет объявлен идеологом революционной молодежи.

Что же привело к такой радикальной перемене взглядов Маркузе? Трудно говорить о субъективных причинах этого измене-

¹ «Ercilla», 29. V. 1968.

² Баталов Э. Я., Никитович Л. А., Фогелер Я. Г. Поход Маркузе против марксизма. М., «Мысль», 1970.

³ «Marxism Today», 1968, № 1, p. 25.

⁴ Marcuse H. One-Dimensional Man. Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society. Boston, Mass., 1964.

ния, но объективная сторона представляется несомненной: активизация борьбы рабочего класса и, в частности, всеобщая забастовка во Франции в 1968 году, поставившая страну на грань национального кризиса. В этих условиях Маркузе вынужден был как-то корректировать свою теорию, чтобы сохранить видимость объективности.

В своих новых работах «Конец утопий» (1967 г.), «Пересмотр концепции революции» (1968 г.) и «Очерк об освобождении» (1969 г.) он пытается объяснить выступления рабочего класса не свойственными ему революционными качествами, а воздействием на него внешних сил. Еще в «Одномерном человеке» Маркузе весьма неопределенно упоминает о так называемых аутсайдерах и деклассированных элементах, которые могут воздействовать на общество извне. Теперь же он конкретно определяет эту силу — молодежь и студенчество.

Молодежь и студенчество выступают носителями качества, которое является предпосылкой всякого революционного изменения, — революционной воли. Этот маркузианский термин весьма напоминает термин Ф. Ницше «воля к власти», и не только по форме, но и по существу. Как в том, так и в другом случае выделяются субъективные качества отдельных личностей или относительно узких группировок — только в одном случае это «белокурые бестии», а в другом — сорбоннские студенты.

Революционную волю молодежь и прежде всего студенты могут проявлять потому, что являются носителями сознания, оппозиционного государственной системе, и некоего стихийно бунтарского начала.

Маркузе дает молодежи определение «авангарда» и «катализатора». «Авангарда» потому, что она первая и наиболее решительно выступает против существующей общественной системы, а «катализатора» потому, что она катализирует революционную активность других социальных слоев, прежде всего рабочего класса. Это положение молодежи он связывает с тем, что она менее других зависит от «истаблшмент», что капитализм еще не успел ее интегрировать. В силу подобного положения молодежь якобы может быть выразителем интересов и смутно осознанных настроений эксплуатируемых слоев.

«Я убежден, — говорит Маркузе, — что студенческое движение сегодня представляет воинственное меньшинство, которое в силу высокой сознательности и благодаря тому, что оно в значительной мере свободно от агрессивных потребностей капиталистического общества, способно выступить как некая разновидность авангарда, прежде всего, конечно, в просветительском смысле, но также и в политической практике. Можно было бы сказать, что эта группа — рупор и представитель еще не артикулированных потребностей и желаний масс...»¹.

¹ «Knjizevne novine» (Beograd), 14. IX. 1968.

Маркузе, как и буржуазная печать, по существу, противопоставляет молодежь рабочему классу, для него студенты — и лидеры (т. е. авангард) и рупоры одновременно. Выступления молодежи он в значительной мере рассматривает в категориях возрастных, когда связывает ее активность с юношеской «чувствительностью» в духе своей работы «Эрос и цивилизация»¹.

Появление теории Маркузе объективно связано с рядом имеющих место процессов, хотя они и интерпретируются им в извращенном свете.

Во-первых, на общем фоне некоторой стабилизации капиталистической экономики рабочая молодежь во многих отношениях остается наиболее обездоленной частью общества. Самый высокий процент безработицы — среди подрастающего поколения. Так, в США на его долю приходится примерно 40 процентов всех полностью безработных². Как правило, юноши и девушки получают за соответствующий труд значительно меньше, чем взрослые. Естественно, что такое положение вызывает массовое недовольство рабочей молодежи.

Молодежь выступает в первых рядах борьбы, говорил на XVI съезде ВЛКСМ Генеральный секретарь Движения коммунистической молодежи Франции Ролан Фаваро, потому что она является одной из первых жертв режима капиталистических монополий. Молодежь живет в условиях невиданного научно-технического прогресса. Она остро ощущает пропасть, которая разделяет возможности, предоставляемые этим прогрессом, и действительность, на которую ее обрекает капитализм. Власти устанавливают классовый барьер на пути к знаниям и профессиональной квалификации молодежи. Их политика обрекает молодых людей на низкую заработную плату, неуверенность в получении работы, на трудности в выборе профессии, соответствующей их наклонностям и образованию. Эта политика также вынуждает трудящуюся молодежь перемещаться в крупные промышленные центры, порождает жилищный кризис, ухудшает жизненные условия молодежи, вызывает острую нехватку сооружений, обеспечивающих ей отдых и доступ к культуре³.

Если же учесть, что в связи с повышением рождаемости в послевоенные годы доля молодежи в составе рабочего класса увеличилась (так, в США молодые люди в возрасте 15—24 лет составляют около 21 процента всей рабочей силы⁴), то можно понять, что настроение трудящейся молодежи накладывает свой отпечаток на общество в целом.

Во-вторых, за последние годы в развитых капиталистических странах студенчество претерпело значительные перемены как в количественном, так и в качественном отношении. Оно стало заметной

¹ Marcuse H. Eros and Civilisation. Boston, 1955.

² «Statistical Abstract of the United States», 1966, p. 220.

³ См.: «XVI съезд ВЛКСМ. Стенографический отчет», ч. II, М., «Молодая гвардия», 1971, стр. 274—275.

⁴ «Statistical Abstract of the United States», 1966, p. 219.

социальной группой, имеющей тенденцию к увеличению. С 1950 по 1964 г. студенчество стран Западной Европы, Северной Америки и Океании увеличилось более чем в два раза и продолжает расти¹.

Довольно значительной стала среди студенчества прослойка из трудящихся классов. Конечно, это не значит, что капитализм стал более гуманным по отношению к трудящимся. Сегодня сама система капиталистического хозяйства в связи с научно-технической революцией испытывает все большую потребность в квалифицированных кадрах.

Закономерно, что выходцы из трудящихся классов накладывают отпечаток на мировоззрение и психологию студенчества.

Университеты и значительную часть профессорско-преподавательского состава многие студенты отождествляют с «истабlish-ментом». Как пишут Горовиц и Фридленд, профессорская должность стала капиталом, и потому «студенты переносят на отношение к преподавателям свое отношение к общественной системе, основанной на частном капитале»².

Иными стали и перспективы студентов. Если прежде из них выходила элита буржуазного общества, то ныне для основной массы студенчества уготована судьба «белых воротничков» — квалифицированных специалистов капиталистического производства, сближающихся по своему социальному положению с рабочим классом. Если прежде молодой интеллигент мог сознавать себя «свободным художником», не связанным непосредственно с системой капиталистического предпринимательства, то теперь он непосредственно включается в эту систему.

Отсюда вытекают две противоречивые тенденции в бунте студентов. С одной стороны, они протестуют против пролетарских условий жизни, так как по своему положению приближаются к пролетариату. С другой стороны, студенческое недовольство отражает протест против приближения их социальных функций к пролетарским. Как пишет Э. Кастильо в статье «Мечты и действительность молодежи», студенты — это будущие интеллектуальные рабочие, однако некоторые из них не чувствуют себя рабочими и отказываются от того класса, к которому принадлежат³. И в этом — диалектическая противоречивость и сложность движения.

Этой сложности студенческих выступлений не учитывает Маркузе, а Сартр даже высказал удивление по поводу такого сочетания причин студенческих выступлений⁴.

В качестве подтверждения положений Маркузе об особой революционной роли молодежи часть буржуазной и мелкобуржуазной печати называла майское движение 1968 г. во Франции. Но именно

¹ См.: Дилигенский Г., Новинская М. Студенчество Запада и анти-монополистическая борьба. «Мировая экономика и международные отношения», 1969, № 2, стр. 81.

² Horowitz I. L. and Friedland W. H. The Knowledge Factory. Student Power and Academic Politics in America. Chicago, 1970, p. 155.

³ «Siempre», 4. II. 1970.

⁴ «Nouvelle Observateur», 24. VI. 1968.

анализ этого движения убеждает в несостоятельности маркузианской теории¹.

Теория Маркузе о революционной роли молодежи требует в данном случае ответа по меньшей мере на два вопроса: смогло ли студенчество стать выразителем интересов рабочего класса и нации (ведь оно «катализатор»!) и какие силы придали движению масштабы и глубину.

На начальной стадии движения его основными требованиями были университетская реформа, прекращение полицейских репрессий в высших учебных заведениях и т. п. Правда, и на этой стадии были некоторые требования общеполитического порядка, но очерчены они были смутно и не они активизировали Сорбонну.

С вступлением в борьбу широких рабочих масс нечего было и думать, что подобные лозунги могут увлечь рабочих и представлять большую актуальность для общества в целом. Трудящиеся выступали за ликвидацию безработицы, повышение жизненного уровня, против режима личной власти. Поэтому часть трезво мыслящих студенческих руководителей признала, что студенты не могут стать выразителями интересов трудящихся. «Студенческая борьба в настоящий момент обойдена, — заявили они. — Выход из нынешнего кризиса — в руках самих рабочих, если им удастся, занимая заводы, осуществить те цели, которые мы, занимая университеты, сумели только смутно очертить»².

Студенческое участие не явилось определяющим и с точки зрения размаха и глубины самого движения. Почти одновременно с выступлением Сорбонны молодые рабочие близ Нанта заняли металлургический завод. Были заняты заводы компании «Рено» и другие предприятия. В борьбу включались все более широкие массы трудящихся и, наконец, выступление рабочего класса в национальном масштабе определило характер и исход движения.

Характерно, что в настоящее время многие западные философы и социологи в той или иной степени признали подчиненность студенческого движения задачам борьбы широких социальных слоев, требующих решения волнующих общество проблем³.

Несостоятельными оказываются и утверждения Маркузе о том, что студенты в качестве авангарда и катализатора привносят идеологию в рабочий класс. Маркузе в данном случае искажает известное ленинское положение о том, что рабочие сами не в состоянии выработать революционную теорию. Но эту теорию несут в рабочий класс не разрозненные группки студентов, а ее несет пролетарская партия.

¹ Подробнее см.: Мяло К. Г. Социальная динамика майского движения. «Вопросы философии», 1969, № 6.

² «Mouvement social», Paris, 1968. La Sorbonne par elle-même, p. 123.

³ См.: E v o u J. Mc. and Miller A. Black Power and Student Rebellion. Belmont, 1969; K a a s e M. Determinants of Political Mobilization for Students and Non-Academic Youth. A Paper for the VII World Congress of Sociology. Varna, 1970; S a m p s o n E. E., K o r n a H. A. Student Activism and Protest. San Francisco, 1970.

Так было и во время майских событий во Франции. Именно коммунистическая партия дала реальные лозунги и программу движению. В отличие от буржуазных партий, льстивших молодежи, ФКП вскрыла суть псевдореволюционного левачества и помогла молодежи понять основные задачи борьбы. «Ленин упрекал Троцкого в том, — отмечал один из руководителей ФКП Рене Андрие, — что тот льстил студентам, и я считаю, что это очень важный упрек. Никогда не нужно льстить молодежи, но все делали это, за исключением нас. Мы не побоялись пойти против течения... Все льстили студентам, которые-де так умны, которые-де пробудили рабочий класс. Мы были единственными, кто этого не делал»¹.

Маркузе претендует на отражение взглядов революционных слоев общества. На самом деле его теория отражает взгляды мелкой буржуазии. Испытывая двойственность своего положения, шаткость позиций, мелкая буржуазия склонна к перемене настроений и политической ориентации. Она может проявлять склонность к ультрареволюционной фразе, что находит отражение у ее идеологов. И в выражении этих настроений Маркузе не нов и не оригинален. «Новизна» его мелкобуржуазной теории в том, что, используя определенные изменения в положении молодежи — и прежде всего студентов, — он пытается подкрасить мелкобуржуазную псевдореволюционность броскими красками юношеского авангардизма. Этим объясняется определенная популярность теории Маркузе среди части студенчества.

Кроме того, некоторую популярность теории Маркузе можно объяснить ее критическим началом. Как справедливо полагают Ю. А. Замошкин и Н. В. Мотрошилова, в условиях капиталистической эксплуатации, нестабильности, принижения личности люди находят в критических теориях отражения собственных настроений протеста². Что же касается молодежи, то ее обращение к подобным концепциям стимулируется рядом специфических качеств: недостаточным социальным опытом, обостренным чувством справедливости, максимализмом и т. д.

Но критичность теории совершенно не означает ее прогрессивности. Зачастую дело обстоит как раз наоборот: с помощью искусственно выбранного русла для критики и ее определенной дозировки буржуазия стремится использовать эту критику в своих целях.

Так обстоит дело и с теорией Маркузе. О реакционной сущности этой теории говорит ее социальная направленность.

Она направлена на отвлечение молодежи капиталистических стран от классовой борьбы. Рассуждая об особой революционной роли подрастающего поколения, Маркузе пытается оторвать его от рабочего класса. Спекулируя на зреющем протесте молодежи против капиталистической действительности, Маркузе стремится увести ее от подлинных задач революционного переустройства общества.

¹ «Nouvelle Observateur», 22. IX. 1968.

² См.: Замошкин Ю. А., Мотрошилова Н. В. Критична ли «критическая теория общества» Герберта Маркузе? «Вопросы философии», 1968, № 10.

Культивируемые его теорией анархистские настроения, безответственное левачество вредят революционной борьбе рабочего класса.

Теория Маркузе имеет целью привить нигилизм советской молодежи. Не делая разницы между капиталистическим и социалистическим строем, Маркузе неправоммерно отождествляет положение и задачи молодежи капиталистических и социалистических стран.

Не случайно теория Маркузе широко пропагандируется буржуазными радиостанциями, вещающими на Советский Союз. Так, Радио Канады пригласило к микрофону профессора Альберта Маккензи, который объявил Маркузе «поздним Марксом XX века» и льстиво сравнил молодежь и ее «союзников» с «крепким вином, которого хлебнули уже многие студенческие лидеры».

Наконец, концепция Маркузе практически нацелена на реализацию теории конвергенции в юношеской среде. Не делая разницы между социальным статусом молодежи капиталистических и социалистических стран, Маркузе, по существу, исходит из положений «единого индустриального общества» и своими рассуждениями пытается доказать его реальное существование на примере подрастающего поколения.

Можно считать, что в настоящее время большая часть молодежи, подверженной в той или иной мере влиянию идей Маркузе, переболела этой болезнью левизны. Число сторонников «левого профессора» резко пошло на убыль. Уже вскоре после событий мая 1968 г. руководство Движения коммунистической молодежи Франции могло заявить, что «Коммунистический союз студентов стал самой большой политической организацией в университете, тогда как левацкие группировки переживают кризис и их влияние заметно уменьшилось»¹.

Молодежь и студенчество все более отчетливо понимают, что осуществления своих чаяний они могут добиться только в совместной борьбе с рабочим классом под руководством коммунистов.

Борьба студенческой молодежи в капиталистических странах, говорил на XVI съезде ВЛКСМ президент Международного союза студентов Душан Улчак, вновь со всей очевидностью подтверждает ленинскую мысль о том, что студенчество, встав на путь борьбы за так называемые чисто академические требования, очень скоро убеждается, что последние могут быть завоеваны путем борьбы «не за академическую, студенческую только свободу, а за свободу всего народа, за политическую свободу»².

Коммунистические союзы молодежи активно пропагандируют руководящую роль рабочего класса в борьбе за освобождение всех трудящихся. «На опыте своей собственной борьбы и борьбы других народов,— говорилось в обращении о созыве Учредительного съезда молодежной марксистско-ленинской организации США,— молодежь познала, что рабочий класс... является единственной си-

¹ «France Nouvelle», 8. II. 1972.

² «XVI съезд ВЛКСМ. Стенографический отчет», ч. I. М., «Молодая гвардия», 1971, стр. 204.

лей, способной оспаривать власть у правителей-миллиардеров»¹.

Следует особо подчеркнуть, что для разоблачения истинной сущности маркузианства очень многое сделали коммунистические партии. Французская коммунистическая партия, Итальянская коммунистическая партия и другие дали конкретный анализ несостоятельности мелкобуржуазных псевдореволюционных теорий.

Международное Совещание коммунистических и рабочих партий в Москве в 1969 г. подвергло резкой критике ложно революционные теории в среде молодежи и указало подрастающему поколению истинный путь борьбы за переустройство общества на справедливых началах под руководством подлинного авангарда — коммунистических партий.

«Коммунисты высоко ценят подъем молодежного движения и активно в нем участвуют,— отмечается в Основном документе Совещания.— Они распространяют в его рядах идеи научного социализма, разъясняют опасность разного рода псевдореволюционных идей, которые могут повлиять на молодежь, стремятся помочь ей найти правильный путь в борьбе против империализма... Только тесная связь с рабочим движением и его коммунистическим авангардом может открыть перед молодежью действительно революционную перспективу»².

* *
*

Буржуазная социология пытается определить некоторые характерные черты бунтующей молодежи. Многочисленные, порой весьма различные высказывания затрудняют определение этого характера. Уже говорилось о таких наукообразных штампах, как «детонатор», «катализатор» и т. п. Особо следует остановиться на определениях, которые пытаются рассматривать революционность молодежи под видом некой искусственной «классовости».

В шестидесятых годах у буржуазных социологов Голландии, Дании, а затем и других стран вошел в употребление термин «протариат» (составное из двух усеченных слов: провокатор и пролетариат). Протариат — это новая революционная сила, провоцирующая молодежь, к которой теперь перешла революционная миссия от пролетариата, превратившегося в послушный класс роботов.

Конкретными носителями функции протариата были объявлены «прово». Прово или провоисты — небольшие группы молодежи, возникшие вначале в Голландии и Дании, а затем и в других западноевропейских странах. Своей задачей прово считают провоцирование буржуазного общества в самых различных формах — от

¹ «Daily World», 25. IX. 1970.

² Задачи борьбы против империализма на современном этапе и единство действий коммунистических и рабочих партий, всех антиимпериалистических сил. «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы». М., Политиздат, 1969, стр. 309.

несоблюдения правил уличного движения до взрывания петард под колесами карет коронованных особ. Такими действиями прово хотят «встрянуть» буржуазное общество.

Эта «встряска» прямо связана с борьбой против «авторитетов». С помощью стихийных провокаций прово стремятся наносить удары по самым чувствительным пунктам «авторитетов». Как утверждает датский социолог Пауль Андерсен, прово рассчитывают, что в ответ на это «авторитеты» будут с большей жестокостью применять против них все, что находится в их распоряжении: сапоги, каски, дубинки, полицейских собак, слезоточивый газ, тюрьмы, пытки. Мы же, надеются прово, просто будем провоцировать их на это, будем заставлять «авторитеты» действовать жестоко, чтобы они били, угрожали, командовали, судили, наказывали, убивали. В результате, утверждают прово, «авторитеты» станут все более и более ненавистными населению, которое будет все более революционно и анархически настроенным. Так якобы будет создан революционный климат и формы борьбы будут носить характер применения насильственных средств¹.

Термин «протариат» — не просто причудливое сочетание двух слов. Буржуазные социологи пытаются вложить в него далеко идущий социальный смысл. В буржуазной печати стало обычным явлением сравнивать положение и функции пролетариата XIX века с положением и функциями молодежи второй половины XX века. Молодежь якобы берет на себя функции пролетариата с той лишь разницей, что ее задачей является не классовая борьба в марксистском понимании, а экстремистские действия в духе крайнего анархизма.

Буржуазная социология стремится обосновать неизбежность изоляционистского экстремизма молодежи, выводя его из специфики современного общественного развития. Исходя, по существу, из теории стадий экономического роста У. Ростоу, западногерманский социолог Г. Цем утверждает в своей работе «Молодежь — это буржуазная болезнь?», что поскольку промышленная эпоха, в которую вступили цивилизованные страны, уже не открывает больше качественно новых горизонтов, молодежь довольствуется тем, что на худой конец выступает просто за другое, вместо того, чтобы выступать за действительно новое. А поэтому она обращается к «тоталитарному обществу насилия»².

Норвежский социолог Пер Эдвин Ранден в статье «Молодежь как социальная проблема» полагает, что волнения подрастающего поколения на Западе можно объяснить тем, что мировоззрение молодежи отличает «оппозиционное желание к поискам новых путей для разрешения повседневных проблем»³.

Следующей причиной юношеского экстремизма объявляется неправильная реакция старших и государства на протест молодежи, которые якобы имеют опасную тенденцию не замечать вовремя этот

¹ «Land of Folk», 29. III. 1967.

² «Die Welt», 13. V. 1967.

³ «Aftenposten», 22. VIII. 1970.

важный предупреждающий признак. «Старшее поколение, — сообщает «Дагбладет» в статье с красноречивым названием «Долой отцов!» — имеет привычку осуждать протест молодежи. Но разве это же поколение также рьяно стремится найти причины этого протеста?»¹.

Обоснование буржуазными идеологами необходимости для молодежи протестовать, полагаясь на внутреннюю совесть, самой определять добро и зло, действовать даже без надежды на поддержку других — все это, по существу, весьма близко к индетерминистскому пониманию свободы в философии экзистенциализма, в частности в философии Сартра². Как убедительно показано советскими учеными, Сартр, объявляя, что выступает против изоляционизма личности, на самом деле остается в плену изоляционистских настроений³.

Однако если «философия свободы» Сартра признает прогресс социального развития общества, то определения, даваемые антикоммунистическими социологами протестам молодежи, имеют ярко выраженные регрессивные, антисоциальные цели.

Подобные определения позволяют, в частности, объяснить волнения молодежи Запада как результат неуравновешенности, психической неустойчивости, бессмысленности. Ложный мятеж, пишет Г. Легман в книге «Ложная революция», действует без всякой программы. Это и не удивительно, ибо у него такой программы нет. Он разлагает сердца и души молодых людей. И самое парадоксальное, по мнению этого довольно известного в США специалиста по юношеским проблемам, то, что молодежь идет подобным путем даже не из-за своей порочности, а просто так, из-за полнейшего безразличия. Это мятеж, заключает Легман, ни к чему не стремящийся, намекающий вылиться «в то же небожие, в ту же аморфность, которые предлагаются и всему остальному миру»⁴.

Культивирование юношеского изоляционистского экстремизма прямо связано с попытками нагнетания чувств растерянности и страха. Поэтому не случайно рекламируется особое ожесточение, бескомпромиссность юношеского экстремизма и вместе с тем его крайняя иррациональность. Молодые люди, отмечает Джордж Кеннан, подходят ко всем проблемам «с максимальной страстностью и минимальным знанием»⁵.

Крайние экстремистские, анархистские формы юношеского «бунта», полагают буржуазные социологи, действуют как катализатор в развитии «конфликта поколений». Экстремизм отчужденного молодого человека базируется на страхе одиночества и отверженности, а крайние формы социальных провокаций, в свою очередь,

¹ «Dagbladet», 18. IV. 1968.

² Sartre J. Critique de la raison dialectique, vol. 1. Paris, 1960, pp. 101, 687, 688; Sartre J. L'être et le Néant. Paris, 1960, pp. 639—640.

³ См.: Карпушин В. А. Индивидуализм экзистенциалистской теории человека. Ростов-на-Дону, 1967, стр. 43—45.

⁴ Legman G. The Fake..., p. 49.

⁵ «New York Times Magazine», 21. I. 1968.

имеют следствием углубление чувства социальной изоляции, потерянности, массового испуга. Именно этот порочный круг объявляется спецификой нынешнего возрастного конфликта, а сам разрыв между поколениями, по мнению «Голоса Америки», характеризуется его «тенденцией к непримиримости, к бессильному бешенству, к насильственным действиям».

Характерно, что определения юношеского экстремизма буржуазными социологами и пропагандистами вполне согласуются с заявлением лидеров крайних анархистствующих элементов. Кон-Бендит, один из руководителей молодых «леваков» в ФРГ, прямо заявляет, что погромы кафе и магазинов, взрывы бомб в домах обывателей и в общественных местах — это та «программа насилия», которая должна привести к радикальным переменам в обществе.

Это явная гальванизация анархизма, что отмечается даже буржуазными идеологами. Так, Би-би-си, рассказав о том, что Кон-Бендит перекрасил свои рыжие волосы в черные, заявила, что этот цвет более соответствует его политическому кредо, так как он выступает не под красным знаменем марксизма, а под черным знаменем анархии.

Скрытое поощрение идеологами капиталистического «истаблшмента» анархистствующих элементов не случайно. Гальванизированный анархизм на руку буржуазии, так как он подрывает подлинно революционное движение. В статье «Памяти Герцена» В. И. Ленин писал: «Герцен рвет с анархистом Бакуниным. Правда, Герцен видит еще в этом разрыве только разногласие в тактике, а не пропасть между мирозозерцанием уверенного в победе своего класса пролетария и отчаявшегося в своем спасении мелкого буржуа»¹. Именно это мелкобуржуазное мирозозерцание антикоммунизм и хотел бы противопоставить революционному духу молодежи.

Несостоятельность антикоммунистических определений революционности молодежи как анархистского экстремизма показывает анализ юношеского движения последнего времени.

Еще не так давно буржуазные социологи широко обсуждали «феномен хиппи». Движение хиппи было действительно во многом неожиданным и новым для буржуазной социологии. «Люди-цветы» по-своему отвергали устоявшиеся ценности буржуазного общества: погоню за материальным благополучием, культуру, мораль и т. д. Программа хиппи несложна: любовь. Естественно, нелепо было бы говорить о какой-либо угрозе существующему капиталистическому обществу со стороны носителей такой программы, но тем не менее это движение, получившее довольно широкое распространение в США и странах Западной Европы, самим фактом своего существования говорило о том, что капиталистический строй антагонистичен духовным запросам подрастающего поколения.

Разумеется, вместе с тем нельзя не видеть паразитического, антиобщественного образа жизни хиппи, ханжеского и лицемерного характера их отношения к действительности.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 257.

В конце 50 — начале 60-х годов появились и другие течения молодежи, внешне во многом отличные от хиппи, но сходные в главном — отрицании активной социальной борьбы. Так, западногерманские гаммлеры даже не любят, как хиппи, — они вообще ничего не делают, полагая, что этим самым отрицают существующий мир.

Естественно, что это движение пассивного отрицания не могло привести к каким-либо действенным результатам и потому стало изживать себя. В настоящее время все более заметен процесс поляризации юношеского движения.

Сегодня в движении молодежи, отрицающей в разных формах капиталистический мир, но еще не вставшей на позиции рабочего класса, можно выделить два основных направления.

Прежде всего, это «новые левые», заявившие о себе в шестидесятые годы. Движение сложно и неоднородно как по своему составу, так и по своим взглядам. Отличительной чертой этого движения является отрицание его участниками капиталистического строя, причем в довольно резких формах. Они понимают, что бороться со старым миром можно лишь с помощью энергичных действий. Но какими должны быть эти действия — «новые левые» ясно не представляют.

Отсутствие четкой позитивной программы приводит к подчеркиванию негативного, разрушительного начала. Лидеры «новых левых» прямо заявляют, что главное для них сейчас — это разрушить существующее общество, а что делать на развалинах — вопрос, который будет решаться потом.

На «новых левых» явно сказался процесс изживания буржуазной идеологии. Но, отвергая эту идеологию, они отвергают всякую идеологию вообще. Подобная своеобразная болезнь вносит большую путаницу во взгляды «новых левых» и препятствует их консолидации, совместной борьбе с рабочим классом.

Однако объективные тенденции таковы, что выступления «новых левых» в своей значительной части отражают общедемократические требования масс, и в этом случае они оказываются в русле антиимпериалистической борьбы, которую ведет рабочий класс. Так, выступления «новых левых» против американской агрессии во Вьетнаме, против милитаризации, за демократические свободы, безусловно, имеют антиимпериалистическую направленность.

Движение «новых левых» стало заметным явлением в политической жизни многих капиталистических стран. Во Франции они сыграли значительную роль в событиях мая 1968 года. В Англии они группируются вокруг журнала «Новое левое обозрение».

Довольно широко движение «новых левых» развернулось в США. Там насчитывается более 200 тысяч студентов, причисляющих себя к «новым левым». Клубы Дюбуа, «Студенты за демократическое общество», Студенческий координационный комитет насильственных действий — все эти организации американской молодежи испытывают в той или иной степени влияние «нового левого».

Начиная с выступлений студентов Калифорнийского университета в Беркли в 1964 г., волна студенческих протестов в США про-

должала нарастать. Волнения в Чикаго, Принстоне, Гарварде, наконец, расстрел студентов в Кенте привлекли к себе внимание широкой американской общественности. «Новыми левыми» вынуждены заняться ФБР и правительство. Бывший тогда директором Федерального бюро расследований Э. Гувер дает судебным исполнителям специальным указанием о борьбе с «новыми левыми». Комитет сената по юридическим вопросам выпускает меморандум «Новое левое», в котором признается наличие в Соединенных Штатах Америки широкого оппозиционного движения молодежи и предлагаются меры по его расколу.

В травлю «новых левых» включаются идеологические службы, литература, периодическая печать. Появляются сомнительные аналогии между «новым левым» и «старым левым», построенные не на преемственности борьбы, а на смаковании инсинуаций о якобы аморальной основе оппозиционного движения.

Именно на отход молодежи от классовых позиций делают ставку антикоммунисты. Однако выступления молодежи последних лет, безусловно, говорят о процессе политизации подрастающего поколения в совместной борьбе со старшими, что не вяжется с концепцией юношеского изоляционизма. Организованные выступления молодежи против войны во Вьетнаме, против несправедливых общественных условий при капитализме отвергают расчеты идеологов антикоммунизма на культивирование экстремизма.

Этому способствует сам объективный процесс борьбы подрастающего поколения. Молодежь убеждается, что свойственная ей активность может выродиться и подчас вырождается в анархическое вспышкупускательство, в стихийный и потому обреченный на провал бунт одиночек или групп. А неизбежно следующее за этим разочарование влечет за собой социальный нигилизм, уход в себя от общественной борьбы, духовный крах или снобистский эгоцентризм. Но это бывает в том случае, если эта активность нецеленаправленная, если она не приобретает организационные формы.

Организация молодежи, как свидетельствует исторический опыт, — необходимое условие успешного участия ее в общественной жизнедеятельности. Самостоятельность молодежи, если она объединена в организации, не означает ее замкнутости, отгороженности от старших поколений. Напротив, общественные организации, если они прогрессивны, реально обеспечивают эту связь поколений, включая молодежь в общую армию бойцов за социальную справедливость. В молодежных организациях, как правило, сочетается решение общих задач, стоящих перед людьми независимо от возраста, и особых проблем молодежи с ее специфическими запросами и интересами. Организации именно такого типа являются коммунистические союзы молодежи¹.

Закономерность активного организованного участия молодежи в борьбе народных масс вместе со старшими и под их руководством.

¹ См.: Сулемов В. А. Союз молодых борцов. М., «Молодая гвардия», 1971.

обосновали классики марксизма-ленинизма. «Нашему поколению,— писал В. И. Ленин,— тяжелее, чем нашим отцам. Но в одном отношении мы гораздо счастливее наших отцов. *Мы научились и быстро учимся бороться* — и бороться не в одиночку, как боролись лучшие из отцов, не во имя внутренне чуждых нам лозунгов буржуазных краснабаев, а во имя своих лозунгов, лозунгов своего класса. Мы боремся лучше, чем наши отцы. Наши дети будут бороться еще лучше, и *они победят*»¹.

Возрастающая активность молодежи является следствием глубоких социальных причин, коренящихся в современном состоянии капиталистической системы. Уже говорилось о возрастании роли молодежи в связи с увеличением ее доли в структуре народонаселения, овладением новыми знаниями и профессиями и т. д., а также о пролетаризации молодой интеллигенции. В данном же случае представляется необходимым отметить определенное изменение позиций молодежи в связи со значительной трансформацией общественного антимонополистического сознания.

Эта трансформация связана с появлением и развитием новых форм эксплуатации и подавления личности. Научно-техническая революция, поток потребительских товаров, необходимость для монополий широкого внутреннего рынка — все это привело к тому, что сегодня гнет монополий нельзя связывать исключительно с абсолютным обнищанием населения. В нынешних условиях империализм все более активно использует с помощью средств массовых коммуникаций различные формы духовного порабощения личности. Естественно, что широкие слои молодежи, формирующей свое сознание, выступают против такой практики. Это приводит подрастающее поколение к участию в борьбе широкого антимонополистического фронта, на идеологию которого все большее влияние оказывают позиции рабочего класса. Подобный процесс объективно способствует переходу различных групп революционной молодежи на классовые пролетарские позиции и сужает сферу действия юношеского экстремизма.

Переход все более широких слоев молодежи на классовые пролетарские позиции вызывается также самой логикой борьбы, необходимостью восприятия революционного опыта прошлого. Эффективная революционная деятельность подрастающего поколения возможна лишь в том случае, если будет осмыслен бесценный опыт классовой борьбы. «...Молодым рабочим,— писал В. И. Ленин,— нужен опыт старых *борцов* против угнетения и эксплуатации, борцов, проводивших много стачек, участвовавших в ряде революций, умудренных революционными традициями и широким политическим кругозором»².

Развитие антиимпериалистической борьбы, политическое просвещение молодежи, приобретение ею социального опыта — все это ведет ту часть юношества, которая еще не определила четко своих

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 256.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 226.

вом. Подобно Герцену, Бердяев принадлежит идеалистическому социализму... Он как бы видит в мировом процессе восстание личности, а не народной или классовой массы. При таком складе ума каждый мог быть политиком».

Делать из мистика Бердяева революционера и даже сравнивать его с Герценом — все это понадобилось для того, чтобы подвести к выводу: каждый может быть политиком, но политиком в качестве «идеалистического социалиста» в области общечеловеческих ценностей.

Бердяевское понимание революционности вполне согласуется с концепцией «свободы» Густава Веттера, профессора истории русской философии в Восточном институте в Ватикане. Исходным пунктом своей критики коммунистической идеологии он считает то, что свобода якобы предполагает только поочередное взвешивание «за» и «против», размышление о том, следует ли уступить тому или иному мотиву, образование суждения и следующее за этим принятие решения. Не говоря о том, что принятие решений диктуется прежде всего объективной реальностью, обстоятельствами, он объявляет, что диалектический материализм не имеет возможности объяснить покоящееся на мыслительной деятельности свободное решение воли. В конечном же итоге смысл всех этих рассуждений сводится к тому, что Веттер выступает против использования советской идеологией учения Маркса и Энгельса о свободе как об осознанной необходимости, а необходимостью считает лишь критическое выражение личностью отношений к действительности.

Разумеется, под действительностью Веттер понимает советскую действительность, а критическое отношение к ней является чуть ли не обязанностью личности¹.

Веттер не понимает диалектики. Принимая решение, человек действительно взвешивает «за» и «против», но определение, что такое «за» и что такое «против», связано с познанной необходимостью.

«Критические» концепции буржуазных социологов, подобные утверждениям Веттера, имеют не последней задачей формирование всеобщего отрицания, так называемого «критического эпила» у молодежи, не располагающей необходимым социальным опытом.

Одновременно буржуазная идеология берет на вооружение тезис об особой предрасположенности молодежи к дискуссии и критике, заявляя, что в советском обществе якобы не понимают этого естественного проявления процесса вхождения подрастающего поколения в противоречивую действительность. Но это понимает, как заявила «Немецкая волна», тот, кто постоянно критикует министров, лауреатов Нобелевской премии, тузов промышленности, руководителей профсоюзов и бургомистров западногерманских городов, тот, кто говорит о них с иронией, а подчас даже с презрением. Кто сам привык к свободной критике в свободном обществе, тот не станет судить левую молодежь. В свободном обществе, глубокомыслен-

¹ См.: Wetter G. A. Dialektischer und historischer Materialismus. Sowjetideologie heute. Bd. 1. Frankfurt a/M., 1962.

но замечает радиостанция, критика щадит только тех, кого не принимают всерьез.

Утверждение об «отсутствии у молодежи возможностей для проявления критических настроений» буржуазные социологи пытаются связать с так называемой «модификацией революционности». Кассоф эту модификацию, в частности, усматривает во взаимоотношениях партии и комсомола, довольно односторонне и тенденциозно связывая революционность и молодость как два неразделимых понятия. До 1917 года, по его мнению, комсомол был не нужен партии потому, что многие видные революционеры сами были очень молоды. В советское время революционеры постарели и стало быть утратили революционность. Их должна была якобы заменить новая революционная организация молодежи, но ветераны этого не хотели, поэтому стали «выхолащивать из комсомола революционность»¹.

Комсомол, вторит ему Патрик, не представляет революционной силы, потому что не полемизирует с властью. Государству необходимы люди для эксплуатации целинных земель — комсомол предоставляет рабочую силу, государству нужны миллионы спортсменов — комсомол обязуется развивать физкультуру. Более того, он борется с хулиганами и стилистами, которые якобы «отражают критические настроения»².

Кассоф и Патрик умышленно искажают взаимоотношения партии и комсомола. Подробнее этот вопрос будет рассмотрен особо, тем не менее здесь следует отметить, что коммунисты никогда не отделяли свою партию от молодежи. «Мы всегда будем партией молодежи передового класса!»³ — заявлял В. И. Ленин.

Обосновать особую роль молодежи буржуазные социологи стремятся также с помощью различного определения отношения к революционности поколений.

Прежде всего, эта разница усматривается в отношении к революционной теории. Как пишет западногерманский юношеский журнал «Конкрет», в социалистических странах деятельность старших поколений привела к бразованию неревлюционнй структуры, которая может быть сломлена «при помощи творческой самостоятельности молодежи»⁴.

Затем противопоставляется отношение поколений к революционной теории, исходя из различия их образовательного уровня, в связи с чем буржуазная социология и пропаганда выделяют «эталон века» — молодую интеллигенцию. На этой теме обычно специализируется Би-би-си, подчеркивая, с одной стороны, особую революционность «юных интеллектуалов», а с другой стороны, их мнимые «преследования».

¹ Kassof A. The Soviet..., p. 107.

² Patrick G. Les organisations..., p. 32.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 163.

⁴ «Konkret», V. 1968, N 5.

Однако в буржуазной социологии и пропаганде есть и несколько иной подход к определению степени революционности поколений — так называемая теория «второй волны». По утверждению антикоммунистических идеологов, «первая волна протеста» была сразу после Октябрьской революции, а «вторую волну» они ожидают сейчас. Молодежи, мол, не надо забывать, что «первую волну» поднимали ее отцы. Те ценности, что молодежь должна взять от старших, — не лежат на поверхности, они не в облике старшего поколения сегодняшних дней. Нет, заявляют антикоммунисты, они в прошлом, в тех временах, когда отцы «протестовали».

Антикоммунисты стремятся провести мысль о том, что «вторая волна» будет подготовлена первой, что старшее поколение в конечном итоге создало ту «либеральную атмосферу», которая сделала возможным сегодняшней «протест» молодежи. Таким образом, предпринимаются попытки создать некий союз поколений на антисоветской платформе. И делается это не прямо, не в лоб, а путем «объяснения», почему старшее поколение, приученное к «постепенности и осторожности», готово удовлетвориться ограниченными реформами. «Тогда как старшие поколения, — объявляет Кассоф, — имеют склонность к осторожности в толковании либерализации и благодарны за небольшие улучшения, подрастающее поколение готово потребовать гораздо больше и менее боится тревог и риска»¹.

Буржуазные социологи или выискивают несуществующие «принципиальные» различия в понимании революционности поколениями или умышленно используют чисто механический подход при сравнении революционных устремлений людей различного возраста.

Коммунистическая партия видит в процессе революционного воспитания молодежи прежде всего усвоение ею определяющих качеств революционера. «Надо не копировать героев прошлого, — говорил на XV съезде ВЛКСМ Л. И. Брежнев, — а перенять существо их закаленных революцией характеров, перенять их революционную страстность, их глубокую коммунистическую убежденность, беззаветную преданность великому делу нашей партии, их огненный романтизм и неугасимую ненависть к врагам революции; перенять все это и приложить к решению многообразных задач строительства коммунизма, стоящих перед нами сегодня»².

Практической реализацией концепции об особой революционной роли молодежи является стремление буржуазной социологии и пропаганды обосновать необходимость и закономерность появления в юношеской среде нигилизма. Заметим сразу, что подобная концепция опирается на самые реакционные буржуазные философские течения, в частности на философию Ницше. Именно он дал впервые определение нигилизма (от латинского nihil — ничего, ничто) как утрату личностью всяких духовных ценностей. Он же проповедовал некое радикальное изменение мира силами элиты.

¹ Kasso A. The Soviet..., p. 213.

² Брежнев Л. И. Речь на XV съезде ВЛКСМ. «XV съезд ВЛКСМ. Стенографический отчет». М., «Молодая гвардия», 1966, стр. 22.

Элитеизм служит буржуазной социологии для доказательства стихийного характера «критического эпипла» молодежи. С нигилизмом связываются ценностные установки такой мнимой «элиты», как английские «битники», американские «дикие ангелы», датские и голландские «провосы» и так называемые «стиляги».

Весьма показательно, что когда антикоммунизм в своей тактике «наведения мостов» в среде юного поколения касается каких-либо позитивных, с его точки зрения, явлений (сближения экономики, политических институтов и т. д.), он говорит об осмысленности этих процессов. Когда же заходит речь о негативных явлениях, например «всеобщем мятеже молодежи», то их интернациональной основой объявляется иррационализм, эмоции. В соответствии с этим буржуазные специалисты по юношеским проблемам заявляют, что именно бессмысленность молодежного мятежа является наиболее привлекательной чертой для тех, кто состоит в числе его сторонников. Это критицизм, который никогда не перерастает в настоящую социальную революцию и, вместе с тем, обладает прелестным мятежным духом. У него отсутствует база, он «никуда не стремится, ни за что не борется»¹.

Другой характерной чертой представителя протестующей элиты, бунтаря без причины, агитатора без лозунга и революционера без программы объявляется сугубо частный характер протеста, направленный на достижение личных и только личных целей. Именно этим буржуазные социологи обосновывают такие качества молодого поколения, как невыдержанность, стремление к немедленному исполнению своих требований. Все прилагаемые им усилия, под каким бы внешним прикрытием они не совершались, якобы представляются своего рода инвестиции, с помощью которых молодежь надеется удвоить свои первейшие надежды и чаяния. Протестующий молодой человек, говорят зарубежные социологи, не может откладывать исполнение своих желаний, и эта черта — одна из основных в его характере.

Можно видеть, что акцент буржуазной социологии на те или иные качества юношеского движения имеет прикладное значение. С одной стороны, утверждение бессмысленности «молодежного мятежа» служит дискредитации участия подрастающего поколения в организованной борьбе рабочего класса. С другой стороны, объявление одной из главных черт молодежи жажды к немедленному исполнению желаний имеет целью направить ее энергию в область, не имеющую ничего общего с борьбой за революционное переустройство общества.

Буржуазные социологи хотели бы культивировать нигилизм и среди советской молодежи. К нему они готовы приравнять даже тунеядство. Для них вступление праздной этики в конфликт с задачами коммунистического воспитания — тоже своеобразное проявление «революционного» духа. Отсюда их сочувствие не поступившим в вуз в результате якобы ограниченной для личности свободы вы-

¹ Legman G. The Fake..., p. 13.

бора, объявление практики направления на работу после окончания учебного заведения «тоталитарной отрыжкой», провоцирование на отказ от работы в отдаленных районах и сельском хозяйстве. Во всех случаях подчеркивается мнимое ущемление прав молодежи как некой образованной элиты.

Распространение присущего капитализму элитеизма на советское общество совершенно неправомерно. Элитеизм есть неотъемлемая принадлежность общества, построенного на частной собственности на средства производства. Элитеизм есть отражение социального неравенства при капитализме. Общественная собственность на средства производства, отсутствие социального неравенства в советских условиях исключают всякие объективные предпосылки для появления элитеизма. Попытки буржуазной социологии продемонстрировать существование элитеизма в Советском Союзе на примере «стиляг» по меньшей мере несерьезны, ибо несерьезно было бы говорить о том, что отклонение от принятых норм поведения у отдельных молодых людей является следствием частной собственности на средства производства. Это отклонение объясняется совершенно иными причинами: пережитками капитализма, недостаточно хорошо поставленной воспитательной работой, действиями буржуазной пропаганды и т. д.

Наша идеология имеет неопровержимые аргументы для разоблачения утверждений буржуазных фальсификаторов о «критическом эпиле» молодежи и ее неконтролируемом сознанием потребительских устремлениях. Как показывают факты, советская молодежь никогда не ограничивает свои жизненные цели сегодняшним днем и удовлетворением личных потребностей. Итоги социологических исследований говорят о том, что подавляющая часть юношей и девушек связывает цели своей жизни с интересами строительства коммунистического будущего, с революционными преобразованиями. Советскую молодежь отличает стремление соотносить свои личные цели с целями общества, понимание необходимости упорного труда для их достижения. Максимализм юного поколения проявляется не в жажде немедленного удовлетворения потребительского спроса, а в жажде революционной деятельности, борьбы.

Определение юношеского экстремизма для советской молодежи носит у буржуазных социологов совершенно определенную антисоветскую направленность, выражаясь в искусственном культивировании так называемых «протестов». Буржуазный социолог Виктор Франк в публикации «Молодые русские демонстрируют независимость духа» утверждает, что «оппозиция наиболее распространена среди молодых людей» и даже пытается назвать виды «протеста»: критические письма и тенденция к «зачаточной организации, которая стоит за спиной всех несогласных»¹.

Политической платформой, наиболее соответствующей устремлениям молодежи, объявляется борьба за «свободу» — старый антисоветский лозунг, где классовая сущность маскируется с помощью

¹ «Japan Times», 24, III. 1968.

спекулятивных утверждений о том, что для молодежи якобы существует только один класс — в зависимости от способностей.

Особенно настойчиво пытаются разжечь экстремистские настроения буржуазные радиостанции, постоянно сообщая о провокациях хулиганствующих элементов, об изменниках Родины и т. п.

Утверждения о том, что настроения всей советской молодежи «противоположны революционным» и что «от Ленинграда до Владивостока ни один молодой человек не являет революционного пыла и духа борьбы», призваны иллюстрировать якобы имеющий место процесс постепенного созревания подрастающего поколения для действий, желательных антикоммунизму. Пассивность молодежи, по мнению шведского социолога Керстида Винтерхеда, всегда является своеобразной «провокацией против взрослых и против молодежных руководителей в особенности»¹.

Следует отметить, что именно антисоветская направленность юношеского экстремизма делает в данном случае безрезультатными попытки буржуазных идеологов оказать какое-либо влияние на молодежь. Стремясь извратить советскую действительность и отношения к ней подрастающего поколения, они приходят в прямое противоречие с фактами, которые являются очевидными для молодых людей, выросших в условиях социализма. Ориентация буржуазных социологов на старые контрреволюционные лозунги, связанные в понимании молодежи с самым реакционным и враждебным человечеству, делает для юношей и девушек очевидной антисоветскую и в то же время антигуманную сущность буржуазной идеологии.

Юношеский экстремизм буржуазные социологи связывают с формированием определенных «моральных качеств». Оказывая сопротивление «насилию», подчеркивают они, молодежь проявляет благородные моральные качества, которых лишены «идейно ограниченные» люди. Противопоставление моральной ориентации той и другой стороны носит в данном случае особенно ярко выраженный антисоветский характер. Молодежь и героизм — на стороне свободы, заявляет «Голос Америки», на стороне консерватизма — власть.

Умышленно придавая проявлению мужества и смелости антисоветскую направленность, буржуазная социология имеет целью обосновать использование этих качеств для организации политических провокаций, для создания ложного ореола героизма вокруг антисоветизма.

Выделение определенных нравственных качеств, сориентированных на антисоветизм, нужно буржуазной социологии и для того, чтобы иметь повод говорить о «становлении новых идейных ценностей и деградации старых». Как пишет известный антикоммунист А. Юлем, практика якобы показала «фактическое игнорирование революционного учения его формальными последователями и по-

¹ «Dagens Nyheter», 9. V. 1968.

этому ссылки на революционную теорию носят привкус лицемерия или легковесного приема»¹.

По существу, буржуазные социологи пытаются перенести на советскую почву тактику западноевропейских прово. Но протест прово направлен против несправедливости капиталистических отношений, и стало бы говорить о перенесении этого движения в совершенно иную социальную среду по меньшей мере несерьезно. Поэтому, стремясь как-то завуалировать несостоятельность своих позиций, буржуазные социологи пытаются выискывать нечто общее в общественных условиях, что позволило бы соотносить движение прово с социалистической действительностью. В этих целях искусственно подчеркивается, что молодежь везде ищет выход своей склонности к решительным акциям, что ей всюду предлагается программа «постепеновцев», что ее ориентируют на участие в спокойном эволюционном процессе и т. п.

Подобная фальсификация «советологов» полностью несостоятельна. Коммунистическая партия и Советское государство поручают молодежи ответственные дела, требующие решительности, смелости, энергичных действий. Еще в период подготовки Октябрьского вооруженного восстания В. И. Ленин писал в статье «Советы постороннего»: «Выделить *самые решительные* элементы (наших «ударников» и *рабочую молодежь*, а равно лучших матросов) в небольшие отряды для занятия ими всех важнейших пунктов и *для участия* их везде, во всех важных операциях...»². В настоящее время энтузиазм и энергия молодежи находят применение на самых ударных участках коммунистического строительства.

Буржуазная социология пытается обосновать возможность появления и развития в среде молодежи нигилизма и экстремизма с помощью фальсификации определенных черт национального характера.

По мнению Русского научно-исследовательского центра при Гарвардском университете, русским, прежде всего, присущи два качества: «потребность к постоянному тесному общению между собой и страх вынужденной изоляции от коллектива». Это должно дать буржуазным социологам обоснование для вывода о том, что подобные традиционные качества русского народа используются Советской властью, комсомолом для воспитания всеобщего конформизма, который позволяет подавлять нежелательные проявления недовольства путем апелляции к старому русскому национальному духу в новых социалистических условиях. Так, западногерманский социолог Фридрих Кюбарт заявляет, что советский патриотизм, объединяя в себе пафос национального самосознания и идеологические элементы исторического материализма, опираясь на собственную историческую традицию, приобретает в настоящее время в духовной

¹ У л а м А. В. The new face of Soviet totalitarianism. Cambridge Massachusetts, 1963.

² Л е н и н В. И. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 383—384.

жизни «большой вес как один из самых сильно действующих остатков минувших лет»¹.

Директор института «советологии» при Кельнском университете Борис Майснер, однако, считает, что целый ряд качеств русских вполне могут быть использованы вопреки интересам руководства. Если включение в Программу КПСС идеала «братства», по его мнению, соответствовало желанию воспользоваться этой чертой национального характера, то такое присущее русским качество как «справедливость» было предано забвению, потому что представлялось опасным².

Показательно, что спекуляция на национальной черте «справедливости» становится все более определяющей в буржуазной идеологии, причем в любом случае эта справедливость носит совершенно явный антисоветский характер. «Поднимите свой голос против надвигающейся опасности,— обращается к советской молодежи «Голос Америки».— Вы — наследники великих гуманистических традиций русской интеллигенции».

Буржуазная социология и пропаганда, проводя аналогию между демократически настроенной русской интеллигенцией прошлого и молодым поколением, льстя ему, пытаются подвести к мысли о традиционной несправедливости власти в русском государстве. Например, «Немецкая волна» заявила, что в Советском Союзе вступает в жизнь молодое поколение, во многом напоминающее старую русскую интеллигенцию XIX века. Как тогда, сто лет тому назад, русская интеллигенция протестовала против тупоумия, фальши и ограниченности царского режима, так, мол, и в настоящее время молодая интеллигенция протестует против изоляции Советского Союза от окружающего мира, против недостатка духовной свободы и против государственно-бюрократической регламентации интеллектуально-духовой жизни. Показательно, что при этом подчеркиваются два качества, якобы глубоко укоренившиеся в русском народе и теперь вновь выступающие на поверхность: сострадание к преследуемым и готовность к самопожертвованию во имя правды и справедливости. Характерен своей антисоветской направленностью и вывод известного западногерманского социолога и радиокомментатора по юношеским проблемам Штрема. Если и вызывает удивление тот факт, что самое молодое поколение вдруг возвращается к этим старым русским традициям, говорит он, то это потому, что с интеллигенцией во все времена обращаются якобы по рецептам Николая I.

Буржуазные социологи в данном случае умышленно не замечают разницы между буржуазно-помещичьим государством и государством трудящихся, между интеллигенцией, выражающей точки зрения различных классов. Интеллигенция в капиталистическом обществе может представлять буржуазную или пролетарскую куль-

¹ «Ost-Europa», V. VI. 1967.

² Meissner B. Das Parteiprogramm der KPdSU 1903—1961. Auf. Köln, 1965.

туру. Буржуазные государства всячески преследуют передовую, прогрессивно настроенную интеллигенцию.

И, наоборот, социалистическое государство создает все условия для деятельности интеллигенции, выражающей интересы трудящихся, вышедшей из среды рабочих и крестьян. И в этом социалистическое государство кровно заинтересовано. Однако естественно, что оно стоит на страже завоеваний трудящихся и не допускает антисоветской деятельности. Но именно под антисоветскую деятельность и хотели бы подвести буржуазные социологи «прогрессивные» функции интеллигенции.

Упор на работу, самодисциплину и контроль над вредными или отвлекающими внутренними эмоциями, заявляют буржуазные социологи, составляет суть молодежной программы в ее стремлениях преодолеть традиционные черты национального русского характера и заменить их чертами, присущими новому советскому человеку. Главная цель подобной стратегии якобы состоит в том, чтобы с помощью тезиса о существовании советского человека, «человека без национального сознания» сохранить политический и идеологический контроль. Характерно, что подобная фальсифицированная деперсонализация в национальном аспекте одновременно противопоставляется стремлению молодежи к возвращению национальной индивидуальности: «систематически восстанавливать все то, что было уничтожено»¹.

Проводником культивирования экстремизма и нигилизма на почве национализма «советологи» считают опять же молодую интеллигенцию. Наиболее резкие формы антисоветского юношеского экстремизма в настоящее время, как утверждает буржуазный социолог Хелен фон Сахно, возможны лишь в среде «нелегальной экстремистской элиты». Отвергая мысль о том, что «бунт» всегда будет делом немногих, ибо связан с угрозой для собственного существования, Сахно ссылается на «склонность русского человека к экстремизму» и в этом видит возможность для провоцирования антисоветских акций².

Подобной точки зрения придерживается и ряд других буржуазных социологов ФРГ, утверждающих, что «лучшие русские традиции» побуждают молодого советского человека рассматривать свою деятельность как «боевое и политическое задание», даже если он и не является авангардистом³.

На наш взгляд, следует отметить полную несостоятельность утверждений буржуазных социологов по ряду позиций.

Во-первых, они совершенно игнорируют общественные условия при формировании национального характера.

Во-вторых, искусственно противопоставляют «традиционное стремление русского народа к справедливости» советской действительности. Именно в осуществлении социалистической революции,

¹ «Life», 13. XI. 1967.

² «Der Tagesspiegel», 13. IX. 1967.

³ «Die Zeit», 20. II. 1970.

установлении подлинного народовластия в форме Советов, резком повышении материального и культурного уровня массы населения нашли реализацию народные чаяния о справедливости.

В-третьих, упускается из виду тот весьма важный факт, что за годы Советской власти сформировалась новая историческая общность людей с новыми духовными качествами. Многие черты национального характера обогатились новым содержанием. Советская молодежь воспитывается в условиях этой новой социалистической общности людей¹.

Используя изоляционистские концепции, культивируя экстремизм, извращая национальные особенности, буржуазная социология стремится втиснуть в понимание революционности антисоветское содержание и даже доказать «объективный» характер подобной метаморфозы, связывая ее с познанием молодежью социальной действительности. Познавая действительность, молодое поколение, демагогически заявляет «Голос Америки», с отменной смелостью требует той свободы, «которая теоретически предоставлена советскому народу». Ему вторит радиостанция «Свобода»: «Нужно обладать вопиющей исторической безграмотностью, чтобы предполагать, что тип революционера, созданный большевистским подпольем, может быть вторично сотворен на казенный кошт, казенными гувернерами и по казенным учебникам».

Вопиющей исторической и прочей безграмотностью обладают именно радиостанции «Свобода» и «Голос Америки» и их коллеги по эфиру и социологии. Революционер — это не бунтарь. Революция — это не только разрушение, это прежде всего — созидание. Разрушив капиталистические основы эксплуатации, Октябрьская революция создала предпосылки для успешного строительства общества в полном соответствии с революционной марксистско-ленинской теорией. И именно этот этап революционных преобразований — создание материально-технической базы, формирование новых общественных отношений, воспитание нового человека — наиболее сложен и труден.

Подобная трактовка «революционности» показывает прагматизм теоретических изысканий буржуазных идеологов: извратив теорию революции, направить ее против социализма. О том, что такая ориентация нацелена на практическое использование антикоммунистических концепций, говорит применение псевдореволюционности для расшатывания позиций социализма.

Во время выступления контрреволюционных сил в Чехословакии молодежная газета «Млада фронта», журнал «Млады свет», еженедельник «Студент» объявили себя независимыми «революционными» органами. Радио и телевидение, оказавшись под руководством бывших функционеров Союза молодежи ревизионистов типа И. Пеликана, проповедовали особую роль подрастающего поколения в «революционных» изменениях. Буржуазные средства инфор-

¹ См.: О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик. Постановление ЦК КПСС от 21 февраля 1972 года. М., Политиздат, 1972.

мации, нацеленные на социалистические страны, наперебой расхваливали деятельность контрреволюционных экстремистов.

Характерно, что буржуазная идеология с тем же энтузиазмом подает использование в псевдореволюционных целях выступления китайской молодежи. «Немецкая волна» передала интервью с сотрудником китайского посольства в Москве, который заявил, что «у всех коммунистов без исключения в мозгах сохранились еще остатки старой идеологии». Поэтому в коммунистическом Китае в настоящее время и молодежи «предоставлена возможность критиковать даже министров. Именно в этом и выражаются крепкие основы современного Китая».

Известно, что маоисты полностью извратили сущность социалистической демократии. Обращение антикоммунистической идеологии к «опыту» маоистов объясняется тем, что буржуазии выгодна как «правая», так и «левая» псевдореволюционность молодежи, ибо в обоих случаях она имеет антикоммунистическую направленность.

На прикладной антикоммунизм сориентированы и определения советской молодежи как «революционной силы». Франк провокационно сравнивал советскую молодежь шестидесятых годов с шестидесятниками — русскими революционными демократами 60-х годов XIX века¹. Буквально ту же терминологию применяет антикоммунистическая пропаганда. Так, призвав радиослушателей к «широкой, откровенной, свободной дискуссии по вопросу о поколениях, об отцах и детях — шестидесятниках XX века», радиостанция «Свобода» подчеркнула перспективную, с ее точки зрения, важность этой дискуссии: «ведь именно от них, шестидесятников XX века, и зависят судьбы России».

Может показаться, что рекламируя «революционность», антикоммунизм противоречит как своей сущности, так и тактике. Но это чисто внешнее противоречие.

Антикоммунизм действительно враждебен современному революционному процессу, ибо этот процесс направлен против империализма. Но империализм, чувствуя слабость своих позиций, готов воспользоваться и таким оружием, как извращение сущности революции.

Антикоммунизм действительно пытается насадить в среде молодежи настроения аполитичности, безыдейности, чтобы отвлечь ее от революционной борьбы за переустройство общества. Однако, считаясь с ее социальной активностью и стремлением принять участие в революционной борьбе, он всячески искажает понятие революционности в глазах молодежи, выхолащивая из нее социальное содержание. Псевдореволюционность — это обратная сторона безыдейности, это действия, не освещенные верной революционной идеей.

Для доказательства своих измышлений об особой революционной роли молодежи «советологи», как правило, выскивают у подрастающего поколения не самые существенные качества — эмоцио-

¹ «Japan Times», 24. III. 1968.

нальную неуравновешенность, легкую возбудимость и т. п. Поэтому, показывая несостоятельность буржуазных социологических характеристик качеств молодежи и, прежде всего, тенденциозное подчеркивание преходящих возрастных черт, на наш взгляд, следует более предметно говорить о формировании в молодом человеке тех черт, которые присущи советскому человеку, строителю коммунизма на всем его жизненном пути. Если буржуазные идеологи рассуждают о вспышкопускательстве, неожиданных и кратковременных бунтах, эмоциональной неуравновешенности юного поколения, то коммунистическое воспитание, наша идеология готовят молодежь к повседневному, упорному коммунистическому строительству.

Разоблачая измышления антикоммунизма о некоей особой миссии молодого поколения как единственной революционной силы в новых условиях, советская социологическая наука, средства массовых коммуникаций одновременно раскрывают действительно всемирно-историческую роль, которую предстоит сыграть молодым строителям коммунизма в современную эпоху. При этом они опираются на понимание классиками марксизма-ленинизма действительной революционной роли подрастающего поколения.

В. Д. Бонч-Бруевич вспоминает, как В. И. Ленин отмечал истине грандиозные масштабы задач молодежи в переустройстве мира на новых коммунистических началах. Рассказывая о встрече в Москве эшелона пролетарской молодежи, Бонч-Бруевич пишет, что «Владимир Ильич был в полном восхищении, увидя этих молодых бойцов. Он сказал про них, что это и есть та настоящая смена старой большевистской гвардии, которая действительно может перевернуть мир»¹.

Глубокое изучение ленинизма — революционной теории нашего времени — дает подрастающему поколению возможность верного понимания действительности и своего места в решении революционных задач. Поэтому овладение основами ленинизма является для молодежи лучшей гарантией невосприимчивости к буржуазным лжеревolutionным идеям.

«Изучайте труды Ленина! — обратились с призывом к молодым людям участники международного Совещания коммунистических и рабочих партий. — В них вы найдете неиссякаемый источник вдохновения для борьбы против реакции и угнетения, за социализм и мир. Знакомство с ними поможет молодому поколению яснее увидеть революционные перспективы нашей эпохи»².

¹ Бонч-Бруевич В. Д. Воспоминания о Ленине. «Наука», 1965, стр. 320.

² О 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Обращение международного Совещания коммунистических и рабочих партий. «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы». М., Политиздат, 1969, стр. 333.

Глава 3

Молодой человек и «старая» идеология

Фальсификация революционного процесса совмещается в теории юношеского изоляционизма с отрицанием идеологии, которая якобы устарела и неприемлема для подрастающего поколения. Это совмещение буржуазные социологи пытаются объяснять определенными процессами в самом революционном движении. Как говорит Арон, «умиротворение революционных страстей, своего рода согласие в развитых странах приводит к концу идеологической веры»¹.

В действительности антикоммунисты боятся овладения молодежью революционной теорией.

«Без революционной теории не может быть и революционного движения»², — это ленинское положение особенно актуально в наше время, когда широкие массы молодежи приобщаются к революционной борьбе. Лишить их революционного идеала, цели, стратегии и тактики борьбы — вот чего добиваются антикоммунистические идеологи.

Юношеский изоляционизм, утверждают его теоретики, не может опираться на какую-либо идеологию. Идеологии — это изобретение прошлых поколений, искусственные логические построения, с помощью которых обосновывались действия различных социальных группировок в прошлом. Идеологии отражают дух прошлого, разделение мира на враждующие классы. В настоящее время, когда, с одной стороны, в развитых странах дело якобы идет к стиранию социальных различий, а с другой стороны, к обособлению поколений, теряется всякая необходимость в идеологии для молодежи. Ее интересы не могут выражать ни правые, ни левые идеологии. Юношеский изоляционизм должен быть свободен от идеологий, так же как молодежь должна быть свободна от ошибок прошлых поколений. Такова в общих чертах логика теоретиков юношеского изоляционизма при отрицании для молодежи необходимости в какой-либо идеологии.

Подобная постановка вопроса непосредственно связана с получившей довольно широкое распространение среди буржуазных социологов теорией «деидеологизации»³. Концепции «индустриального общества», «заката» идеологической веры, необходимость технократического подхода к решению социальных проблем — все это, характерное для теории «деидеологизации», используется юношеским изоляционизмом. Известные как авторы теории «деидеологизации» буржуазные социологи Раймон Арон, Даниел Белл, Сеймур Мартин Липсет, Сидней Хук, Эдвард Шилс, Артур Шлезингер активно способствовали разработке «деидеологической» направленности юношеского изоляционизма.

¹ «Preuves», 1965, N 169.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 24

³ Подробный критический анализ этой теории дан в книге Москвичева Л. Н. «Теория «деидеологизации»: иллюзии и действительность», М., «Мысль», 1971.

Однако, с другой стороны, в самой теории «деидеологизации» есть ряд аспектов, непосредственно рассчитанных на подрастающее поколение, в частности рассуждения о новом подходе к идеологическим ценностям со стороны молодой интеллигенции. Да и само появление теории «деидеологизации» в значительной степени можно рассматривать как реакцию антикоммунизма на вступление послевоенного поколения в полосу активной социальной деятельности, рост его образовательного уровня, развитие юношеского движения, распространение в его рядах идей марксизма-ленинизма.

Сремление буржуазных социологов эксплуатировать в теории юношеского изоляционизма «деидеологические» мотивы опирается на фальсифицированное толкование определенных социальных процессов и связанного с ними положения подрастающего поколения.

Во-первых, буржуазные социологи для обоснования «деидеологического» склада мышления молодежи пытаются использовать тот факт, что общественное развитие в наше время сталкивается с целым рядом новых проблем. Молодежь, говорят они, выросла в эпоху, когда старые идеи утратили свою силу, и ей нет необходимости познавать и брать на вооружение то, что уже себя изжило. Молодежь живет в «индустриальном обществе», будет жить — в «послеиндустриальном», и поэтому она совершенно чужда ценностям «доиндустриального общества», и прежде всего идеологии. Ведь идеология возникла, утверждает Белл, во время неразвитости социальной науки, низкого уровня производства и жизненного уровня тех социальных слоев, которые являлись потребителями идеологии.

Для сегодняшней молодежи развитых стран, живущей в условиях общества массового потребления, утрачивают значение узкие идеологии, а вместе с тем и такие определения, как «левые» и «правые». Между «левыми» и «правыми» на Западе больше сходства, чем различий, считает Арон. Отныне исчезли условия для «бескомпромиссного социализма и бескомпромиссного либерализма».

Более того, стираются и будут стираться идеологические разногласия между капиталистической и социалистической системами. Один из «либеральных» выразителей настроений «нового курса» и нового поколения в администрации Д. Кеннеди Эдвин О. Рейшауэр прямо заявлял, что «идеологическое деление между коммунистическими и некоммунистическими нациями не является великой мировой проблемой нашего времени, а также, по-видимому, и ближайших поколений»¹.

Очевидно, понимая, что предлагать подрастающему поколению полностью бесконфликтное развитие нереально, буржуазные социологи оговариваются, что, естественно, конфликты будут, будет борьба различных точек зрения, но они не будут носить идеологического характера. Демократическая классовая борьба будет продолжаться, заявляет Липсет, но это будет «борьба без идеологий, без красных флагов, без первомайских демонстраций»².

¹ «Congressional Record», 22. VIII. 1967. S. 11, 979.

² Lipset S. M. Political Man. The Social Bases of Politics. New York, 1960, p. 445.

Стремление буржуазных социологов объяснить «деидеологические» мотивы в теории юношеского изоляционизма веяниями времени, отрицанием старых идеологий несостоятельно уже потому, что в нем нет ничего оригинального, связанного с принципиально новыми явлениями. Попытки отрицания идеологии возникли не в настоящее время, а имеют давнюю историю. Все философские течения позитивистского направления объявляли себя стоящими выше партий в философии и социологии, преодолевающими «односторонность» материализма и т. д. Обращение буржуазных социологов к теории «деидеологизации» связано не с умиранием старых идеологий во время социального становления молодежи, а с кризисом буржуазной идеологии в глазах подрастающего поколения.

Во-вторых, буржуазные социологи пытаются обосновать «деидеологизацию» молодежи широким развитием техники, техническим образованием и в связи с этим распространением среди подрастающего поколения технического подхода к решению тех или иных проблем. Современный молодой человек, говорят они, больше верит электронной вычислительной машине, чем какой-либо идеологии. Он убежден, что любая проблема может быть запрограммирована и решена в соответствии с рекомендациями ЭВМ.

На социологическом конгрессе в Варне в 1970 г. Белл представил доклад «Постиндустриальное общество: технократия и политика», где доказывал, что технократические тенденции будут усиленно развиваться. Таким образом, перед молодежью ставится альтернатива перехода на «рациональное» мышление, а общество будущего связывается с усвоением подрастающим поколением технического подхода к решению общественных задач.

Однако заявляется, что усвоению подобного подхода мешают существующие идеологии. В интервью журнала «Шпигель» с Р. Барцелем, председателем фракции ХДС/ХСС в бундестаге ФРГ, который афишируется как молодой политический руководитель и знаток проблем подрастающего поколения, говорится о необходимости для молодежи понять, что она живет в эпоху техники. Технический и научный прогресс не придет, если будешь штопать существующее. Этот метод не останавливается перед сексуальной моралью, церковью, государством, политиками, партиями. А посему молодое поколение стало скептическим по отношению к идеологиям и большим перспективам¹.

Считается, утверждают буржуазные социологи, что молодежь может тяготеть к идеологическим полюсам — «левому» или «правому». Но что в современной политике является «левым» и что «правым», что «прогрессивным» и что «реакционным»? На это якобы нельзя дать определенный ответ, ибо значение многих слов стало весьма близким. И все же мы пускаем их в ход и требуем, чтобы каждый признавал ту их ценность, которую мы им приписываем. Путаницы мыслей, недоразумений, злой полемики можно было бы, мол, во многом избежать, если взять себе за труд говорить с боль-

¹ «Der Spiegel», 6. V. 1968.

шей ясностью. Именно в этом духе высказывается Липсет, заявляя, что сейчас определяющим является мнение экспертов, узких специалистов, а моралистические термины типа «или — или» ушли в прошлое. «Сайентизм» принимается как «левыми», так и «правыми»¹.

Рассматривая идеологию в диапазоне от сексуальной морали до деятельности партий, делая неясным само понятие идеологии, буржуазные социологи рассчитывают, что технический подход, узкий «сайентизм» представится молодежи более простым и верным путем в качестве жизненного ориентира.

В-третьих, для обоснования процесса «деидеологизации» молодежи используется возросший уровень ее образования. Интеллектуализм якобы чужд любой идеологии, а тем более ей чужды интеллектуальные проявления молодого человека, не желающего ограничивать свое мышление какими-то ни было рамками.

В своей работе «Опиум интеллекции» — этой библии теоретиков «деидеологизации» — Арон объявил идеологию врагом нового поколения интеллектуалов². Белл увидел у молодой интеллигенции тенденцию к отвержению идеологии, прежде всего марксизма-ленинизма. По мнению Белла, последнее время характеризовалось истощением идеологий, особенно марксизма, в качестве интеллектуальных систем, «претендующих на истинность своих объяснений мира»³.

Из этого видно, что «деидеологизация» молодежи имеет вполне определенный идеологический характер и направлена на дискредитацию ведущей идеологии XX века — марксизма-ленинизма.

Несостоятельность противопоставления в глазах подрастающего поколения науки и идеологии будет рассмотрена ниже, здесь же можно лишь отметить, что интеллектуальное развитие молодого человека никогда не было препятствием к формированию мировоззрения с точки зрения тех или иных идей. Наоборот, образование, интеллектуальное развитие обостряют интерес к идеологии, делают насущной необходимостью выработку цельного мировоззрения.

В-четвертых, проведению «деидеологизации» должны способствовать социальный динамизм и практицизм молодежи. Даже идеологически «обработанные» молодые люди, благодаря более трезвому взгляду на жизнь по сравнению со старшими, способны якобы в конечном итоге увидеть практическую бесполезность идеологии. Буржуазный социолог по юношеским проблемам Б. Левин в статье «Какая же она, молодежь?» с одобрением относится к апатичности подрастающего поколения. «Если молодежь не интересуется политикой, — заявляет он, — то это можно считать только выражением ее практического, здорового ума: во всяком случае, мне кажется, что, вероятно, она скоро подойдет к очень неприят-

¹ Lipset S. M. The Changing Class Structure and Contemporary European Politics. «Daedalus», 1964, vol. 93. N 1, p. 273.

² Aron R. L'Opium des intellectuals. Paris. 1955.

³ Bell D. The End of Ideology. On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. Glengoe, 1960, pp. 14, 16.

ной реакции против исключительного цинизма и бессодержательности нынешних межпартийных политических розыгрышей, а не было бы ничего удивительного, если бы молодежь стала во главе такого движения»¹.

Закулисную политическую возню буржуазных партий автор экстраполирует в глобальных масштабах затем, чтобы сделать вывод об отвержении подрастающим поколением идеологии в силу его практицизма. Трудно сказать, что вкладывает Левин в это понятие. Однако представляется бесспорным неправомочность противопоставления всякой идеологии реальному взгляду на действительность.

Идеология идеологии рознь. Буржуазная идеология, опирающаяся на идеалистические философские концепции, служит средством искажения действительности. Принципиально иные функции несет коммунистическая идеология: она мобилизует трудящихся на совершенно конкретные и научно обоснованные социальные преобразования в интересах широких народных масс.

При поисках особых качеств молодежи, на которые могла бы опираться ее «деидеологизация», буржуазные социологи исходят из концепции юношеского изоляционизма. Это, в частности, находит отражение в обращении к нигилистическому отношению к духовным ценностям, «конфликту поколений» и «отчуждению» молодежи от современного общества.

В целом определение буржуазной социологией у подрастающего поколения качеств, способствующих его «деидеологизации», носит ярко выраженный субъективный характер. Буржуазные социологи используют с этой целью действительно имеющие место социальные процессы, но толкуют их извращенно, в соответствии со своими целями. Неопределяющие качества молодежи они называют определяющими. Взгляды части молодежи они экстраполируют на всю молодежь. Совершенно не учитываются конкретные социально-экономические условия, при которых живут юноши и девушки.

Определение буржуазными социологами мотивов особой приверженности молодежи к процессу «деидеологизации» определяет и ряд «деидеологических» направлений в теории юношеского изоляционизма.

Первое направление. Теоретики юношеского изоляционизма отвергают идеологию, исходя из ее «отставания» от сознания молодежи. Отжившая идеология, оперирующая старыми понятиями, затрудняет социальное становление молодежи. Подобные утверждения можно встретить у Кассофа, Патрика и некоторых других буржуазных социологов. Как видим, они не являются оригинальными и находятся в общем русле теории «деидеологизации».

В частности, к «деидеологическим» можно отнести утверждения о том, что односторонние доктрины замедляют осознание молодежью своей социальной функции. Это вполне соответствует вы-

¹ «The New Statesman», VIII. 1967.

сказыванию Дж. Спенглера о том, что «идеология замедляет как экономическое, так и политическое развитие»¹.

На самом деле идеология дает молодежи ориентир в социальной действительности. Трудно представить, как бы подрастающее поколение смогло сознательно и активно воздействовать на общественные процессы, если бы оно действовало нецеленаправленно.

Общественное развитие ускоряется революционными действиями масс, которые руководствуются революционной идеологией. Отсутствие у подрастающего поколения такой идеологии, как было показано выше, ослабляет молодежное движение и его влияние на развитие общества в демократическом, прогрессивном направлении.

«Деидеологические» мотивы в теории юношеского изоляционизма связаны также с утверждениями об односторонности идеологий, которые ограничивают развитие, оставляя для него лишь одно, заранее заданное направление. Для молодежи такие тенденции представляются наиболее опасными, так как она еще не обладает необходимым социальным опытом и довольно легко может усваивать информацию, а вместе с ней и определенные установки. Такая мнимая ограниченность выбора весьма схожа с теорией К. Поппера о «закрытом обществе», программирующем развитие в заранее заданном направлении и лишаящем человечество свободы выбора.

Идеалистический характер подобных утверждений очевиден. Общество развивается по определенным законам, а не в соответствии с пожеланиями того или иного поколения. Разумеется, молодежь может оказать определенное и значительное воздействие на ход событий, однако лишь в том случае, если она будет руководствоваться в своей деятельности объективными потребностями развития общества, целью идеологией.

Именно идеология определяет целенаправленный характер деятельности молодежи. Не метание из стороны в сторону в соответствии с мифическими возможностями так называемого «открытого общества», а осознанная и целенаправленная деятельность дает молодежи возможность оказывать практическое влияние на ход общественных событий.

Действительность говорит о том, что ограничивает свободу выбора для молодого человека капиталистическое общество. Это вынуждены признать многие буржуазные ученые. Так, президент Йельского университета Кингмен Врестер констатирует, что мнимое «открытое общество» на самом деле является «управляемым обществом», которое всячески пытается привязать к своим институтам молодого человека².

«Устарелость» идеологии трактуется буржуазными идеологами и в более широком плане как ненужность для подрастающего по-

¹ Spengler J. Theory, Ideology, Non-Economic Values, and Politico-Economic Development. R. Braibanti and J. Spengler (eds.) Tradition, Values, and Socio-Economic Development. Durham — London, 1961, p. 31.

² «Christien Science Monitor», 14. I. 1970.

коления философии. Обращаясь к студентам Йельского университета, Д. Кеннеди заявлял: «Ныне... основные внутренние проблемы более тонкие и менее простые. Они не относятся к основным противоречиям философии и идеологии, но касаются способов и средств достижения общих целей... Мы не нуждаемся в ярлыках и избитых фразах... Политические ярлыки и идеологические подходы неуместны при принятии решений»¹.

Призыв избавиться от философии в данном случае, однако, опирается на совершенно определенную философию, а именно на философию прагматизма. Сведения всех проблем к управленческому, ориентация на узкий менеджизм имеют целью отвлечь молодежь от активной социальной деятельности по переустройству общества.

Последнее явственно проступает в стремлении буржуазных идеологов культивировать аполитическую антипартийность среди молодежи, спекулируя на определенных прагматических установках.

Журнал «Экспрессо» поместил статью о юношеском движении Италии под заголовком «Тебе нравится твоя партия?». По мнению журнала, антипартийные настроения среди западной молодежи объясняются тем, что она занимает более левые позиции, чем буржуазные партии².

Западногерманская газета «Зюддойче цайтунг» опубликовала обширное социологическое исследование «Молодежь в качестве партнера партий». Активность молодежи, утверждается там, проявляется большей частью за пределами партий — в различных объединениях, студенческих ассоциациях и школьных группах.

Демократические устремления молодежи обычно проявляются спонтанно, без влияния идеологических установок партий, заявляет газета.

«Когда сто молодых мюнхенцев, учащихся старших классов, — подкрепляют свои позиции социологи из «Зюддойче цайтунг», — протестовали перед земельными выборами на Кеннигсплаце против НДП, в своих листовках, плакатах, заявлениях и обращениях они подчеркивали, что эту демонстрацию организовали без всякой помощи со стороны партий, что они выступали в защиту демократии, но не в пользу какой-либо из числа политических партий.

Когда во время последних выборов конвента в Мюнхенском университете, которые впервые носили чисто политический характер, кандидатов спрашивали на различных собраниях об их партийной принадлежности, они или с гордостью указывали на свою независимость или стыдливо умалчивали о партийном билете».

Какими же причинами, задают вопрос буржуазные социологи, объясняет подрастающее поколение свое негативное отношение к партиям? Молодые люди, пишет «Зюддойче цайтунг», дают следующие ответы:

«Так там же все определяет партийная верхушка», «Все равно против аппарата ничего не поделаешь», «В этих старых партиях все

¹ Horowitz I. L. (ed.) *The New Sociology. Essays in Social Sciences and Social Theory in Honor of C. W. Mills*. New York, 1964, p. 283.

² «Espresso», 27. II. 1972.

уже заранее установлено и расписано», «Там не политическое образование, а политическое оглушение, это особенно заметно во время выборов», «Там я не смогу проявить собственную инициативу, ведь для них важнее верность партийной линии», «Ни одна из нынешних партий не заслуживает моего доверия», «Партии предали свои цели и коррумпировались с властью» и, наконец, «Пока еще не существует партии моего идеала»¹.

Данное социологическое исследование характеризует не аполитичность молодежи, а определенную политическую направленность ее антипатий. Молодежь отвергает буржуазные партии. О коммунистических партиях в данном случае речь не идет — они преследуются. Преподнося подрастающему поколению идеологические доктрины с налетом внешней аполитичности и в то же время устраивая гонения на коммунистов, правящие круги капиталистических стран проводят совершенно определенную классовую политику.

Таким образом, в своей практической деятельности антикоммунизм не признает идеологию «устаревшей». Он объявляет ее таковой только для тех социальных слоев, которые считаются потенциально способными к усвоению коммунистической идеологии.

Второе направление. Идеология объявляется теоретиками юношеского изоляционизма препятствием для научного познания мира подрастающим поколением. Противопоставление науки и идеологии в рамках теории «деидеологизации» конкретизируется для юношеской аудитории.

Бурное развитие науки, научно-техническая революция, говорят теоретики юношеского изоляционизма, выработали у молодежи привычку к познанию общего и всеобщего, необходимого и закономерного. А это есть метод естественно-математических наук, в отличие от наук социальных с их методом познания единичного, особенного и индивидуального.

Подобное противопоставление в глазах молодежи естественно-математических и социальных наук, по существу, опирается на концепцию К. Маннгейма, считавшего, что только естественно-математические науки дают объективные знания, а социальные науки заняты выявлением единичного, особенного и индивидуального, рассматривая их с субъективных позиций².

Неправомерность противопоставления естественно-математических и социальных наук, исходя из произвольно рассматриваемой специфики познания общего и всеобщего, единичного и особенного, обстоятельно раскрыта в работах советских ученых³. Поэтому здесь представляется необходимым лишь подчеркнуть, что и общественные явления молодежь познает в категориях общего, необходимого и закономерного. Это позволяет определить основные за-

¹ «Süddeutsche Zeitung», 27—28. I. 1968.

² Mannheim K. Essays on the Sociology of Knowledge. London, 1952.

³ См.: Москвичев Л. Н. Теория «деидеологизации»: иллюзии и действительность. Скворцов Л. В. Об особенностях кризиса современной буржуазной идеологии. М., Политиздат, 1970.

дачи юношеского движения, необходимость определенной тактики в связи с правильно понятыми закономерностями общественного развития.

Как известно, буржуазные социологи противопоставляют не только естественно-математические науки социальным, но и социальные науки идеологии. Так, американский социолог И. Роусек считает сферой социальных наук познание реально существующих явлений и процессов, а сферой идеологии — «субъективные теоретические построения»¹.

В соответствии с теорией юношеского изоляционизма такое противопоставление в глазах молодежи облегчается, с одной стороны, ее знакомством с широко практикуемыми в последнее время социологическими исследованиями с их эмпирическими выкладками, а с другой стороны — ее максималистским стремлением к правдоискательству.

Но, во-первых, эмпирический материал в социологических исследованиях предполагает его обобщение, осмысление, т. е. определенный ценностный вывод. Социологические исследования проблем молодежи во многом способствовали научному осмыслению положения подрастающего поколения в определенном обществе и выработке стратегии и тактики юношеского движения, его лозунгов и т. д. Во-вторых, познание истины и особенно ее утверждение связано с активными действиями, которые всегда будут идеологически окрашены. Не случайно мы наблюдаем переход масс молодежи от борьбы за правду вообще к борьбе за достижение осознанных социальных целей.

Следует особо подчеркнуть, что определение идеологии как системы ценностных суждений присуще неопозитивизму. Получившая в последнее время некоторый распорстранение в западной социологии и среди части деятелей буржуазной культуры неопозитивистская концепция эмотивизма рассматривает ценностные суждения как отражение субъективного мнения по поводу того, что правильно, а что нет. При этом якобы отражается не сам факт действительности, а только высказываются чувства, эмоции в отношении некоторого явления.

Эмотивизм, по мнению буржуазных психологов, представляет определенные возможности для «обоснования» необъективного характера идеологии для молодежи. Ее незначительный жизненный опыт, эмоциональная возбудимость якобы постоянно приводят к ценностным суждениям, которые являются весьма поверхностными. Поэтому и идеология для молодежи представляется как поверхностная игра слов.

Молодежь действительно эмоционально воспринимает многие события. Но ведь идеология — это такой общественный феномен, где научное познание действительности соединяется с ценностным, эмоциональным отношением к определенным явлениям. Не отрицая того, что молодежь воспринимает многие события более эмо-

¹ Roussek J. S. A History of the Concept of Ideology. «Journal of the History of Ideas», vol. V. 1944, N 4.

ционально, чем старшие, следует заметить, что это не изменяет объективного характера тех явлений, восприятие которых эмоционально окрашено.

Ненаучный характер идеологии для молодежи буржуазные социологи пытаются обосновать и тем, что в идеологию привнесено много практических моментов, которые не являются научными. Сегодняшняя молодежь, отвергающая «узкий практицизм» отцов, материальное благополучие, практическую мещанскую мораль и т. п., будет якобы в силу этого нечувствительна к идеологии.

Говоря одновременно о поиске подрастающим поколением истины, буржуазные социологи умалчивают, что именно марксистско-ленинская идеология определяет критерием истинности научных теорий практику. И это не искусственное внесение практических элементов в идеологию, а принципиально иное: идеология верна, если она отражает действительные потребности общества, и ее истинность проверяется практикой.

В последние десятилетия прогрессивные молодежные организации и демократическое юношеское движение в целом все более действенно применяют идеологию для достижения практических результатов в борьбе за переустройство общества на истинно справедливых началах. И в этом сказывается понимание молодежью идеологии как научного инструмента, с помощью которого трудящиеся могут преобразовать мир.

Третье направление. Мифологический характер идеологии — о чем довольно много говорят теоретики «деидеологизации» — должен, по их мнению, прийти в столкновение с реализмом современного подрастающего поколения.

Американский философ Р. Т. Де Джордж, возглавляющий кафедру философии Канзасского университета, классифицирует «идеологические мифы» на три вида: телеологический миф, оправдывающий определенную цель; моральный миф, защищающий систему ценностей; тоталитарный миф, охватывающий широкую область понятий и служащий для всесторонней духовной эксплуатации личности¹.

Неправомерность подобной классификации в целом обстоятельно раскрыта советскими философами². Тем не менее представляется необходимым отметить несостоятельность концепции Де Джорджа с точки зрения закономерностей овладения идеологией молодежью.

Теория Де Джорджа подводит к пониманию движения прово как отвержению молодежью телеологического мифа — ведь прово не провозглашают никакой цели; к пониманию движения хиппи как протеста против морального мифа — хиппи не приемлют ценности буржуазного общества. Вместе с тем с помощью этой теории буржуазные социологи пытаются выискывать в поведении советской

¹ «Akten des XIV Internationalen Kongress für Philosophie», Bd. I, Wien, 1968.

² См.: Мшвениерадзе В. В. Философия и идеология. «Философия и современность». М., «Наука», 1971.

молодежи моменты, которые бы говорили о ее враждебном отношении к тоталитарному мифу.

В то же время Де Джордж, подобно многим буржуазным философам и социологам, с одной стороны, дает извращенное понимание идеологии, а с другой стороны, не определяет научно специфику ее восприятия различными социальными категориями.

Идеология, по мнению этих буржуазных идеологов, не форма познания социальной действительности, а средство для обоснования и достижения определенных интересов. Эта служебная роль идеологии якобы приводит к тому, что в конечном итоге обнаруживается ее несостоятельность. Би-би-си, например, заявляет, что если бы молодой Ленин (именно молодой, ибо в эту пору он был «критически настроен») сейчас пришел поработать в библиотеку Британского музея, то он изменил бы свои взгляды на классовое общество. А если бы молодой Маркс, вещает «Голос Америки», смог бы поехать сейчас в Соединенные Штаты, то марксизм, мол, просто бы не родился.

В данном случае мы имеем дело с явной недобросовестностью. Жизненность марксизма-ленинизма доказана практикой, в частности, его широчайшим распространением среди современной молодежи.

Буржуазные философы, не исключая Де Джорджа, рассматривают идеологию вообще, не соотнося ее с каким-либо обществом, а если это и делают, то лишь затем, чтобы подчеркнуть «тоталитарный» характер советской идеологии. Между тем социальная среда, в которой функционирует идеология, влияет на нее определяющим образом.

Буржуазная идеология действительно служит для обоснования интересов капиталистов, интересов, которые противоречат объективным потребностям развития общества. Поэтому буржуазная идеология умышленно уводит молодежь от познания реальной действительности и в этом плане является мифом. Тот факт, что в последнее время среди части молодежи находят распространение некоторые социал-реформистские доктрины, совсем не говорит об их истинности. Научно-технический прогресс и связанное с ним некоторое оживление экономики капиталистических стран, мелкобуржуазное происхождение значительной части молодой интеллигенции — все это в определенной степени способствует распространению мелкобуржуазных иллюзий, несостоятельность которых, безусловно, выявится.

И сами «деидеологические» мотивы, рассчитанные на молодежь, тоже имеют мифологический характер, ибо служат той же цели: отвлечь ее от познания социальной действительности и борьбы за свои интересы, которые неизбежно приходят в противоречие с интересами крупного капитала.

Иная сущность и функция у марксистско-ленинской идеологии, имеющей научные основы. Она тоже служит для обоснования интересов, но интересов широких масс трудящихся. Эти интересы соответствуют потребностям развития общества, и потому марксистско-

ленинская идеология носит объективный характер. Именно в силу этих причин она находит широчайшее распространение среди молодежи.

Четвертое направление. Мнимые «деидеологические» устремления молодежи буржуазные социологи пытаются связать с ее отвращением к фанатизму, умышленно при этом отождествляя фанатизм и идейную убежденность.

Фанатизм представляет слепую веру, основанную на догматах, религии, мифах. Мифологический характер фанатизма позволяет отнести его к разновидности буржуазной идеологии.

Питательной средой фанатизма среди молодежи нередко является невежество, используемое антикоммунистами в своих целях. Именно невежество, забитость значительной части подрастающего поколения Индонезии были использованы антикоммунистическими маньяками для привлечения молодых людей к массовому фанатичному избиению коммунистов.

Идейная убежденность коммунистов базируется на прочной научной основе. Коммунистическое воспитание молодежи опирается на усвоение и осмысление юношами и девушками разнообразных духовных богатств, выработанных человечеством.

Сегодня за фанатизмом, как правило, скрываются интересы эксплуататорских классов. Так, буржуазная пропаганда настойчиво культивирует среди молодежи фанатичную ненависть к коммунизму и одновременно внушает преклонение перед мифологическим «суперменом», который ведет борьбу с «русскими агентами».

Коммунистическая убежденность тоже отражает интересы — но интересы трудящихся. Поэтому она освещена благородными идеалами борьбы за счастье народов, и это привлекает к ней миллионы молодых людей.

Как правило, фанатизм выступает в качестве разрушительной силы. Достаточно вспомнить фанатизм воспитанников «гитлерюгенда» и совершенные ими преступления. Сегодня в этих же разрушительных, преступных целях пытаются культивировать фанатизм среди подрастающего поколения империалистические идеологи. Призывая американскую молодежь поддержать преступную авантюру США во Вьетнаме, Л. Джонсон, являясь президентом ведущей капиталистической страны, заявлял, что ему «хотелось бы, чтобы молодежь Америки проявляла бы такой же энтузиазм в связи с войной, как молодежь Германии делала это во времена войн Гитлера»¹.

Наоборот, идейная убежденность питает созидательную энергию подрастающего поколения. Идейная убежденность помогла советской молодежи в преодолении невероятных трудностей в процессе социалистического строительства, в героической борьбе с гитлеровским фашизмом. Идейная убежденность лежит в основе стремления советских юношей и девушек оказывать помощь народу

¹ «Insurgent», 1965, N 5.

и молодежи Вьетнама против тех, кто сегодня снова пытается разжечь фанатизм по стандартам «гитлерюгенда».

Фанатизм нередко питается националистическими предрассудками, которые разжигают в среде молодежи буржуазные идеологи, спекулируя на особой чувствительности подрастающего поколения к ущемлению национальных чувств, национальной культуры и т. д. Сегодня антикоммунизм пытается подорвать национально-освободительное движение, распространяя националистические предрассудки в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Национализм искусственно насаждается и среди молодежи развитых капиталистических стран, что приводит к ослаблению национальных демократических движений.

Националистическими предрассудками во многом питается также фанатизм хунвейбинов.

С другой стороны, пролетарский интернационализм становится возможным на основе общности идейной убежденности. Многочисленные выступления молодежи последних лет все чаще приобретают интернациональный характер на почве идейной убежденности борцов против империализма, за мир, демократию и социальный прогресс. В частности, горячую поддержку у молодежи нашла инициатива Ленинского комсомола по проведению в 1971 г. всемирной акции «Юность обличает империализм!».

Характерно, что сегодня фанатизм у молодежи пытаются культивировать крайние правые антикоммунисты всех мастей от «Общества Джона Берча» до Ку-Клукс-Клана. Молодежные организации НДП, итальянских неофашистов и т. д. воспитывают у своих членов фанатическую ненависть к коммунизму, формируя у них самые крайние формы извращенного сознания.

И именно коммунистические партии, коммунистические союзы молодежи формируют у юношества идейную убежденность на основе изучения марксистско-ленинской науки, основ философских, политических, экономических и других знаний. Сознательное овладение марксистско-ленинской теорией имеет следствием воспитание подрастающего поколения идейно убежденным, сознательно выбирающим классовые позиции.

Таким образом, можно видеть, что все четыре направления в «деидеологизации» молодежи оперируют идеологическими ценностями и носят идеологический характер.

Об идеологической сущности попыток «деидеологизации» молодежи говорит и их практическая направленность. Они имеют целью лишить антиимпериалистической и антикапиталистической направленности выступления молодежи капиталистических стран и помешать ее переходу на позиции марксизма-ленинизма, дезориентировать юношеское движение в развивающихся странах, внести идеологическую инфекцию в ряды коммунистических союзов молодежи и подрастающего поколения социалистических стран.

Практическую ориентацию «деидеологических» аспектов юношеского изоляционизма можно видеть на его отношении к движению «новых левых», и прежде всего к его слабым сторонам.

Известно, что «новые левые» пока не выработали четких идейных позиций. Если им брать на вооружение концепции, предлагаемые «деидеологизаторами», то в дальнейшем следует отказаться от постановки политических проблем и ограничиться чисто «человеческими» проблемами. Не случайно Белл считает сущностью «новых левых» их эмоции.

У «новых левых» нет системы идеологических воззрений. «Деидеологическая» направленность юношеского изоляционизма может их ориентировать лишь на узкий эмпиризм и тем самым на лишение каких-либо попыток воспринять цельную идеологию.

«Новые левые» не представляют четко, каким образом и в каких направлениях должно быть преобразовано общество. Поскольку Арон, Белл и другие связывают появление идеологий с изменениями в общественной структуре, то исчезновение идеологии по существу ставит вопрос о стабилизации существующей общественной структуры, т. е. капитализма. Отсюда и попытки объяснить выступления молодежи не тем, что устарели общественные отношения, а тем, что она еще не приспособилась к новым (?) общественным отношениям. Так, Белл объявляет волнения подрастающего поколения США следствием его инертности в приспособлении к «постиндустриальному обществу». Как ремесленник феодального общества, говорит он, протестовал против организационных форм промышленного производства, так и нынешняя молодежь протестует против организованной системы образования.

Наконец, «новые левые» пока не имеют четких идеалов. В то же время «деидеологизаторы» выступают за отрицание каких-либо идеалов.

Следует сказать, что подобная совершенно явная практическая направленность «деидеологических» аспектов теории юношеского изоляционизма на подрыв движения «новых левых» не осталась незамеченной. Достойную отповедь ей, в частности, дал известный американский социолог Миллс, отметивший, что такая тактика «имеет не последней целью дискредитацию социалистической идеологии»¹.

И это весьма характерно. Касаются ли буржуазные социологи антикапиталистических выступлений молодежи, забастовочной борьбы, студенческих требований — они всегда не упускают случая объявлять марксистско-ленинскую идеологию. Но особенно явно антикоммунистическая сущность их теорий сказывается тогда, когда они обращаются непосредственно к фальсификации социалистической идеологии.

* * *

Одной из характерных черт советской молодежи буржуазные идеологи пытаются объявить якобы растущую аполитичность. Так, Анри Пьер, ведущий во французской газете «Монд» раздел о совет-

¹ Mills C. W. On the Left. P. Jacobs and S. Landay (eds.). The New Radicals: a Report with Documents. New York, 1966, pp. 103—104.

ской молодежи, в целом ряде статей утверждает, что аполитичность среди подрастающего поколения в Советском Союзе якобы приобретает все большие масштабы, в связи с чем «проблемы политического воспитания молодежи продолжают оставаться на первом плане в заботах руководства»¹.

Аполитичность молодежи связывается буржуазными социологами как с общим процессом «деидеологизации», переносимом ими искусственно в советские условия, так и со специфическими качествами подрастающего поколения.

Общие установки на «деидеологизацию» в СССР попытался сформулировать Белл в своей статье с недвусмысленным подзаголовком «Конец идеологии в Советском Союзе?»². В ней он стремился систематизировать причины, которые, по мнению буржуазных социологов, должны способствовать «деидеологизации».

Своеобразной предпосылкой «деидеологизации» буржуазные теоретики считают плюрализм в идеологии. Он, по их мнению, делает идеологии более мягкими, менее односторонними и фанатичными и в конечном итоге способствует их изживанию.

«Тоталитарная» идеология, под которой буржуазными социологами подразумевается коммунистическая идеология, по приводимой уже классификации Де Джорджа признается наиболее консервативной. Поэтому для ее размягчения рекомендуется создание целого ряда альтернатив в самых различных сферах деятельности личности. Как пишет буржуазный социолог У. Коларж в своей книге «Коммунизм и колониализм», коммунизм исчезнет лишь тогда, когда некоммунисты вытеснят его не с помощью пропаганды, а с помощью позитивных усилий во всех областях духовной деятельности. «Тоталитарной» идеологии неэффективно противопоставлять другую «тоталитарную» идеологию; на вызов коммунизма «свободный мир» должен ответить множеством вызовов: либеральным, социал-демократическим, религиозным. При этом подчеркивается, что несмотря на различия, некоммунистические концепции якобы имеют одно общее качество — уважение к человеческой личности и человеческому достоинству, чего нет, утверждает Коларж, в «тоталитарной» идеологии.

Создание идеологического плюрализма в социалистических условиях, считают буржуазные социологи, ослабляет «коммунистический контроль» с его монопольным статусом. Так, профессор русской истории Вашингтонского университета Дональд Тредголд заявляет, что «тоталитарная» идеология осуществляет «господство во всех областях жизни, по сравнению с которым господство монополий представляется ничтожным»³.

Для обоснования своих позиций о «тоталитарном» характере

¹ «Le Monde», 30. IV. 1968; 21. VI. 1968.

² Bell D. Marxism, Leninism: A Doctrine on the Defensive. The End of Ideology in Soviet Union? Columbia University Press, 1966.

³ «Social Education», V. 1964.

современных идей марксизма-ленинизма антикоммунизм сейчас нередко пытается обратиться к самому К. Марксу.

Ренегат марксизма Гюнтер Барч, исключенный в свое время из КПГ, утверждает, что согласно Марксу коммунисты должны были идейно выделиться только теоретически, но не в политической практике, и что «обособление» коммунистов якобы противоречило политической тактике Маркса¹. Причем в буржуазной социологии сейчас делается особый нажим на то, что наиболее «антитоталитарные» идеи Маркса, мол, высказывал именно в молодом возрасте.

Понятие «тоталитарной» идеологии входит первым составным пунктом в так называемый «синдром» (взаимосвязанные существенные признаки) «тоталитаризма», сформулированный в пятидесятых годах К. Фридрихом и З. Бжезинским². Противопоставляя советской идеологии ряд альтернатив, фальсифицируя высказывания Маркса, буржуазные социологи исходят из концепции Фридриха и Бжезинского. Но широкое распространение марксистско-ленинских идей, дальнейшее развитие социалистической демократии, становление молодого образованного и духовно богатого поколения в СССР — все это не соответствовало измышлениям о «тоталитаризме». Поэтому целый ряд известных буржуазных социологов, в том числе Арон, выступили с ревизией этой концепции³. Характерно, что и сам Бжезинский вынужден был реконструировать свою модель⁴.

Крах концепции «идейного тоталитаризма» в значительной степени обусловлен тем, что она теоретически делала невозможным духовное развитие молодежи, извращала ее роль в социалистическом обществе. Однако 50—70-е годы дали убедительные контраргументы этой концепции: массовое приобщение подрастающего поколения к идеям марксизма-ленинизма, выдвижение советской молодежи на решающие участки производства и духовной деятельности, ее значительная роль в управлении общественными процессами, творческие успехи молодой интеллигенции и т. д.

В этих условиях буржуазные теоретики начинают искать иные возможности для «размягчения» советской идеологии и пропаганды идеологического плюрализма. В частности, «Немецкая волна» посвятила этому специальный анализ буржуазных философских журналов, выделив при этом слова известного «советолога» профессора Б. Майснера о том, что основной конфликт теперь якобы происходит между устремлениями «всеобъемлющей идеологии и современным развитием индустриального общества».

В чем же особенности этого развития? Они якобы в том, что индустриальное развитие приводит не только к узкой специализации,

¹ «Politik und Zeitgeschichte», 1965, N 31/65.

² Friedrich C. J., Brzezinski Z. K. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge, Mass. 1956.

³ Aron R. Soviet Society and Future of Freedom. Oxford, 1957.

⁴ Brzezinski Z. K. Ideology and Power in Soviet Politics. New York, 1962.

но и социальной дифференциации, что касается прежде всего молодежи как наиболее активного социального компонента.

Буржуазные социологи говорят о некоей растущей «кастовости» советского общества, которая якобы обусловлена не только спецификой индустриализации, но и характером социалистической системы.

В последние годы на Западе довольно широко стали печатать К. Каутского, выискивая его «неизвестные и малоизвестные произведения». Особенно любят «советологи» обращаться к его «Мыслям об едином фронте», выделяя те места, где говорится о необходимости для меньшинства в целях увековечения своего господства провести раскол населения. При этом подчеркивается, что такая тактика якобы вытекает из самого существа марксистской доктрины. Ведь пролетариям, мол, внушалось чувство господствующего класса посредством предпочтения их крестьянам, а внутри рабочего класса опять-таки особые привилегии получали особо покорные и усердные, «примерные мальчишки». Так, после уничтожения старых классов якобы возникает новое деление на классы¹.

В полном согласии с подобной трактовкой социализма ренегатом марксизма буржуазные идеологи делают заключение о природе советского строя как «коммунистической иерархии». Суть социализма они определяют, исходя не из общественной собственности на средства производства, социалистических производственных отношений, глубоких социальных изменений в положении классов, а «кастовостью», особенно так называемой «наследственной кастовостью». «Советологи» утверждают, что в социалистических условиях передача по наследству социального положения в обществе выражена гораздо полнее и рельефнее, чем на Западе. Если в капиталистических условиях принцип наследственности носит довольно «ограниченный и архаичный характер» и выражается в наследовании материальных ценностей, то в Советском Союзе по наследству якобы передаются подлинные ценности XX века — воспитание, образование, информированность, социальный престиж.

Подобные утверждения лишены какой-либо объективности. Подавляющее большинство руководящих кадров в нашей стране вышли из среды рабочих и крестьян. Около 9 миллионов обучающихся в вузах и техникумах — это дети рабочих, крестьян, интеллигенции. Естественно, что в связи с научно-технической революцией, ростом уровня образования в СССР растет интеллигенция. Но это социалистическая интеллигенция, которую совершенно неправомерно противопоставлять рабочим и крестьянам. Следует заметить, что рост интеллигенции происходит именно за счет молодого поколения, которому гарантированы реальные возможности — независимо от социального происхождения — для получения среднего специального и высшего образования².

¹ «Zeitschrift für Sozialismus», 1935, N 26/26.

² См.: Руткевич М. Н. О перспективах развития интеллигенции. М., «Знание», 1971.

Социальная стратификация советского общества на основе ложного тезиса «кастовости» имеет, в частности, целью обосновать закономерность появления различия в идеологии, необходимость появления различных идеологических доктрин. Идеологический плюрализм, рассчитывают буржуазные теоретики, нивелирует идеологию и в конечном итоге приведет к ее изживанию, к «деидеологизации».

«Деидеологические» мотивы юношеского изоляционизма, прилаживаемые к советскому обществу, также строятся на тезисе «отставания» идеологии от сознания подрастающего поколения, на прагматическом и техническом подходе к решению социальных проблем, на противопоставлении науки и идеологии, на объявлении идеологии фанатическим учением старших. Однако при сохранении общей направленности «деидеологических» мотивов они, в преломлении к советским условиям, имеют и свои особенности, вызванные практическими соображениями антикоммунизма.

* *
*

«Отставание» идеологии от сознания молодежи прежде всего связывается с изменениями в жизни советского государства и положения подрастающего поколения. Белл относит к этим изменениям экономическую реформу, критику ошибочных теоретических положений, дискуссии философов и литераторов и т. д., что непосредственно отражается на молодежи.

Американский журнал «Юнайтед Стейтс Ньюс энд Уорлд Репорт» поместил статью своего корреспондента Р. К. Броума «Новый взгляд на сегодняшнюю Россию», где делается попытка проследить изменения в жизни молодежи. В чем же они заключаются? Молодые мужчины, как и женщины, следят за своими туалетами и проявляют живой интерес к западным модам. Нередко случается, что приезжего иностранца на протяжении нескольких кварталов преследует какой-либо молодой русский, который, как оказывается, просто хочет повнимательнее рассмотреть рубашку или галстук иностранца. Очереди молодых людей начинают выстраиваться перед дверьми ресторанов с 6 часов вечера ¹.

«Исследования» Броума дополняют супруги Резенфельд в своей книге «Возвращение с Красной площади». По их мнению, «молодежь жаждет комфорта, роскоши и развлечений, красивой одежды, магнитофонов, дансингов и вкусной еды» ²

Трудно серьезно комментировать эти высказывания, которые выдаются за «объективные» и «беспристрастные». Нас они интересуют лишь как иллюстрация направления буржуазной идеологии, пытающейся свести духовные интересы советской молодежи к дешевому потребительству и увести ее от идеологических проблем.

¹ «United States News and World Report», 5. VI. 1967.

² Rosenfeld S. and B. The Return from Red Square. Washington, 1967.

Для подкрепления своих утверждений об «устарелости» идеологии для советской молодежи буржуазные идеологи ссылаются на свои «выборочные социологические исследования». О характере этих «исследований» может дать представление та степень репрезентативности, которая отличала работу С. и Б. Розенфельдов по «сбору материалов» в СССР. Они «опросили» молодого ловеласа, туеядца, девушку легкого поведения и алкоголика и на основании этого сделали вывод об интересах, психологии, культуре, мировоззрении советской молодежи, в частности об ее аполитичности. Подобные единичные «интервью» на панели и в ресторане (если они вообще были) даже не касаются основных социальных групп советской молодежи, ограничиваясь такими субъектами, которых никак нельзя считать типичными. Эти «интервью» не касаются и основных проблем, волнующих советскую молодежь, а ограничиваются лишь тем, что волнует фальсификаторов — выявлением степени «аполитичности»¹.

Несостоятельность тезиса буржуазных социологов об «отставании» идеологии от сознания молодежи доказывается фактом активного функционирования идеологии в юношеской среде.

Марксистско-ленинская идеология дает молодежи понимание ее места и роли в современном обществе как наследника и продолжателя дела предыдущих поколений. В противовес концепции юношеского изоляционизма, спекулирующей на «особой роли» подрастающего поколения, марксистско-ленинская идеология дает возможность осознать действительно значительные и ответственные функции молодежи в развитии социалистического общества.

Марксистско-ленинская идеология выступает как мощный мобилирующий фактор в решении молодежью актуальных современных задач. Она определяет специфику участия подрастающего поколения в создании материально-технической базы, формировании коммунистических общественных отношений, воспитании нового человека. Она помогает вырабатывать конкретные формы действительного участия молодежи в ударном труде, учебе, общественной работе.

Марксистско-ленинская идеология помогает молодежи осознать сложное развитие социальных явлений в современном мире: закономерности развития мировой социалистической системы, коммунистического и рабочего движения, национально-освободительной борьбы. Она дает понимание процессов, происходящих сегодня в развитых капиталистических странах, и вместе с тем формирует иммунитет против восприятия теорий, извращающих эти процес-

¹ Можно отметить, что подобные «исследования» не являются результатом нехватки времени или возможностей для проведения бесед. Супруги Розенфельд пробыли в СССР в общей сложности 10 лет. Как корреспондент газеты «Вашингтон пост», Стивен Розенфельд имел полную возможность для широких контактов. Но, как показали события, Розенфельда, бывшего сотрудника разведки ВМФ США, значительно больше интересовала фабрикация антисоветских измышлений. В 1966 г. Розенфельды высланы из СССР за публикацию антисоветских материалов.

сы, — «индустриального общества», «открытого общества», «сформированного общества», конвергенции и т. д.

Марксистско-ленинская идеология не только помогает познать настоящее, но и предвидеть будущее. В ее свете становится очевидна несостоятельность современных буржуазных футурологических концепций, в том числе и тех, что предназначены специально для молодежи. Она помогает понять абсурдность попыток обосновать так называемое «молодежное общество» будущего. В то же время марксистско-ленинская идеология раскрывает перед подрастающим поколением конкретные пути социальной деятельности для построения общества будущего.

Таким образом, марксистско-ленинская идеология дает возможность молодежи осознать свои социальные функции в обществе и успешно их реализовать. Она отражает насущные потребности подрастающего поколения и является для него настоятельно необходимым, самым верным идеологическим учением.

* *
*

«Деидеологические» настроения молодежи, считают буржуазные социологи, также связаны с советскими высокими темпами индустриализации и распространением в связи с этим психологии менеджеров с их чисто практическим подходом к решению различных проблем. Этот подход приведет, как надеются «советологи», к столкновению с марксистско-ленинской идеологией. «Марксисты гордятся тем, — пишет западногерманский «советолог» Лутц Кельнер, — что они до сих пор твердо придерживались первоначальных учений марксизма. Обратной стороной этой гордости является, естественно, признание неслыханной духовной выхолащенности в век социально-экономического динамического мышления»¹.

Исходя из этой мнимой «ограниченности» марксистско-ленинского учения, буржуазные социологи высказывают «рекомендации» о «технократизации» советской идеологии. Так, профессор Колумбийского и Стэнфордского университетов Д. Лихтхайм предлагает синтезировать коммунистическую идеологию с технократическими доктринами².

Выросшая в условиях развитой индустриализации молодежь якобы становится активным носителем менеджеристского, технократического мышления. Его специфическими чертами являются прагматизм и технико-управленческий подход при реагировании на любые общественные ситуации.

Можно выделить два направления в разработке буржуазной социологией темы практического мышления молодежи. Одно из них лежит в сфере отношения общественных и государственных инсти-

¹ «Das Parlament», 22. VII. 1964.

² «Survey», I. 1967.

тутов к молодежи, второе — в сфере отношения молодежи к этим институтам.

Первая тема трактуется как «деидеологизация» «сверху», осуществляемая молодыми технократами, наделенными властью.

Начальный этап процесса — технократическое «размягчение» идеологии в среде образованной молодежи. В своей книге С. и Б. Розенфельды связывают с надеждами подрастающего поколения следующий вопрос: «Может ли образование и техника ускорить процесс либерализации России?». Еще более определенно говорит по этому поводу «Немецкая волна»: «Общественный строй холодных коммунистических технократов, подрастающих теперь почти во всех коммунистических странах, порождает, несомненно, свою проблематику. Так, например, на Западе часто удивляются, сколь мало значения придают эти люди идеям и теориям, порой еще намного меньше, чем многие из наших западных капиталистов. Но одно ясно: это новое поколение видит экономические, социальные и политические проблемы, с которыми придется иметь дело коммунистическим странам. А это означает следующее: новое поколение видит, что мир необходим также и странам коммунистического мира».

Следующий этап — это утверждение типа молодого технократаруководителя по стандарту того прагматизма в общественной жизни, что рекламируется американскими государственными деятелями. Так, А. Макеллар заканчивает свое «исследование» о советской молодежи надеждой, что «к власти придет молодой человек, такой как Кеннеди, человек широкого кругозора и большой культуры, который не ограничивается в своей жизни только чтением произведений Маркса и Ленина»¹. Не случайно «Немецкая волна» усмотрела в действиях ревизионистов в Чехословакии в 1968 г. приход к власти представителей нового поколения, которому «чужды и далеки высокопарные мечты» и которые несут «меньше идеологического догматического балласта». В то же время «Голос Америки» попытался определить теперь уже в советской действительности тенденцию к появлению техников, специалистов в различных областях и администраторов, которые гораздо больше интересуются модернизацией промышленности и разумной экономикой, чем идеологией.

Наконец, заключительный этап — это проведение «технократических реформ». Однако эти «реформы» лишь вначале должны носить «технократический» характер, а на самом деле на них возлагается надежда в ревизии идеологических ценностей.

Расчеты буржуазных идеологов на изживание идеологии в связи с «технократизацией» абсолютно не реальны, так как они извращают существо происходящих социальных процессов. Действительно, научно-техническая революция является непреложным фактом и именно в ее условиях обретает социальную зрелость подрастающее поколение. Но научно-техническая революция при некотором сходстве ее черт во всех странах (превращение науки в производитель-

¹ «Réalité», I. 1967.

ную силу, урбанизация, отделение жилья от работы, развитие образования, появление новых видов энергии и материалов и т. д.) в различных общественных условиях протекает по-разному. В связи с этим различно и ее влияние на подрастающее поколение.

Связанные с научно-технической революцией в условиях капитализма потогонная система эксплуатации, безработица, что в первую очередь сказывается на молодежи, приводят не к «технократизации», а к появлению определенных идеологических установок среди подрастающего поколения. Эти установки носят антимонополистическую, антиимпериалистическую направленность.

С другой стороны, совершенствование производства, облегчение условий труда, повышение благосостояния трудящихся, рост свободного времени, подъем образовательного и культурного уровня молодежи в процессе научно-технической революции в социалистических условиях еще раз убеждают подрастающее поколение в верности марксистско-ленинского учения.

Идеология не умирает в век научно-технической революции. Она лишь порой приобретает весьма завуалированные, скрытые формы у представителей правящих классов, стремящихся замаскировать свою эксплуататорскую политику. Так, когда буржуазные идеологи говорят о прагматизме президента Д. Кеннеди или западногерманских капиталистов, надо иметь в виду, что этот прагматизм обусловлен интересами капитала в эпоху научно-технической революции и является идеологической мимикрией, приспособлением идеологических установок империализма к новым условиям.

Второе направление в разработке буржуазной социологией темы практического мышления молодежи ориентируется на обоснование прагматических моментов в поведении подрастающего поколения, расчетливого стремления немедленно удовлетворять за счет общества свои желания. Эти гедонистические желания противопоставляются советской системе духовных ценностей, которая якобы требует от юношей и девушек сурового аскетизма. По мнению советских психологов, иронизировал Кассоф, эмоции, свойственные переходному возрасту, вместе с существующими при капитализме другими жизненными горестями, остались позади. Причем существующее положение усугубляется в комсомольской среде тем, что комсомольцам уже не обещают высоких постов даже в будущем, как это якобы имело место в прошлом. И это, по мнению Кассофа, потому, что с «исчезновением последних признаков политической независимости комсомол превратился из объединения по подготовке будущих руководителей в широкую школу для всего молодого поколения, школу, в которой дети, подростки и взрослые должны были изучать ценности, необходимые для нового общества»¹.

Идеологические установки, утверждают «советологи», вредны не только потому, что отвлекают молодежь от удовлетворения естественных желаний, но и потому, что, увлекая ее на путь «иллюзий», делают подрастающее поколение «козлом отпущения» за

¹ K a s s o f A. The Soviet..., p. 198.

авантюры идеологов. Для обоснования этого тезиса буржуазными идеологами разработана целая система, которая включает фальсификацию труда советской молодежи, извращение практики овладения марксистско-ленинской теорией и т. д. Нередко буржуазные идеологи прибегают и к аналогиям из капиталистической действительности, оправдывая репрессии, которые обрушивает на прогрессивное юношество империализм, необходимостью избавить молодежь от «эксплуатации левых идеологов». Так, Би-би-си, сообщив об огромной популярности ряда певцов среди подрастающего поколения, затем «с горечью» констатировало, что они оказались вовлеченными в политику и стали символическими фигурами левого движения молодежи, находящегося под большим влиянием коммунистов. А в результате, саркастически замечает радиостанция, их песни оказались «догматическими».

Буржуазные идеологи пытаются иронизировать над мнимой «ограниченностью» идейно убежденного поколения. Подлинная ирония, однако, состоит в том, что для доказательства естественности потребностей молодежи зачастую привлекаются противоположные с точки зрения морали факты. Та же «респектабельная» Би-би-си, рассуждая о бесполезности попыток идеологических доктрин лишить молодежь удовольствий жизни, параллельно с серьезным видом разрабатывает тему о выдаче противозачаточных пилюль студентам, организует дискуссию на предмет, «поведет ли выдача таких средств незамужним женщинам к увеличению безнравственности или же, наоборот, если отказать в выдаче таких средств, не приведет ли это к еще худшему злу, а именно: к увеличению числа внебрачных детей и незаконных аборт». Одновременно решается вопрос: «разве молодежи не свойственно любить джаз, пиво и азартные игры?».

В своих попытках как-то обосновать возможность замены у советской молодежи идеологической убежденности аморализмом, проистекающим из желания немедленного удовлетворения потребностей за счет развитого технизированного общества, буржуазные социологи снова обращаются к своей концепции юношеской элиты. Свойственные ей «деидеологические» функции объясняются самим фактом ее возникновения, исходя из системы социальной стратификации. В результате развития технического прогресса в первых рядах стратификационной системы оказались семьи, которые умело воспользовались представившимся удобным случаем, или те, чьи прежние заслуги позволяли получить преимущества.

Отсюда буржуазные социологи пытаются сделать далеко идущие выводы. Поведение элиты объясняется отсутствием идеалов, что якобы характерно для той части молодежи Запада, стратификационное положение которой сравнимо с положением элиты. Это поведение характерно для черноблузников, битников, подчеркивает Патрик, а Кассоф приводит в качестве фактора сходства в системе воспитания элиты тот прием, который якобы получил распространение: «Если будешь себя плохо вести, пойду в милицию и попрошу отправить тебя на целину».

Ниже будет дан анализ несостоятельности утверждений буржуазных социологов о «принудительном» характере труда подрастающего поколения. Здесь же представляется необходимым лишь отметить, что самоотверженный труд советской молодежи, в том числе по освоению целинных и залежных земель, совсем не является «деидеологизирующим» фактором, а, наоборот, способствует идейной закалке подрастающего поколения. Закономерность этого процесса обстоятельно раскрыта советской наукой¹.

Буржуазные социологи совершенно неправомерно ставят вопрос о «деидеологизации» молодежи и ее прагматическом стремлении удовлетворять свои запросы за счет общества в эпоху научно-технического прогресса. Уже говорилось о том, что научно-техническая революция в социалистических условиях дает новые факты, убеждающие в верности марксистско-ленинского учения, и это способствует формированию идейной убежденности подрастающего поколения. Вместе с тем развитие социалистического общества приводит к тому, что среди ценностей молодого человека все большее место начинают занимать духовные ценности. К ним относятся и мораль, которая является значительным фактором в формировании общества будущего.

Рассматривая духовные, моральные ценности вне всякой связи с общественными условиями и социальными задачами молодежи, буржуазные социологи демонстрируют свое непонимание социальной обусловленности нравственности.

В. И. Ленин видел в моральных ценностях важное практическое средство при реализации коммунистических идеалов подрастающим поколением. «Воспитание коммунистической молодежи,— считал он,— должно состоять не в том, что ей подносят всякие услужительные речи и правила о нравственности... В основе коммунистической нравственности лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма»².

Моральный облик советской молодежи неразрывно связан с тем, что нынешнее поколение наследует самый высокий общественный идеал из всех, которые когда-либо провозглашались,— коммунистический. Идеал, буквально выстраданный человечеством, и смысл его — в максимальном и всестороннем развитии личности. Этот идеал выступает в сознании молодых не только в своем социально-политическом, но и в эстетическом и в нравственном облике. В борьбе за коммунистическое преобразование общественных отношений происходит слияние социального и эстетического идеала. Поэтому для советской молодежи прекрасное и одновременно рациональное — это то, что способствует коммунистическому преобразованию. Для нее прекрасен подлинно творческий труд, прекрасен цельный человеческий характер, прекрасно художест-

¹ См.: Тяжелников Е. М. Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор трудового подвига комсомольцев и советской молодежи в освоении целинных земель (1954—1958 гг.). Диссертация. М., 1960.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 313.

венное произведение, правдиво и ярко раскрывающее рост нового человека и новых отношений. Свой эстетический идеал наша молодежь видит не только в том, чтобы наслаждаться прекрасным, но и в том, чтобы бороться за него, не только в созерцании прекрасного, но и в развитии его в себе и в других. Социальное и эстетическое для нее неразрывно, ибо это отвечает ее представлению о всесторонне развитой личности, о человеке будущего.

* *
*

Значительное место буржуазные социологи уделяют попыткам противопоставить науку и идеологию. Эти попытки опираются на трактовку социальных наук как субъективных логических построений, причем субъективные начала особенно подчеркиваются в советской идеологии. Так, американский философ Талькот Парсонс берет на вооружение тезис Бердяева о социализме как лжерелигии и говорит о «советско-политической религии». Юлем относит советскую идеологию к пропаганде¹.

Эти тезисы сохраняются и при рассмотрении мнимого «антинаучного» характера функционирования идеологии в юношеской среде. Однако буржуазные социологи вместе с тем выделяют и некоторые особые факторы, которые должны, по их расчетам, подчеркнуть специфическую неприемлемость идеологии для научного склада мышления молодежи.

Учитывая, что советские юноши и девушки выросли в социалистической действительности и практически не сталкивались с революционным процессом смены одной общественно-исторической формации другой, с борьбой классов, буржуазные социологи пытаются фальсифицировать коренные положения марксистско-ленинской идеологии с помощью ловких подтасовок, призванных доказать «ненаучность» социально-экономических категорий марксизма-ленинизма. С этой целью буржуазные идеологи формируют понятия классового, социально-экономического стереотипов, облеченных в понятную для молодежи терминологию.

«Ненаучность» классового подхода буржуазные социологи и пропагандисты ставят в прямую связь с трансформацией всех общественных институтов в современных условиях в сторону «единого индустриального» общества. Это якобы выдвигает перед человечеством принципиально новые проблемы. «Было бы наивно думать,— говорит О. Фарстад в статье «Студенты как пролетарии»,— что все проблемы индустриального общества можно ограничить лишь классовыми противоречиями»².

Буржуазные социологи и пропагандисты говорят об «архаичности» классового подхода. Так, в инсценированной Би-би-си дис-

¹ U l a m A. B. The new face of Soviet totalitarianism. Cambridge, Mass., 1963.

² «Dagbladet», 10. VI. 1968.

куссии о взглядах молодежи на общество молодые люди заявляют, что классы не играют какой-либо роли среди подрастающего поколения и что идеи о классах засели, мол, в головах пожилых людей, поскольку они с ними выросли.

Классовый характер подобных манипуляций особенно явно обнажается тогда, когда заходит речь о частной собственности. Характерно, что факт принадлежности собственности искусственно подменяется понятием «отношения человека к собственности». Вы относитесь к высшему классу в том случае, заявляет Би-би-си, если образцово выполняете установленные на предприятии порядки. Вы принадлежите к высшему классу, если упорно трудитесь и правильно используете свои таланты, какими бы они ни были. Однако вы принадлежите к низшему классу, если ленивы.

По существу, это разновидность частнособственнической классовой морали.

Все эти рассуждения об «анахронизме» понятия «класс» как социальной характеристики имеют ярко выраженный классовый характер, ибо они прямо направлены против рабочего класса.

По замыслу буржуазных идеологов, идентификация молодежи с представителями высшего общества должна сопровождаться «конфликтом поколений», отказом от рабочих традиций. Здесь явный расчет на притупление классового сознания.

Одновременно буржуазные идеологи пытаются подsunуть молодежи понятие совершенно иной классовой структуры. Так, Гуннар Сельгорд говорит о том, что на смену старому высшему классу «пришел новый класс — бюрократы и интеллигенция, составляющие консервативную «элиту власти»¹. В соответствии с этим буржуазные идеологи пытаются вызвать у молодежи протест против ее мнимой «классовой ущербности».

Искажение понятия классов и классовой борьбы дополняется фальсификацией состояния современной капиталистической системы, вплоть до утверждения, что эксплуатации рабочих уже якобы нет, исчезли кризисы и другие пороки капитализма. Это призвано подвести к выводу о ненаучности марксистско-ленинской идеологии в целом.

Однако попытки буржуазных социологов фальсифицировать коренные положения марксистско-ленинской науки не могут привести к сколько-нибудь ощутимым для них результатам. Молодежи становится все более очевидной антикоммунистическая направленность подобных измышлений. Научный характер марксистско-ленинской идеологии доказывается всем ходом общественного развития и практическими делами самого подрастающего поколения.

Марксистско-ленинская идеология дает сегодня молодежи понимание антагонистического характера современного капитализма, классовой сущности происходящих в нем социальных конфликтов, роли в этом молодых рабочих. Она помогает понять подлинно революционную роль рабочего класса как важнейшей социальной

¹ «Arbeiderbladet», 21. XI. 1967.

силы в борьбе за торжество коммунизма. Она показывает необходимость активного участия подрастающего поколения в труде и общественной жизни.

Только прочные знания марксизма-ленинизма могут дать молодежи четкость идейных позиций, широту политического видения — все то, без чего нельзя представить сознательного борца за дело коммунизма. И в этом смысле классовое воспитание молодежи неотделимо от ее идейного воспитания. Ведь классовая позиция всегда основывается на общности осознанных убеждений. Особенно актуальным является выработка у юношей и девушек умения применять социально-экономические категории марксистско-ленинской философии к анализу современной действительности, к конкретным задачам коммунистического строительства.

* *
*

Объявление идеологии фанатичным учением строится на основе буржуазного индивидуализма. Идеология объявляется «стадным чувством», неосознанным и неясным. Фанатизация, говорят буржуазные социологи, происходит на основе идеологической унификации, лишаящей личность возможности сознательного индивидуального усвоения духовных ценностей.

Идеологическая унификация личности путем давления на нее молодежной организации и общественного мнения, утверждают буржуазные идеологи, непосредственно связана с растворением индивидуальности в «политической однозначности», со специфическими чертами воспитательной комсомольской программы. Такими чертами якобы являются, во-первых, чрезмерное насыщение политическим духом гражданских учреждений, которые в других обществах традиционно оставались вне досягаемости правительства, и, во-вторых, комплекс хорошо отработанных идеологических воззрений, как в политическом смысле, так и в смысле практических задач по воспитанию молодых людей.

Антисоциальный характер идеологической унификации «советологи» стараются найти в подчинении духовных, культурных индивидуальных проявлений определенной политической доктрине. Так, Би-би-си, касаясь «идеологизации спорта», распространялась о фанатичности политических установок, в силу которых советские спортсмены всегда должны стремиться к победе. Одновременно цитировалось заявление президента созданной Муссолини итальянской футбольной федерации о том, что «идеи фашизма неразрывно связаны с высоким спортивным мастерством». И, наконец, в гротескных тонах приводились слова китайских спортсменов о решающем значении в спорте идей Мао Цзе-дуна.

Подобным образом оформляется попытка подвести к выводу о насильственном лишении молодежи возможности свободного самовыражения путем идеологической эксплуатации. Но это оформле-

ние не блещет ни новизной сравнений антикоммунистов, ни тем более логикой. Нелепо сравнивать в духе абсолютно ненаучного «синдрома» Бжезинского совершенно различные по своему социальному содержанию идеологии: фашистскую — идеологию империализма, советскую — идеологию коммунистическую и маоизм — мелкобуржуазный национализм. Также несостоятельны противопоставления идеологии и различных духовных проявлений личности, ибо духовные интересы выражаются личностью, воспринявшей идейные ценности определенной социальной среды.

Стремясь дать для подрастающего поколения некую позитивную программу избавления от идеологической унификации, буржуазная социология заявляет, что характерным для всего сегодняшнего мира процессом является становление аполитичного «молодежного общества» прежде всего путем освобождения юношей и девушек от идеологической опеки. Буржуазные социологи полагают, что молодежь, которая, мол, морщит нос от «идеологических мелочей», полна стремления придать своей жизни смысл и хочет над чем-то подняться, ориентироваться на большие цели, мерить себя по большим примерам. Однако во что предлагается верить? Отвергая уже ставший банальным тезис о достижении легкого материального успеха, буржуазные социологи утверждают, что чем легче материальные условия жизни, чем быстрее и увереннее достигается внешнее благополучие, тем упорнее лучшая часть молодого поколения ставит вопрос «почему» и «зачем», вопрос о смысле жизни. Конкретно же это находит якобы выражение в том, что молодежь жаждет «вдохновляющих приключений».

Гносеологическая постановка вопроса о возможности познания молодежью смысла жизни, естественно, закономерна, но она не может не учитывать, что это постижение производится с определенных идеологических позиций, а сама идеология также есть форма отражения социальной действительности. Если же это не иметь в виду, то «смысл жизни» легко свести к тому же легкому материальному успеху. Не случайно «вдохновляющие приключения» молодежи буржуазной идеологией противопоставляются потребностям общества, искусственно приземляются. Комментируя, например, мнимое отношение советских молодых людей к успехам СССР в освоении космоса, «Голос Америки» следующим образом сформулировал их реакцию: «Космос? Кому он нужен? Ни нам, ни вам, американцам, там нечего болтаться. Здесь, на земле, есть для нас достаточно дел».

Приземлению идеалов молодого поколения буржуазные идеологи хотели бы придать социальную обусловленность. С этой целью они пытаются связать подобный процесс с практикой воспитательной комсомольской работы. Они тенденциозно сводят ее сущность к отказу от радикальных функций при «внешнем обилии идеологической риторики» и выдвигают на первый план так называемые повседневные задачи: сохранение ортодоксальности, поддержание энтузиазма, повышение квалификации и производительности труда, контроль над антиобщественным поведением, ор-

ганизация отдыха в условиях растущей урбанизации и отсутствия личной свободы. Подобная надуманная схема служит буржуазным социологам поводом для заявления о постоянном напряжении в воспитании, приводящем к фанатизации.

Отталкиваясь от подобного понимания фанатизации воспитательного процесса, буржуазные социологи и пропагандисты стремятся всячески противопоставить идеологический характер коммунистического воспитания и потребительские интересы. В одних передачах буржуазного радио содержатся призывы возвратиться к духовной чистоте дореволюционной действительности, в других акцент делается исключительно на пропаганде буржуазного образа жизни, а проблемы личности сводятся к проблемам удовлетворения потребительского спроса. Так, «Голос Америки» обильно цитирует Бердяева, который с коммунизмом «вел не политическую, а духовную борьбу, борьбу против его духа, как бы сказать против его вражды к духу». И почти одновременно дается реклама потребительских товаров, которыми «пресыщается» американская молодежь.

Постепенная трансформация коммунистического воспитания от идеологической фанатизации к предоставлению личности свободы самоутверждения, считают буржуазные социологи, должна начинаться с широкой информированности молодого человека, причем под информированностью понимается ознакомление с материалами буржуазной пропаганды.

Свои расчеты антикоммунисты строят на «односторонней» информированности советской молодежи. Первичное некритическое восприятие идеологии, утверждают они, крайне ненадежно, ибо оно исключает многосторонность информации. Уже в этом факте якобы заложен потенциальный интерес к сообщениям о положении личности молодого человека на Западе.

Помимо того, считают буржуазные социальные психологи молодежи, столкновение с жизнью в любом случае делает вероятным отход от прежних убеждений, а это, в свою очередь, ведет к неверию и цинизму, к полному отречению от общественной работы и сопротивлению при проведении даже вполне приемлемых, с точки зрения интересов личности, идеологических акций. Таким образом, перенапряжение и односторонность советской идеологической работы якобы, с одной стороны, могут делать ее неэффективной, а с другой стороны, способствовать эффективности зарубежной пропаганды.

В данном случае можно видеть, как извращение буржуазными социологами существа идеологии приводит к неверной методологии и абсолютно нереальным выводам. Когда они искусственно противопоставляют две стороны воспитательного процесса — идеологическую и неидеологическую, а затем делают вывод об односторонней информированности, то тем самым упускается из виду постоянно действующий фактор отражения в сознании молодого человека **цельной и взаимосвязанной** реальной действительности в свете определенных идеологических ценностей. На самом деле можно

говорить не об односторонности информации, а ее определенной социальной направленности. Информация советских средств массовых коммуникаций соответствует идеологическим установкам подрастающего поколения и потому усваивается. Информация буржуазных средств массовых коммуникаций не соответствует идеологическим ценностям подрастающего поколения и потому им отвергается.

Это, в частности, вынуждены учитывать и сами буржуазные идеологи в своей практической деятельности. Противопоставление идеологических ценностей осуществляется не прямо, а посредством обращения к проблемам личности, жизни молодежи. Как пишет Хан в статье «Коммунизм открывает личность», идеологическая ревизия марксизма идет, прежде всего, через экзистенциалистское постижение человеческой личности, индивидуализма, свободного развития «естественного человека»¹. А приобщение к экзистенции и объективному пониманию проблем личности, считают буржуазные теоретики, возможно лишь в нефанатичном, «открытом» обществе. Поэтому по «Голосу Америки» рекламируется журнал «Америка», функцией которого объявляется помощь советским молодым людям в составлении правдивого впечатления об американской молодежи. Поэтому главный редактор этого журнала, пользуясь эфиром, обращается к радиослушателям с призывом писать письма и начать дискуссию о стремлениях и проблемах американской и советской молодежи. Поэтому та же радиостанция делает предложение для молодой интеллигенции проводить международные литературные встречи, но без обсуждения идеологических проблем. И при всем этом обычно подчеркивается, что, с одной стороны, подобным непсихологическим контактам молодежи будет способствовать единая психологическая черта молодого поколения — его стремление к познанию мира, а с другой стороны, этим контактам будет препятствовать идеологический фанатизм.

Буржуазные социологи пытаются связать фанатизацию социального поведения с определенными социальными процессами действительности, проводя разницу между потенциальными возможностями личности в различных общественных условиях. Только буржуазная демократия, заявляют капиталистические идеологи, позволяя сочетать цель всестороннего развития со средствами, поскольку она якобы не отделяет судьбу человечества от судьбы каждой свободной личности. Она же делает человека более гуманным, наделяя его все большей ответственностью. «Тоталитаризм же, наоборот, делает человека более бесчеловечным,— пишет Дариус Ле Корре.— Его истинная цель — общественный робот»².

Объявляя идеал «общественного робота» применимым ко всем поколениям советских людей, буржуазная социология подчеркивает, что для молодежи этот идеал имеет одно «существенное дополнение»: не просто робот, а фанатичный «жизнерадостный робот,

¹ «Österreichische Monatshefte», 1966, N 12.

² «La Revue Socialiste», IV, 1962, N 152.

неустанно выполняющий любые поставленные задачи, с радостью принимающий любые награды, которые ему дадут»¹.

Фанатизация ставится в связь с исключительным вниманием воспитательного процесса к политическому контролю и отсутствием стремлений разрешить наиболее глубокие проблемы внутренней жизни поколения. С этой целью делается попытка найти чрезмерную универсализацию идеологических функций комсомола. Он не может быть одновременно, говорят буржуазные социологи, духовным наставником, вдохновителем дальнейших успехов, законодателем культурных вкусов и арбитром человеческих отношений. Именно эта многосторонность якобы и приводит к идеологической унификации. Хотя в последнее время и зародилась «серьезная эволюция в направлении свободы поведения и мыслей, но она зародилась среди самих масс, среди молодежи»².

Искусственность буржуазных социологических построений о фанатическом характере идеологии в молодежной среде очевидна. Они порочны уже в своей основе — утверждению о противоестественном характере идеологической унификации. «Советологи» понимают под этим, во-первых, усвоение одинаковых идей молодежью и, во-вторых, распространение этих идей на широкий круг проблем личности.

Но спрашивается, может ли функционировать идеология, если она не будет достоянием широких масс? В таком случае она бы уподобилась тем кабинетным концепциям, которые рождаются буржуазными социологами в отрыве от реальности и имеют своими потребителями весьма ограниченный круг специалистов. Но такие концепции не являются идеологией. Идеология, на наш взгляд, предполагает усвоение ее определенными социальными слоями. Это тем более справедливо в отношении молодежи, которая особенно остро нуждается в осознании своей социальной функции.

Вместе с тем можно ли провести те границы общественных явлений, за пределы которых не выходит идеология? Где те проблемы личности, которых не касается идеология? Надо признать, что таких границ и таких проблем нет. Идеология охватывает самый широкий круг проблем личности молодого человека, формирующего свое отношение к действительности, более того, она способствует формированию целого ряда проблем. Поэтому в идеологической работе с молодежью важность распространения политических идеалов неразрывно связана с необходимостью активного утверждения подлинных духовных, нравственных ценностей советского общества: подлинной свободы, подлинной демократии, подлинного гуманизма, и таких присущих советским людям качеств, как товарищество, честность, смелость, мужество, доброта.

Буржуазные социологи для обоснования своих измышлений о фанатизации молодежи пытаются сравнивать общественную атмосферу в капиталистических странах и СССР. Если объективно под-

¹ Kassof A. The Soviet..., p. 35.

² Patrick G. Les organisations..., p. 217.

ходить к такому сравнению, то следует признать, что именно капитализм, пришедший в противоречие с развитием общества, заинтересован в искажении действительности и культивировании таких иррациональных течений, как фанатизм молодежи. Развивающееся социалистическое общество, наоборот, заинтересовано в том, чтобы молодежь полнее и глубже восприняла современный процесс общественного развития, который совершается в интересах социализма. Именно на этой основе формируется убежденность советской молодежи.

Если говорить об обыденном сознании подрастающего поколения, которое может противоречиво воспринимать некоторые явления и по-своему их интерпретировать, надо иметь в виду, что и оно подвержено воздействию идеологических установок.

Овладение молодежью марксистско-ленинской теорией есть научное познание социальной действительности. Овладев основами этой теории, молодой человек подходит к оценке явлений действительности с определенной методологией, которая является не только результатом его жизненного опыта, но и, что особенно важно, результатом определенных идейных позиций. Это дает возможность сознательно оценивать объективную реальность.

Активное участие советской молодежи в социальной деятельности по практическому осуществлению положений марксистско-ленинской теории и возможность видеть результаты своей деятельности не только формирует у подрастающего поколения убеждение в правильности этой теории, но и вызывает чувство личной сопричастности к реализации идеологических задач. Это в значительной степени способствует воспитанию идейной убежденности.

Советской молодежи предоставлены большие права и возможности. Получая образование, участвуя в общественной деятельности, имея свою организацию — комсомол, юноши и девушки ощущают себя значительной социальной силой в осуществлении уже воспринятых ими идей. И это немаловажный фактор в формировании идейной убежденности.

С фактом широкого распространения убежденности среди советской молодежи вынуждены считаться и буржуазные теоретики. Если исключить из высказываний характерную для них терминологию о фанатизации и т. п., то очевидно, что они придают идейности подрастающего поколения весьма большое значение, чем и вызывается их усиленная фальсификация идеологических аспектов воспитательного процесса.

* *
*

В теории юношеского изоляционизма причудливым образом сочетается отрицание преемственности поколений, глубоких социальных связей молодежи с обществом, ее позитивного и действительного участия в преобразовании действительности и, наконец, идеологии. Авторы этой теории, взяв за ее основу отрицание, видимо, полагают, что вполне логично отрицать и идеологию.

Появление «деидеологических» мотивов в концепциях буржуазных теоретиков молодежного движения, на наш взгляд, объясняется двумя причинами. Во-первых, эти мотивы отражают боязнь антикоммунизма перед овладением молодежью самой распространенной идеологией в сегодняшнем мире — марксистско-ленинской. Во-вторых, они являются следствием противоречий между научным подходом к проблемам подрастающего поколения и буржуазными идеологическими концепциями.

«Деидеологические» мотивы теории юношеского изоляционизма несут вполне определенную функциональную нагрузку. Они преследуют цель отвлечь широкие массы молодежи от сознательного участия в социально-политической жизни и вместе с тем навязать ей такие идеологические ценности, которые бы соответствовали классовым интересам буржуазии. Характерно, что в последнее время эквивалентом таких ценностей все настойчивее выдается «американский образ жизни». Молодежь, утверждают буржуазные социологи вопреки очевидным фактам, становится свидетелем утверждения в мире не марксистско-ленинской идеологии, а социальной организации Соединенных Штатов Америки¹.

Следует особенно подчеркнуть, что попытки культивировать «деидеологические» настроения среди молодежи преследуют цель вызвать ее «деидеологическое» отношение к марксизму-ленинизму. Именно обращения масс молодежи к этому учению больше всего боятся антикоммунисты. Не случайно все дискуссии об идеологии в среде молодежи концентрируются на марксистско-ленинской идеологии.

Этот факт глубоко закономерен. Сегодня империализм не в состоянии предложить подрастающему поколению позитивную идеологическую программу. Поэтому те идеологические установки, которые он выдвигает, облачаются в форму «неидеологических», якобы учитывающих запросы молодежи в чисто практической области.

Марксисты-ленинцы никогда не скрывали и не скрывают от молодежи глубоко партийный характер коммунистической идеологии. В этом не было и нет никакой необходимости: являясь научным отражением социальной действительности, марксистско-ленинская идеология вооружает трудящихся, демократические слои общества, в том числе молодежь, знанием конкретных путей и способов борьбы за переустройство общества на справедливых началах. Именно объективность, научный характер коммунистической идеологии привлекают к ней массы прогрессивной молодежи, и именно этого не может дать подрастающему поколению буржуазная идеология, в какие бы изошренные формы она не облакалась.

¹ Lipset S. M. Changing Class Structure and Contemporary European Politics. «Daedalus», vol. 93, 1964, № 1, p. 272.

ЧАСТЬ II

НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ КОНЦЕПЦИИ

«АВТОНОМНОГО РАЗВИТИЯ»

Глава 1

Миф о «молодежном обществе»

Буржуазные социологические концепции о положении и роли молодежи отвергают ее участие в сфере социальных институтов современного общества и не предлагают конкретных путей жизненного становления подрастающего поколения. Но не предлагать положительную программу в наше время динамичных социальных изменений, да тем более молодежи, значит заранее предопределить кризис любой подобной концепции.

Поэтому буржуазные социологи попытались дать позитивную программу, исходя из их концепций о положении и роли молодежи. Поскольку теории «конфликта поколений», «отчуждения» молодежи, ее особой «революционной» роли, отвержения идеологии исходили из обособленности молодежи от современного общества, то и предлагаемая программа не могла быть ничем иным, как программой «автономного развития» поколения.

Свое концентрированное выражение идея «автономного развития» нашла в теории «молодежного общества». Она оформилась в 60-х годах в работах К. Беднарика, Э. Бреза, Ч. Гамблетта, К. Кенистона, Д. Леверсона, П. Лори, Дж. и М. Раунтри, М. и К. Шерифов, Ф. Тенбрука и других буржуазных социологов юношеских проблем. Однако многие основополагающие установки этой теории можно найти в трудах Р. Арона, Д. Белла, С. Липсета, У. Росту.

Появление теории «молодежного общества» продиктовано стремлением буржуазных идеологов отвлечь молодежь от борьбы за реальное общество будущего — коммунизм.

Вместе с тем появление теории «молодежного общества» в субъективной форме отражает определенные объективные процессы общественного развития. Во-первых, успехи социалистической системы и общий кризис капитализма, социальный динамизм нашей эпохи особенно остро ставят вопрос о будущем человечества, на который пытается дать ответ буржуазная социология. Во-вторых, научно-техническая революция, рост уровня образования и культуры ставят вопрос об отношении к целому ряду духовных ценностей, и молодежь желает иметь ответ на этот вопрос. В-третьих, рост народонаселения и повышение в его структуре роли молодежи делают особенно острой проблему социального становления подрастающего поколения, что не может не ощущаться буржуазной социологией.

Теория «молодежного общества» не оформлена и расплывчата, в толковании ряда ее аспектов наблюдается некоторая разница. Однако сходство основных структурных частей этой теории у большинства буржуазных социологов, занимающихся проблемами молодежи, позволяет рассматривать ее как единое целое.

Термин «молодежное общество» — не только социологический. Он получил определенный статус в публичных выступлениях, периодической печати, произведениях литературы и искусства. В целом под ним понимается общество будущего, в котором сегодняшние молодые люди будут играть авангардную и ведущую роль¹.

Буржуазная социология называет ряд характеристик, присущих «молодежному обществу».

Во-первых, это отказ от духовных ценностей современного общества (независимо от того, идет ли речь о капиталистическом или социалистическом обществе) и разрыв с носителями этих ценностей. Поэтому первым признаком оформления «молодежного общества» объявляется разрыв с миром взрослых и бойкот «нажима» со стороны старших.

Теория «молодежного общества», по существу, признает факт разложения буржуазной духовной культуры, деградацию институтов капиталистического государства. Философия в глазах подрастающего поколения идет на самоуничтожение, поскольку она становится своей противоположностью, пишет в мрачных тонах американский социолог Джозеф Кратч в статье с символическим названием «Эпитафия поколению». Люди, за которыми, казалось бы, будущее, — ученые и техники, склоняются к тому, что вся культура прошлого становится неприемлемой и что мир, должно быть, в недалеком будущем станет таким, каким представляют его себе писатели-фантасты. Таким образом, «мир в физическом, интеллектуальном, эстетическом и моральном смысле, в котором нам хотелось бы жить, по всем данным исчезает»².

Однако буржуазная социология объясняет загнивание капиталистической духовной культуры не глубокими социальными пороками, а цикличностью исторического процесса, когда одна цивилизация сменяет другую. Мы переживаем период, говорит французский социолог Оливье Жермен-Тома в статье «У нашей молодежи большая душа», обстановка которого похожа на обстановку периода упадка Египта и Рима. Эту обстановку, видимо, ничем не исправишь, потому что невозможно воскресить мертвые духовные ценности, а современное западное искусство и христианская религия имеют признаки того, что они разрушены. Возрождение на этот раз якобы должно исходить от молодежи. «Бессознательно, но ре-

¹ Так, в довольно известном на Западе фильме «Дикие на улицах» юный певец использует свою популярность для организации борьбы молодежи за установление 14-летнего избирательного ценза. С установлением такого ценза он становится президентом Соединенных Штатов Америки и начинает претворять в жизнь программу «молодежного общества». Его первый государственный акт — изоляция людей старше 30 лет в специальных домах для престарелых.

² «New York Times Magazine», 30. VII. 1967.

шительно молодежь Земли поднялась, чтобы спасти духовный мир»¹. Таким образом, теория «молодежного общества» должна открыть подрастающему поколению какие-то перспективы на будущее.

Стремясь дать теории «молодежного общества» социально-экономическое обоснование, ее приверженцы предсказывают, что с консолидацией юношеского движения оно поведет открытую борьбу с миром взрослых «в том пункте, где общество наиболее ранимо — в экономике». Показательно, что это заявление от имени авангардистской левой молодежи датская «Актуэльт» снабдила заголовком: «Мы заявляем о своем выходе из общества». Однако подобный прогноз делается без каких-либо серьезных обоснований, его единственные аргументы — некоторое повышение покупательной способности молодежи².

Во-вторых, «молодежное общество» характеризуется созданием своих духовных ценностей. По существу, «молодежное общество» отчуждается буржуазной социологией от мира взрослых. Юное поколение якобы должно совершенно самостоятельно создать автономную культуру, а в более широком аспекте — новую цивилизацию.

В то же время буржуазные социологи почти ничего не говорят о структуре и институтах будущего общества. Так, профессор Альберт Маккензи считает, что это может быть анархо-синдикалистская структура.

В определении «молодежного общества» весьма ощутимы мотивы гедонизма. К началу нового века — а именно с этим периодом связывается «молодежное общество» — в городах будет жить 70—90 процентов населения. Лишенная своих отрицательных качеств, урбанизация создаст все возможности для удовлетворения потребностей без особых усилий со стороны человека, что якобы снимет с юного поколения напряжение, вызываемое погоней за материальными благами.

Психология гедонизма, по мнению буржуазных социологов, уже сегодня овладевает молодежью. Ее ингредиентами являются комфортабельные квартиры, автомобили, развлечения, деньги, приятная личная жизнь³.

В-третьих, «молодежное общество» характеризуется как бесклассовое, в нем есть только один класс — «класс молодежи». Поэтому весьма показательной чертой «молодежного общества» буржуазные социологи считают аполитичность. Уже сегодня якобы подрастающее поколение создает собственные духовные нормы таким образом, чтобы они помогли ему найти себя и не заботиться о политических и общественных делах.

¹ «Figaro litteraire», 5. XI. 1968.

² «Aktuellt», 25. X. 1967.

³ Laurie P. The teenage revolution. London, 1965; Sherif M. and Sherif K. W. Reference groups. Exploration into conformity and deviation of adolescents. New York, 1964.

Классовость теряет смысл в глазах теоретиков «молодежного общества», рассматривающих его в плане постепенной конвергенции различных социальных систем уже сегодня — в «домолодежный период». Рассматривая тенденции общественного развития, Арон писал, что в социально-экономическом плане все страны, представляющие все расы, заявляют о своем стремлении к одной и той же цели во имя, по существу, сходных ценностей. Производить больше и лучше, распределять с меньшей несправедливостью плоды производства, возросшего благодаря повышению производительности, — вот якобы те честолюбивые устремления, от провозглашения которых не отказывается ни одно государство, ни один режим. Таким образом, делает вывод Арон, конфликт между социальными системами возникает «скорее по вопросам, касающимся средств, чем существа дела, по крайней мере, в экономической и социальной областях»¹.

В-четвертых, «бесклассовость» «молодежного общества» связывается с его интернациональной универсальностью, ибо оно берет общее и универсальное от всех общественно-экономических систем. Молодые люди уже сегодня создали ценности, которые являются интернациональными.

Как же возникает «молодежное общество»?

Оно формируется, говорят буржуазные социологи, постепенно посредством создания «юношеской культуры». Уже сегодня подрастающее поколение критически осмысливает старые ценности и создает новые. Их широкое распространение и приведет к созданию новой цивилизации — «молодежного общества».

Можно видеть, что процесс перерастания «юношеской культуры» в «молодежное общество» весьма напоминает тракторку Бердяевым перерастания культуры в цивилизацию. Следует также отметить, что трансформация «юношеской культуры» в «молодежное общество» находится в полном соответствии с эволюционизмом Спенсера.

Фактор «наличия» у подрастающего поколения особой «субкультуры» впервые был сформулирован после опроса Чикагским университетом американских социологов молодежных проблем². Ныне она рассматривается буржуазными учеными как своеобразная интегрирующая сила, связывающая молодых людей независимо от их социального положения. Единственное, что вызывает расхождение во мнении буржуазных социологов, так это степень отчужденности «юношеской культуры»³.

Новая цивилизация молодежи нередко отождествляется в буржуазной социологии с так называемой «цивилизацией досуга», в которой находят отражение основные постулаты «молодежного

¹ Арон R. *Theore de developement et problems ideologiques et notre temps. «Preuves»*, IV. 1963.

² «Problems of Youth. Transition to adulthood in a changing world», Chicago, 1965.

³ Schwartz J., Merten D. *The Language of adolescence. «The American Journal of Sociology»*. Vol. 72, N 5, III, 1967.

общества» и прежде всего его неклассовый характер и аполитичность. Например, французский социолог Жоффри Дюмазедье видит в «цивилизации досуга» бегство от социальной жизни, а бельгийский социолог Эдуард Брез в своей книге «Педагогика досуга молодежи» считает, что «ввиду отсутствия в индустриальном обществе феномена классовой борьбы досуг стал феноменом массовой характеристики цивилизации»¹.

В свою очередь, «цивилизация досуга» неразрывно связана с «массовой культурой». Обычно под «массовой культурой» понимается как массовое распространение эрзацев культуры, так и их низкий уровень, сорентированный на массового потребителя и приспособляющийся к его вкусу. Как правило, «массовая культура» специализируется на трех «С», рассчитанных на молодежь, — сексе, силе, смехе.

Молодежь живет, а тем более будет жить в обществе, весьма отличном от замкнутого общества прошлого, утверждают буржуазные социологи. Массовые конгломераты людей, массовое производство, массовое потребление якобы делают закономерным появление и «массовой культуры». Технические средства связи, средства массовых коммуникаций материализуют понятие «массовой культуры».

Объективно подобный характер «культурного» ширпотреба служит целям отвлечения молодежи от классовой, политической борьбы. Вместе с тем он позволяет культивировать взгляды и психологию, которые вполне укладываются в общее русло антикоммунизма.

Типичным примером антикоммунистической направленности «массовой культуры» для молодежи является серия нашумевших на Западе фильмов о Джеймсе Бонде. Режиссер Теренс Янг, экранизовавший сюжеты об «агенте 007», признался, что Джеймс Бонд — это хладнокровный садист, расист и антикоммунист. Он «сверхчеловек» и нечеловек одновременно. Он вызывает физическое отвращение. Скроенный по стандартам «сильной личности», Джеймс Бонд является духовным детищем философии Фридриха Ницше.

Нет ли противоречия между изоляционистским характером «молодежного общества» и «массовой культурой»? Если рассматривать юношеский изоляционизм как элитарную теорию, а «массовую культуру» как продукцию для «неодухотворенной массы», то такое противоречие налицо, во всяком случае в концептуальном плане. Понимание взаимосвязи юношеского изоляционизма и «массовой культуры» дает рассмотрение их социальной направленности. Юношеский изоляционизм подменяет понимание классовых интересов понятием элитарности. Но практически широким слоям молодежи нельзя дать элитарных культурных ценностей. На массового потребителя рассчитываются и массовые эрзацы, тем более, что ан-

¹ Breuse E. Vers une Pédagogie des loisirs Juveniles. Bruxelles, 1965, «Esprit», 1959, № 6.

тикоммунизм совершенно не собирается просвещать мифическую элиту. Если учесть, что предлагаемое молодежи элитарное сознание является по существу ложным сознанием, то «массовая культура» вполне соответствует формированию ложных ценностей.

«Молодежное общество» и «массовую культуру» следует рассматривать в плане их антикоммунистической направленности. Буржуазные социологи умышленно сводят культуру будущего к «массовой культуре», не желая замечать подлинной культуры будущего — демократической, социалистической культуры.

Когда речь идет о нынешней и будущей культуре, водораздел должен проходить не между «массовой» и «элитарной» культурой, а между культурой социалистической и буржуазной.

«В каждой национальной культуре,— писал В. И. Ленин,— есть, хотя бы не развитые, элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую. Но в каждой нации есть также культура буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и клерикальная) — притом не в виде только «элементов», а в виде господствующей культуры»¹.

Скроить общество будущего по стандартам буржуазной культуры — вот объективный смысл взаимосвязи предполагаемой юношеской цивилизации с буржуазной «массовой культурой». Как видим, эта взаимосвязь носит совершенно определенный классовый характер, который на словах отвергается теоретиками «молодежного общества».

Тенденции к вызреванию «молодежного общества» и формированию «юношеской культуры» в советских условиях буржуазные социологи ставят в зависимость от так называемого процесса «самоопределения» подрастающего поколения. Конструирование молодежью духовных ценностей, заявляют они, должно проходить в условиях, когда она будет избавлена от какого-то бы ни было идеологического «давления» — иначе новые ценности будут нести на себе отпечаток прошлого.

Обоснование «самоопределения» в значительной степени опирается на современную буржуазную «философию культуры» в широком смысле этого слова и прежде всего западногерманскую. Оно, в частности, может вытекать из понимания западногерманским философом Эдуардом Шпрангером «воли к культуре». Советская система воспитания, которую он объявляет родственной позитивизму XIX века, якобы подавляет эту «волю», заставляя молодого человека «желать того, что можно сделать технически, но не того,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 120—121.

чего он должен был бы желать»¹. Известный западногерманский педагог и философ Теодор Литт определяет советскую систему воспитания как «технику обработки человека, которая ведет к ликвидации подлинно человеческих качеств, а без них невозможно гармоническое развитие общества как в настоящем, так и в будущем»².

Рассуждения как Шпрангера, так и Литта о «чрезмерной целесообразности» в воспитании советской молодежи весьма близки к идеям Канта о необходимости ограничения прав разума. Молодежь не должна строить будущее согласно научной теории, она должна интуитивно постигать это будущее в процессе своего «самоопределения».

Поэтому задача демократической власти в интересах будущего человечества не противодействовать поискам молодежи и поддерживать их даже в том случае, если они порой принимают крайние формы. Ведь по существу эти крайности якобы являются отражением противоречий между общей тенденцией общества к развитию и совершенству и консерватизмом отдельных социальных слоев, а особенно государственных институтов. Их мудрость должна заключаться в том, чтобы ориентироваться не на консервативную социальную инерцию, а на интересы развития «молодежного общества». В противоположном случае это приведет к старению духовных ценностей. Юлем даже утверждает, что «тоталитаризму» не хватает исторической прозорливости, чтобы видеть наличие давления общественности в пользу тех ценностей, что характеризуют «молодежное общество», — более высокого уровня жизни, гарантии против произвольных действий и профессиональной автономии³.

Весьма показательны, что буржуазные идеологи хотели бы представить такой мифический процесс как широкое стихийное демократическое движение, лишенное какой-либо организующей основы и классовой направленности. Так, у «Голоса Америки» заявления молодых поклонников «свободного развития» обычно начинаются с утверждения: «Я не член какой-то организации и тем более не революционер, но я должен поступать, как подсказывает мне сердце».

Маскировке классовых целей буржуазной идеологии должна служить избранная ею в этом случае тактика двусторонней критики. Критикуются не только советские государственные институты, якобы препятствующие свободе «самоопределения», но и правительства капиталистических стран. Однако баланс критики служит сугубо классовым целям: если на Западе ограничения самоопределения личности носят частный характер, то в Восточной Европе, Советском Союзе — это-де «узаконенная система». Так, «Немецкая волна», рассуждая о будущем молодежи, «сочувственно» заявляет,

¹ Spranger E. *Leben wir in einer Kultur Krisis? «Wo stehen wir heute?»* Gütersloh, 1960, S. 12.

² Litt T. *Wissenschaft und Menschenbildung im Lichte West-Ost-Gegensatzes.* Heidelberg, 1959, S. 71.

³ У л а м А. В. *The new...*, p. 53.

что, к сожалению, именно в социалистических государствах давление власти сильнее, манипуляции людьми проводятся совершеннее, аппарат власти прочнее, принуждение приспособляться к требованиям техники напористее, свободы культуры меньше, а возможности выразить протест более ограничены, чем в государствах, в которых господствует «поздний капитализм». Именно это, мол, мешает формированию «юношеской культуры».

Не трудно заметить порочность методологии буржуазной идеологии при рассмотрении социального становления молодежи.

Во-первых, буржуазные социологи не видят разницы общественного положения молодежи при социализме и капитализме, различия системы духовных ценностей. К тому же и молодежь, живущую в условиях капитализма, нельзя рассматривать однозначно, ибо она принадлежит к определенным классам.

Во-вторых, реализация потребностей молодежи рассматривается вне конкретных социальных условий. Буржуазные социологи говорят о каком-то ограничении свободы, не понимая, что свобода есть осознанная необходимость в определенных условиях.

В-третьих, извращается подлинное положение молодежи в условиях социализма и капитализма. Именно капитализм (и империализм особенно), основанный на угнетении большинства меньшинством, подавляет свободу личности. И наоборот, ликвидация угнетения человека человеком при социализме открывает безграничный простор для свободного развития личности.

Как видно, говоря о бесклассовом подходе к становлению «юношеской культуры», буржуазные идеологи берут для своей «двусторонней критики» классовые понятия, рассматривают их с классовой точки зрения и более того — фальсифицируют в своих классовых целях. Почему, спрашивается, причины протеста в странах «позднего капитализма» надо переносить на социалистические страны? Известно, что выступления молодежи Запада вызваны резко отрицательной реакцией подрастающего поколения на внутреннюю и внешнюю политику империалистических государств, которая в корне расходится с политикой социалистических государств.

Не полагаясь на действенность своих утверждений о «бесклассовости», буржуазная идеология стремится придать своим измышлениям об отсутствии возможностей для формирования «юношеской культуры» не только бесклассовый общечеловеческий характер, но и внешне благожелательный по отношению к советской молодежи тон. Методы маскировки антикоммунизма доходят до того, что зарубежное радио объявляет себя противником антисоветской пропаганды. Та же «Немецкая волна» с наигранным сожалением заявляет, что ей «приелись антикоммунистические причитания наших западных сторонников холодной войны». Однако тут же она оговаривается, что не может оставлять без внимания отсутствие возможностей для «самоопределения» подрастающего поколения.

Как время поисков, ошибок и особенно права на ошибки трактует молодость буржуазная социология. Эти ошибки относитель-

ны, с одной стороны, потому, что совершаются в динамике «самоопределения», а с другой стороны, потому, что они характеризуют «молодежное общество», которое не в состоянии понять «консервативные элементы». Поэтому ограничения государственных институтов, регламентирование общественной жизни якобы усугубляют ошибки. И наоборот, как говорит «Немецкая волна», люди могут быстро превратиться в сознательных граждан при отмене «ограничений».

Какие же «ограничения» предлагается снять для развития «юношеской культуры»? Показательно, что становление у молодежи качеств будущего должно якобы проходить через открытую критику советского строя, а отмена «ограничений» — это отмена борьбы с антисоветизмом. Освоение подрастающим поколением ценностей «юношеской культуры» должно строиться, по мнению «Голоса Америки», «на несогласии и на открытом выражении этого несогласия», а Би-би-си требует не воздвигать «преград на пути откровенного выражения политических взглядов передовой молодежью».

Буржуазная идеология пытается дать своеобразную классификацию тех «ограничений», которые препятствуют формированию «юношеской культуры». Их она видит прежде всего в том ценностном отборе, который осуществляется в процессе воспитания. Уже в самом раннем возрасте в советских условиях якобы имеет место сверхбюрократичивание детства, потеря чувства меры, чего не наблюдается в других «промышленных обществах». Проводимая унификация духовных ценностей преследует-де цель помешать становлению «юношеской культуры». Именно задачами коммунистического воспитания объявляет Кассоф лишение молодежи ее индивидуальных качеств: воспитание стремится привить всеобщее «политическое всеведение с целью монополизации своего влияния на интересы подрастающего поколения»¹.

Было бы нелепо отрицать тот факт, что каждое общество заинтересовано в воспитании молодежи на основе принятых в нем ценностей. В советском обществе, строящем коммунизм, осуществляется коммунистическое воспитание — и из этого не делается какого-либо секрета, ибо воспитание подрастающего поколения на коммунистических принципах соответствует потребностям развития общества. Иначе вынуждены подходить к этой проблеме буржуазные идеологи: поскольку обработка молодежи по стандартам буржуазной идеологии не соответствует объективным потребностям развития общества, они вынуждены затуманивать классовую сущность этой обработки с помощью концепций типа «юношеской культуры». Но ее, пользуясь терминологией Кассофа, вполне можно отнести к буржуазному «политическому всеведению».

Хотя становление «юношеской культуры» проходит спонтанно, однако, утверждают буржуазные социологи, в этом процессе позитивную роль может сыграть педагогическая наука. Но советская молодежь лишена влияния этого позитивного начала: ее, мол, не

¹ K a s s o f A. The Soviet..., p. 164.

воспитывают, не создают условий для раскрытия ее духовных качеств, а лишь «политически натаскивают». Воспитанием ведаёт не педагогическая наука, а «тоталитарная система», несовместимая с «молодежным обществом».

В чём же буржуазные идеологи видят конкретные факты понижения роли педагогической науки? Оказывается в том, что в педагогическую науку проникли социологические установки, несовместимые с «юношеской культурой». Так, «Голос Америки» усматривает особое препятствие для формирования «юношеской культуры» в политической направленности гуманитарных наук, с которыми соприкасается педагогика.

Совершенно не случайно гуманитарные науки, социология связываются буржуазной критикой с вопросом «самоопределения молодежи». Ведь «самоопределение», в понимании антикоммунистической социологии, — это самопознание подлинных ценностей действительности, формирование своего отношения к ним в определенной жизненной ситуации. Но «тоталитарная система» якобы не может позволить молодежи познать подлинные социальные ценности, ибо они лежат вне ее сферы. Какие же это ценности? Критическое отношение к старшему поколению, крайний нигилизм, псевдореволюционная бравада. Все это действительно не может быть сущностью мировоззрения молодежи социалистической страны. Ее интересы не могут выражать и буржуазные гуманитарные и социальные науки, пытающиеся навязать эти установки.

Цели буржуазной идеологии в довольно широко раздуваемом ею вопросе «самоопределения» молодежи видны уже из того, что этот процесс объявляется совершенно автономным от какого бы то ни было организующего начала, прежде всего государственного. Молодой человек должен, по существу, усваивать социальные ценности совершенно самостоятельно. Но ведь их усвоение — это приобщение к уже сформировавшимся ценностям, и оно просто не может идти без активных контактов с обществом, без воздействия общества на личность. Собственно говоря, дальний прицел буржуазной идеологии тоже по-своему связан с пониманием становления молодой личности в условиях определенных отношений с обществом: вначале разрыв контактов с социалистическим обществом, а затем усвоение «юношеской культуры» по стандартам буржуазного общества. Именно поэтому шумно рекламируется, как молодые люди сами выбирают себе работу, как некоторые студенты предпочитают не поступать на регулярную службу немедленно по окончании университета, как они проводят год, путешествуя за границей, или, может быть, пишут книги. Правда, замечает Би-би-си, «если выпускнику в таком случае не хватает средств для жизни, то он берется за какую-нибудь временную работу — либо становится носильщиком, либо нанимается на стройку, либо делается почтальоном». Так даже самые отрицательные факты из жизни капиталистического общества, вплоть до безработицы среди молодых людей с высшим образованием, объявляются наличием свободы выбора, поисками самоутверждения.

Видимо, чувствуя слабость своих позиций в противопоставлении «самоопределения» и «тоталитаризма», буржуазная идеология пытается также объяснить различный подход к свободе выбора интересами различных политических групп. Для характеристики таких групп она привлекает расплывчатые понятия «консерваторов» и «либералов». Консерваторы отражают интересы «тоталитаризма», а либералы — сторонников свободной ориентации. Подобное размежевание буржуазная идеология пытается провести в самых различных сферах человеческой деятельности: в экономике, политике, искусстве, литературе. На этом обычно специализируется «Голос Америки», рассматривающий любые аспекты в жизни молодежи через призму «борьбы между силами консерватизма и либерализма».

В свою очередь, группы консерваторов и либералов соотносят с определенными социальными категориями. Прежде всего, консерваторы — это люди старшего поколения, а либералы — молодежь. Старшие не понимают «юношеской культуры» и всячески препятствуют ее формированию, а молодежь в борьбе против старшего поколения якобы показывает несостоятельность ценностей настоящего и тем самым расчищает дорогу для своей будущей цивилизации.

Затем разграничение на консерваторов и либералов проходит по принципу: образованные, которые понимают необходимость свободного выбора, и необразованные, чья ограниченность не позволяет понять закономерные симпатии подрастающего поколения к «юношеской культуре». Буржуазная идеология считает эту сторону противоречий между консерваторами и либералами особенно острой и даже видит в ней тенденцию к отмежеванию интеллигенции от государственных институтов.

Наконец, самое важное расхождение между либералами и консерваторами находится в том, что для первых свобода выбора предполагает невмешательство власти в процесс самоопределения личности, в то время как для вторых самое важное — «система накопления власти». На этом тезисе особенно часто спекулируют в антикоммунистических целях лидеры социал-демократов при рассмотрении вопросов о будущем молодежи. Так, в основополагающих документах социал-демократов специально говорится, что коммунизм низводит человека до положения орудия, ибо для него власть превыше всего. Он якобы подчиняет притязания отдельного человека на свободу притязанию «тоталитаризма» на власть и беззастенчиво злоупотребляет человеком в своих целях. Поэтому коммунистическая практика, навязывая людям жизнь в условиях отсутствия искренности и личной свободы, «приходит в противоречие с будущим молодежи»¹.

Враги коммунизма самым грубейшим образом фальсифицируют действительность. Целью и смыслом деятельности коммунистов является служение интересам народа. Громадные достижения Со-

¹ «Vorwärts», 5. II. 1960.

ветской власти в улучшении жизни народа являются фактом действительности. В нашей стране господствует подлинная демократия, которая реализуется в сознательной социальной деятельности миллионов трудящихся. «Партия проявляет неустанную заботу о том,— говорил в Отчетном докладе на XXIV съезде КПСС Л. И. Брежнев,— чтобы наша социалистическая демократия постоянно развивалась, чтобы каждый чувствовал себя гражданином в полном смысле этого слова, заинтересованным в общенародном деле и несущим за него свою долю ответственности. Партия и впредь будет последовательно проводить именно этот курс»¹.

Определение либералов и консерваторов буржуазной социологией лишено каких-либо научных критериев. Они не являются выразителями интересов определенных классов, не представляют те или иные идеологии.

Буржуазные социологи еще раз демонстрируют полнейший субъективизм своей методологии, когда соотносят свои понятия консерваторов и либералов с возрастными категориями. Конечно, каждому возрасту присущи свои физиологические и психические особенности. Но нелепо связывать с возрастом идеологические установки.

Сущность государственной власти не могут определять расплывчатые категории либералов и консерваторов. Она определяется социально-экономическим устройством общества, классовыми интересами. Не случайно буржуазные идеологи умалчивают о сущности власти в конструируемом ими «молодежном обществе». Навязывая подрастающему поколению свои социологические конструкции, именно они хотели бы поставить его в условия отсутствия искренности и личной свободы, ибо сама теория «молодежного общества» имеет ярко выраженный буржуазный элитарный характер.

Система «накопления власти» ставится в связь с «молодежным обществом» по той причине, что с помощью этой связи буржуазные социологи пытаются доказать отсутствие «интегрированных стимулов» к самоопределению в советских условиях. Сущность этого термина определяется следующим образом. Свободный выбор предполагает предварительное наличие свободных связей между индивидуумами. Эти связи преимущественно носят духовный и в то же время глубоко личный характер: личность соотносена с другими личностями так же, как соотнесены между собой свободные молекулы в газообразном состоянии. Только богатство индивидуальных связей создает для личности те «интегрированные стимулы», которые определяют ее свободный выбор. Но такой выбор будет лишен смысла, если связи личности будут носить преимущественно «центростремительный» характер, если они, как электроны на орбите, будут притягиваться одним ядром.

¹ Брежнев Л. И. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза. «Материалы XXIV съезда КПСС». М., Политгиздат, 1971, стр. 82.

Буржуазным идеологам хотелось бы доказать, что в советских условиях умышленно разрушаются межличностные связи, в силу боязни создания у индивидуумов нежелательных ориентаций. Для «юношеской культуры» важны личная дружба, преданность, бескорыстие, кто помогает подрастающему поколению в жизненном самоопределении. Но советская воспитательная система, утверждает Кассоф, не допускает никакой мягкости, способной разрушить государственные институты: дружеская забота всегда должна подчиняться преданности политическим лидерам. Эта ортодоксальная линия, мол, и приводит к тому, что «юношеская культура», хотя и формируется через межличностные отношения, но проявление этих отношений настолько ограничено, что многие ценности «юношеской культуры» пока недоступны советской молодежи.

Ниже будет рассмотрена несостоятельность фальсификации буржуазной социологией сущности социалистического коллективизма в среде молодежи. Тем не менее, здесь следует отметить, что только социалистический коллективизм, против которого ополчаются антикоммунисты, способен формировать полноценные и разносторонние межличностные связи.

Буржуазные идеологи стремятся найти в отношениях между личностями духовный вакуум, особенно в среде молодых людей, которые ищут личных контактов (на почве общности интереса) к «юношеской культуре». Для заполнения этого (мнимого) вакуума «советологи» предназначают такие ценности, которые бы подчеркивали несовместимый характер советского общества и молодежной цивилизации. Практически это сводится к провоцированию антисоветских действий под флагом проявления подрастающим поколением качеств, формируемых «юношеской культурой».

В то же время в буржуазной идеологии подчеркивается, что хотя «юношеская культура» может встретить непонимание в среде взрослых любого общества, однако в капиталистических условиях это непонимание смягчается плюрализмом духовных ценностей, а в советских условиях усугубляется «идеологической односторонностью». Поэтому созданию лучших условий для формирования «юношеской культуры» будет способствовать трансформация советского общества в сторону «свободного мира». Таким образом, потребовав освободить личность от дентростремительного характера духовной ориентации, идеологи «свободного мира» на самом деле преследуют цель подменить коммунистическую ориентацию на ориентацию противоположного порядка — капиталистическую.

Понятие межличностных связей как предварительного условия для формирования «юношеской культуры» буржуазная идеология соотносит с уровнем духовных ценностей индивидуумов. Плодотворные межличностные связи возможны лишь в том случае, если эти ценности находятся примерно на одном уровне или существуют условия для их сближения.

В «свободном обществе» утверждает буржуазная социология, уровень духовных ценностей личности всецело определяется ее свободным развитием, а потому уровни приобретенных личностями

ценностей в процессе свободного духовного развития будут примерно совпадать или различаться незначительно. Иное дело в «несвободном мире», где в результате неодинакового духовного потребления и элитарной направленности «тоталитаризма» уровни приобретенных ценностей весьма далеки друг от друга. Но главное еще якобы даже не в этом. Главное в том, что равенство духовных ценностей личностей в «свободном обществе» носит свободный характер, а в «несвободном обществе» — характер подчинения. И это потому, утверждают буржуазные идеологи, что коммунизм стремится к равенству, но к равенству в угнетении, а не к равенству в свободе.

На самом же деле именно эксплуататорский характер буржуазного общества приводит к неравноценному духовному потреблению, а отсутствие эксплуататорских классов в СССР позволяет создать все возможности для реального и всестороннего приобщения подрастающего поколения к духовным ценностям. Что же касается утверждения о «несвободном характере» советского общества, то его просто нельзя принимать серьезно. Можно лишь отметить, что сама концепция «молодежного общества» отражает попытки буржуазной социологии предложить молодежи какой-то мифический свободный выбор в капиталистическом обществе, т. е. в обществе, где отсутствует свобода для широких масс.

Стремлением буржуазных идеологов замаскировать классовую сущность понятия «свобода» в значительной мере объясняется выдвижение ими в процессе пропаганды «юношеской культуры» лозунга «Свобода неделима». Свобода-де неделима при любом общественном устройстве, она везде должна обеспечивать приобретение подрастающим поколением свойственных ему ценностей. Неодинаково только отношение к свободе, неодинаково применение свободы для самоопределения личности. Так, используя тот факт, что во время выступления контрреволюционных сил в Чехословакии им удалось захватить ряд юношеских органов печати, «Голос Америки» взял на вооружение сообщение о высылке из социалистической страны за дезинформацию корреспондента чехословацкой газеты «Млада фронта». Примерно в то же время был выслан и корреспондент лондонской «Таймс». Власти не делали выбора в репрессиях, заявил «Голос Америки», не принимали во внимание партийную направленность газет, а удалили корреспондентов лишь за то, что они «правдиво освещали события». Конечно же, «Голос Америки» умолчал о том, что в то время захваченная ревизионистами «Млада фронта» по существу стояла на тех же позициях, что и буржуазная «Таймс».

Интересами развития «юношеской культуры» буржуазные идеологи пытаются обосновать положение о том, что на «свободное» выражение мнений молодыми «оппозиционными элементами» общество не имеет права отвечать «свободой действий». В демократическом обществе каждый волен выражать свои мысли, но поступки каждого не могут иметь свободы действий. Сообщая о предьявлении министром юстиции США обвинения доктору Споку за

призыв к молодым американцам отказываться от военной службы, «Голос Америки» утверждал, что правительство США не пыталось ограничить свободу слова тех граждан, которые выступали против вьетнамской войны, считая ее аморальной. На это правительство не имеет права и правительственные органы не оспаривают права любого гражданина критиковать закон. Но министерство юстиции обвиняло доктора Спока и других на «совершенно справедливых основаниях», потому что они вышли за грань выражения собственных мнений и предлагали молодым людям не повиноваться закону.

«Голос Америки» не считает нужным говорить при этом о массовых арестах и расстрелах студенческих демонстраций в США, где правительство применяло «свободу действий». Для него важна односторонняя, классовая интерпретация этого понятия. Отсюда видно, что сам термин «самоопределения» молодежи в процессе формирования «юношеской культуры» носит прикладной характер для антикоммунизма и прямо связывается с попытками внесения идеологической инфекции в среду подрастающего поколения.

Антикоммунистические идеологи заявляют, что пропаганда ценностей «молодежного общества» — это способствование «самоопределению», и потому она носит объективный характер. Она всесторонне рассматривает духовные ценности современного общества, критически их осмысливает, и потому якобы приобретает философскую направленность. Последнее противопоставляется «советологами» коммунистической идеологии, которая якобы не может способствовать «самоопределению» молодежи, ибо лишь утверждает свои основные послышки. Коммунистическое учение, мол, не дает молодежи ответа о ее сущности и будущем. И это-де закономерно по той причине, что каждая философия, как утверждал Эдгар Гувер, должна постоянно ставить под сомнение все предпосылки, заключения, суждения, ценности и принципы. Однако состоятельность основных теоретических предпосылок коммунизма не ставится под сомнение его последователями¹.

Было бы нелепо, если бы какая-либо идеология ставила себя под сомнение. Гувер не ставит под сомнение основные установки антикоммунизма, он лишь хочет, чтобы молодежь поставила под сомнение коммунистическую идеологию. В то же время характерно, что когда в самих Соединенных Штатах наблюдается массовое антиимпериалистическое движение молодежи, Гувер ставит под сомнение его целесообразность, считая его явным абсурдом и демонстрацией «отсутствия здравого смысла»².

Идеологический характер носит и сама концепция «юношеской культуры». Она пытается под видом внеклассовых ценностей предложить молодежи ценности с определенной идеологической направленностью, а именно: буржуазной. Только идеологическими установками можно объяснить утверждения буржуазных социологов об автономном «самоутверждении» молодежи.

¹ Hoover E. The Study of Communism. New York, 1962.

² «Congressional Record», 29. VIII. 1966, № 144.

Но самоопределение молодежи всегда связано с конкретным обществом. Это практически подтверждает и сама буржуазная идеология, когда рассматривает «юношескую культуру» в соответствии с духовными ценностями буржуазного общества и противопоставляет ее ценностям социалистического общества.

Самоопределение молодежи не обязательно должно быть процессом, антагонистичным обществу. Это зависит от того, как общество выражает интересы молодежи. Социализм выражает коренные интересы подрастающего поколения и потому его самоопределение проходит как процесс познания ценностей социализма. Капитализм противоречит коренным интересам широких масс молодежи, и потому ее жизненное становление связано с борьбой против капиталистических ценностей и институтов.

Подлинное самоутверждение молодежи возможно лишь на основе восприятия научного мировоззрения, выработанного путем анализа объективной действительности, на основе понимания полной несостоятельности различных буржуазных мифов типа «юношеской культуры».

* *
*

Формирование «юношеской культуры» ставится буржуазными социологами в зависимость от системы заимствования духовных ценностей.

Поскольку буржуазная социология полагает, что молодежь уже сейчас отбирает для своей будущей цивилизации определенные духовные ценности, то следует определить характер этого отбора, ту ценностную ориентацию, которую следует предложить подрастающему поколению. Ведь если ориентация будет неправильной, искаженной (т. е. некапиталистической), то молодежь может взять совсем не те ценности, которые потребуются для ее свободного развития. А чтобы этого не случилось, буржуазная идеология оставляет за собой право не только внести необходимые коррективы в систему духовной ориентации, но и постоянно ее формировать. В данном случае требования антикоммунистов о необходимости «свободного выбора», «самоопределения», как видим, оставляются без внимания.

Так же, как и при трактовке процесса самоопределения, буржуазная социология маскирует свою попытку навязать молодежи капиталистическую духовную ориентацию рассуждениями о внеклассовости и «объективном» подходе к проблемам «юношеской культуры». Ведь коммунистическая идеология — это якобы ограниченный узкий взгляд на мир. Если с помощью коммунистической ориентации молодежь и сможет что-то отобрать для будущей цивилизации, то во всяком случае немного, причем это будут устаревшие банальные ценности. В то же время «молодежное общество» должен отличать широкий, универсальный, внеклассовый на-

бор духовных ценностей, и для их отбора соответствующие условия существуют только в не ограниченном никакими рамками «свободном мире».

Поскольку ценностная ориентация молодого человека в значительной мере складывается под влиянием конкретных носителей духовных ценностей, постольку на первый план буржуазными идеологами выдвигается задача представить коммунистически убежденную личность как антипод идеалу молодежи.

Свои домыслы относительно того, что идеал коммунистически убежденной личности неприемлем для молодого поколения, буржуазные идеологи «обосновывают» весьма просто: такая личность не может быть нравственной уже потому, что сама коммунистическая мораль безнравственна. Исторический материализм трактуется ими как обещание общества, где будут удовлетворяться все потребности, но само это общество достигается любыми путями и средствами. Поэтому-де коммунистическая мораль крайне гибка, к тому же она основывается на единственной предпосылке: все, что способствует продвижению к коммунизму, обязательно хорошо, а все, что мешает этому, обязательно плохо. Коммунисты, многозначительно заявлял Гувер, называют такие моральные нормы пролетарской целесообразностью. Они убеждены, что капитализм — это зло, и потому, мол, считают морально оправданными любые средства, способствующие его уничтожению и установлению вместо него мирового коммунистического общества. Они полностью отрицают не только традиционный иудейско-христианский кодекс морали с его объективными нормами добра и зла, они отрицают и саму мысль о том, что могут существовать какие бы то ни было объективные нормы морали. По нормам коммунистической морали, утверждал Гувер, «ничто не является абсолютным, окончательным или священным, кроме самого коммунизма»¹.

Гувер делал вид, что он сторонник «чистой», внеклассовой морали — той самой, что нужна для «молодежного общества». Но ведь внеклассовой морали не может быть в классовом обществе. Сам же Гувер выступал с сугубо классовых буржуазных позиций, когда коммунистическую убежденность пытался выдать за аморализм. В этом нет ничего удивительного: ведь ему представлялись аморальными и выступления студентов в США, требующих положить конец преступлениям американской военщины во Вьетнаме.

Коммунистическая мораль никогда не отвергала выработанные человечеством категории добра, справедливости, гуманности. Но она освободила их от того наносного, что было вызвано их приспособлением к своим классовым интересам эксплуататорами. Так почему же «молодежное общество», которое объявляется гуманным и справедливым, должно заимствовать несправедливую и негуманную мораль эксплуататоров?

Чтобы придать своим измышлениям о коммунистической морали какое-то подобие социологического анализа, буржуазные идео-

¹ Hoover E. The Study..., p. 79.

логи строят искусственную модель «общества насилия», враждебного молодежной цивилизации. «Общество насилия» связывается как с крайне правыми, так и с крайне левыми. Так, «Немецкая волна» при каждой очередной кампании по выборам в бундестаг зачисляет в одну группу неонацистов и левую студенческую молодежь.

Сюда же буржуазные идеологи относят и коммунистов на том основании, что коммунисты якобы не признают законности и опираются на грубую силу. По утверждению ренегата марксизма Гюнтера Барча, «коммунист не тот, кто верит в золотой век, когда люди могут обходиться без законов и без частной собственности; коммунист скорее тот, кто верит, что этот век должна восстановить на всей земле, применяя в случае необходимости насилие, элита избранных»¹.

Уже говорилось о том, что элитизм является спецификой буржуазной идеологии, в том числе и концепции «молодежного общества». Выражением крайнего элитизма является идеология фашистов и неофашистов, которая в целом не выходит за рамки буржуазной идеологии, отстаивающей интересы элиты — класса эксплуататоров. Элита действительно пытается утвердить «общество насилия» — насилие над основной массой населения, трудящимися.

Но по отношению к кому будет проявлять насилие государство трудящихся, где уже нет эксплуататорских классов? Известно, что такое насилие применяется в соответствии с законодательством лишь к отдельным людям, нарушающим нормы социалистического общежития.

Можно отметить и другое. В связи с обострением классовой борьбы буржуазия во все больших масштабах стремится применять насилие. В то же время в социалистическом обществе все большее значение приобретают меры воспитательные.

Таким образом, буржуазное общество никак не может служить для молодежи олицетворением гуманистических устремлений. Подлинными гуманными ценностями молодежь получает в широких масштабах лишь в социалистическом обществе.

Следующим тезисом буржуазных социологов в их попытках привязать к «молодежному обществу» антикоммунистические нравственные категории является так называемая «практика двуличия». С одной стороны, говорят они, естественные чувства и требования возраста толкают молодого человека на путь свободного проявления своих желаний и удовлетворения интересов в настоящем. С другой стороны, официальные нормы, мол, обязывают его скрывать желания и довольствоваться неопределенной перспективой. Именно на таком раздвоении сознания, психики молодежи якобы строится советская система воспитания.

Так, Кассоф пишет, что компоненты коммунистической морали рассчитаны на то, чтобы способствовать беззаветному труду и аб-

¹ «Politik und Zeitgeschichte», 1965, № 31/65.

солютной преданности. В качестве доказательства он приводит распространенные-де в среде советской молодежи правила подавлять индивидуалистические тенденции в пользу требований коллектива, что считается признаком чести. А мужественность, по его утверждению, состоит из тех качеств храбрости и бесстрашия, которые позволяют личности выполнять поставленные перед ней задачи независимо от возникающих препятствий.

Вынужденные признать, что советское подрастающее поколение принимает программу коммунистического воспитания и не собирается осуществлять программу «молодежного общества», буржуазные идеологи объясняют это тем, что произошли определенные смещения в сознании юношей и девушек.

Подобные смещения якобы делают молодежь ограниченной, неспособной к объективному восприятию информации сложного современного мира. Молодой человек с законсервированным сознанием живет не реальностью, а иллюзиями, не настоящим и будущим, а прошлым. А ведь только через осознание новых идеалов создается «молодежное общество».

Правда, буржуазные идеологи возлагают определенные надежды на «угнетенные» желания молодежи, которые приводят к фрустрации и тем самым дают о себе знать. В этих неосознанных желаниях якобы и проявляется бессознательное стремление подрастающего поколения к «молодежному обществу».

Как видим, это перевод неотрефлексированного в область обоснования неизбежности молодежной цивилизации.

Система заимствования духовных ценностей, говорят буржуазные идеологи, извращается советской пропагандой. Обращаясь к «комсомольцу Коле» из Ашхабада, «Немецкая волна» пытается противопоставить советские органы информации интересам формирования «юношеской культуры». «Не обижайся на меня, дорогой Коля,— убеждает радиокomentатор,— если я тебе откровенно скажу, что я не верю в объективность и правдивость информации советских газет и советского радио. Когда мы здесь, в Кельне, читаем советские газеты, мы нередко качаем головами и не знаем, что нам делать: смеяться или удивляться».

Если советская молодежь была бы такой наивной, как это полагает «Немецкая волна», то ей немедленно следовало бы обращаться за «объективной и правдивой информацией» к буржуазной идеологии и отсюда черпать духовные ценности. Но оценка подрастающим поколением этих ценностей, так же как и объективности информации, происходит в соответствии с его мировоззрением и объективной реальностью. А они таковы, что формируют резко отрицательное отношение советской молодежи к антикоммунистической идеологии, сколько бы ни качал головой по этому поводу комментатор «Немецкой волны».

Тем не менее буржуазные идеологи продолжают утверждать, что действия советской пропаганды приведут к двум последствиям в процессе заимствования духовных ценностей: в настоящем — это консервация интереса к этим ценностям, в будущем — повышенное

вниманию. С возрастом, с опытом, с накоплением информации, надеются буржуазные идеологи, молодежь сможет ощущать «диссонансные моменты». Официальное кредо станет де подвергаться разрушению неизбежных противоречий между его изображением и реальностью повседневной жизни. А это приведет к переориентации системы заимствования ценностей.

Буржуазные идеологи также надеются, что переориентации этой системы будет способствовать искаженный ими поток информации в жизни «свободного мира». В качестве доказательства возможности такой перспективы они однако не могут предложить ничего большего, как «срезы» общественного мнения в юношеской среде, сделанные иностранными туристами. Весьма далекие от науки такие «срезы» представляют единичные фальсифицированные факты наподобие уже упоминавшихся «интервью» Розенфельдов. Смысл утверждений туристов, чьей информацией пользуются буржуазные социологи, состоит в том, что хотя советская пропаганда и мешает заимствованию молодежи духовных ценностей капиталистического Запада, тем не менее у нее можно с помощью определенных манипуляций возбудить интерес к «свободному миру».

Подобные манипуляции делаются буржуазными идеологами на два вида: формирование скептического отношения к духовным ценностям настоящего и духовным ценностям прошлого.

Что касается настоящего, то здесь антикоммунистические идеологи рассчитывают на искажение тех ценностей, которые, как они полагают, еще «не отстоялись» в сознании молодого человека. Именно этим, в частности, объясняется стремление буржуазной социологии и пропаганды оперативно откликаться на различные явления советской действительности, чтобы первыми дать их интерпретацию. Ибо считается, что реакция молодого человека на первую интерпретацию факта и явления самая устойчивая, что объясняется феноменом «психической инерции».

Иное дело духовные ценности прошлого. Здесь буржуазной идеологии приходится считаться с тем, что отношение молодежи к прошлому в весьма значительной мере определяется воздействием на нее в течение длительного времени системы воспитания. Поэтому в качестве альтернативы советской системе усвоения молодежью духовных ценностей прошлого выдвигается система их планомерной дискредитации. Главное ее направление — компрометация с моральной точки зрения успехов советского народа, имеющих воспитательное значение для молодежи. Признавая факты, которые нельзя игнорировать — бурный рост советской экономики, громадный прогресс науки и культуры, антикоммунистические идеологи объявляют все эти достижения несостоятельными с моральной стороны. Для этого привлекаются антикоммунисты всех мастей: от открытых врагов коммунизма до ренегатов марксизма. На свет снова вытащены работы К. Каутского, где он говорил о «египетском» характере труда советских людей, а создание социалистической индустрии сравнивал с сооружением пирамид фараонов. Современных антикоммунистов особенно привлекают те высказывания этого ренегата,

где говорится, что главы многих государств не только теперь, но и в гораздо более примитивные времена располагали большими массами покорной и беспомощной рабочей силы и были в состоянии возводить гигантские сооружения.

Но позволительно спросить: разве сооружение пирамиды Хеопса и Комсомольска-на-Амуре проводилось в аналогичных моральных целях? Всякая эксплуатация — будь она рабовладельческой или капиталистической — аморальна. Всякий труд на благо социалистического общества — глубоко нравствен. Каутский, которого современные антикоммунисты, рассчитывая на неосведомленность молодежи, преподносят чуть ли не классиком марксизма, начисто игнорирует классовую сторону различных явлений. Сравнить подневольный труд рабов фараонов с энтузиазмом строителей социализма — это значит выражать интересы эксплуататоров, а если учесть, что все это совершается под видом защиты эксплуатируемых, то такое фарисейство аморально вдвойне.

Однако современных антикоммунистов не смущает не только аморальность их фальсификаций, но и отсутствие в них всякой логики. Опираясь на доводы типа рассуждений Каутского, они продолжают утверждать, что коммунизм, дескать, не может быть духовной ценностью. Духовные ценности всегда усваиваются человеком через убеждение, осмысление их моральной основы. А коммунизм якобы стремится внедриться в общество с помощью силы. Поэтому в крайнем случае коммунизм как духовная сила в настоящее время должен считаться вторичным явлением, ибо он, мол, черпает свою силу не из идеологии. Но ведь подрастающему поколению нужно брать для «молодежного общества» идеи. А их-то, подводят к своему выводу буржуазные социологи, коммунизм дать и не может.

Молодежь стремится взять в будущее моральные ценности. Коммунизм, продолжают буржуазные идеологи, тоже не в состоянии их дать, так как, мол, он не является носителем моральных ценностей.

Молодежь сегодня вырабатывает духовную ценностную ориентацию, заимствуя и переосмысливая опыт старших. Коммунизм не может-де дать и этого, ибо коммунистически воспитанная личность является якобы антиподом идеалу подрастающего поколения.

Понимая, однако, что советская молодежь глубоко убеждена в верности коммунистических идей, их глубокой моральной основе, ориентируется в жизни на конкретных носителей коммунистических идеалов, буржуазная идеология в том случае, когда она обращается к советской аудитории, вынуждена прикрывать сущность своих установок чуть ли не заботой о социалистическом государстве. Так, Би-би-си, распространяясь об «ортодоксальности» носителей духовных ценностей в социалистических условиях, лицемерно заявляет, что «ортодоксов за идиотизм надо гнать в три шеи, ибо они приносят Советской власти больше вреда, чем разные антисоветские организации и радиостанции вместе взятые».

Одновременно буржуазная идеология пытается ориентировать молодежь на образец личности, сшитый по западным стандар-

там, что якобы больше соответствует потребностям «юношеской культуры».

Несостоятельность буржуазной идеологии в намечаемом ею процессе заимствования духовных ценностей проистекает прежде всего из ее концепции автономности мира подрастающего поколения. Оно не может чисто механически что-то заимствовать, а что-то отвергать. Ибо оно живет в обществе, и ценностные ориентации общества в целом характерны и для него, естественно, с учетом специфики возраста.

Молодежь усваивает те ценности, которые отражают потребности развития общества. Являясь научной идеологией, отражающей потребности развития общества, коммунизм предлагает ей эти ценности.

Молодежь усваивает ценности, прошедшие испытание практикой и временем. Реализация коммунистических идеалов, советская действительность убеждают подрастающее поколение, что только марксистско-ленинское учение в состоянии дать ей реальные духовные ценности.

Молодежь усваивает ценности, которые находятся в соответствии с ее специфическими интересами. Являясь идеологией переустройства общества на новых справедливых началах, коммунизм наиболее полно выражает интересы и устремления юношей и девушек.

Не имеют под собой никаких оснований и утверждения буржуазных социологов и пропагандистов о том, что подлинно духовные ценности молодежи следует искать на капиталистическом Западе.

Как уже говорилось, «деидеологические» мотивы в теории юношеского изоляционизма вызваны именно тем, что сегодня антикоммунизм не может предложить молодежи реальных и цельных идеологических установок и в то же время боится воздействия на нее марксистско-ленинских идей. Широкое распространение марксистско-ленинского учения среди подрастающего поколения ясно показывает, какие идейные ценности оно берет на вооружение.

Нравственная неприемлемость духовных ценностей капиталистического общества для молодежи со всей наглядностью проявилась в ее массовых выступлениях последних лет против аморальности капиталистических устоев. Было бы абсурдом утверждать, что молодежь должна заимствовать для будущего отрицающую капиталистическую мораль. Однако подобный абсурд налицо, и в этом можно видеть попытки антикоммунизма гальванизировать пришедшие в столкновение с действительностью нравственные ценности капиталистической системы. На фоне этих бесперспективных попыток молодежи особенно ясной становится гуманистическая сущность коммунизма, открывающего пути для реализации самых благородных нравственных установок.

Капитализм не может предложить подрастающему поколению и тех конкретных носителей духовных идеалов, которые могли бы стать образцом для подражания. Культ сверхчеловека, созданный «массовой культурой», хотя и нашел распространение среди части

молодежи, совершенно не отвечает интересам формирования личности молодого человека. Этим интересам может отвечать лишь реальная программа воспитания человека коммунистического будущего и тот высокий духовный образец, который видит подрастающее поколение в деятельности коммунистов на благо широких народных масс.

* *
*

Концепцию «молодежного общества» можно рассматривать как вариант теории конвергенции для подрастающего поколения. У них совпадают основные посылки, в частности утверждение о том, что научно-техническая революция размывает различия между социализмом и капитализмом. Какая жизнь ожидает молодежь в социалистических и капиталистических странах согласно этой версии? «Иметь более усовершенствованный телевизор, более быструю автомашину, — пишет «Монд», соотнося свое мнение с «позицией советского человека». — Техника, цивилизация, желание накапливать все больше и больше, комфорт — вот то, что преобладает в сознании людей в наши дни... Мир един»¹.

Однако в отличие от теории конвергенции концепция «молодежного общества» основной упор в «наведении мостов» делает не на социально-экономические факторы, а на биопсихологические факторы.

«Сегодняшняя молодежь является первым поколением, которое действительно переживает мир как единое целое», — считает «Арбейдербладет»². «Молодежь стала международной», — вторит английский социолог Б. Левин³. «Отличительной чертой молодежного движения является его универсальность», — полагает известный французский публицист Андре Фонтэн⁴. Требования молодежи не знают географических и идеологических границ, заявляет, наконец, «Голос Америки».

Здесь приведены лишь некоторые высказывания, характеризующие общую точку зрения для буржуазной идеологии: физиологические особенности подрастающего поколения и его психологические характеристики якобы делают объективной действительностью консолидацию молодежи независимо от идеологии и классовой принадлежности.

Это положение распространяется буквально на все области жизни. Самые противоречивые явления в среде молодежи различных стран буржуазная социология и пропаганда объявляют следствием тождества общечеловеческой сущности подрастающего поколения.

¹ «Le Monde», 29. III. 1967.

² «Arbejderbladet», 13. VIII. 1968.

³ «The New Statesman», VIII. 1967.

⁴ «Le Monde», 13. VI. 1968.

Студенческие выступления в капиталистических странах, любовь к эстрадной музыке, повышение или понижение интереса к общественным наукам, даже участие в «культурной революции» — все эти и многие другие совершенно разноплановые явления суммируются для доказательства единых устремлений юной природы. Так, если в Китае хунвейбины бормочут цитаты Мао, то молодые люди европейских социалистических стран также якобы принимают участие в «культурной революции», только с той разницей, что расппевают «е-е-е» под гитару. Как пишет «Майнити дейли ньюс», хотят или не хотят этого старшие, молодежь не собирается отказываться от своих удовольствий, которые она находит в толпе, покачивающейся в ритме последних западных танцев¹.

Особо много внимания буржуазные идеологи уделяют попыткам обосновать тождество сущности советской и зарубежной молодежи. Для доказательства этого проводятся многочисленные исследования с целью показать единство основных взглядов на «общечеловеческие» ценности. Выявляемые различия обычно носят незначительный характер. Например, молодой немец большее значение придает веселому настроению духа и практическим способностям, а в самооценке русского молодого человека большую роль играет мужество. Но в целом, как молодые русские, так и молодые немцы характеризуются прежде всего как «живые и общительные»².

Однако особенно настойчиво буржуазные идеологи пытаются отождествить взгляды и задачи советской и американской молодежи. Правда, они признают, что «до сих пор еще бытуют старые клише об американском индивидуализме и врожденном русском коллективизме»³, но все это, так же как и различия классового и идеологического порядка, объявляется отжившим свое время.

Что же общего и какие нюансы отличий видят буржуазные идеологи у советской и американской молодежи?

«Как в России, так и в Америке, — пишет редактор американского католического молодежного журнала «Пейс» Роберт Флеминг в своей работе «Молодые русские», — молодое поколение отлично от родителей... Молодая Россия и молодая Америка нуждаются в более великих целях и свежем чувстве своих задач. В этом поиске русские нуждаются в большей личной свободе и инициативе, а американцы — в большей личной дисциплине и самопожертвовании». Однако эти различия, поданные в обычном антисоветском ракурсе, не мешают автору заявить об авангардистской тождественности задач молодежи Советского Союза и США: «Молодая Америка и молодая Россия могут стать лидерами революции нового вида, вовлекающей в себя не только Запад или Восток, но и всех людей мира»⁴.

¹ «Mainichi Daily News», 26. V. 1967.

² «Der Monat», X. 1967, N 229.

³ «Rheinischer Merkur», 26. V. 1967.

⁴ «Peace», 1968, № 3.

Буржуазные идеологи не ограничиваются просто констатацией сходства сущности и задач молодежи, а пытаются создать определенную модель сходных черт подрастающего поколения. По мнению некоторых западных социологов, к таким чертам относятся романтизм, элагизм и т. д.

С помощью романтизма молодежь якобы ищет способы самовыражения, отвергаемые старшими. Конкретно романтизм, с точки зрения буржуазных социологов, означает желание вести свободную жизнь, которой не мешают барьеры условностей взрослых, ограничивающие чувства, общение. Все это сочетается с эстетическими интересами и глубоким отвращением к строго рациональной деятельности старшего поколения, причем молодежь очень часто испытывает романтическое желание все знать и все испробовать.

Отвержение власти заключается в антипатии по отношению к произвольным предписаниям взрослых, к централизации власти, ко всему, что ставит рамки.

Элагизм, якобы присущий молодежи, определяется как «народничество», под которым понимается убеждение, что не только взрослые, но прежде всего молодые люди должны заниматься политикой.

Антидогматизм определяется как протест против любой доктринерской или идеологической интерпретации событий старшим поколением.

Моральная чистота проявляется в сильной антипатии к любым эгоистичным поступкам взрослых. При этом молодежь якобы заявляет, что старшее поколение давно отказалось от проповедуемых им духовных ценностей и что поведение старших приводит к неумеренному эгоизму, расчетливости и лживости.

Общине как характерная черта участников молодежного движения есть стремление с помощью активных контактов полнее выразить свои эмоции, чтобы разрушить созданные старшими и разделяющие людей барьеры.

Наконец, отрицание социальных институтов заключается в глубоко недоверии ко всему, что связано с государством и партиями старшего поколения¹.

Суммированные Флаксом черты молодежного движения постоянно встречаются, правда не в столь систематизированном виде и с несколько измененной терминологией, в других работах и по существу являются признанными в буржуазной социологии. На эти черты постоянно ориентируется антикоммунистическая пропаганда, направленная на советскую юношескую аудиторию. Так, «романтизм» находит отражение в попытках поставить знак тождества между романтикой русских революционеров и антисоветской деятельностью. Тезис об отвержении молодежью власти проявляется в пропаганде неповиновения старшим. Ориентацией на элагизм можно считать противопоставление буржуазной идеологией масс советской молодежи и «правящей элиты». Зарубежное радио постоянно подчеркивает «догматизм» старших и «новаторство» молодежи, про-

¹ «Democratie nouvelle», 1967, N 3.

тивопоставляет моральные установки поколений, пытается культивировать отрицательное отношение к институтам советского государства. Наконец, эмоциональная насыщенность пропаганды ориентируется на качество молодежи, определяемое как «общение».

Подобная классификация, равно как и ее практическое использование буржуазной идеологией, не имеют под собой какой-либо реальной основы в жизни советского общества.

Еще В. Гюго писал, что «романтика и социализм — одно и то же явление»¹. Революционная романтика советской молодежи находит свое выражение прежде всего в творческом поиске, в труде: социалистическом соревновании, ударных комсомольских стройках, студенческих строительных отрядах, исследовательской работе. «Наши планы, наши замыслы, — говорил в речи на торжественном пленуме ЦК ВЛКСМ, посвященном 50-летию комсомола, Л. И. Брежнев, — не могут не зажигать молодые сердца, которым так близки романтика сурового труда, радость первооткрывателей»².

Когда Институт общественного мнения «Комсомольской правды» провел анкету «Что вы думаете о своем поколении?» среди почти 20 тысяч молодых людей, живущих во всех географических районах страны и представляющих все группы населения СССР, то в числе важнейших черт молодого поколения было названо сознательное отношение к труду, трудолюбие. По данным ленинградских ученых, опросивших 2665 молодых рабочих, лишь 399 человек критерием своего отношения к труду назвали заработную плату. Для остальных главное — интересная работа, ее содержание.

Народность (а не народничество, элагизм, как определяет Флакс) находит отражение в сознании советской молодежи как потребность служения интересам народа. На вопрос «В чем состоят ваши цели в жизни?» 66,6 процента опрошенных молодых людей ответили: служить народу. Когда радиостанция «Юность» попросила своих слушателей ответить на вопросы анкеты, которую предложили Марксу его дочери, то подавляющее большинство молодежи свое представление о счастье сформулировало следующим образом: заслужить благодарность людей. Лишь 2,2 процента опрошенных видят цель своей жизни в выгодном вступлении в брак и 0,1 процента — в возможности иметь много денег и проводить жизнь в удовольствиях и развлечениях.

Иное содержание, чем названный Флаксом антидогматизм, имеет и присущее советской молодежи стремление к новому. При этом стремление к новому не противопоставляется деятельности старшего поколения, а является отражением страстного желания советского юношества упрочить и развивать те социальные ценности, которые утвердили их отцы. Поэтому стремление к новому связывает

¹ Гюго В. Собр. соч. в 15-ти томах. М., Гослитиздат, 1949—1956, т. 14, стр. 366.

² Брежнев Л. И. Речь на торжественном пленуме ЦК ВЛКСМ, посвященном 50-летию Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи. М., «Молодая гвардия», 1968, стр. 13.

ся с патриотизмом, любовью к социалистической Родине, преданностью партии, идеям коммунизма.

Моральная чистота советской молодежи проявляется не в отвержении «эгоизма старших», а в наследовании высоких моральных качеств строителя коммунизма (воля, чуткое отношение к людям, правдивость и т. д.), которые привлекают советских юношей и девушек.

Общение молодежи, определяемое буржуазной социологией как стремление разрушить разделяющие людей барьеры, также не имеет ничего общего с общественной активностью советской молодежи, повышенным интересом к общественно-политической жизни. Результаты социологических исследований, проводившихся в последние годы, говорят, что в общественной работе участвуют 50—65 процентов молодежи. Обследование, проведенное среди юношей и девушек группы уральских предприятий, показало, что в среднем каждый молодой рабочий выписывает 2,2 газеты. Более половины времени, затрачиваемого на культурный отдых, молодые рабочие Челябинска посвящают прослушиванию радиопередач и просмотру телевизионных программ.

К советской молодежи совершенно неприменим введенный буржуазной социологией термин «отрицание институтов». В комсомоле проходит школу коммунистического воспитания 29 миллионов человек. В Советы депутатов трудящихся избрано около 500 тысяч молодых депутатов.

Советская молодежь считает своим жизненным идеалом героев революции, войны и труда, людей старшего поколения. Самыми любимыми своими героями, по результатам опроса радиостанции «Юность», юноши и девушки считают Маркса и Ленина. В числе любимых передач по радио и телевидению молодые люди называют передачи из циклов «Борцы за народное счастье», «Рассказы о героизме»¹.

О совершенно иных качествах послевоенной молодежи говорят исследования американского журнала «Лук». По выводам восьми социологов и писателей, опросивших более 550 юных американцев, молодежь убеждена, что у родителей ограниченнее кругозор, меньше образованности, уже представление о счастье, больше условностей. 46 процентов жаловались на то, что взрослые не являют собой примера, которому бы стоило подражать. 79 процентов опрошенных сказали, что родители им досаждают. 55 процентов пессимистически смотрят на возможность осуществления демократии. Молодые люди настроены скептически, живут как бы в масках, для них поч-

¹ Результаты социологических исследований среди советской молодежи приведены в книгах: Васильев В., Кулагин А., Чупров В. Ваше мнение? Прикладные социологические исследования по проблемам молодежи. М., «Советская Россия», 1967; Грушин Б. и Чикин В. Исповедь поколения. М., «Молодая гвардия», 1962; Капто А. Общественная активность как нравственная черта молодежи. Тезисы докладов Всесоюзной научно-теоретической конференции «Молодежь и социализм», секция 4. М., «Молодая гвардия», 1967; Паньшин Р. Мы живем в СССР. М., «Молодая гвардия», 1967.

ти нет героев. Лишь 10 процентов внимательно читают газеты. Мало кто работает по собственному побуждению. 87 процентов поставили на первое место среди своих жизненных целей достижение личного благополучия: юноши — хорошо оплачиваемую работу, а девушки — удачный брак¹. Пожалуй, нужно с известной долей остороженности отнестись к результатам подобного исследования, где не учитывается классовая принадлежность юношей и девушек, тем не менее они показательны.

Антикоммунистическая сущность трактовки буржуазной социологией и пропагандой отличительных качеств советской молодежи особенно рельефно проявляется в стремлении теоретически обосновать направления политики «наведения мостов» в среде молодежи. Все эти направления исходят из утверждений о стремлении подрастающего поколения выявить свою сущность в широких контактах. Так, Парсонс указывает на «открытое, исследовательское» отношение советских молодых людей к миру, на их оптимизм относительно перспектив мирного сосуществования и сотрудничества между странами с различными социальными системами².

Как понимают сами буржуазные идеологи процесс «наведения мостов»?

«Что же такое по существу перекидывание мостов? — ставит вопрос М. Лейте в передаче Би-би-си. — Ведь это равносильно признанию общих интересов... Но и это не все. Несмотря на то, что коммунисты осуждают идеологическое сосуществование, оно, несомненно, существует в области культуры и идей... Фактически перекидывать мосты от Восточной Европы к Западной не приходится. Они возникают сами по себе».

Конечно, «наведение мостов» можно трактовать весьма широко, что и делают сейчас буржуазные идеологи, в частности Лейте, чтобы скрыть сущность этого понятия. Однако правильнее видеть в нем то, что, собственно говоря, и имеют в виду антикоммунисты: идеологическую эрозию советского общества с помощью экспорта антикоммунистических идей.

Сознавая уязвимость своей позиции, они ссылаются на некоторые внешние причины, которые мешают установлению «мостов» в молодежной среде. Таких причин можно назвать по меньшей мере четыре.

Первая причина. Главное препятствие к «наведению мостов» в юношеской среде антикоммунисты усматривают в партийном руководстве. Этим объясняются их настойчивые попытки противопоставить универсальность, широкую социальную базу «молодежного общества» и мнимую «замкнутость» партии. Видный деятель правосоциалистической партии Франции СФИО Жюль Мок в своих «Десяти письмах юноше» пишет, что партия якобы продолжает функции активного меньшинства, которое захватило власть. По его словам, речь идет не о диктатуре пролетариата над другими соци-

¹ «Look», IX. 1966.

² «New World Review», VIII—IX. 1967.

альными классами, но о диктатуре этого «активного меньшинства», т. е. партии. Над кем? — риторически спрашивает Жюль Мок. И сам себе отвечает: над всеми, кто в нее входит, значит над пролетариатом, крестьянством, молодежью. Так, оставляя без внимания факты и историческую правду, враги коммунизма подобным способом пытаются по-своему использовать естественное стремление молодежи к самостоятельности и инициативе, использовать для противопоставления ее партии.

«Молодежное общество», утверждают в то же время буржуазные социологи, обладает универсальностью в том плане, что охватывает самые широкие аспекты утверждения юным поколением своего отношения к действительности, различные сферы человеческой деятельности — и все это независимо от наличия того или иного общественно-политического строя. Не государственное устройство, а дух века, последствия культурной и научно-технической революции, дескать, определяют универсальность структуры «молодежного общества». Партийное руководство, выражают надежду буржуазные идеологи, придет в противоречие с универсальностью «молодежного общества» уже потому, что его духовный диапазон шире ограниченности «тоталитаризма». Но, с другой стороны, «тоталитаризм» пытается распространять свое влияние на все сферы жизни и стало быть на «молодежное общество».

Расхождения между интересами «молодежного общества» и партийным руководством антикоммунисты усматривают и в том, что юношеская аудитория всегда требует доказательности и противится голому администрированию, в то время как для партии, мол, на первом месте — дисциплина. Но здесь делается оговорка: молодежь категорически отвергает только недемократические партийные порядки и может принять доказательную программу, которая характерна-де для буржуазных партий. С этой целью буржуазная идеология довольно широко превозносит различные дискуссии, полемические споры буржуазных партийных деятелей с молодежью.

Следует заметить, что неправомерно противопоставлять дисциплину и доказательность. Доказательность принимаемых Коммунистической партией решений строится на глубокой научной основе, а дисциплина является выражением единства устремлений коммунистов и средством их практической реализации в настоящем и будущем. Деятельность буржуазных партий не может строиться на глубокой научной основе, ибо они не отражают потребности развития общества. Это и заставляет буржуазных функционеров прятать суть своей политики за риторическими дискуссиями и т. п., что не мешает им, однако, проявлять насилие над молодежью.

Показательно, что, рекламируя буржуазные партии, антикоммунистические идеологи в то же время утверждают, что объединение коммунистов в партию не только противоречит интересам «юношеской культуры», но и не отвечает потребностям развития общества вообще и становится «старомодным».

При этом, с одной стороны, буржуазные социологи, оперируя фактами из капиталистического мира, пытаются доказывать, что

в связи с якобы относительно однородной структурой западного общества партия, выражающая интересы одного класса, лишается социальной основы и ее программа неминуемо становится догматической. А это противоречит универсальности молодежной программы.

С другой стороны, буржуазные социологи обращаются к советской действительности и, оперируя данными о росте образования, распространении информации, миграции, говорят об относительной социальной однородности большинства молодежи. А это уже, по их мнению, должно исключить в будущем необходимость выделения какой-то части населения в партию.

Фальсификации антикоммунистов показывают понимание ими того факта, что сила социалистического общества — в партийном руководстве. Не случайно, что именно это направление они избрали главным в своих идеологических диверсиях в Чехословакии в 1968 г., представляя партийное руководство как главный тормоз на пути самовыражения подрастающего поколения.

Надо отметить и другое. Те блага, которые обещаются теоретиками «молодежного общества» подрастающему поколению в будущем, — значительная социальная роль, возможность выявления своей сущности в демократических условиях, доказательность решений государственных институтов — все это Коммунистическая партия уже сделала реальностью для советской молодежи. Поэтому понятно, что именно в деятельности Коммунистической партии буржуазные идеологи видят препятствие к распространению своих мифов среди подрастающего поколения.

Вторая причина. Ее антикоммунистические идеологи усматривают в советском патриотизме. Поэтому они всячески подчеркивают мнимую социальную, идеологическую и национальную «ограниченность» старшего поколения и «широкий» взгляд на мир современной молодежи, что должно привести к созданию космополитического стереотипа.

Одним из главных препятствий на пути формирования такого стереотипа «советологи» считают природную национальную замкнутость русских. Так, Юлем находит ее везде, начиная с Ивана Грозного, расправившегося с князем Курбским за его преклонение перед западными обычаями, и кончая осуждением молодежи за увлечение рок-н-роллом¹.

В своих поисках путей эрозии патриотизма «советологи» указывают на ряд исторических параллелей и, в частности, на эпоху Петра I. В то время, говорят они, сближение России с Европой началось на основе проникновения в русскую среду западной культуры. Именно этим путем и сейчас следует открывать окно в Европу, на Запад.

Исходя из подобных посылок, буржуазные социологи настойчиво подчеркивают, что советское искусство должно целиком обновиться, обратиться к западным исследованиям и модернизировать

¹ U l a m A. B. The new..., p. 86.

ся. Сделать это должны прежде всего молодые люди, ищущие свой идеал и средства выражения, которые массовые организации с их табу, функционализмом и бюрократизмом якобы не могут дать.

В конечном итоге вся эта кампания по нивелированию идеологической и национальной «ограниченности» имеет целью представить патриотические чувства как нечто старомодное. Показательно в этом отношении заявление «Немецкой волны», что у нынешнего поколения почти не встречается идеалистических представлений о «народном характере». Причем в это понятие вкладываются широкие категории, имеющие совершенно определенную политическую направленность. «Молодежь полагает, — утверждает «Немецкая волна», — что в будничной жизни она может легко обойтись без государственного флага и без гимна, нисколько не утрачивая при этом чувства своего национального достоинства. Внутреннее связующее единение с народом также уже не является больше для молодежи союзом верности не на жизнь, а на смерть. Более трети всех опрошенных могут представить себе такие условия, при которых они сменили бы свое гражданство на какое-либо другое. Примерно половина обосновывает такую готовность материальными интересами, которые в конечном итоге приводят к формуле: «Где тебе хорошо живется, там и твое отечество». Однако немалое число приняли бы гражданство другой страны, если бы там были гарантированы свободные выборы, одинаковые для всех права, свобода высказывать свое мнение и безопасность».

В данном случае радиостанция оперировала данными социологических исследований среди молодежи ФРГ. Но весь смысл этой передачи на русском языке сводился к тому, что утрата патриотических чувств характерна для всей молодежи.

Подобный курс на эрозию патриотических чувств, безусловно, имеет и более дальний прицел. Как писал американский журнал «Кольерс», следует создать такое положение, при котором в случае войны в Советском Союзе не было бы новых Матросовых и Космодемьянских. Руководствуясь этим, буржуазная идеология стремится внушить мысль, что защита родины является анахронизмом, что «солдафонство» более присуще пожилому поколению. «Фактически отношение детей к войне, — заявляет Би-би-си, — гораздо более здоровое, чем отношение многих взрослых. В большинстве случаев дети — пацифисты. Это само по себе уже перемена к лучшему. Очевидно, постепенно начинает исчезать прежнее восхваление всего военного, как и отношение, которое выражено словами «моя страна всегда на первом месте». Такое отношение, разумеется, внушалось взрослыми».

Нетрудно видеть, что в данном случае буржуазная пропаганда избрала для своей атаки именно те направления, по которым Коммунистическая партия, комсомол ведут патриотическое воспитание молодежи. При этом зарубежное радио стремится дискредитировать в глазах подрастающего поколения основу патриотического воспитания — уважение, сыновью благодарность к старшим, к ветеранам революции, войны и труда.

Несостоятельность утверждений буржуазных идеологов проявляется прежде всего в том, что они объявляют тенденцией нашего времени утрату патриотических чувств. Это противоречит практике общественного развития. Сегодня мир является свидетелем обратного процесса — осознания широкими кругами молодежи, особенно бывших колониальных стран, своей ответственности за судьбы родины, развитие национальной культуры и т. д.

Тем более подобный подход неприемлем по отношению к советской молодежи, воспитанной на советском патриотизме. Буржуазные идеологи умышленно не замечают того факта, что советский патриотизм вбирает в себя не только национальное чувство. Он основывается на глубокой преданности советских людей, молодежи социалистическому отечеству. Развитие социалистической системы, коммунистическое строительство способствуют всемерному становлению этого качества подрастающего поколения.

Третья причина, мешающая «наведению мостов» в юношеской среде, усматривается буржуазными идеологами в «догматическом» характере воспитания молодежи и влиянии на этот процесс взрослых. Они заявляют, что для советской молодежи создается тепличная идеологическая и нравственная атмосфера, полная автономность ее развития от внешнего мира. Опирируя понятием «юношеской культуры», буржуазные социологи стремятся доказать, что развитие советской молодежи в конечном итоге будет протекать по общепринятым стандартам, т. е. по западному образцу. «Когда русские юноши и девушки, прежде всего живущие в крупных городах, — утверждает Питер Янг, — говорят, что они хотят быть «такими же, как и все», они имеют в виду «всех» на Западе, и это подтверждается их интересом к западной музыке, искусству и одежде»¹.

В качестве доказательства в распространении западных стандартов Патрик сосылается на то, что некоторые юнцы носят джинсы, девушки — брюки и «конские хвосты», слушают и танцуют твист, рокк, интересуются кино и журналами, создают любительские оркестры. Хотя такое поведение, мол, не является злостным и целиком схоже с поведением молодых людей на Западе, «догматики» полагают, что «молодежь далека от идеала, что это эгоисты, ищущие комфорта и денег, что их поведение глупо, а отношение между девушками и юношами не соответствуют требованиям морали»².

Подобные утверждения роднят теоретиков «молодежного общества» с авторами теории конвергенции. Разница лишь в том, что одни видят стирание социальных противоположностей между капиталистическим и социалистическим обществом в единой технологии, сходных конструкциях самолетов и автомобилей, а другие — в сходных покроях брюк и одинаковом уровне мини-юбок. Но в обоих случаях налицо субъективный подход к вопросам перспектив общественного развития.

¹ «Life», 13. XI. 1967.

² Patrick G. Les organisations..., p. 197.

Нетрудно видеть, что буржуазные идеологи стремятся не только столкнуть поколения на почве отношения к «массовой культуре», но и подменить духовные ценности молодежи. При этом в ход идет все: живопись и элементы «домашнего уюта», шейк и жевательная резинка. Буржуазные идеологи рассчитывают на то, что вслед за интересом к этим вещам появится интерес и к тем, кто их продает. Мол, вместе с различными аксессуарами буржуазного образа жизни вползут в разные щели и теории, составляющие подкладку этого образа жизни, его духовную кайму.

Надежду на преодоление барьеров «догматизма» в «наведении мостов» буржуазная идеология связывает с той переоценкой ценностей, которая якобы сегодня охватила молодежь в глобальном масштабе. Та же Би-би-си, проводя прозрачную аналогию, попыталась показать это на отношении молодежи к созданному старшим поколением престижу страны. Многие представители старшего поколения Англии отдали свои жизни развитию (!) бывших колониальных стран, заявила Би-би-си. Сейчас, когда потеряны колонии, старшее поколение жалеет об утраченной позиции. А молодежь, наоборот, отворачивается от идеи «Англия — мировая держава». Но имеет ли старшее поколение моральное право высказывать недовольство подобной позицией молодежи? Я принадлежу к поколению, говорит комментатор Би-би-си, которое не жило согласно тому, что оно проповедовало, и шло на компромисс со справедливостью. Можно ли удивляться, что молодежь отворачивается от нас? И это, мол, закономерно, что подрастающее поколение думает и действует согласно своим убеждениям: проводит демонстрации, изобретает, создает новое искусство и борется за создание нового мира по своему собственному образцу.

Таким образом, буржуазная идеология предлагает оставить молодежь и дать ей возможность самой решать вопрос о своем будущем обществе. Но это всего лишь пропагандистское клише. Би-би-си, наверняка, известно, как подавляются английскими властями любые выступления молодежи против колониализма и неоколониализма. Далеко за примерами ходить не нужно: рядом — Северная Ирландия, где английские войска и полиция безжалостно расправляются с молодыми патриотами, в том числе и с теми из них, кто является членом парламента.

Предлагая дать молодежи «свободу выбора», «советологи» настойчиво навязывают ей свои идеологические ориентиры. Практически получается, что освобождение подрастающего поколения от «догматизма» должно означать отказ от марксистско-ленинской идеологии и обращение к идеологии буржуазной.

Но такие установки абсолютно нереальны. Марксистско-ленинское учение не только обобщает гигантский социальный опыт человечества, оно раскрывает перед молодежью перспективы познания и преобразования настоящего и строительства будущего, являясь потому самым современным и актуальным учением.

Коммунистическая партия всячески способствует развитию творческой инициативы молодежи. Громадное значение формированию

у подрастающего поколения этого качества придавал В. И. Ленин. «Владимир Ильич, — писал Е. М. Ярославский, — говорил серьезным тоном с подростками, с юношами так, как говорят только с взрослыми. У Ленина не было и тени того высокомерия старого работника, который смотрит сверху вниз на молодежь. Он видел в молодежи настоящих борцов, и в решительные моменты, как в Октябрьские дни, на молодежь возлагал ответственнейшие задачи... Он считал только, что по отношению к молодежи необходимы особые способы работы, и что эти способы работы среди молодежи надо тщательно выработать, тщательно проверять. Лучше, если эта работа будет проделана самой молодежью»¹.

Четвертая причина, на которую указывается как на отрицательный фактор в «наведении мостов», — это якобы незначительная информированность советской молодежи.

Информированность ставится в прямую связь с формированием и заимствованием духовных ценностей. Широкая информация способствует становлению социально значимых ценностей, а ограниченная обычно приводит к потребительским или пуританским ценностям. Поскольку старшее поколение объявляется менее информированным по сравнению с молодежью, стало быть оно и не в состоянии предложить для «юношеской культуры» какие-либо ценности. Но и сама молодежь не может создавать подлинные ценности в силу своей недостаточной информированности.

Буржуазные социологи и пропагандисты не делают особого секрета из того, что они подразумевают под информированностью — это ознакомление с антикоммунистической идеологией. Рассценивая это как «невинное любопытство» со стороны молодежи, Кассоф тут же заявляет, что прорыв «железного занавеса» дал возможность советской молодежи выйти на «мировую арену».

На это можно заметить, что духовные ценности формируются прежде всего в соответствии с социальной действительностью и носят классовое содержание. Буржуазная идеология выступает носителем враждебных для советской молодежи ценностей и не может ей предложить чего-либо позитивного. Поэтому она прежде всего стремится извратить духовный мир молодого человека, дезинформировать его.

В трактовке буржуазной идеологией причин, мешающих «наведению мостов» в среде подрастающего поколения, можно отметить субъективную и объективную сторону. Субъективная — это обычное для антикоммунизма извращение советской действительности, что находит выражение в фальсификации сущности партийного руководства, извращении сущности советского патриотизма, произвольном толковании понятия информированности и т. д. Объективная — это невольное признание буржуазными идеологами неудачи их попыток реализовать доктрину «наведения мостов» в юношеской среде.

¹ Ярославский Е. М. Ильич и молодежь. «Новая Москва», 1925, стр. 8.

Эта неудача предопределяется научной несостоятельностью доктрины.

Прежде всего, она опирается на искаженное толкование основных процессов общественного развития. Используя появление некоторых новых явлений в капитализме, которые лишь подтверждают процесс его общего кризиса, буржуазные идеологи говорят о некотором сближении условий существования молодежи. На самом же деле научно-техническая революция и связанные с ней явления, на которые любят ссылаться антикоммунистические идеологи, способствуют не сближению, а дальнейшей поляризации двух общественных систем. В связи с этим и духовные ценности, предлагаемые социализмом и капитализмом для молодежи, приобретают все более антагонистический характер.

Буржуазные идеологи неправоммерно абсолютизируют биологические и психологические особенности молодежи, отводя им чрезмерно гипертрофированное место в духовной ориентации подрастающего поколения. Тем самым они в значительной мере сводят все устремления молодежи к физиологии. Это абсолютно неправоммерно как для человека в целом — ибо его биологически нельзя рассматривать в отрыве от социального, так и для молодого человека в особенности — ибо в наше время бурного общественного прогресса молодежь особенно в большой мере подвержена воздействию социальной жизни и активно в ней участвует.

Несостоятельность доктрины «наведения мостов» среди подрастающего поколения прямо связана с ее прикладным характером. Буржуазные идеологи берут только те факты, которые, с их точки зрения, для них выгодны, притом толкуют их крайне односторонне. В то же время умалчивается о множестве таких факторов, которые не увязываются с теоретическими построениями антикоммунистических идеологов.

Авторы доктрины «наведения мостов» в молодежной среде попытались создать своеобразную альтернативу пролетарскому интернационализму для подрастающего поколения и, естественно, построили ее, исходя из своих классовых позиций. Иначе они и не могли сделать, но в подобном подходе заключена ущербность их теоретических установок. Интернационализм в среде молодежи возникает, действительно, на классовой основе, но это пролетарская социалистическая основа. Было бы нелепо предлагать советской молодежи общность целей и действий на основе идеалов тех классов, которые давно изжили себя в СССР. Но именно так и поступают теоретики доктрины «наведения мостов».

Как уже говорилось, научная несостоятельность доктрины «наведения мостов» в молодежной среде предопределяет ее полную непригодность для подрастающего поколения. Тем не менее изощренные приемы буржуазных идеологов, их демагогическая лезть по адресу молодежи требуют их аргументированного разоблачения, противопоставления им марксистско-ленинского анализа современного капитализма и новых в нем явлений и тенденций, показа современных форм эксплуатации юношей и девушек. Раскрытие

тех качеств, что объединяют советскую молодежь с демократической молодежью мира, в то же время предполагает и объяснение того, что отличает советских молодых людей, — их глубокой коммунистической убежденности, классового подхода к явлениям действительности, социалистического патриотизма и пролетарского интернационализма, самоотверженного практического участия в создании нового общества — коммунизма.

Рассмотрение теории «молодежного общества» позволяет прийти к выводу, что она является сугубо мифологической концепцией. Об этом говорит целый ряд ее специфических черт: отводимая молодежи-мессиянская роль, отсутствие четкой логической структуры, эмоциональная насыщенность и т. д. Мифологическим является и средство, с помощью которого должно проходить становление «молодежного общества», «юношеская культура», предлагающая подрастающему поколению создавать духовные ценности на основе одних лишь внутренних побуждений. Такая ориентация теории «молодежного общества» и «юношеской культуры» находится в полном соответствии с самыми реакционными философскими течениями, в частности с ницшеанством, предлагавшим социальное развитие молодежи в соответствии с мифологическими импульсами. «Только горизонт, построенный на основе мифа, может привести целое культурное движение к завершению», — писал Ницше. — Мифические образцы должны стать невидимыми вездесущими стражами, под охраной которых растут молодые души...»¹ Именно к таким нереальным горизонтам в сопровождении мифических атрибутов «юношеской культуры» и зовет теория «молодежного общества».

Теория «молодежного общества» является футурологической и в этом плане вполне может быть отнесена к современным буржуазным моделям социальной фантазии, а именно: к «чистой социальной фантазии» западногерманского философа Роберта Юнгка, рассматривающего только мыслимое и невозможное, а не существующее и возможное. Однако так же, как и в других буржуазных футурологических концепциях, в теории «молодежного общества» не разработана проблема цели человеческой деятельности, не определены ценностные ориентации, ничего не говорится о формах и функциях сознания, которые бы в соответствии с отражением позволяли предвидеть будущие ситуации.

Буржуазные философы и социологи в мельчайших деталях пытаются определить черты будущего «молодежного общества». Однако, как убедительно показано советской наукой, не существует абсолютной точности в предвидении будущего. Речь может идти о главном, определяющем в общественном развитии².

¹ Nietzsche F. Gesammelte Werke. Musarion-Ausgabe, München, 1922, Bd. III, S. 163.

² См.: Голт В. С. Ленинское научное предвидение и современность, М., 1969, стр. 61.

По своей гносеологической природе теория «молодежного общества» является производной от более широких социологических концепций, исходящих из предпосылки, что группы людей, в том числе разного возраста, могут психологически различно относиться к настоящему и будущему. В этом отношении она весьма близко подходит под определение Карлом Маннгеймом либеральной идеологии с ориентацией на неопределенное будущее, в котором восторжествуют этические нормы.

Теория «молодежного общества» весьма близка по своей методологии к ряду современных буржуазных философских течений, в частности к структурализму. Механистический, структуралистский подход ставит ее в один ряд с теорией конвергенции. В том же проявляется и их общая несостоятельность как эклектических учений, ибо невозможно строить общество будущего, механически привнося в него какие-то «рациональные» элементы. В. И. Ленин в свое время высмеял известного идеолога народничества Н. К. Михайловского, предлагавшего синтезировать общество будущего таким эклектическим путем. «И в самом деле, как это просто! — писал Ленин, — Хорошее «брать» отовсюду — и дело в шляпе!.. Философ этот часто метафизически смотрит на общественные отношения, как на простой механический агрегат тех или других институтов, простое механическое сцепление тех или других явлений. Он вырывает одно из таких явлений... и думает, что его можно точно так же пересадить во всякие другие формы, как кирпич переложить из одного здания в другое»¹.

Превалирование субъективных антропологических моментов роднит теорию «молодежного общества» с экзистенциализмом. Так же, как экзистенциализм, она вроде бы делает упор на человека, но при этом исчезают отношения людей в реальной действительности. В лучшем случае они представляются совокупностью готовых индивидуальностей, в которых личность присутствует как нечто общее.

В то же время концепция «молодежного общества» имеет под собой некоторые посылки объективного идеализма, в частности утверждение Альфреда Вебера о нескольких человеческих типах в истории². Теоретики «молодежного общества» так же, как и Вебер, мечтают о сохранении личности, воспитанной по канонам капиталистической системы. Разница лишь в терминологии: Вебер относит ее к «третьему человеку», а теоретики «молодежного общества» — к носителям новых ценностей, под которыми подразумеваются ценности буржуазные.

Эклектизм теории «молодежного общества», безусловно, говорит о ее субъективном характере. Но не только об этом. Эклектизм в данном случае объективно отражает попытки буржуазной идеологии программировать будущее с учетом всех имеющихся в ее распоряжении возможностей. Естественно, что классовый характер

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 191.

² Weber A. Der dritte oder vierte Mensch. Vom Sinn des geschichtlichen Daseins. München, 1953.

буржуазной идеологии предопределяет и классовый характер этого программирования.

Буржуазные идеологи пытаются предложить подрастающему поколению свои субъективные измышления о «молодежном обществе». Вызревание этого будущего они видят в странах капитализма, прежде всего в Соединенных Штатах Америки, и все это вопреки тем очевидным фактам, что в капиталистическом обществе, особенно в США, подрастающее поколение в энергичной форме отвергает буржуазную систему и ее ценности. Таким образом, буржуазные идеологи пытаются отвлечь молодежь от борьбы за коммунистическое будущее, сформировать в ее сознании образ капитализма как общества всеобщего благоденствия, дискредитировать социалистическую систему.

Данный выше разбор несостоятельности теории «молодежного общества» можно свести в обобщенном виде к трем позициям.

Объективный подход к будущему возможен лишь на основе подлинно научной теории, всесторонне отражающей законы общественного развития. Теория «молодежного общества» не считается с этими законами и прежде всего игнорирует социально-экономические условия. По ней получается, что развитие общества зависит не от объективно действующих закономерностей, а лишь от воли людей. Стоит только подрастающему поколению пожелать и приложить определенные усилия — и возникнет «молодежное общество». Это утверждение, помимо уже отмеченного субъективного характера, несостоятельно еще и потому, что развитие общества характеризуется в социально-экономических и политических категориях, а не в возрастных. Если следовать логике авторов теории «молодежного общества», то можно было предложить свои автономные цивилизации для пятнадцатилетних, двадцатилетних и т. д.

Объективный подход к будущему возможен лишь на учете, обобщении и использовании практики общественного развития. Между тем теоретики «молодежного общества», по существу, отвергают весь предыдущий социальный опыт человечества. Молодежь, по их мнению, должна самостоятельно конструировать духовные ценности, а если и «заимствовать», то перерабатывая в своем юношеском аспекте.

Было бы совершенно нереально начать «создавать» какое-либо общество на пустом месте, притом силами одной молодежи, не располагающей достаточным социальным опытом.

Великая Октябрьская социалистическая революция привела к созданию принципиально нового в истории человечества общества — социалистического. И тем не менее коммунисты совсем не усматривали свою задачу в том, чтобы полностью отбросить все старое. Наоборот, строительство нового они считали невозможным без использования всех духовных богатств, выработанных человечеством. Это самым прямым образом касалось и воспитания подрастающего поколения. «Учение, воспитание и образование молодежи, — говорил В. И. Ленин в речи на III съезде комсомола —

должно исходить из того материала, который оставлен нам старым обществом»¹.

Нельзя не учитывать и некоторых специфических факторов нашего времени, в частности развития средств массовых коммуникаций, которые делают сформировавшиеся ценности достоянием миллионов людей независимо от их возраста.

Объективный подход к будущему немислим без учета реальной позитивной программы для подрастающего поколения. Такой программы теория «молодежного общества» не дает. Она лишь говорит об отвержении молодежи ценностей прошлого, а в лучшем случае о их «заимствовании». Но где же практические пути участия молодежи в строительстве будущего? Их нет и дать их буржуазная идеология не в состоянии, ибо ее классовый характер не позволяет ей объективно подойти к рассмотрению будущего.

Конкретную программу участия молодежи в создании общества будущего дает лишь марксистско-ленинская идеология. И это не аморфные установки на формирование и «заимствование» духовных ценностей, а практическая деятельность, дающая подрастающему поколению возможность ощутить свою значительную социальную роль. В. И. Ленин считал молодежь боевой и решительной силой в коммунистическом созидании. Главную задачу союза молодежи он видел в том, чтобы «помочь партии строить коммунизм и помочь всему молодому поколению создать коммунистическое общество»². Обращаясь к советским юношам и девушкам, Владимир Ильич говорил: «Перед вами задача строительства... Без привлечения всей массы рабочей и крестьянской молодежи к этому строительству коммунизма вы коммунистического общества не постройте»³.

Попытки отвлечь подрастающее поколение от этой практической борьбы за установление реального общества будущего совершенно бесперспективны, ибо идут вразрез с законами общественного развития, осознанием их молодежью, ее потребностью в активной социальной деятельности. Но подобные цели как раз и ставит перед собой буржуазная идеология, выдвигая концепцию «автономного развития». Ее прикладной антикоммунистический характер становится особенно очевидным при рассмотрении буржуазных фальсификаций сущности коммунистического воспитания, принципов организации и работы комсомола.

Глава 2

Извращение сущности коммунистического воспитания

Исходя из концепции «автономного развития», теория «молодежного общества» объявляет социально вредным для подрастающего поколения воздействие на него тех или иных современных систем

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 301.

² Там же, стр. 307.

³ Там же, стр. 308.

воспитания. Как утверждают теоретики юношеского изоляционизма, в этом отношении нет особой разницы между авторитарными, буржуазно-либеральными, реформистскими или коммунистическими системами воспитания, ибо все они связаны с институтами старших и потому препятствуют становлению «молодежного общества».

Однако практически критика юношеским изоляционизмом буржуазных моделей воспитания носит весьма ограниченный, частный характер и, по существу, сводится к попыткам их модернизации в новых условиях общественного развития. В то же время весь арсенал своих приемов фальсификации теории юношеского изоляционизма направляют против принципов коммунистического воспитания, стремясь опорочить их глубоко прогрессивную сущность и научно-обоснованный характер.

Буржуазные социологи сами отмечают несовместимость системы коммунистического воспитания с основными позициями теории «молодежного общества».

Во-первых, они говорят об отсутствии в системе коммунистического воспитания принципа «индивидуализации личности», иными словами буржуазного индивидуализма. По их мнению, формирование общественного сознания противоречит потребностям индивидуального развития личности в «молодежном обществе». Типичным в этом отношении является высказывание буржуазного социолога Р. Девана, который заявляет, что индивидуализм предполагает изоляцию индивида от других индивидов, составляющих любое общество. Индивиды в этом обществе не имеют жизненного или органического контакта друг с другом, но имеют лишь внешний контакт. Такое общество есть лишь «конгломерат индивидов»¹.

По утверждению буржуазных идеологов, объектом коммунистического воспитания становятся прежде всего не личности, а индивиды, отдельные статистические единицы, монады. Ибо индивид якобы подчинен унификации, присущим массе биологическим и социальным условиям, а личность свободна и являет собой нечто уникальное, высокое, божественное. Если индивиды не различаются между собой, то «личность характеризуется тем, что ее отличает от другой, и потому она не приемлет воспитательный процесс»².

Активное формирование общественного сознания у молодежи, как считают буржуазные социологи, в конечном итоге якобы должно привести к прямо противоположным результатам, к крайнему индивидуализму. Американский публицист и социолог Д. Кратч утверждает, что чем больше какая-либо организация занимается регулированием отношений между молодыми людьми, чем больше вовлекает их в общественную деятельность, тем меньше отдельная личность приспособлена к современной жизни, не может или не хочет обращаться за поддержкой к обществу. Полная безопасность

¹ Dew an R. The Failure of Individualism. Dublin, 1948, pp. 4, 5.

² Ibarolla J. Le mouvement personaliste. «La nouvelle critique», 1961, N 7—8.

молодого человека, делает вывод Кратч, «зависит от его способности оставаться одному или стоять в стороне от общества»¹.

Поэтому следование социалистическим общественным нормам объявляется буржуазными социологами конформизмом, чье возникновение непосредственно связывается с образом жизни старшего поколения в условиях социалистического строительства, а распространение конформизма среди молодого поколения — с процессом коммунистического воспитания. Исходя из этой посылки в изоляционистском плане противопоставляются коллективизм и индивидуальность, конформизм и самобытность, интересы юношеской организации и интересы личности.

Во-вторых, буржуазные социологи видят несовместимость принципов коммунистического воспитания с их моделью формирования «юношеской культуры». Как правило, они утверждают, что целенаправленность коммунистического воспитания мешает отбору рациональных, надпартийных духовных ценностей и их беспристрастному определению. «Юношеская культура», говорят буржуазные социологи, требует обращения к эмоциям, а пропаганда труда молодежи, призыв к активным методам работы, признание необходимости изменения характера личности в раннем возрасте, стремление к воспитанию политически зрелых людей могут привести к «эмоциональной безграмотности». «Юношеская культура», мол, безусловно признает общечеловеческие духовные ценности, а система коммунистического воспитания может признать их лишь через преодоление релятивизма и социального утилитаризма. Молодежь капиталистических стран якобы может отбирать духовные ценности в соответствии с осознанием идеала, в то время как в социалистических странах подрастающему поколению предлагается руководствоваться унифицированным правилом: «мораль полностью подчинена интересам классовой борьбы пролетариата и мораль вне человеческого общества — обман»².

Таким образом, искусственно отождествляя целенаправленность коммунистического воспитания с «ограниченностью», буржуазные социологи пытаются сделать вывод о том, что определение духовных ценностей молодежи в социалистическом обществе носит деволютаристский характер и даже более того — приходит в столкновение с марксистско-ленинским учением, относящим духовные ценности к надстройке³.

В-третьих, буржуазные социологи, используя определение современного капитализма как «стадии массового потребления товаров длительного пользования», «общества всеобщего благоденствия» и т. п., говорят о том, что изобилие материальных благ в «молодежном обществе» приведет к упадку их престижа в глазах подрастающего поколения. И этот процесс, мол, приходит в противоречие с

¹ «New York Times Magazine», 30. VII. 1967.

² Hoover E. The Study..., p. 64.

³ Wetter G. Dialektischer und historischer Materialismus. Sowjetideologie heute. Frankfurt a/M., 1962.

принципами коммунистического воспитания, которые опираются на примат экономики.

Одновременно буржуазные социологи пытаются найти в коммунистическом воспитании следы экономической унификации. Они, например, заявляют, что все те моменты, которые делают воспитательный процесс неэффективным, как раз являются следствием экономического детерминизма, а плановая воспитательная работа есть полное отражение экономических планов. План якобы предназначен для того, чтобы продемонстрировать молодежи ценность рациональных расчетов и заставить ее понять, что выполнение поручений, какими бы мелкими они ни были, будет проверено. Сходство с экономическим планированием, подводит резюме Кассоф, «обдуманно используется в качестве воспитательного приема»¹.

Следует отметить, что буржуазные социологи берут объективные причины несовместимости принципов коммунистического воспитания с теорией «молодежного общества», но толкуют их весьма необъективно, всячески фальсифицируя систему коммунистического воспитания и рекламируя ценности мифического «молодежного общества».

Что значит в их понимании принцип «индивидуализации личности»? Это противопоставление личности и индивида, идеала отдельного человека и интересов масс, индивидуализма «молодежного общества» и формирования общественного сознания в процессе коммунистического воспитания. Это противопоставление исходит, по существу, из глубокого пренебрежения к народу, молодежи. В свое время Маркс и Энгельс высмеяли аристократизм пренежительного отношения младогегельянцев к массе, видевших в народе духовную пустоту и пассивный материал для истории, а в личностях — активный дух, формирующий исторический процесс. Основатели научного коммунизма убедительно показали несостоятельность противопоставления избранных индивидуумов человечеству как «неодухотворенной массе, как материи»². Личность, в том числе и личность молодого человека, формируется под самым прямым воздействием общества, его социально-экономических условий, политических институтов, моральных норм и т. д.

Ориентация буржуазной идеологии на возбуждение в молодом поколении некой социальной агрессивности, не связанной с социально-экономическими и политическими условиями, имеет под собой утверждение фрейдизма о враждебности в людях как неотъемлемой черте человеческой природы, находящейся в области бессознательного, иррационального, которую не может обуздать никакая идеология или мораль. «Не удивительно поэтому, — пишет американский профессор А. Эдел, — что в последние годы имелась сильная тенденция использовать фрейдистский анализ агрессии как идеологическое оружие, чтобы заменить конкретный анализ социальных причин... Несмотря на утверждение Фрейда, что психоанализ не является мировоззрением, а является лишь специальной

¹ Kasso A. The Soviet..., p. 97.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 2, стр. 93.

отраслью психологии, он в настоящее время почти превращен в тип апологетической идеологии хаотического общества»¹.

Эдел не дает характеристики этого «хаотического общества». Но многие параметры этого общества в неопределенном понимании вполне могут быть отнесены к «молодежному обществу».

Естественно, что коммунистическому воспитанию чуждо противопоставление интересов личности и общества. Советский молодой человек осознает общественные интересы как свои личные, ибо его личные интересы непосредственно связаны с общественными. Он воспитывается на основе глубокого уважения к народу, ибо сами принципы коммунистического воспитания отражают интересы народа. Будущее молодого человека отождествляется с будущим всего советского общества, а не с чуждыми для него моделями «молодежного общества».

Точно так же формирование в процессе коммунистического воспитания социальной активности не имеет ничего общего с культивированием «социальной агрессивности». Социальная активность молодежи в социалистических условиях направляется в соответствии с интересами общества, а не в ущерб ему.

Несостоятельны и обвинения системы коммунистического воспитания в волюнтаризме. Всеобъемлющий и строгий учет закономерностей развития общества делает систему коммунистического воспитания научно обоснованной, а ее целенаправленный характер всецело отвечает объективным потребностям развития.

На самом деле волюнтаризмом страдают буржуазные концепции формирования личности, игнорирующие социально-экономические закономерности, положение молодого человека в обществе, маскирующие реальное положение вещей псевдонаучной фразеологией. Образцом такой фразеологии может, например, служить высказывание А. Айера, впервые давшего систематическое изложение этики позитивизма: «Вопрос моральной философии не есть вопрос о том, является ли данное действие верным или неверным, а есть вопрос о том, что значит сказать, верно ли это действие или неверно»².

С подобных субъективистских позиций и рассматривает буржуазная социология отношение подрастающего поколения к различным организациям и объединениям, меняя местами причину и следствие: не общество формирует духовные ценности личности, а отдельные индивидуумы создают некую сумму нравственных ценностей «юношеской культуры».

Наконец, не имеют под собой никакой основы и утверждения буржуазных социологов о падении интереса молодежи к экономическим категориям. Выше уже говорилось о несостоятельности попыток объявить подрастающее поколение капиталистических стран «уставшим» от избытка материальных благ. Так же несостоятель-

¹ Edel A. Ethical Judgement. The Use of Science in Ethics. Glencol, 1955, p. 129.

² Ayer A. On the Analysis of Moral Judgement. Philosophical Essays. London, 1954, p. 235.

ны и заявления о том, что советская молодежь с ростом материального уровня жизни перестанет ценить экономическую сторону коммунистического воспитания. Именно благоприятные социально-экономические условия для молодежи в советском государстве создают реальные возможности для успешного формирования нового человека. Широкая сеть школ и вузов, социальное обеспечение, создание условий для роста культуры каждого человека, работа комсомола, направленная на раскрытие творческой индивидуальности каждого молодого человека, — эти и многие другие факты убедительно показывают, что процесс коммунистического воспитания обеспечивается совершенно определенными социально-экономическими гарантиями. Естественно, что их совершенствование будет способствовать дальнейшим успехам коммунистического воспитания.

Буржуазных социологов в данном случае занимает не научный анализ, а прикладное значение сделанных выводов. Поскольку престиж экономических факторов в глазах молодежи будет якобы падать, а духовных факторов возрастать, то и общение между различными социальными системами следует строить прежде всего на основе контактов в духовной сфере. Как постоянно заявляет буржуазное радио, сосуществование социалистической и капиталистической систем должно проходить не только в области экономической, но и идейной.

Прикладной характер носит и вся система буржуазных социологов о несовместимости принципов коммунистического воспитания с теорией «молодежного общества». Нетрудно видеть, что положения этой системы прямо направлены против основных принципов коммунистического воспитания. Тезис буржуазных социологов об «индивидуализации личности» нацелен против воспитания молодежи на героических традициях Коммунистической партии и советского народа. С помощью тезиса о противоречии воспитательного процесса потребностям формирования «юношеской культуры» делается попытка дискредитации морального кодекса строителя коммунизма. Наконец, тезис о падении экономических категорий в глазах молодежи призван извратить участие подрастающего поколения в процессе коммунистического строительства.

В соответствии с подобной направленностью буржуазной социологии строится и ее «классификация» системы коммунистического воспитания. Воспитание на героических традициях Коммунистической партии и советского народа определяется как фактор «подражания», усвоение морального кодекса строителя коммунизма — как фактор «общественного мнения» и участие в коммунистическом строительстве — как фактор «участия».

Посредством «подражания» молодежь якобы познает соответствующие черты поведения и усваивает связанные с ними ценности. «Общественное мнение» отождествляется с воздействием принятых в юношеской организации политических стереотипов. Наконец, «участие» трактуется как растворение личности в организации и воспитание положительного отношения к труду.

На практике буржуазная идеология противопоставляет преемственность и положительный пример — критическому мышлению, общественное мнение — самосознанию, участие в работе организации — беспредметному «свободному выбору».

* *
*

Фактор «подражания» как термин ввел в употребление Кассоф. Это определение было призвано подчеркивать якобы архаичный, эмбриональный и примитивный характер советского воспитательно-го процесса. Вместе с тем оно давало повод теоретикам юношеского изоляционизма еще раз отметить мнимый «прогрессивный» характер своих концепций о критическом заимствовании подрастающим поколением современных духовных ценностей.

Определяя фактор «подражания», буржуазные социологи пытаются доказать его субъективный характер. Воспитательный процесс, говорят они, может ориентировать на подражание отдельным личностям, а в этом случае никогда нельзя быть уверенным в том, что личность адекватно выражает те духовные ценности, которые важны для воспитателя.

Типичным образцом использования подобной установки может служить передача Би-би-си «Кому подражал Павка Корчагин?». Советская молодежь подражает Павке Корчагину, говорит Би-би-си. Но Николай Островский и его герой подражали герою книги Этель Войнич «Овод». В свою очередь, прототипом Овода якобы был Сидней Рейли, ставший впоследствии убежденным врагом большевизма, организатором нескольких заговоров против Советской власти, «полумифическим» английским шпионом. «Забавно, — заключает Би-би-си, — что история жизни Павла Корчагина, героя советской литературы, основана на подражании характеру величайшего врага Советской власти».

Би-би-си в данном случае полностью извратила факты¹. С помощью подобных инсинуаций, прикрываясь псевдонаучной фразеологией, буржуазные идеологи хотели бы дискредитировать воспитание молодежи на примере конкретных носителей героических традиций Коммунистической партии и советского народа.

Подобные расчеты полностью несостоятельны прежде всего потому, что личность выражает вполне определенные общественные ценности. Качества личности в широком плане имеют социальную основу и в своеобразной форме отражают характер взаимоотношений личности и общества. В действительности воспитание на примере той или иной личности прямо связано с ясностью понимания раз-

¹ Этель Войнич, автор «Овода», познакомилась с С. Рейли уже после того, как был написан ее роман. Прототипом Овода скорее всего послужил известный русский революционер С. М. Кравчинский, с которым была дружна писательница. Подробнее об этом говорится в исследовании автора «По поводу одной фальшивки Би-би-си». «Журналист», 1969, № 9.

личных аспектов взаимодействия личности и общества и носит вполне объективный характер.

Не случайно буржуазные идеологи всеми средствами пытаются фальсифицировать положение личности молодого человека в социалистическом обществе, сосредоточивая свое внимание на так называемом процессе деперсонализации — подавлении индивидуальных качеств личности государственными институтами. Хотя советскому гражданину, пишет американский социолог Р. Гринзлейд, было обещано сокращение рабочего времени, он будет обязан посвящать все большую часть своего досуга направляемому государством образованию и добровольной работе на общее благо. И автор громогласно и бездоказательно обрушивается против ориентации на «муравьиную жизнь»¹.

Фальсифицируя советские нравственные нормы, буржуазные идеологи заявляют, что в СССР правдивое моральное состояние может быть достигнуто только тогда, когда молодой человек приносит свои эгоистические стремления в жертву готовности работать на пользу общественного блага и на этой основе сам стремится стать примером для подражания. Но принесение личных жертв в угоду интересам общественным якобы ставит людей принципиально позади процесса развития: личности обязаны служить государству, которое стоит над ними, хотя технические и исторические возможности должны использоваться для того, чтобы служить свободе и достоинству людей.

Теоретически подобная постановка вопроса несостоятельна уже потому, что личность есть воплощение сложного переплетения всеобщего, особенного и индивидуального. Поэтому такой подход к проблеме в чисто механическом плане — позади или впереди общественного прогресса личность — не научен. Какого прогресса? Какая личность? Об этом умалчивают буржуазные социологи.

И умалчивают по вполне понятным причинам. Их «критика» воспитания молодежи на традициях также неконкретна, как и неконкретны их попытки «анализа» взаимоотношения общества и личности. Это является отражением общего порока буржуазной социологии: за внешним обилием статистических данных — отсутствие конкретных общественных ситуаций и закономерных обобщений.

Буржуазные социологи не в состоянии понять объективную сущность тех или иных качеств личности, на которые ориентируются молодые люди в процессе воспитания. Нетрудно заметить, что такая позиция вполне укладывается в рамки авангардистского понятия личности. Антикоммунисты считают, что подрастающее поколение в состоянии перенимать лишь качества «авангарда» будущего «молодежного общества». Но это и есть субъективизм, отрицание реальных связей воспитательного процесса с действительностью.

В наше время в связи с обострением идеологической борьбы между социализмом и капитализмом, бурным развитием общест-

¹ «Problems of Communism», I—II. 1962.

венно-социальных процессов стала особенно настоятельной потребностью аргументированная борьба против тех концепций, которые рассматривают отношения личности и общества лишь через призму подчинения, игнорирования интересов одной из сторон. Актуальный вопрос связи воспитательного процесса с характером взаимоотношений личности и общества неоднократно был в последние годы темой обсуждения на различных научных конференциях и симпозиумах в СССР и братских социалистических странах. Основной посылкой в выступлениях на эту тему был диалектический характер единства коммунистического воспитания с положением личности в социалистическом обществе.

Однако четкому определению взаимосвязи коммунистического воспитания с положением личности молодого человека в социалистическом обществе, на наш взгляд, не способствуют две крайние точки зрения. Одна из них заключается в выделении в «жизненных проявлениях личности» функции ее внутренней структуры и функции структуры общественной, а в соответствии с этим воспитание молодого человека усматривается в «двуедином назначении» удовлетворения потребностей индивидуального развития и потребностей развития общества. Нельзя не видеть здесь элементы некоторого противопоставления интересов молодой личности и общества.

Другая крайняя точка зрения выражается в утверждении, что «общественный процесс требует полной адаптации членов общества», что, по существу, однозначно механическому растворению личности молодого человека в обществе¹.

На наш взгляд, подобное толкование взаимоотношений личности и общества дает не совсем точное положение личности в социалистическом обществе и вряд ли может способствовать действительному разоблачению буржуазной фальсификации сущности коммунистического воспитания. Ведь всегда, когда речь идет о молодежи, антикоммунизм специализируется на том, что, с одной стороны, объявляет антагонистическими интересы молодого человека и социалистического общества, а с другой стороны,— стремится показать подавление личности обществом, ее деперсонализацию.

Поэтому весьма актуальным является научное раскрытие различных аспектов духовного обогащения личности обществом в процессе ее гражданского становления, ибо даже индивидуальные потребности— это, в конечном итоге, социализированные потребности. Для превращения коммунистической идеологии в важнейшую организующую и воспитательную силу каждого коллектива, каждого отдельного молодого человека необходимо уметь соединить нашу общую цель, наш коммунистический, социальный и нравственный идеал с целью коллектива и личности. С этих позиций совпадения идеалов, духовных ценностей молодого человека и социалистического общества и ведется разоблачение фальсифика-

¹ Стенограмма международного симпозиума молодых ученых социалистических стран «Влияние идей Октября в развитии стран мировой социалистической системы», секция «Социализм и молодежь», М., 1967, стр. 101—102, 112—113.

ции буржуазных идеологов о деперсонализации личности и субъективности факторов «подражания».

Рассмотрение фактора «подражания» в определении буржуазной социологии убеждает, что он далеко не однозначен воспитанию молодежи на героических традициях. Антикоммунистические идеологи вырывают из целостной системы воспитания отдельные моменты и превратно их толкуют. Как правило, это те моменты, искажение которых позволяет буржуазным социологам говорить о разрыве в преемственности поколений, об автономном характере «молодежного общества». В то же время ничего не говорится о существовании революционных, боевых и трудовых традиций Коммунистической партии и советского народа.

С помощью фактора «подражания» делается попытка определить воспитательный процесс как механическое копирование поведения отдельных личностей. Между тем воспитание на традициях на самом деле предполагает усвоение проверенных действительностью социальных ценностей. Эти ценности молодежь получает от старшего поколения и без их усвоения нереально и невозможно участие юношей и девушек в создании нового общества.

Конструируя фактор «подражания», буржуазные социологи тем самым в специфической для них форме признают громадное значение воспитания молодежи на героических традициях Коммунистической партии и советского народа. Но при этом они не желают видеть подлинных причин стремления подрастающего поколения воспринять героические традиции прошлого. А игнорирование реальных фактов приводит к тому, что буржуазные социологи сами остаются в плену своих субъективных концепций.

* * *

Стремясь дискредитировать с помощью фактора «общественного мнения» воспитание молодежи на принципах морального кодекса строителя коммунизма, буржуазные социологи вводят понятия «сформированного конформизма», «официальных отношений» и «официального мнения». Эти понятия в целом строятся на основе концепции «юношеской культуры» и призваны определять те препятствия, которые, мол, ставит система коммунистического воспитания созданию духовных ценностей будущего.

«Сформированный конформизм» трактуется как планируемая стандартизация поведения личности в самых различных областях действительности. Для человека с Запада, пишет американский социолог Л. Гросс, советская молодежь представляется такой, что ей не достает вкуса, сферы деятельности, оригинальности. И это якобы потому, что советские юноши и девушки живут и действуют в рамках обычно принятых норм, а их стиль является производным. Молодые люди выглядят старше, чем есть на самом деле, потому

что «ясность и уверенность в собственной жизни лишает их каких-то свежих индивидуальных качеств»¹.

Антикоммунистические идеологи умалчивают о том, что именно буржуазное общество формирует конформизм в молодежной среде. Исследования прогрессивных западных социологов, многочисленные публикации в периодической печати показывают, что «массовая культура», массовая стереотипизация мышления в конечном итоге имеют цель унифицировать сознание молодых людей по стандартам капиталистического общества. Показательно и то, что, говоря о каких-то «фактах» конформизма в среде советской молодежи, буржуазные идеологи не в состоянии связать их с общественными условиями. И это не случайно, ибо подобного явления нет. Развивающееся социалистическое общество заинтересовано в творческом совершенствовании личности, в то время как сама историческая бесперспективность капитализма неумолимо вызывает у его идеологов желание законсервировать общественное сознание, культивировать различные формы буржуазного конформизма.

Определение «официальных отношений» точно так же строится на умышленном искажении положения молодежи в социалистическом обществе. Отталкиваясь от широко распространенного в буржуазной социологии понимания формальных и неформальных групп, антикоммунистические идеологи утверждают, что только в неофициальных молодежных группах, в «независимых» кинематографии, театре и литературе создается тот неофициальный общий язык, с помощью которого «узнают и понимают друг друга люди с открытой душой и неконформисты»².

Но на какой основе должен формироваться этот «общий язык»? Выступая на словах за неофициальные отношения, буржуазные идеологи на практике хотели бы, чтобы эти отношения носили антикоммунистическую направленность. Более того, они особенно боятся, что подлинные человеческие отношения могут формироваться и формируются на основе коммунистических убеждений.

Именно в создании коллективом искренних, неформальных отношений между молодыми людьми антикоммунисты видят главное препятствие для противопоставления общества и личности. Наиболее характерный прием, с помощью которого буржуазная идеология стремится преодолеть этот барьер, состоит в том, чтобы представить самые различные проявления человеческих чувств членами юношеской организации как неискренние, официальные отношения. Однако здесь возникает опасность реакции «бумеранга», ибо явная фальсификация отношений между советскими молодыми людьми может вызвать недовольство аудитории.

Поэтому обычно буржуазные идеологи пытаются в позитивном плане показать, что такое есть неофициальный молодежный коллектив. «Голос Америки», например, объявляет подобным коллективом так называемые пасторские кафе, которые являются «самым подхо-

¹ «Look», IX. 1966.

² «Österreichische Monatshefte», 1966, № 12.

дящим местом для общения с людьми, особенно с теми, кто не ходит в церковь». Показательно, что создание таких кафе непосредственно связывается с увеличением в последнее время числа молодых пасторов и семинаристов, разочарованных в традиционной церковной жизни. Так, с помощью этой довольно прозрачной аналогии делается попытка связать формирование «подлинного», т. е. неофициального коллектива, с недовольством и негативным отношением к существующим общественным нормам.

Научное обоснование возможности установления неофициальных, искренних человеческих отношений возможно лишь в случае учета конкретной общественной ситуации. Система капиталистической эксплуатации исключает формирование каких-либо человеческих отношений между капиталистом и рабочим, и, как отмечал Энгельс, отношение капиталистов к рабочим всегда будет не человеческим, а чисто экономическим¹.

И наоборот, общественная собственность на средства производства, отсутствие эксплуатации, подлинное равноправие граждан социалистического общества делают обоснованной реальностью установление искренних, человеческих отношений между людьми. На основе дальнейшего развития советского общества моральный кодекс строителя коммунизма ставит задачу совершенствования отношений между членами социалистического общества в соответствии с принципами подлинной гуманности.

Следует отметить, что молодежь в силу своих специфических качеств особенно остро ощущает характер взаимоотношений в обществе. В современных условиях стали фактом массовые выступления трудящейся молодежи капиталистических стран против ее принуженного, неравноправного положения. В то же время равноправное положение советской молодежи в обществе, совершенствование демократических основ управления, здоровая моральная обстановка в коллективах, развитие чувства дружбы и товарищества способствуют повышению трудовой и общественной активности подрастающего поколения.

Понятия «официального мнения» и «неофициального мнения», по замыслу буржуазных социологов, призваны иллюстрировать систему стимулов и препятствий в развитии «юношеской культуры». Их практическое использование можно проследить на примере тенденциозного определения неких социальных функций джазовой музыки. Популярность джаза объясняется ими, с одной стороны, национальной особенностью русских, которые «полны экзистенциалистских переживаний и тоски», а посему воспринимают музыку как нечто потустороннее, а с другой стороны, стремлением современного молодого человека к легкому восприятию, легко усваиваемым формам. Однако наиболее важным фактором, объясняющим распространение среди молодежи джазовой музыки, по мнению «Немецкой волны», является то, что в последние годы молодое поколение нельзя уже удовлетворять «устаревшими догмами». Это поколение стре-

¹ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 2, стр. 497.

милось-де познать «запретные плоды» западной культуры. А наряду с Хемингуэем и Кафкой это стремление, мол, должен был удовлетворить также и джаз.

Характерно, что сама буржуазная идеология в данном случае совершенно не скрывает, а, наоборот, подчеркивает факт обращения к джазовой музыке как к одному из средств «наведения мостов» в рамках «юношеской культуры». Более того, «неофициальным мнением» прямо объявляется мнение Запада, к которому якобы рано или поздно вынуждено будет приспособляться «официальное мнение». Терпимое отношение к джазу, заявляет буржуазное радио, якобы устанавливалось параллельно с утверждением политики мирного сосуществования. Выдавая желаемое за действительное и раскрывая свои замыслы, буржуазная пропаганда даже советует в конце концов признать сопровождающие джаз космополитические явления.

Буржуазные идеологи также противопоставляют «официальное» и «неофициальное» мнения в плане формирования у личности тех или иных духовных, нравственных качеств. С одной стороны, утверждают они, осуществление официального влияния на поведение членов коллектива является частью стратегии, направленной на постоянное внушение молодежи чувства страха подвергнуться осуждению общественного мнения. С другой стороны, «неофициальное» общественное мнение, выступающее в данном случае в форме отношения к джазу, — это утверждение духовных ценностей и свободы, доверие к музыке, как очищающей и освобождающей силе.

В конечном итоге от разграничения духовных ценностей буржуазные идеологи переходят к противопоставлению общественных систем, объявляя, что «джазовая музыка постоянно находится в противоречии с властью, будь она правой или левой»¹.

Так, объявляя своей задачей помочь молодому человеку в осуществлении свободы выбора, буржуазная идеология на деле не оставляет никакой свободы выбора, кроме одного — обращения к антикоммунизму и капиталистической культуре.

На примере с джазовой музыкой видно, как буржуазная идеология стремится отсекают те или иные увлечения молодежи от «официального мнения», объявляя их монополией и спецификой Запада. В этой тактике есть тот скрытый расчет, что за буржуазной идеологией останется монополия на отдельные виды искусства, увлечений молодежи. Это расчет на то, что за космополитическим характером рекламируемых буржуазными пропагандистами интересов молодежи будет менее заметна их классовая сущность.

Ведущая роль коммунистического мировоззрения, расцвет советской культуры, качественное обогащение духовных ценностей при социализме парализуют попытки буржуазной идеологии противопоставить духовные интересы молодежи и культурную политику Советского государства.

¹ «Nouvel observateur», 7. V. 1967.

Можно сделать вывод, что введенный в употребление буржуазными социологами фактор «общественного мнения» совершенно не соответствует объективному содержанию этого понятия в советских общественных условиях.

Буржуазные социологи рассматривают фактор «общественного мнения» как некий враждебный для личности молодого человека феномен. Общественное мнение в социалистических странах отражает интересы самых широких кругов молодежи.

Фактор «общественного мнения» выступает как жесткая подавляющая сила непосредственного поведения подрастающего поколения. На самом деле общественное мнение способствует формированию верной духовной, нравственной ориентации молодого человека.

По утверждениям буржуазных социологов, фактор «общественного мнения» призван нивелировать личность. В действительности общественное мнение помогает творческому развитию.

Фактор «общественного мнения» трактуется как средство дезориентации молодого человека. На самом деле общественное мнение является надежным критерием оценки правильности поведения.

Но если фактор «общественного мнения» не соответствует реальности советской действительности, то неправомерно и его использование с целью научного анализа. Вместе с тем его применение может лишь говорить о ненаучности концепций буржуазных социологов.

* *
*

Фальсификация воспитательного процесса с помощью фактора «участия» сосредоточивается преимущественно на дискредитации коллективизма в молодежной среде. Коллективизм рассматривается буржуазными социологами как препятствие для формирования «юношеской культуры», а работа по созданию молодежных коллективов трактуется как попытка занять так много времени и энергии молодого человека официальной деятельностью, чтобы не дать возможности развиваться «юношеской культуре» и отучить думать¹.

Буржуазные идеологи утверждают, что юношеские коллективы берут под свою опеку личность с ее рождения, что они ее обучают и формируют для будущего, что личность вообще не имеет места вне массовых объединений. Поэтому личность должна принимать участие в игре или соревновании, входить в организационный механизм, иначе все для нее будет невозможным. При этом обычно подчеркивается, что по своему влиянию на личность советские коллективы не могут ставиться в сравнение с группами давления на Западе. «Никакое движение молодежи,— пишет Патрик,— не может быть ассимилировано с советскими юношескими коллективами, которые простирают поле своей деятельности на все сферы жизни»².

¹ «Rheinischer Merkur», 30. I. 1970.

² Patrick G. Les organisations..., p. 57.

Авторитет советских юношеских коллективов буржуазные идеологи стремятся подменить голословным утверждением о целенаправленной деперсонализации в воспитательной работе с помощью упора на нажим и насилие.

В Советском Союзе, утверждают они, дети и подростки вступают в пионеры в массовом порядке. А на Западе скаутские организации практикуют индивидуальный подход к вступающим.

Комсомол якобы определяет за молодых людей их будущую профессию, дает характеристику их склонностям. А на Западе молодые люди сами решают кем им быть, а хиппи и провосы вообще не работают, а изучают жизнь со стороны.

Советские молодые люди, говорят буржуазные идеологи, должны участвовать в соревновании на производстве. А на Западе среди молодых людей идет негласное соревнование в области самораскрытия личности и гражданского неповиновения.

В советских условиях культура, печать, искусство, развлечения, дескать, воспитывают у человека лишь покорность и дисциплинированность. А на Западе средства массовой коммуникации удовлетворяют потребности личности.

Стремясь придать научную видимость подобным бездоказательным утверждениям, буржуазные социологи пытаются провести дифференцированный психологический анализ использования фактора «участия». Так, Кассоф, не вдаваясь в какие-либо объяснения, безапелляционно заявляет, что в советских юношеских коллективах обладателю каждого из четырех видов темперамента (флегматики, холерики, сангвиники, меланхолики) определяется соответствующее место в обществе. Сангвиники выполняют порученную работу с радостью и энтузиазмом, но легко пасуют перед трудностями и нуждаются в развитии терпения и настойчивости. Флегматиков при каждом удобном случае надо подстегивать во время работы. Холерики требуют ободрения и сильной власти. А меланхоликов нужно ставить в такие обстоятельства, чтобы они могли преодолевать недостаток мужества и самоуверенности¹.

Социальную обусловленность применения фактора «участия» в воспитательном процессе буржуазные идеологи тенденциозно пытаются рассматривать как следствие антиобщественных порядков. Они спекулируют на утверждении, что человеческие права принадлежат сугубо человеку, а не коллективу. А поэтому, мол, любые попытки подчинить интересы духовной жизни личности интересам коллектива, попытки сделать официальным ее внутренний мир в конечном итоге обречены на неудачу.

Рассматривая личность молодого человека вне всяких связей с обществом, буржуазные социологи, по существу, не идут дальше спекулятивных утверждений. Если бы они действительно по-серьезному ставили задачу анализа положения молодого человека как объекта воспитания, они должны были бы рассмотреть всю совокупность связей, складывающихся в системе воспитания. Одна-

¹ См.: K a s s o f A. The Soviet..., pp. 46—47.

ко буржуазные социологи не делают этого по понятным причинам: тогда бы вскрылись определяющие факторы воспитательного процесса и не осталось бы места для рассуждений о подавлении духовных потребностей личности.

В самом деле, нелепо выдавать заботу 'о социальном становлении советской молодежи за «насильственные меры» и в то же время бесправное положение трудящейся молодежи капиталистических стран преподносить как иллюстрацию материализованных демократических свобод. Действительно, советское общество выступает как непосредственный фактор воспитательного процесса, гарантирует молодым людям получение образования и профессии, труд по специальности — и все это есть создание условий для творческого развития личности. И наоборот — эксплуатация трудящейся молодежи в капиталистических странах выступает как резко отрицательный фактор на пути творческого развития личности.

Только полным незнанием проблемы и недобросовестным подходом к ее рассмотрению можно объяснить вульгарное толкование буржуазными социологами психологических факторов в воспитательном процессе. Положение молодого человека в обществе определяется не наличием у него определенного темперамента, а общественно значимым трудом, образованием, квалификацией, личными способностями.

Буржуазные социологи выделяют две сферы, в которых, по их утверждению, осуществляется коллективный контроль над поведением молодого человека: личная жизнь и трудовой процесс.

Тема коллективного контроля над личной жизнью разрабатывается буржуазными идеологами преимущественно в пропагандистском плане. Так, Кассоф, явно заимствуя антикоммунистическую фальшивку времен гражданской войны об «общем советском одеяле», заявляет, что основное направление воспитательной работы — это выяснение лишь одного аспекта жизни — «кто с кем спит, почему спит, как спит и когда спит». На подобных недостойных инсинуациях с явным обывательским душком в значительной степени строит свои концепции о контроле над личной жизнью и ряд других буржуазных социологов.

Свои измышления буржуазные идеологи пытаются представить в виде социологического анализа отношений личности молодого человека с окружающим внешним миром. Согласно их утверждениям, для советской молодежи более важны межличностные отношения, чем отношения с юношеским коллективом в целом. В принципе советская молодежь, пишут Розенфельды, стремится к уединению. Она хочет быть свободной от опеки в личных отношениях, которые не должны интересовать государство и общественные организации.

Обращение буржуазной идеологии к теме контроля над личной жизнью нужно затем, чтобы на остром сенсационном материале попытаться сформулировать свой тезис о том, что нарушение интересов личности даже в интимной сфере — не крайность, а суть воспитательной работы, обоснованная фактором «участия». Ведь его роль якобы заключается в предотвращении всякого рода индивидуализ-

ма, который может привести к выходящей за официальные рамки ситуации. И потому воспитатели, используя фактор «участия», стремятся так вовлечь личность в тщательно отрегулированную коллективную жизнь, чтобы бегство от нее оказалось невозможным.

Использование буржуазными идеологами пропагандистских штампов в разрабатываемой ими теме коллективного контроля над личной жизнью даже внешне лишает их построения какой-либо научности. Что же касается существа дела, то нельзя путать определенные законодательные гарантии гражданских свобод и общественное мнение. Советским людям, в том числе молодежи, гарантирована свобода совести, неприкосновенность жилища, тайна переписки и т. д. Вместе с тем существует общественное мнение, нравственный кодекс советского человека, в соблюдении которого заинтересовано общество в целом.

Значительно подробнее и более научнообразно буржуазные социологи разрабатывают свой тезис о коллективном контроле в процессе труда. Они объявляют трудовые коллективы средством деперсонализации личности молодого человека и подчинения его интересов интересам производственной программы. Это воздействие трудовых коллективов подразделяется на пять пунктов: воспитание, организация социалистического соревнования, контроль, проверка выполнения производственных норм, вербовка рабочей силы. Причем в каждой из этих сфер объявляются целью стимулирование производительности труда, а также блокирование и устранение потенциальных способностей молодых людей выступать против администрации и плана.

Подобная явная фальсификация созидательного труда молодого поколения имеет целью обосновать тезис о том, что коммунизм, мол, превращает в иллюзию высшие стремления человека к идеалам истины, справедливости, любви и чести и низводит его до робота. Вместе с тем это должно служить целям искажения буржуазной идеологией ряда социальных процессов.

Буржуазные социологи называют две причины, которые якобы способствовали применению фактора «участия» в процессе труда: социальную модернизацию и научно-техническую революцию.

Социальная модернизация понимается как индустриализация. В это время, по мнению буржуазных социологов, делался упор на формирование рабочей силы из старших поколений, а затем потребовалась пролетаризация крестьянских сынов и дочерей с их деревенской психологией. Поэтому, если школы и учебные заведения должны были формировать технический конформизм, то юношеские коллективы с помощью фактора «участия» должны были перемалывать крестьянский индивидуализм.

Индивидуализм — суть человеческой природы, стремятся доказать буржуазные идеологи, и его нельзя уничтожить никакими воспитательными мерами. Его только можно временно загнать вглубь, в подсознательную сферу. Поэтому, как утверждает буржуазный со-

циолог Р. Эванс, «крестьянские дети не стали коллективистами, они только научились пить и обманывать»¹.

Такое голословное заявление находится в явном противоречии с фактами. За годы первых пятилеток миллионы молодых крестьян с помощью комсомола овладели промышленными профессиями, получили среднее и высшее образование, приобщились к активной общественно-политической и культурной жизни.

Социальная модернизация, полагают буржуазные социологи, привела к определенной стандартизации воспитательных мер в духе фактора «участия». Причем этот стандарт якобы пережил свою эпоху и по инерции применяется и в настоящее время, выражаясь в элементарных кружках и громкой читке газет.

Буржуазная социология оперирует в данном случае понятиями «среднего молодого рабочего», отличительной особенностью которого считается равнодушие к общественным проблемам и потребительская психология.

Заметим сразу, что антикоммунистические социологи совершенно неправоммерно отождествляют психологию личностей, находящихся в различных общественных условиях. Они игнорируют общеизвестные данные о высоком духовном облике советского молодого рабочего, подходят к нему с меркой буржуазных ценностей, буржуазной морали.

Абсолютно неверно также рассматривать личность как статическую единицу вне процесса развития. За годы пятилеток неизмеримо вырос духовный уровень молодого рабочего, его образование, квалификация, культура. Соответственно этому совершенствовались и формы воспитательной работы в юношеских коллективах.

Научно-техническая революция, по мнению буржуазных социологов, якобы лишает молодого человека свободы выбора, ставит его в такое положение, при котором сам выбор становится нежелательным и бессмысленным².

Следует заметить, что подобные рассуждения носят ярко выраженную идеалистическую окраску. Марксизм-ленинизм рассматривает свободу как осознанную необходимость. Это правоммерно и по отношению ко времени научно-технической революции, с которым связано социальное становление молодого поколения.

В то же время буржуазные социологи совершенно неправоммерно наделяют научно-техническую революцию некоей законодательной функцией, в силу которой жизнь подрастающего поколения якобы подвержена теперь определенному автоматизму. На самом деле не научно-техническая революция управляет развитием современного общества, а законы общественного развития, открытые К. Марксом и Ф. Энгельсом.

Участие в производственной деятельности в условиях социализма нисколько не противоречит развитию личности — наоборот, это

¹ «Japan Times», 26. I. 1968.

² H u x l e y A. Brave new world. Bantam books. New York, 1962.

способствует ее развитию. Более того, рассматривать развитие личности вне труда просто невозможно.

Вопрос будет стоять иначе, если говорить об эксплуататорском характере труда в капиталистических условиях. Там действительно личность может испытывать напряжение вследствие отсутствия возможностей для проявления своих лучших качеств и развития. Не научно-техническая революция ограничивает свободу выбора, а капиталистическая эксплуатация.

Другим фактором в процессе научно-технической революции буржуазные социологи называют отделение роли труда от прочих социальных отношений в тот относительно большой период, когда молодой человек еще только подготавливается к производственной жизни. Поэтому функции воспитания в юношеском коллективе, по определению «советологов», состоят в данном случае в том, чтобы служить связующим звеном между новым рабочим и рабочей ситуацией. Чтобы лишить молодежь свободы выбора, надо создавать такие возможности для юношей и девушек, чтобы они могли вместе со старшими заниматься различной активной деятельностью. Целям унификации личности, мол, служит и воспитание солидарности между молодыми рабочими на предприятии и в свободное время.

Как и в других случаях, буржуазные социологи тут же препарируют свои утверждения в интересах антикоммунистической пропаганды. Одним из наиболее трудноодолимых барьеров для восприятия молодым рабочим информации из буржуазных источников является «извращение» его сознания путем идентификации личных интересов и интересов производства. При этом буржуазные идеологи всячески подчеркивают, что воспитателям «вменяется в обязанность» научить молодых рабочих ценить свой вклад во всеобщий процесс производства с целью преодоления фрагментарности и крайней специализации современного предприятия.

Отражением тактики деперсонализации, направленной в будущее, объявляются лекции, экскурсии, собрания и развлечения после трудового дня с целью развить у молодых рабочих понятие о конечной цели производственного процесса и его значении в национальной экономике, повысить уровень их экономической сознательности. В историческом же аспекте деперсонализация в данном случае якобы заключается в том, что воспитатели должны знакомить молодежь с традициями предприятия и поощрять стремление новых рабочих превзойти достижения своих предшественников.

Буржуазные социологи чисто механически рассматривают отделение роли труда от других социальных отношений. Даже если молодой человек еще не работает на производстве, нельзя говорить о «вакууме» его связей с трудом. С самых юных лет он готовится в советских условиях к труду, у него формируется мировоззрение и психология трудящегося.

Конечно, воспитательная работа на предприятии не может не учитывать потребности социалистического производства. Но она не ликвидирует «вакуум» в отношении нового рабочего к труду, а про-

должает формирование определенных духовных качеств в связи с конкретными задачами.

Критики трудового воспитания говорят о приобщении советского молодого рабочего к участию в делах предприятия таким образом, будто речь идет о буржуазной доктрине «человеческих отношений» Э. Мейо. В условиях капитализма стремление хозяина искусственным путем вызывать у рабочего чувство сопричастности к делам предприятия и реакционно и обречено на неудачу. Иное дело осознанный интерес молодого рабочего к делам социалистического предприятия. Такой интерес совершенно закономерен в советских условиях и отражает громадное социальное значение рабочего класса в социалистическом обществе.

Надо заметить, что, рассматривая в данном случае один из аспектов положения молодежи, антикоммунисты не только фальсифицируют роль подрастающего поколения в советском обществе, но и пытаются дискредитировать социалистическую действительность в целом.

Буржуазным идеологам хотелось бы доказать, что в процессе воспитания не удается преодолеть выдуманное ими следствие отрыва труда от процесса духовного созревания молодежи, а стало быть, и возникающий в результате этого явления психологический вакуум. Одним из показателей подобного положения называется «стихийное рыночное сознание» молодежи в противовес плановому хозяйству.

Далее психологический вакуум, якобы возникающий на почве отделения труда от самоопределения личности, буржуазная идеология ставит в прямую связь с советскими законодательными мерами. А это, в свою очередь, служит обоснованием для заявления о том, что деперсонализация в процессе воспитания рабочей и сельской молодежи ставит ее позади исторического процесса. Поэтому даже переход ко всеобщему среднему образованию трактуется буржуазными идеологами как попытка задержать молодежь в школах, чтобы не увеличить число ищущих работу, а законодательные меры по бронированию для подростков рабочих мест на предприятии объясняются как следствие развития... безработицы.

Подобные утверждения можно воспринимать лишь как стремление принизить громадное значение мер по совершенствованию образования и трудовой подготовки молодежи, принятых в последнее время Центральным Комитетом Коммунистической партии и Советским правительством. Вместе с тем их следует рассматривать как попытку воспрепятствовать социализации советской молодежи, особенно рабочей. Именно поэтому антикоммунистическая идеология не касается фактов трудового воспитания, становления молодого рабочего на производстве и т. д., но зато усиленно подчеркивает те факторы, которые связаны со свободным временем и культивированием потребительского отношения к жизни.

В связи с этим представляется весьма актуальным сочетание пропаганды славных трудовых традиций советского народа с раскрытием социализации молодого человека в труде как процесса

самоопределения личности. Это тем более важно, что в соответствии с Директивами XXIV съезда КПСС, определившими рост национального дохода за пятилетие на 37—40 процентов, в сферу материального производства придут миллионы молодых людей. Показывая, как в высокопроизводительном труде, особенно в его ударных формах — в труде на комсомольских стройках, в районах Сибири, Севера и Дальнего Востока, в новых отраслях промышленности и т. д. — сочетаются интересы советского общества и молодого человека, наша пропаганда не только мобилизует юношей и девушек на новые свершения, но и убедительно разоблачает измышления буржуазной идеологии относительно деперсонализации личности с помощью фактора «участия» в трудовом процессе. Такому разоблачению антикоммунистических фальсификаторов особенно способствуют факты о том, как, внося значительный вклад в создание материально-технической базы коммунизма, молодежь в то же время в процессе труда созревает духовно и нравственно, определяет свое место в жизни, учится связывать свои интересы с интересами общества, убеждается на практике в верности марксистско-ленинского учения.

Почему буржуазные социологи придают такое большое значение дискредитации коммунистического воспитания с помощью фактора «участия»?

Подобным способом они хотели бы отвлечь молодежь от конкретного участия в коммунистическом строительстве. Теория юношеского изоляционизма представляется буржуазным социологам в данном случае наиболее удобной для концептуального оформления своих положений: ведь юношеский изоляционизм отвергает участие молодежи в каком-либо процессе, он лишь признает ее **особую роль**.

Вместе с тем буржуазные социологи стремятся фальсифицировать существо социальной активности советской молодежи, извратить проходящие с ее участием общественные процессы.

Несостоятельность рассуждений буржуазных социологов о факторе «участия» проявляется уже в том, что ему не дается точного определения. Ведь участвовать можно в самых различных процессах, участвовать различно, иметь при этом самые разнородные цели.

Участие молодежи в тех или иных событиях рассматривается как фактор подавления ее воли, инициативы, самостоятельности. За неконкретностью такой постановки скрывается цель опорочить труд подрастающего поколения в интересах строительства коммунизма. Но такой труд как раз способствует всемерному проявлению молодежи самостоятельности, инициативы, волевых качеств.

Буржуазная наука рассматривает труд как угнетающий личность фактор, не делая разницы между капиталистическим и социалистическим обществом. Факты говорят о том, что в советских условиях труд для молодого человека — процесс самораскрытия, творчества, созидания.

Буржуазные социологи определяют юношеский коллектив как своего рода ограничитель творческих способностей. На самом деле

юношеский коллектив в социалистических условиях стимулирует развитие творческих способностей.

Наконец, антикоммунистические идеологи не желают признавать социальной обусловленности поведения молодого человека. Для них воспитательный процесс — это всего лишь вмешательство в личную жизнь. В действительности коммунистическое воспитание ставит совершенно иную задачу: формирование высоких нравственных качеств подрастающего поколения в соответствии с моральным кодексом строителя коммунизма.

* *
*

Система коммунистического воспитания подвергается фальсификации с самых различных сторон. Теория юношеского изоляционизма несет в данном случае особую функциональную нагрузку, ставя задачу показать несоответствие коммунистического воспитания изоляционистским устремлениям подрастающего поколения, потребностям «молодежного общества» и «юношеской культуры».

Основной тезис буржуазных социологов — мнимая абстрактность системы коммунистического воспитания. Но на самом деле принципы коммунистического воспитания отражают самые реальные потребности строительства нового общества.

«Коммунистические принципы, если взять их в простом виде,— говорил М. И. Калинин,— это принципы высокообразованного, честного, передового человека, это — любовь к социалистической родине, дружба, товарищество, гуманность, честность, любовь к социалистическому труду и целый ряд других высоких качеств, понятных каждому. Воспитание, выращивание этих свойств, этих высоких качеств и является важнейшей составной частью коммунистического воспитания»¹.

Абстрактными и нереальными являются именно воспитательные аспекты теории юношеского изоляционизма, и это наглядно видно из их отношения к действительности.

Теория юношеского изоляционизма отвергает воспитательное значение для молодежи социального опыта прошлых поколений. Коммунистическое воспитание основано на продолжении и развитии молодежью славных традиций отцов.

Теория юношеского изоляционизма, по существу, ставит задачу абстрагирования молодежи от решения актуальных проблем современности. Коммунистическое воспитание строится на всемерном привлечении подрастающего поколения к активному участию в делах общества.

¹ Калинин М. И. О коммунистическом воспитании. Избранные речи и статьи. М., «Молодая гвардия», 1947, стр. 50.

Теория юношеского изоляционизма ориентирует молодежь на абсолютно ненаучные модели будущего. Коммунистическое воспитание ставит своей задачей мобилизацию юношей и девушек на строительство коммунистического общества, научно обоснованного классиками марксизма-ленинизма.

Теоретики юношеского изоляционизма ставят себе в заслугу рассмотрение широкого круга волнующих молодежь проблем. Однако, касаясь актуальных сторон жизни подрастающего поколения, буржуазная социология рассматривает их крайне необъективно, в чем сказывается ее классовый подход к общественным явлениям. В любом случае — при определении сущности воспитания и его факторов, взаимоотношения коллектива и индивида, роли труда в жизни молодежи буржуазные социологи не учитывают принципиальных различий между социалистическим и капиталистическим обществом. В своем анализе положения советской молодежи они исходят из концепции глубокого антагонизма между личностью и обществом, что действительно отличает общество с антагонистическими классами, но совершенно не характерно для советского общества с его отношениями глубокой дружбы и единства интересов трудящихся — рабочих, крестьян и интеллигенции.

Подобный тенденциозный подход лишает буржуазную социологию возможности дать какую-либо объективную оценку воспитательному процессу, вынуждает для доказательства недоказуемого постоянно обращаться к прямой фальсификации. Этим объясняются постоянные натяжки буржуазных социологов, неправомерные обобщения единичных фактов, искажение сущности общественных явлений.

Классовые позиции буржуазных социологов приводят и к порочной, субъективистской методике социологического анализа. Так, определяя основные факторы коммунистического воспитания, они называют «подражание», «общественное мнение» и «участие», что является, по существу, отражением буржуазного конформизма. На самом деле коммунистическое воспитание осуществляется путем приобщения молодежи к славным традициям Коммунистической партии и советского народа, идейно-политической закалки, развития общественной активности, формирования высоких нравственных качеств, привлечения юношей и девушек к практическому строительству коммунизма.

Буржуазные философы и социологи противопоставляют воспитание молодежи ее участию в экономической жизни страны. Однако потребность вовлечь подрастающее поколение в жизнь общества есть прежде всего потребность во включении его в процесс производства. Следовательно, не сводясь к экономике, она тем не менее должна рассматриваться как потребность главным образом экономическая¹.

¹ См.: Руткевич М. Н. Общественные потребности, система образования и жизненные планы молодежи. «Жизненные планы молодежи». Свердловск, 1966, стр. 29.

Рассмотрение проблем молодежи с точки зрения антагонизма между личностью и обществом приводит буржуазных социологов к агностицизму, признанию невозможности дать научный анализ волнующих подрастающее поколение вопросов и даже к утверждению о нецелесообразности формирования юношеских коллективов.

Признание буржуазной социологией невозможности организованного сознательного воспитания молодежи находится в полном противоречии с известными фактами.

Забота Коммунистической партии о подготовке из молодых людей сознательных борцов за дело трудящихся, вся разносторонняя деятельность комсомола опровергают измышления антикоммунистов о «стихийности» воспитательного процесса.

Советский молодой человек, воспитываясь в условиях торжества принципов социалистических общественных отношений, на практике убеждается в верности марксистско-ленинского учения, дела старших поколений. Его социальные интересы совпадают с интересами коммунистического строительства, он ощущает себя частью социалистического общества. Определяющий характер марксистско-ленинского мировоззрения в социалистическом государстве, советская действительность, идеологическая работа Коммунистической партии формируют в нашей стране то общественное сознание, которое, являясь по своей природе классовым, партийным, исключает саму возможность восприятия буржуазных моделей воспитания широкими общественными слоями, в том числе и молодежью.

Глава 3

Фальсификация принципов организации и работы комсомола

Теория юношеского изоляционизма отвергает необходимость создания какой-либо организации молодежи, связанной с институтами старшего поколения. Измышления об отчуждении молодежи от общества, ее особой революционности, отвержении идеологии и воспитательных систем — все это направлено на обоснование неправомерности существования любой юношеской ассоциации, находящейся под влиянием взрослых. Однако практически буржуазные социологи пытаются дискредитировать лишь коммунистические организации молодежи и прежде всего советский комсомол.

В последние годы буржуазная социология все более настойчиво обращается к теме комсомола, его роли в воспитании советских молодых людей. Если прежде она пыталась игнорировать комсомол, то теперь, как пишет французский социолог Жорж Вердель, в принципе признается, что любой серьезный автор, рассматривающий положение в советском обществе, не может не принять во внимание комсомол.

Такое повышенное внимание теоретиков юношеского изоляционизма к деятельности комсомола вызывается рядом причин.

Во-первых, оно объясняется ставкой буржуазной идеологии на молодежь в трансформации социалистического общества, а комсомол выражает мнение и интересы советской молодежи.

Во-вторых, подобная тактика связана с местом и значением комсомола в жизни советского общества. Известный американский буржуазный социолог Р. Фишер, имея в виду доверие, оказываемое Коммунистической партией комсомолу, тенденциозно называет его «второй силой, второй властью советского строя».

Наконец, в-третьих, обращение к работе комсомола преследует цель подвести под пропаганду юношеского изоляционизма политическую базу и фальсифицировать основы идейно-политического воспитания советской молодежи.

Буржуазные концепции о комсомоле в целом исходят из распространенного в антикоммунистической социологии тезиса об авангардизме и аполитичности молодежи, отчужденной от современного общества. Негативное отношение к организации связывается с общей тенденцией к достижению самостоятельности и отделению от мира взрослых, в который подрастающее поколение может войти только с помощью собственного опыта и самостоятельного представления об общечеловеческих ценностях.

Комсомол объявляется буржуазными социологами такой организацией, которая особенно активно препятствует отделению подрастающего поколения от мира взрослых и формированию ценностей «молодежного общества». Такое положение комсомола объясняется рядом «социальных причин», под которыми подразумевается умысленное искажение советской действительности.

Во-первых, буржуазные социологи говорят о наличии в советской действительности принципа централизации, который определяет структуру и формы деятельности различных организаций, в том числе и юношеских. Централизация юношеского движения якобы является характерным признаком всех недемократических режимов.

Вынужденные оговариваться, что в современных капиталистических странах тенденции к централизации молодежного движения зашли довольно далеко, антикоммунистические социологи, однако, тут же заявляют, что это не имеет ничего общего с советским подходом к юношеским проблемам. Разница же усматривается в том, что в капиталистическом обществе не имеется «тотальных» молодежных программ, а есть лишь масса беспорядочных и зачастую противоречивых общественных организаций, скаутских групп и частных лагерей, причем государство в этом отношении якобы или играет пассивную роль или же ограничивается удовлетворением любительских интересов молодежи.

Во Франции, например, говорит Французское радио, государственные организации в своих усилиях организовать досуг молодежи исходят из того, что увеличивается свободное время и юноши бездельничают в продолжении многих месяцев. Поэтому в целях заполнения досуга военное министерство открыло курсы с доступом ко всем видам оружия, министерство внутренних дел и

министерство спорта и молодежи организовали несколько пробных групп на пляжах. Однако удовлетворение подобных «любительских интересов» молодежи со стороны военного ведомства и министерства внутренних дел якобы не носит политического характера в государственном масштабе. Поэтому если в капиталистических странах воспитательная система и выпускает поколение конформистов, то это, по мнению буржуазных социологов, вряд ли происходит в результате таких запланированных мероприятий, которые, мол, осуществляются в Советском Союзе.

В «плюралистических» обществах, говорят буржуазные социологи, возможность неожиданных изоляционистских проявлений со стороны молодежи не воспринимается как угрожающая или же сталкивается с таким многообразием ответных реакций, что они нейтрализуют нежелательные выступления молодежи. Например, протест американской молодежи против войны во Вьетнаме, заявляет «Голос Америки», встречает самую различную реакцию, в том числе и в государственном масштабе. Если правительство США требует от молодежи призывного возраста отправки во Вьетнам, то правительство соседней Канады оказывает поддержку дезертирам и не чинит препятствий молодым американцам при переходе границы. Более того, им оказывают помощь различные студенческие общества. Таким образом, социальный срыв одной части молодежи якобы гасится ответной реакцией другой.

Подобной «гармонии» в разрешении социального конфликта противопоставляется советская действительность, где, мол, присутствует опасение неожиданной «неруководимой перемены» от поколения к поколению. Этим объясняется стремление придать централизованную форму всем мероприятиям, связанным с воспитанием молодежи. Отсюда же якобы вытекает и задача юношеской организации — общественный контроль посредством официального управления.

Говоря о «насильственной централизации» молодежного движения в Советском Союзе, буржуазные социологи фальсифицируют общеизвестные факты. Коммунистическая партия с первых шагов движения рабочей и крестьянской молодежи стояла за самостоятельность юношеских объединений. «...*За организационную самостоятельность союза молодежи,*— писал В. И. Ленин,— мы должны стоять безусловно и не только вследствие того, что этой самостоятельности бояться оппортунисты, а и по существу дела»¹. Комсомол имеет свои газеты и журналы, издательства, учебные центры, лагеря отдыха, собственный бюджет. В распоряжение молодежи предоставлены многочисленные дворцы культуры, клубы, стадионы, спортивные базы. Все это убедительно говорит об огромном значении комсомола как самостоятельной и самостоятельной организации молодежи в жизни советских юношей и девушек.

В последнее время все более утверждаются такие формы работы комсомольских организаций, как проведение общественной ат-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 226.

тестации, помощь молодым людям в реализации их жизненных планов. Коммунистическая партия способствует всемерному развитию демократии в комсомольских организациях, добивается, чтобы комсомольцы полностью использовали предоставленное им право широкой инициативы в обсуждении и постановке перед соответствующими партийными организациями вопросов работы предприятий, колхозов, учреждений. Комсомол привлекается к активному участию во всех важнейших мероприятиях советских и партийных органов. Руководящие партийные и советские органы внимательно рассматривают предложения, поступающие из организаций ВЛКСМ. Постоянные депутатские комиссии по делам молодежи, созданные в Верховном Совете СССР, в Верховных Советах союзных и автономных республик, в местных Советах, молодежные комиссии в профсоюзных органах, молодежные секции творческих союзов вносят значительный вклад в дело коммунистического воспитания. Эти убедительные факты также раскрывают абсурдность утверждения буржуазных фальсификаторов о контроле посредством официального управления.

Буржуазная идеология умышленно пытается поставить знак тождества между юношескими организациями социалистических стран и фашистских государств. Эта тактика, в частности, должна увести молодежь от понимания того факта, что подлинными наследниками нацизма в настоящее время являются антикоммунистические круги в капиталистических странах. Анализ социальной сущности реакционных молодежных организаций, откровенно нацистские заявления правых группировок, публикации в зарубежной печати дают обильный материал для раскрытия преемственности современного антикоммунизма и фашизма.

Правда, буржуазные социологи допускают демократическую структуру юношеской организации в социалистическом обществе, но это общество, говорят они, должно быть построено по стандартам «демократического коммунизма» в противовес «государственному коммунизму». Уже упоминавшийся Гюнтер Барч утверждает в передачах «Немецкой волны», что в коммунизме налицо две тенденции — свободолюбивая идея и представление о том, что мир можно исцелить только насильно. Олицетворением первой тенденции является якобы «анархокоммунизм», второй — «бюрократический, административный коммунизм», который отождествляется с советской действительностью.

Преобразование «бюрократического коммунизма» в «демократический», как предлагают буржуазные идеологи, лежит через отмену аппарата массовых организаций, в том числе молодежных, и создание оппозиционных «самодельных» групп. Характерно, что эти измышления антикоммунизм прикрывает именами ренегатов марксизма типа Джиласа, Колаковского, Шаффа, Гароди, Фишера, Амендолы, Хавемана, изображая их выразителями анархистских устремлений молодежи.

Преимущество «анархокоммунизма» ставится в связь с юношеским движением последнего времени, когда молодежь якобы во-

всем мире показывает свою приверженность «идолу анархии». При этом, как говорит буржуазный социолог Х. Офф, анархические устремления опираются на скуку, а что надоело — неважно: «хорошо почищенный стерильный мир роскоши или же политический строй, который снаружи гарантирует гораздо больше свобод, чем допускает их внутри»¹.

Нетрудно видеть здесь попытку, с одной стороны, объяснить выступления молодежи на Западе ее пресыщением, а с другой стороны, постараться разжечь анархистские настроения среди социально незрелой молодежи.

Различные аспекты измышлений буржуазных идеологов о «государственном» и «демократическом» коммунизме довольно полно критически рассмотрены в советской социологической литературе. Поэтому здесь лишь отметим несостоятельность попыток привлечь для ревизии марксистского учения о руководящей роли организаций трудящихся, и прежде всего Коммунистической партии, фальсифицированные высказывания молодого К. Маркса в те годы, когда он якобы был «либералом», в противовес более позднему времени, когда стал «консерватором».

Когда говоришь о Марксе, заявляет Би-би-си, следует помнить прежде всего тот факт, что он отверг в период своей молодости большинство принятых в его время принципов и учений. А поэтому якобы «можно спокойно утверждать, что Маркс был наиболее последовательным ревизионистом... И тот, кто не разделяет такого ревизионистского подхода, сейчас не может считать себя марксистом».

Однако известно, что с первых своих работ К. Маркс последовательно шел к открытию законов общественного развития и выводу о замене капиталистической формации коммунистической. Грубая фальсификация марксистско-ленинского учения рассчитана прежде всего на молодежь, еще не успевшую достаточно глубоко усвоить научный коммунизм, не накопившую социального опыта.

Измышления о «государственном коммунизме» служат буржуазным социологам поводом для заявления об игнорировании централизованной юношеской организацией местных проблем. Но антикоммунистические идеологи демонстрируют свою полную некомпетентность в понимании органической взаимосвязи в выполнении юношескими организациями различных по своим масштабам задач. Комсомольские организации решают свои местные проблемы в соответствии с задачами всего комсомола. Именно этим обеспечивается единство организации и учет самых различных вопросов, возникающих на местах. Центральные органы комсомола внимательно изучают и распространяют опыт местных организаций. Таким образом, сами направления и формы работы комсомола как всесоюзной организации складываются из коллективного опыта.

Во-вторых, социальную обусловленность несовместимости деятельности комсомола с формированием институтов «молодежного общества» буржуазные идеологи усматривают в мнимых «консер-

¹ «Der Tagesspiegel», 10. IX. 1967.

вативных» тенденциях советского общества: трактуя историю Советского государства как непрерывную борьбу между силами консерватизма и либерализма, они утверждают, что даже во время либеральных настроений выбор был сделан в пользу ортодоксии вместо эксперимента, в пользу контроля сверху вместо воспитания подрастающей смены. Именно по этой причине, убеждает буржуазная социология, было решено использовать молодежную программу в качестве еще одного оружия в политико-государственном арсенале.

В настоящее время, утверждают антикоммунисты, в советской действительности наблюдаются некоторые либеральные процессы, а во всяком либеральном процессе скрыты угрозы существованию «авторитарной системы». И это якобы побуждает придерживаться компенсирующих источников, одним из которых и служит комсомол с его «жесткой» программой.

Попытки буржуазной социологии рассматривать развитие советского общества исключительно как борьбу консервативных и либеральных сил строятся на волюнтаристском подходе к истории общества. Несостоятельность этих попыток, не учитывающих законы общественного развития, полностью доказана советской общественной наукой. В данном случае следует лишь отметить, что, связывая характер молодежной программы с действиями сил «либерализма» и «консерватизма», буржуазные идеологи стремятся использовать изоляционистские концепции для искажения объективных социальных процессов. Они не учитывают изменившееся общественное положение молодежи, уровень ее политической активности, образования и т. д. и все свои выводы строят на субъективном толковании фактов общественного развития.

Противопоставление либеральных и консервативных тенденций в общественном развитии и молодежном движении имеет цель воспрепятствовать формированию классового самосознания у подрастающего поколения. Пытаясь повлиять на умы молодежи социалистических стран, наши классовые противники, говорил Л. И. Брежнев, «прикрываются маской «друзей молодежи», стремятся затянуть в свои сети политически неустойчивых, неопытных молодых людей, притупить их классовую, революционную бдительность лживыми рассуждениями буржуазно-либерального толка...»¹.

Разоблачению измышлений буржуазных идеологов о «жесткой» программе комсомола служит не только раскрытие на конкретных примерах существа комсомольской демократии, но и предметное доказательство того факта, что молодежи свойственно стремление к дисциплине, организации. Свое известное положение о том, что «организация удесят�ряет силы», В. И. Ленин соотносил с молодежным движением. «Важно то,— говорил он,— что молодежь, коммунистическая молодежь организовывается»². Результаты социологи-

¹ Брежнев Л. И. Речь на торжественном пленуме ЦК ВЛКСМ, посвященном 50-летию Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи. М., «Молодая гвардия», 1968, стр. 22.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 320.

ческих исследований, выявляя высокую общественную активность молодежи, — а это уже само по себе убедительно демонстрирует желание юношей и девушек работать в своей организации, — в то же время показывают, что «одним из условий приобщения к общественной работе молодые люди считают соблюдение дисциплины»¹.

В-третьих, обусловленность противоречий между деятельностью комсомола и формированием институтов «молодежного общества» буржуазные социологи усматривают в социальной модернизации. Ее прямым следствием считаются процессы урбанизации и индустриализации, которые разрушают традиционные понятия молодежи и затрудняют ее подготовку к вступлению в зрелую жизнь. В то же время семьи и родственные группы обнаруживают тенденцию к созданию новых специализированных заведений, прежде всего школ и молодежных организаций. Именно они, мол, должны направлять рожденный урбанизацией и индустриализацией психологический настрой в государственное русло.

Безусловно, индустриализация и связанный с ней быстрый рост городов наложили определенный отпечаток на содержание и формы работы комсомола. Но комсомол никогда не занимался проблемой «разрушения традиционных понятий молодежи» — так ставить вопрос — значит умышленно исказить суть дела. На самом деле комсомол способствовал отмиранию старой общественной психологии и формированию коммунистического мировоззрения. Индустриализация способствовала подъему социальной активности молодежи, и комсомол аккумулировал эту активность.

Обращение нашей идеологии к начальному периоду строительства социализма, к 30-м годам раскрывает перед современным молодым человеком героизм юного поколения того времени и опровергает утверждения буржуазных социологов о связи модернизации с разрушением традиционных взглядов молодежи. Исторические факты убедительно говорят о том, что в процессе активного строительства социализма юноши и девушки формировали коммунистическое убеждение, приобретали социальный опыт.

Заканчивая рассмотрение концепции буржуазных социологов о несовместимости сущности и работы комсомола с формированием институтов «молодежного общества», следует подчеркнуть, что противопоставление всей деятельности комсомола теории «молодежного общества» действительно социально обусловлено. Деятельность комсомола строится на основе марксистско-ленинского учения, она направлена на воспитание человека коммунистического общества, на практическое строительство коммунизма, а это не имеет ничего общего с буржуазной теорией юношеского изоляционизма.

Характерно, что теоретики юношеского изоляционизма пытаются дискредитировать именно сущность комсомола, обусловленную

¹ См.: Журавлева Г. Т. Характеристика результатов пробного анкетирования работающей молодежи по проблеме «общественная активность». Тезисы докладов Всесоюзной научно-теоретической конференции «Молодежь и социализм», секция 4. М., «Молодая гвардия», 1967, стр. 22.

его функциями в процессе коммунистического строительства: роль в идейно-политическом воспитании, демократические основы, партийное руководство. Это находит отражение в буржуазных концепциях о «политическом контроле», «вертикальной структуре» и «руководстве старших».

* *
*
* *

Роль комсомола в идейно-политическом воспитании буржуазные социологи пытаются подменить своей концепцией «политического контроля». Вместо того чтобы готовить молодежь к «духовному столкновению с обществом», комсомол якобы занимается насильственной ее политизацией по государственной программе посредством функций «давления», а это противоречит аполитичности «молодежного общества». Поскольку государство с его политическими институтами отмирает и поскольку жить в эпоху безгосударственности будет молодежь, то и внедрение аполитических негосударственных начал должно происходить прежде всего через посредство юношеских организаций, которые обязаны отбирать для будущего различные демократические элементы самоуправления от любых общественно-экономических систем.

Уже говорилось об эклектическом подходе буржуазных социологов к построению модели будущего «молодежного общества». К этому следует добавить, что отмирание государства и развитие самоуправления — объективный процесс, независящийся от желания тех или иных возрастных групп и их объединений. Надо также подчеркнуть, что развитие самоуправления идет именно в социалистическом обществе. Активное участие советской молодежи в процессе дальнейшего совершенствования и развития социалистической демократии, в работе Советов, использование комсомолом законодательной инициативы убедительно говорят о несостоятельности утверждений буржуазных социологов.

Буржуазные идеологи называют три сферы воздействия «политического контроля»: искажение концепций о революционности молодежи, искажение концепций об отвержении молодежью идеологии и игнорирование социальной работы.

Дилемма политического воспитания в комсомоле, заявляют буржуазные социологи, заключается в том, что оно возникло в качестве революционного фактора, а теперь стало играть роль защитника статус-кво. В то же время революционность якобы всегда должна стимулироваться «принципом несогласия», который, по утверждению «Голоса Америки», «является мощной движущей силой, определяющей и направляющей демократические процессы».

Хотя юношеские союзы не являются революционными комитетами действия, но они, являясь тем местом, в котором молодые люди могут осознать свою возможность воздействовать на общество в целях его изменения. Конкретная работа в рамках юношеского

союза представляется комбинацией воспитательных мер, которые направлены к тому, чтобы использовать энергию молодых людей для устранения социального застоя и для «проветривания затхлых сфер общества»¹.

Буржуазная социология занята усиленной рекламой «ведущего места» юношеских союзов капиталистических стран в движении гражданского неповиновения и поставлении обществу критически мыслящих, ангажированных демократов. Не в силах скрыть глубокое недовольство молодежи Запаदा несправедливым общественным строем, антикоммунисты и на этом пытаются нажать политический капитал, заявляя, что в отличие от программ свободных ассоциаций зарубежной молодежи программа комсомола служит нереволуционными целям. Это якобы стало возможным потому, что в подобные цели включается эффективное блокирование возникновения «нейтралистских» и «раскольнических» юношеских групп, способных воспротивиться официальной точке зрения. Таким образом предупреждаются потенциально опасные действия, которые могли возникнуть, если бы молодежь действовала со свойственной ей революционностью.

В реальной действительности программа союза молодежи определяется как общественными условиями, так и его социальным составом. Поэтому нельзя ставить знак тождества между задачами комсомола и задачами юношеских объединений в капиталистических странах (а там они тоже принципиально разнятся между собой: скажем, задачи союза зарубежных комсомольцев и реакционных юношеских объединений). Понятно желание антикоммунистов видеть в Советском Союзе какие-то «нейтралистские» или «раскольнические» организации, противостоящие комсомолу. Но для возникновения таких организаций нет социальных основ. В обществе трудящихся комсомол объединяет трудящуюся молодежь. В Советском Союзе нет категории молодежи, принадлежащей к эксплуататорским классам, и поэтому нет никаких оснований для создания какой-либо юношеской организации, отражающей антисоциалистические взгляды.

Под своеобразным психологическим аспектом буржуазная социология также пытается рассмотреть вопрос о европейских и азиатских формах революционного воспитания молодежи. Тенденция к «западничеству» в советских условиях непосредственно связывается с аполитичностью, с правом на оспаривание и равнодушие.

Практически для противопоставления форм революционного воспитания европейского и азиатского типа буржуазная идеология использует два приема. Во-первых, проводится неправомерная аналогия работы комсомола с деятельностью организаций, ничего общего не имеющих с комсомолом, например, с действиями хунвейбинов. Во-вторых, идет усиленная пропаганда европейского склада ума, европейских порядков, европейских форм организации и т. д., причем весь этот европеизм преподносится в довольно обтекаемых

¹ «Deutsche Jugend», VII. 1968.

политически, но по существу — в антисоветских тонах. Современный европеец, передает Би-би-си в качестве «наставления» советской молодежи, хочет знать о том, что происходит в его стране, хочет понимать все происходящее и иметь право голоса в делах страны. Он хочет принимать участие в решениях, затрагивающих его судьбу, его жизненные условия. Он хочет избирать свое руководство и затем, в соответствии с действиями этого руководства, хвалить, критиковать или отвергать его.

Политическая надстройка общества, как бы ни хотели не признавать этого факта буржуазные социологи, определяется не географическим положением страны, а уровнем развития производительных сил и другими социальными факторами, хотя, разумеется, нельзя не учитывать и национальной специфики. Однако буржуазные социологи эту специфику объявляют определяющей сущностью, что совершенно неправомерно.

В условиях попыток буржуазной идеологии фальсифицировать закономерности революционного переустройства общества, принизить фактор романтики в коммунистическом воспитании особое значение приобретает создание среди молодежи атмосферы революционной окрыленности. Как пишет Б. Д. Парыгин, революционное настроение масс — не только условие и предпосылка успешного начала революции. Оно также и решающий фактор ее успешного развития и завершения¹. Революционная окрыленность молодежи проявляется в конкретных делах — и прежде всего в движении за коммунистический труд. По результатам социологического исследования, проведенного М. Н. Перфильевым на ленинградском объединении «Электросила», молодежь составляет 24,9 процента от общего числа участников движения за коммунистический труд². Представляется очевидным, что формирование у молодого человека сознания того, что революция продолжается и он является непосредственным участником этого всемирно исторического процесса, прямо связано с созданием обстановки революционной окрыленности, раскрытием революционного характера движения за коммунистический труд.

Изоляционистские концепции об отвержении молодежью идеологии буржуазные социологи ставят в зависимость от якобы имеющего место процесса роста аполитичности в связи с повышением уровня образования. Образованные молодые люди, утверждает «Фигаро», начинают отвергать принятые доктрины и высказываться за «лучший социализм»³. «Парадокс» в деятельности комсомола усматривается в данном случае в том, что именно он способствовал ликвидации неграмотности и развитию образования.

Утверждения буржуазных социологов приходят в противоречие с общеизвестной закономерностью: повышение политической активности масс прямо связано с расширением их кругозора, ростом

¹ См.: Парыгин Б. Д. Общественное настроение. М., «Мысль», 1966, стр. 161.

² Перфильев М. Н. Критика буржуазных теорий о советской политической системе. Л., «Наука», 1968, стр. 16.

³ «Le Figaro», 18. VI. 1968.

образовательного уровня. Это подтверждают и многочисленные исследования советских социологов о росте общественной активности комсомольцев в связи с повышением уровня их образования. К тому же следует иметь в виду, что именно образованность и начитанность советских комсомольцев помогают им понять подлинную сущность тех теорий об «улучшении социализма», о которых упоминает «Фигаро».

Образованность молодежи, заявляют буржуазные социологи, якобы особенно препятствует осуществлению «политического контроля» в таких областях, как трудовое и военно-патриотическое воспитание.

В области трудового воспитания функции юношеской организации якобы заключаются в мобилизации молодежи на решение чуждых ей хозяйственных задач. Но почему чуждых? Оказывается, потому, что подрастающее поколение, мол, вступает в организацию не для труда, а для развлечений.

На самом деле юношеская организация кровно заинтересована в трудовом воспитании подрастающего поколения, так же как заинтересована в этом и сама молодежь. Только трудом можно построить коммунистическое общество, что является целью комсомола и соответствует подлинным интересам советской молодежи. Только в труде проходит социальное становление молодого человека — а это является постоянной заботой комсомола. Только благодаря труду всех поколений советских людей нынешняя молодежь живет в значительно лучших социально-экономических условиях, чем жили прежде ее отцы. Рассказывая о грандиозных масштабах сооружения школ, вузов, клубов, стадионов, общежитий и других объектов, предназначенных прежде всего для молодежи, раскрывая ответственность подрастающего поколения за строительство коммунизма, наша идеология убедительно демонстрирует несостоятельность утверждений буржуазных социологов.

Военно-патриотическое воспитание объявляется антикоммунистическими идеологами милитаризмом, а система военно-патриотического воспитания в комсомоле сравнивается с действиями самых реакционных милитаристских организаций. «Деятельность по антишпионажу и обороне границ,— пишет Патрик,— удивительно сходна с американскими бойскаутами в период разгара маккартизма, когда те охотились за ведьмами... При рассмотрении целей комсомола по организации массовой обороны, ликвидации шпионажа и пятой колонны возникает сравнение с организацией израильской молодежи»¹.

В то же время буржуазная идеология широко рекламирует якобы существующее в капиталистических странах законодательство, по которому молодежь может отвергать вступление в какую бы то ни было военизированную организацию, вплоть до армии. С этой целью сообщается о «возможностях» отказываться от несения воин-

¹ Patrick G. Les organisations..., p. 41.

ской повинности, о замене молодым людям военной службы командировками на работу в экзотические районы тропиков.

Непременное условие всякого труда, претендующего считаться научным, — уважение к фактам — здесь игнорируется в корне. Разве буржуазным идеологам не известны известные всем многочисленные факты о суровом преследовании в самой «демократической» капиталистической стране — США — молодых патриотов, выступающих против войны во Вьетнаме?

Но оставим это невнимание к фактам на совести «советологов» и постараемся рассмотреть этот вопрос по существу. Если Патрик взялся сравнивать деятельность комсомола по военно-патриотическому воспитанию с разжиганием милитаризма среди молодежи капиталистических стран, он должен был охарактеризовать сущность того и иного явления. А дать характеристику этой сущности нельзя без учета различного социального строя и характера войн в эпоху империализма. Мероприятия по защите социалистического отечества против угроз империалистической агрессии являются справедливыми, а раздувание милитаристского психоза в США, преступления американской военщины во Вьетнаме, агрессия на Ближнем Востоке носят ярко выраженный антигуманистический, несправедливый характер. Без учета этого нельзя сравнивать военно-патриотическую работу комсомола и нагнетание милитаристского угара среди молодежи капиталистических стран.

Следует иметь в виду, что буржуазная идеология в данном случае стремится нащупать ту питательную почву для произрастания пацифистских настроений, которую она хотела бы видеть следствием политики мирного сосуществования. И в этих условиях особое значение приобретает пропаганда готовности молодого человека в любую минуту выполнить свой общественный долг по защите интересов социализма, воспитание политической бдительности, внимание к богатым традициям комсомола по военно-патриотической работе.

Якобы имеющееся игнорирование комсомолом социальной работы «советологи» трактуют в соответствии с их пониманием существа этой работы. По мнению буржуазной социологии, она имеет три аспекта: индивидуальная, групповая и коммунальная работа.

Индивидуальная работа с молодежью в советских условиях якобы отсутствует и имеет место только тогда, когда предпринимаются репрессивные меры против какого-либо члена организации в связи с пьянством или хулиганством. Групповая работа, связанная с ростом интереса молодежи к любительским ассоциациям, находится в зачаточном состоянии и проявляется лишь в борьбе с нежелательными увлечениями. И, наконец, коммунальная работа — создание интимности между юношеским объединением и молодым человеком — также якобы не развита, кроме попыток пресечь хулиганство по месту жительства.

Бездоказательные утверждения буржуазных социологов противоречат творческому характеру индивидуальной работы в комсомоле, работы в группах или по месту жительства с различными кате-

гориями молодежи. О существовании индивидуальной и групповой работы с творческой молодежью говорит хотя бы тот факт, что лишь за последние годы издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» дало путевку в литературу сотням молодых писателей, проведены творческие семинары начинающих поэтов и прозаиков. Тысячи художников выставляют свои работы на выставках молодых художников. Регулярно проводятся конкурсы на лучшую молодежную песню. Комсомол учредил свои премии в области литературы и искусства, науки и техники.

Комсомольские организации активно занимаются вопросами работы 700 тысяч коллективов художественной самодеятельности. Причем комсомол принимает активное участие в создании реальных условий для деятельности объединений молодежи. При его активном участии в стране построено свыше 12 тысяч клубов — прежде всего на селе. Только в 1969 году по комсомольским путевкам прибыли в культпросветучреждения 15 тысяч энергичных и образованных молодых культпросветработников¹.

Разносторонняя деятельность комсомола по месту жительства в последние годы обогатилась проведением соревнований «Кожаный мяч», «Золотая шайба», «Олимпийская снежинка», в которых участвуют миллионы подростков.

Свой дифференцированный подход к фальсификации идейно-политического воспитания в комсомоле буржуазная социология сочетает с выделением различных категорий молодежи в плане их подверженности «политическому контролю». Насколько это выделение субъективно, видно уже из того, что принятие «политического контроля» ставится в зависимость исключительно от двух условий: жизненной неопытности и необходимости.

К «жизненно неопытным» относятся прежде всего школьники. Надежды на отвержение ими «политического контроля» буржуазная идеология связывает с повзрослением и получением образования.

Студенты якобы могут воспринять «политический контроль» из соображений личной целесообразности. Для образованного советского молодого человека, по мнению Парсонса, свойственна «практичность и действенность при решении специфических проблем, сохранение независимого взгляда на вещи, что дает ему возможность посмотреть на историю с известным спокойствием и планировать собственную карьеру»².

Особое место в отношении к «политическому контролю» буржуазные идеологи отводят рабочей и сельской молодежи. Здесь, по их мнению, нельзя рассчитывать ни на жизненную неопытность, ни на соображения целесообразности. Причем обращает внимание тот

¹ См.: Отчет ЦК ВЛКСМ и задачи комсомола по воспитанию молодежи в духе ленинских заветов. Доклад Первого секретаря ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельникова. «XVI съезд ВЛКСМ. Стенографический отчет», ч. I. М., «Молодая гвардия», 1971, стр. 56.

² «New World Review», VIII—IX. 1967.

факт, что хотя в целом буржуазная социология из всех категорий молодежи преимущественное внимание уделяет интеллигенции и учащимся, но при оценке отношения подрастающего поколения к идейно-воспитательной работе выделяется именно рабочая молодежь, влияние которой якобы падает.

Подобные инсинуации совершенно несостоятельны и преследуют цель фальсифицировать социальную базу комсомола. Приему в комсомол рабочей молодежи всегда уделялось и уделяется перво-степенное внимание. На предприятиях и стройках, где трудятся преимущественно молодые люди, комсомольцы составляют половину и даже более всего коллектива.

Действительно, в последние годы в комсомоле увеличилось число учащихся и студентов. И это вполне естественно — их стало больше в целом по стране, растет образовательный уровень молодежи. Однако любящие говорить об интеллектуализации «индустриального века» буржуазные социологи в данном случае не желают видеть бурный рост интеллектуального уровня комсомола. Между тем абсолютное увеличение в юношеской организации людей с высоким уровнем образования убедительно говорит как об авторитете этой организации, так и о ее гармоничном соответствии с интересами общественного и научно-технического развития в наше время.

Введя термин «политического контроля», буржуазная социология рассчитывает исказить существо идейно-политического воспитания. Рациональное, по ее мнению, воспитание в юношеской организации она умышленно ограничивает расплывчатыми категориями социальной работы, прикрываясь вымыслом об аполитичности молодежи, о необходимости дать ей время для познания в первую очередь общечеловеческих ценностей.

В. И. Ленин неустанно разоблачал лживые утверждения врагов рабочего класса о том, что молодежи якобы рано заниматься политикой. Выступая против фарисейских утверждений кадетов, эсеров и меньшевиков о «надклассовом» воспитании и вреде «раннего» вовлечения в политическую жизнь, В. И. Ленин писал: «Всякое осуждение вовлечения в политику, хотя бы и «раннего», есть лицемерие и обскурантизм»¹. Владимир Ильич призывал еще более активно вовлекать молодежь в политическую борьбу на стороне рабочего класса. Указывая на исторический опыт Парижской Коммуны, где вместе со взрослыми сражались и дети, он приходил к твердому убеждению: «Иначе не может быть и при грядущих битвах за низвержение буржуазии»².

Буржуазная социология совершенно неправоммерно сводит воспитательную работу юношеской организации к подготовке «духовного столкновения с обществом». Но почему обязательно должно быть столкновение? Социальные функции воспитания в юношеской организации — подготовка молодежи к вступлению в сознательную жизнь. Другое дело, на каких общественных основах покоится эта

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 387—388.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 137.

жизнь, в которую предстоит вступать подрастающему поколению, а конкретно — различным его социальным слоям. Факты говорят о том, что вступление рабочей, крестьянской, студенческой молодежи в сознательную жизнь в капиталистических странах действительно связано со сложными конфликтами, которые отражают противоречие идеалов и потребностей молодежи с действительностью. В то же время становление подрастающего поколения в социалистических условиях протекает без каких-либо социальных срывов, ибо общественное устройство и положение молодежи в обществе отвечают ее идеалам и потребностям. Естественно, что функции комсомола как раз и заключаются в воспитании молодежи на идеалах общества — в идейно-политическом воспитании.

Фальсифицируя идейно-политическое воспитание в юношеской организации как запрограммированное государством, буржуазные социологи, однако, не раскрывают, чьи классовые интересы выражает политика Советского государства, деятельность комсомола. В то же время объективная действительность дает богатый материал для предметной иллюстрации того факта, что политика Советского государства, деятельность комсомола отражают интересы трудящихся, а потому имеют единое в своей основе социальное содержание.

Раскрывая общность целей поколений, коммунистов и комсомольцев, показывая, что в прямой зависимости от деятельности комсомольской организации находится духовный рост молодого человека, его идейное возмужание, трудовая активность, нравственное совершенствование, наша идеология имеет убедительные аргументы для разоблачения измышлений антикоммунизма.

* *
*

Фальсификация демократических основ и структуры комсомола строится в соответствии с теорией «молодежного общества» и принятой в буржуазной социологии системой социальной стратификации советского общества. «Молодежное общество», как утверждают антикоммунистические идеологи, в силу своей демократичности имеет относительно однородную горизонтальную структуру — социальное положение индивидов там примерно равнозначно. И, наоборот, социальная структура советской молодежи, в зависимости от отношения к комсомолу и положения в нем, имеет вертикальную структуру типа пирамиды: нижний, самый значительный слой — несоюзная молодежь, выше — комсомольцы и, наконец, еще выше начинаются слои «иерархии».

Рассмотрение различных слоев буржуазная социология ведет с трех позиций: морально-этических категорий в «общечеловеческом» плане, критического отношения к действительности и так называемых «привилегий».

Для несоюзной молодежи эти позиции непосредственно определяются параметрами «молодежного общества» и его противопостав-

лением советской действительности. Выше были подвергнуты критическому рассмотрению концепции буржуазных социологов об отвержении молодежью идеологии и создании ею своих духовных ценностей, об особой «революционности» подрастающего поколения, о его неравноправном положении в современном обществе и т. д.

Используя для фальсификации демократических основ и структуры комсомола те же самые концепции, буржуазные социологи вместе с тем вводят свою особую классификацию комсомольцев. В наиболее законченном виде она сформулирована Джувилером, который делит комсомольцев на три типа: «политических активистов», «честолюбивых карьеристов» и «исследователей».

«Политические активисты» или, как их еще определяет Джувилер, «надзиратели и схоласты», представляют, по его мнению, проводящее директивы активное ядро молодежи, из которого впоследствии будут пополняться руководящие кадры. У «честолюбивых карьеристов» поддерживается стремление занять высокие посты, причем они неразборчивы в средствах для достижения своих целей. И, наконец, «исследователи» — это молодые люди, которые исследуют жизнь в рамках дозволенного. Они могут быть рабочими, студентами, стилистами, хулиганами и т. д.¹

Нетрудно видеть, что в классификации Джувилера отражается стремление противопоставить массу молодежи организаторам юношеской работы, которых он именует «политическими активистами» и «честолюбивыми карьеристами».

В буржуазной социологии (Фишер, Кассоф) есть и другие типы классификации комсомольцев, но все они в принципе делят комсомольцев на две широкие категории: аполитичные молодые люди и отдельные личности, связавшие свои жизненные интересы с социальной деятельностью.

Подобная классификация комсомольцев буржуазной социологией не выдерживает никакой критики. Ее основу составляет извращенное понятие общественной активности. Если же объективно учитывать общественную активность, то классификацию следует проводить исходя из реальных критериев и прежде всего из выполнения общественных поручений. Например, А. С. Капто в зависимости от выполнения поручений подразделяет молодежь на четыре группы: высокой общественной активности, умеренной общественной активности, неполной общественной активности и низкой общественной активности². Такая классификация, опирающаяся на фактический материал, носит научный характер.

Рассмотрение положения комсомольцев по всем своим трем позициям (морально-этические категории, критическое отношение к действительности и привилегии) буржуазная социология связывает с фальсификацией причин и следствий массовости комсомола.

¹ Juville P. Communists..., pp. 16—17.

² См.: Капто А. С. Общественная активность как нравственная черта молодежи. Тезисы докладов Всесоюзной научно-теоретической конференции «Молодежь и социализм», секция 4. М., «Молодая гвардия», 1967, стр. 13.

Прежде всего численный рост комсомола объявляется признаком вырождения, забвения высоких идейных и моральных принципов. Этому служит тенденциозное подчеркивание, что сразу после революции — во время гражданской войны и строительства социализма — комсомольцы, составляя авангард молодежи, стремились отдать организации всю свою энергию. Комсомол, пишет «Монд», пережил героическую эпоху с комсомольцами, добровольно уезжающими на целину или на строительство электростанций. Но затем якобы массовость стерла эти традиции¹.

Буржуазные социологи пытаются в данном случае даже обосновать некую «закономерность»: «чем шире состав юношеской организации,— говорит Патрик,— тем ниже ее моральный уровень»².

Это чисто волюнтаристский, механический подход. Авторитет юношеской организации — а именно об этом говорит рост рядов ВЛКСМ — опирается и на высокий моральный уровень ее членов.

Свойственное молодежи критическое отношение к действительности, заявляют буржуазные социологи, у массы комсомольцев подавляется ориентацией на выполнение и перевыполнение производственной нормы. Даже выход критической энергии молодежи, который был открыт «Комсомольским прожектором», якобы всячески ограничивается. Поэтому, говорит Кассоф, молодежь становится пассивной.

Исходя из своего тезиса противоположности интересов личности и общества, буржуазные социологи не допускают мысли, что интересы личности и общества могут совпадать, что выполнение и перевыполнение производственной нормы не расходится с желаниями молодого человека. Им хотелось бы направить энергию молодежи исключительно в негативное русло даже в тех случаях, когда говорится об устоявшихся формах работы комсомола, в том числе о «Комсомольском прожекторе». Но «Комсомольский прожектор» никогда не олицетворял средство для «выхода критической энергии». «Комитетам комсомола,— говорится в резолюции XVI съезда ВЛКСМ по Отчетному докладу,— повышать действенность «Комсомольского прожектора» в борьбе за резервы производства»³. И это не имеет ничего общего с негативными установками буржуазной социологии.

Наконец, буржуазные социологи заявляют, что юношеская организация в социалистических условиях может ставить своей целью особое выделение своих членов, а когда начинают расти ее ряды, создание «привилегий» становится невозможным. И это якобы приводит к внутреннему напряжению в организации.

На самом деле у комсомольца есть одна привилегия — быть там, где труднее. В. И. Ленин считал долгом комсомольцев «быть первыми строителями коммунистического общества среди миллионов

¹ «Le Monde», 12. VI. 1968.

² Patrick G. Les organisations..., p. 49.

³ «XVI съезд ВЛКСМ. Стенографический отчет», ч. II. М., «Молодая гвардия», 1971, стр. 314.

строителей...»¹ и призывал их «давать пример воспитания и дисциплины в этой борьбе»². «Союз коммунистической молодежи,— говорил Владимир Ильич,— должен быть ударной группой, которая во всякой работе оказывает свою помощь, проявляет свою инициативу, свой почин»³. В этом и есть авангардная роль комсомола, в корне отличная от изоляционистских концепций буржуазных идеологов.

Утверждение подлинно авангардной роли комсомола среди молодежи опирается на общеизвестные факты действительности. Кровным делом комсомола стало ударное строительство, освоение труднодоступных районов Сибири, Севера и Дальнего Востока. За последние годы 300 тысяч молодых патриотов по общественному призыву пополнили ряды строителей важнейших народнохозяйственных объектов⁴.

«Мы не можем представить себе биографии комсомола,— говорил Л. И. Брежнев,— без эпопей Братска, Рудного, Норильска, Сумгаита, Рустави и многих других строек. 350 тысяч молодых людей по комсомольским путевкам поехали поднимать целину. Тысячи добровольцев помогают строить гигантскую Красноярскую ГЭС и самоотверженно трудятся на решающих стройках пятилетки. У нынешних комсомольцев, как и у их старших братьев, есть свои памятные вехи, есть свои имена, на которые равняется юность страны»⁵.

Таким образом, попытки буржуазных социологов исказить положение и качество членов комсомольской организации в связи с ее массовостью полностью несостоятельны. Как обычно, «советологи» рассматривают вопрос вне конкретно-исторических и социальных условий, вне развития. А диалектическое рассмотрение фактов убеждает, что постоянно росла политическая сознательность молодежи, она все глубже овладевала марксистско-ленинским учением, программа комсомола становилась все более близкой и понятной миллионам юношей и девушек. И сам комсомол в это время развивался, совершенствовались формы его работы, рос его авторитет. Естественно, что комсомол увеличивался и численно.

Факты свидетельствуют о том, что в комсомоле состоит передовая часть советской молодежи. Так, по данным социологического исследования М. Н. Перфильева, осознанный трудовой идеал имеют 91,2 процента комсомольцев и 78,3 процента несоюзной молодежи. Среди осознавших трудовой идеал участвуют в движении за коммунистический труд 51,5 процента комсомольцев и 31,6 процента несоюзной молодежи. Имеют сформированный нравственный идеал 93,6 процента комсомольцев и 87,6 процента несоюзной молодежи⁶.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 308.

² Там же, стр. 314.

³ Там же, стр. 316.

⁴ «XVI съезд ВЛКСМ. Стенографический отчет», ч. II. М., «Молодая гвардия», 1971, стр. 305.

⁵ Брежнев Л. И. Речь на Торжественном пленуме ЦК ВЛКСМ, посвященном 50-летию Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи. М., «Молодая гвардия», 1968, стр. 8.

⁶ Перфильев М. Н. Критика буржуазных теорий о советской политической системе. Л., «Наука», 1968, стр. 151—152.

Массовость комсомола говорит о его заслуженном авторитете среди молодежи, громадной заботе Коммунистической партии о росте и укреплении ВЛКСМ. «Повышать авторитет и влияние комсомольских организаций среди широких масс молодежи, больше проявлять заботы о росте рядов комсомола», — эти важные задачи ставит постановление ЦК КПСС «О работе Красноярской краевой партийной организации по руководству комсомолом»¹.

В рассмотрении вопроса о росте комсомола у буржуазных социологов ярко сказывается непонимание диалектического характера философского закона перехода количества в качество. Безусловно, на определенной стадии количество переходит в качество. Но каким будет это вновь приобретенное качество по отношению к качеству, которое уже имелось — «лучшим» или «худшим»? И какой критерий брать для характеристики «лучшего» и «худшего»? Буржуазные социологи не нашли ничего оригинальнее, чем вывести обратную пропорциональную зависимость между масштабом организации и качеством ее работы. Но, во-первых, такой закономерности быть не может вообще, а во-вторых, весьма важен вопрос, с каких позиций рассматривать качество работы юношеской организации.

Буржуазные социологи рассматривают его с точки зрения антикоммунистов и стремятся найти какие-то факторы, которые бы подтверждали, что рост комсомола — не в интересах дела социализма и коммунизма. Но комсомол, действительно кровно заинтересованный в успешном коммунистическом строительстве, связывает рост своих рядов с закономерным возрастанием масштабов участия комсомольцев и молодежи в строительстве коммунизма. Классовая позиция не дает буржуазным социологам возможности увидеть эти закономерности.

Если дискредитацию комсомольцев в целом буржуазная социология ведет с помощью извращения причин и следствий массовости ВЛКСМ, то дискредитация организаторов работы с молодежью проводится исходя из антикоммунистической концепции элитеизма.

Обращение буржуазной идеологии к теме организаторов юношеской работы исходит, в частности, из признания широкого развития молодежного движения в ближайшем будущем. По определению Би-би-си, «профессия руководителя молодежи — это быстро развивающаяся область социального обслуживания». Развитие подобного процесса связывается с омоложением населения и «юношеской культурой», на формирование которой следует оказывать влияние в первую очередь через «лидеров» групп.

Юношеские объединения, говорят буржуазные социологи, оттачивая многих дисциплиной, одновременно привлекают в свои ряды пылких энтузиастов, которые, благодаря своим внутренним стремлениям и энергии, впоследствии становятся ответственными менеджерами, т. е. управляющими.

¹ О работе Красноярской краевой партийной организации по руководству комсомолом. Изложение постановления ЦК КПСС. «Партийная жизнь», 1968, № 10, стр. 5.

Рассматривая морально-этические качества организатора юношеской работы, буржуазная идеология выдвигает на первое место человеческую добродетель. Каким кумирам и героям поклоняется молодежь? — ставит вопрос «Немецкая волна». Оказывается, в большинстве молодые люди ориентируются на чисто добродетельные качества своего руководителя.

Акцент буржуазной идеологии на аморфные человеческие качества несостоятелен, ибо любой подлинный руководитель отражает прежде всего общественное настроение, интересы общественного развития. «История знает превращения всяких сортов,— писал В. И. Ленин,— полагаться на... душевные качества — это вещь в политике совсем не серьезная»¹.

На самом деле морально-этические качества организатора юношеской работы органически связаны с его мировоззрением, практической деятельностью.

Критическое отношение к действительности организаторов юношеской работы, по утверждению буржуазных идеологов, выражается прежде всего через морально-этические качества, которые в соответствии с якобы особой революционностью молодежи окрашены духом протеста.

Однако обычно этот «дух протеста» носит совершенно определенную политическую направленность: антикоммунистическую, антисоветскую. Так, среди человеческих качеств, на которые ориентируются молодые люди, «Немецкая волна» на первое место поставила мужество. И не мужество вообще, а мужество «неподчинения», которое в устах вещающей на СССР буржуазной радиостанции приобретает вполне определенный антисоветский смысл.

Об антисоветской сущности попыток воспитания качеств, далеких от общечеловеческих идеалов, совершенно откровенно говорится в махровой антисоветской печати. Как пишет орган белоэмигрантского отребья «Посев», подлинный, авторитетный и ведущий актив молодежи должен быть «политически целеустремлен» против духовных ценностей советского общества.

Возможность проявления критического отношения к действительности буржуазная идеология связывает с появлением «стихийных лидеров», которые выражают «общественную совесть». Если все будет в руках властей, тенденциозно внушает Би-би-си, то молодежные работники не будут стараться справиться с существующими проблемами.

Измышления о «стихийных лидерах» и «общественной совести» нужны буржуазным идеологам для наукообразного подтверждения своих заявлений о том, что в социалистических условиях якобы не приветствуется появление «независимого» сознательного вожака снизу, и, наоборот, этой «независимостью», мол, отличаются организаторы юношеской работы в капиталистических странах.

На самом деле демократическая система в комсомоле обеспечивает выбор представителей самых различных категорий молодежи

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 94.

во все органы — вплоть до съездов ВЛКСМ. В то же время утверждение антикоммунистической социологии о «независимости» лидеров буржуазных молодежных организаций полностью не соответствует действительности¹. Факты подтверждают, что руководители «Национальной студенческой ассоциации США», «Международной студенческой конференции» в Лейдене (Голландия), «Ассоциации помощи молодежи и студентам», «Пресс-бюро студентов Азии», «Международного союза социалистической молодежи», «Христианской ассоциации молодых женщин» и ряда других организаций находились и находятся на содержании Центрального разведывательного управления США.

Не выдерживает критики и формула «общественной совести». Известно, что в различных социально-экономических условиях различные социальные группы имеют свою общественную психологию, свою «общественную совесть». Поэтому и постановка данного вопроса может быть только конкретной.

Но неконкретность и есть способ, с помощью которого буржуазные социологи пытаются навязать свои выводы. Это, в частности, еще раз можно видеть на примере их фальсификации сущности комсомольских собраний, которые якобы препятствуют выходу критической энергии благодаря создаваемой на них атмосферы «важности и достоинства».

Но фактически комсомольские собрания характеризуются совсем иным, а именно: деловым подходом к решению конкретных задач, включая вопросы политического образования, идейной закалки, участия в общественной жизни, роли комсомольцев в труде и учебе, культурно-массовой и спортивной работе, общественной аттестации и т. д. Действительно, выступления на комсомольских собраниях носят, как правило, конструктивный характер и это вызывается высокой политической сознательностью и общественной активностью, о чем, в частности, говорят итоги Всесоюзных комсомольских собраний, на которых выступают миллионы человек.

Помимо фальсификации положения несоюзной и союзной молодежи антикоммунистическими социологами выделяется еще одна ложь — об организаторах юношеской работы и касающаяся уровня их подготовки. Поскольку капиталистическая система, мол, способствует формированию ценностей «юношеской культуры», постольку она проявляет заботу о высоком уровне подготовки юношеских работников со специальными социальными дипломами и учеными степенями. И, наоборот, уровень подготовки юношеских работников в социалистических странах буржуазная идеология стремится всячески принизить.

Однако измышления буржуазной идеологии опровергаются высоким образовательным и культурным уровнем комсомольских работников и комсомольского актива, наличием широкой сети учебных центров по подготовке и переподготовке комсомольских кадров, все более расширяющимися связями комсомола с наукой, созданием

¹ См.: Бутин В. В., Червяков В. В. Низвергатели истин. М., «Знание», 1971.

институтов молодежных проблем, практикой разносторонних социологических исследований, проводимых комсомольскими организациями, и т. д.

Каждый пятый секретарь первичной организации, подавляющее большинство секретарей райкомов и горкомов, почти все секретари обкомов, крайкомов комсомола, ЦК ЛКСМ союзных республик имеют высшее и незаконченное высшее образование. В период с XV по XVI съезд ВЛКСМ все секретари обкомов, крайкомов, ЦК ЛКСМ союзных республик прошли переподготовку в Высшей партийной школе при ЦК КПСС, а большинство секретарей райкомов и горкомов — в местных партийных школах. Создана Высшая комсомольская школа при ЦК ВЛКСМ, открыты 22 зональные и республиканские школы. В системе переподготовки кадров на курсах обучена почти половина всех освобожденных работников ВЛКСМ¹.

Таким образом, можно видеть, что рассмотрение буржуазными идеологами социального положения и функций несоюзной и союзной молодежи, организаторов юношеской работы носит абсолютно ненаучный характер.

Несостоятельной оказывается прежде всего сама система социальной стратификации. Она основана не на отношении к средствам производства, положению в обществе, уровне образования и других объективных факторах, а на весьма произвольно определяемом отношении к юношеской организации. Однако и это отношение толкуется очень превратно с волюнтаристски выбранных, субъективных позиций. На самом деле отношение молодежи к организации характеризуется не «общечеловеческими» морально-этическими ценностями, критическим настроением и «привилегиями», а классовой принадлежностью, мировоззрением, идейной убежденностью, практической деятельностью.

Весьма тенденциозное рассмотрение буржуазными социологами роли и функций организаторов юношеской работы строится на ненаучном противопоставлении масс и личности и по существу пытается исказить их положение в социалистическом обществе. Как известно, марксистско-ленинская наука, считая народные массы движущей силой социального прогресса, в то же время признает и значительную роль отдельных личностей, отражающих настроения масс и потребности исторического развития. Эта роль определяется конкретными социальными обстоятельствами. Говоря о значении личностей в развитии исторического процесса, Г. В. Плеханов отмечал, что «иногда их влияние бывает даже очень значительно, но как самая возможность подобного влияния, так и размеры его определяются организацией общества, соотношением его сил»².

¹ См.: Отчет ЦК ВЛКСМ и задачи комсомола по воспитанию молодежи в духе ленинских заветов. Доклад Первого секретаря ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельникова. «XVI съезд ВЛКСМ. Стенографический отчет», ч. I. М., «Молодая гвардия», 1971, стр. 72—73.

² Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. II. Госполитиздат, 1956, стр. 322.

Классики марксизма-ленинизма всегда подчеркивали большое практическое значение деятельности авторитетных организаторов масс. «Рабочему классу, — писал В. И. Ленин, — ведущему во всем мире трудную и упорную борьбу за полное освобождение, нужны авторитеты...». При этом наибольшим авторитетом он считал «коллективность передовых сознательных рабочих каждой страны, ведущих непосредственную борьбу...»¹.

Естественно, что и юношеское движение, основанное на идеях марксизма-ленинизма, требует научно обоснованного, авторитетного руководства, отражающего в своей практической деятельности потребности общественного развития.

* *
*

Партийное руководство молодежным движением теоретики юношеского изоляционизма всецело отождествляют с «руководством старших». Партии старшего поколения, вынужденные, мол, в силу социального развития ориентироваться на будущее и смутно сознавая необходимость каких-то новых ценностей в духе «молодежного общества», произвольно используют некоторые его идеи для прикрытия своего консерватизма. В то же время с помощью этих идей они используют и саму молодежь и ее организации в качестве орудия для осуществления своих планов.

Подобная постановка вопроса в извращенной субъективной форме отражает стремление буржуазных партий использовать подрастающее поколение в своих интересах, не удовлетворяя в то же время насущные потребности и права молодежи. «Не звучит ли это парадоксом? — ставит вопрос в статье с многозначительным названием «Разве правда, что молодежь не имеет никакого влияния» Лена Кристенсен в «Актуэльт». — Все политические партии состояются, чтобы обратить на себя внимание как на «партию молодежи». Молодежь здесь, молодежь там. Бесперывно бьют в пропагандистские барабаны»².

Но такое отношение буржуазных партий к молодежи теоретики юношеского изоляционизма переносят на отношении всех политических партий к подрастающему поколению. Более того, наиболее отрицательные моменты в отношении политических партий с молодежью они пытаются искусственно связать с партиями рабочего класса, одновременно всячески обеляя буржуазные партии.

К наиболее изощренным приемам фальсификации буржуазные идеологи прибегают, когда они обращаются к теме партийного руководства советским комсомолом. Основная их задача — противопоставить партию и молодежную организацию с позиций юношеского изоляционизма.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 226.

² «Aktuellt», 9. IV. 1967.

В предисловии к книге Патрика «Массовые организации в Советском Союзе. Профсоюзы и комсомол» прямо говорится, что партия может быть понята лишь в ее отношении к обществу и к различным слоям этого общества. Один из слоев этого общества — миллионы молодых людей, которых больше числом, чем членов партии, и которые объединяются комсомолом. И далее Патрик, явно стараясь противопоставить партии юношескую организацию, заявляет, что хотя комсомол и зависит от партии, — но она в некоторой мере тоже зависит от комсомола. Именно он снабжает партию техническими кадрами, специалистами и новыми членами. В комсомоле партия черпает энергию и возможности для того, чтобы выполнить намеченную ею программу. Идет ли речь об экономическом или воспитательном секторе, продолжает Патрик, в области спорта или культуры, комсомол достиг успехов, которыми нельзя не восхищаться. «Это не партия, — с явно провокационной целью заявляет автор, — достигла выдающихся успехов. Это массовые организации сумели убедить советское население в добропорядочности своих действий»¹.

Подобная позиция Патрика весьма характерна для буржуазных социологов: пытаюсь всячески дискредитировать комсомол, они его успехи (которые просто нельзя не признать) относят за счет преодоления институтов старшего поколения. Однако противоестественно и нелепо противопоставлять успехи комсомола деятельности партии, ибо всеми своими успехами комсомол обязан Коммунистической партии. Так же противоестественно и нелепо противопоставлять деятельность партии и воспитательную работу массовых организаций, ибо она ведется на основе принципов марксизма-ленинизма, под непосредственным руководством коммунистов.

Итогом такого противопоставления буржуазные идеологи хотели бы видеть ослабление партийного руководства коммунистическими союзами молодежи. «Коммунистические руководители некоторых стран Восточной Европы, — начинает статью с претенциозным заголовком «Молодежь огорчает Восточную Европу» американский социолог Эрик Берн, — признали, что их партийные организации не смогли установить контакта с молодежью»².

Это высказывание можно считать довольно типичным для буржуазных социологов по проблемам молодежи как по откровенной антикоммунистической направленности, так и по бездоказательности, — и в этом отношении оно не представляет никакого интереса. Но оно может быть показательным в том плане, что символизирует глобальный характер атак антикоммунистов на партийное руководство молодежным движением. Эта глобальная идеологическая диверсия характерна не только весьма широкими обобщениями, но и стремлением извратить самые коренные вопросы и саму сущность партийного руководства.

¹ Patrick G. Les organisations..., p. 62.

² «Christien Science Monitor», 7, VI. 1968.

В чем же видят буржуазные социологи причины «неустановления контактов с молодежью»? Они их усматривают в модернизации юношеской организации в связи с усилением партийного руководства. Буржуазная социология пытается объявить подобную модернизацию следствием безуспешной борьбы молодежи за самостоятельность своей организации. При этом выделяется два периода. Первый связывается с установлением Советской власти и проведением действенной политики в отношении юного поколения с целью завоевания его преданности, что якобы и определило мягкие меры. Второй период — с утверждением Советской власти, которое объявляется временем принуждения роли молодежи в связи с тем, что теперь, мол, уже были не нужны молодые энтузиасты.

В этих периодах вычленяется несколько фаз. Так, в первом называется фаза «начальной борьбы за власть», что должно соответствовать времени создания комсомола. Затем идет фаза «прямого вмешательства в дела комсомола в местном и национальном масштабе», что связывается с гражданской войной. И, наконец, фаза «вступления молодых коммунистов в состав комсомольских ячеек». Общим для всех фаз объявляется то, что юношеской организации «не диктовались» условия в связи с поставляемой военной силой.

Второй период начинается с фазы «фронтальной атаки на молодежь» после победы в гражданской войне, когда независимо мыслящие молодежные активисты якобы пришли в уныние от потери самостоятельности. Фазой оформления институтов «зависимости» считаются 30-е годы. Фазой «массовости» — послевоенное время¹.

Как можно оценить подобную «периодизацию» партийного руководства комсомолом? Во-первых, она абсолютно субъективна и ненаучна. Периодизация дается не в связи с объективным положением и функциями молодежи и комсомола в обществе, а лишь по надуманному принципу «зависимости», т. е. в полном соответствии с задачами прикладного антикоммунизма. Во-вторых, такой субъективный подход находится в полном противоречии с общеизвестными фактами. В данном случае зарубежные социологи представляют путь комсомола как процесс снижения его роли, хотя на самом деле проходило неуклонное развитие и укрепление комсомола под руководством Коммунистической партии. Это вынуждены признавать и многие буржуазные социологи. В частности, Р. Фишер показывает, как вместе «с численным ростом ВЛКСМ происходил рост его авторитета среди молодежи»².

На самом деле Коммунистическая партия с самого возникновения комсомола подчеркивала необходимость его самостоятельного характера и организационной самостоятельности для действенного коммунистического воспитания подрастающего поколения. «Коммунистическая работа среди молодежи, — отмечалось в резолюции VIII съезда партии «О работе среди молодежи», — может пойти успешно только через самостоятельные организации, идущие под

¹ Этой периодизации, в основном, следуют А. Кассоф и Ж. Патрик.

² Fischer R. T. The Soviet pattern..., p. 61.

знаменем коммунизма, в которых молодежь могла бы проявить максимум самостоятельности, безусловно необходимой для ее коммунистического воспитания»¹.

Надуманную модернизацию юношеской организации в связи с совершенствованием партийного руководства буржуазные социологи пытаются поставить в связь с «вырождением узкой партийности», как специфической особенностью современной цивилизации и универсальностью «молодежного общества». Они даже фальсифицируют высказывания классиков марксизма-ленинизма, заявляя, что сохранение партийности в социалистическом государстве якобы противоречит не только потребностям «молодежного общества», но и коммунистическому учению. Именно в этом духе рассуждает ренегат марксизма, профессор западноберлинского университета Вольфранг Леонгард, утверждая, что «Маркс и Энгельс никогда не говорили о партии в переходный период и тем более о руководящей роли партии, хотя в современной советской идеологии снова и снова подчеркивается руководящая роль партии при переходе к социализму»².

Антикоммунисты совершают в данном случае грубейший подлог. Как известно, К. Маркс и Ф. Энгельс говорили о коммунистическом самоуправлении в коммунистическом обществе и в то же время они всегда подчеркивали важнейшую роль партии в борьбе за построение коммунистического общества. Сами К. Маркс и Ф. Энгельс явились непосредственными создателями первого объединения коммунистов — I Интернационала. Понятно, что в нынешних условиях самоотверженной борьбы советских людей за построение коммунистического общества возрастает значение руководящей роли партии. Это особенно важно для организованного привлечения к процессу коммунистического строительства широких масс молодежи, только что вступающих в трудовую жизнь.

В соответствии со своей системой фальсификации принципов организации и работы комсомола буржуазные социологи выделяют два фактора, с помощью которых якобы осуществляется «руководство старших»: «политический контроль» и «вертикальный централизм».

«Политический контроль», утверждают буржуазные социологи, ведется путем политической унификации молодежи при одновременном выдвижении на ключевые посты представителей старшего поколения.

Юношеская организация якобы используется для создания видимости народной поддержки определенного политического курса. И это, мол, вполне закономерно по той причине, что существование самой юношеской организации в данном случае зависит не от народной поддержки, а от партии. Поэтому комсомол, как и партия,

¹ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Политиздат, ч. I, 1954, стр. 453.

² Leonhard W. Die politischen Lehrer. Sowjetideologie heute. Bd. 2. Frankfurt a/M. — Hamburg, 1962.

не терпит конкурентов на политической арене и полностью монополизировал проведение в жизнь молодежной программы. Кассоф даже приводит якобы имевший место «типичный» случай, когда группа комсомольцев договорилась собираться без соблюдения обычных формальностей и совершать хорошие дела: помогать больным, ходить для них за покупками и т. д. Но когда об этом узнали власти, начался «отчаянный переполох», вмешался прокурор, чтобы расследовать факт создания «контрреволюционной организации». Весь этот обывательский вымысел потребовался для того, чтобы в конечном итоге автору сделать вывод: вызов комсомолу был расценен как вызов партии.

Кассоф мог бы знать, что комсомольцы совершают много хороших дел: идут на самые трудные участки производства, успешно овладевают наукой и техникой, принимают активное участие в борьбе за коммунистический быт, помогают ветеранам и т. д. — и все это без всяких формальностей. Подобная деятельность не только не встречает осуждения, но и находит всемерную поддержку со стороны органов Советской власти, Коммунистической партии.

Пытаясь противопоставить авторитет юношеской организации партийному руководству, буржуазные социологи полностью выдают свою антисоветскую тенденциозность.

«Советологи» не желают замечать, что Коммунистическая партия выражает интересы народа и пользуется всемерной поддержкой. Поэтому доверие и поддержка, оказываемые комсомолу партией, есть одновременно и доверие и поддержка народа.

В силу этого оказывается полностью несостоятельным и тезис буржуазной социологии о стремлении «монополизировать» сферу молодежной деятельности с помощью комсомола. На самом деле речь может идти не о монополизации, а о выражении комсомолом интересов широких масс молодежи. А выражение этих интересов возможно благодаря партийному руководству. Союз Коммунистической Молодежи, — говорил В. И. Ленин, — должен руководствоваться «общими директивами Коммунистической партии, если действительно хочет быть коммунистическим...»¹.

Особенно ополчаются буржуазные социологи против работы коммунистов в юношеской организации.

Во-первых, в работе коммуниста в комсомольской организации усматривается некий процесс раздвоения личности, ибо перед ним якобы стоит вопрос — чьи же интересы выражать: партии или комсомола, старшего или младшего поколения?

Более того, буржуазные идеологи далее заявляют, что молодой человек, став коммунистом, должен служить прежде всего не партии, а той юношеской массе, которую он физически представляет. Так, во время выступления контрреволюционных сил в Чехословакии Би-би-си, пустив в ход термин юношеской солидарности, постоянно провоцировала студентов-коммунистов к отказу «от прежней линии партии и ее ликвидации де-юре».

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 532.

Буржуазные социологи не желают замечать уязвимости своих позиций, когда антагонистически противопоставляют пребывание на руководящих должностях в молодежном союзе коммунистов и комсомольцев. Они при этом как бы забывают, что комсомол — это Коммунистический Союз Молодежи. Лучшим своим членам комсомол дает рекомендацию в партию. У коммунистов и комсомольцев одни цели, одна идеология. И естественно, что лучшие комсомольцы, став коммунистами, продолжают работать в комсомоле.

Во-вторых, буржуазные социологи утверждают, что взрослый представитель «взрослой партии» не может эффективно руководить молодежью в силу своей психологии, привычек и т. п. Но такие утверждения противоречат как известным принципам педагогики, так и практики, в том числе практики союзов молодежи в капиталистических странах. Молодежью ценится умудренный опытом и знаниями руководитель, а не определенная шкала возраста.

В-третьих, «советологи» говорят о каком-то процессе переориентации социальной активности в связи с вступлением молодого человека в партию. «Многие молодые коммунисты, — писал Анри Пьер в «Монд», — едва вступив в партию, уже не хотят работать с комсомольцами»¹. Это совершенно явная фальсификация. За последние годы в комсомоле постоянно растет партийная прослойка, причем особенно заметно — в первичных организациях. За период с XV по XVI съезд партийная прослойка среди секретарей первичных комсомольских организаций увеличилась с 14,7 процента до 32,5 процента².

О том, насколько несостоятельны утверждения антикоммунистических социологов о противоположности интересов молодежных союзов и работающих в них коммунистов, говорит вся история партийного руководства комсомолом. Партия всегда подчеркивала необходимость самого внимательного воспитания коммунистов в среде молодежи. VIII съезд партии отметил, что «партия должна иметь за собой хорошо подготовленные резервы, из которых она могла бы черпать новых, проникнутых революционным энтузиазмом, честных и сознательных работников»³.

Партия всегда придавала большое значение неразрывной связи руководства Союза молодежи с самыми широкими массами комсомольцев. XIV съезд ВКП(б), проявляя заботу об организационном и политическом укреплении комсомола, указал, что нельзя допускать «отрыва комсомольского актива от комсомольской массы»⁴.

¹ «Le Monde», 12. VI. 1968.

² См.: Отчет ЦК ВЛКСМ и задачи комсомола по воспитанию молодежи в духе ленинских заветов. Доклад Первого секретаря ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельникова. «XVI съезд ВЛКСМ. Стенографический отчет», ч. I. М., «Молодая гвардия», 1971, стр. 74.

³ О работе среди молодежи. Постановление VIII съезда РКП(б). «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Политиздат, ч. I, 1954, стр. 453.

⁴ О работе комсомола. Постановление XIV съезда ВКП(б). «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Политиздат, ч. II, 1953, стр. 116.

В настоящее время партия придает важнейшее значение укреплению партийного ядра в комсомольских организациях. «Стоило бы взять за правило, — говорилось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза, — чтобы члены ВЛКСМ, принятые в партию, продолжали активно работать в комсомоле, пока не получают другого поручения партийной организации»¹.

Вторым фактором, с помощью которого осуществляется «руководство старших», является, по утверждению буржуазных социологов, «вертикальный централизм». С помощью этого термина делается попытка опорочить использование юношеской организацией принятого партией принципа демократического централизма, таких его положений, как дисциплина, подчинение меньшинства большинству, выполнение решений вышестоящих органов нижестоящими. Буржуазная социология тенденциозно противопоставляет централизм и демократию, самостоятельность принятия решений и необходимость подчинения. Голословно утверждает, что на практике централизм полностью подавил демократию, что каждый «высший чиновник избирается низшим» и т. п.

Буржуазные социологи делают прямую попытку подменить демократический централизм буржуазной демократией в целях, как они выражаются, придания большего динамизма организации. Принятая комсомолом партийная демократия, утверждают они, не по праву называет себя демократией, ибо она означает не что иное, как принуждение послушно бороться за выполнение директив. «Провозглашенная свобода критики, — пишет Леонгард, — это пустая фраза, так как различие между «полезной» и «вредной» критикой представляет партийному руководству право решать, что «полезно» и что «вредно», и тем самым еще больше усиливает контроль партийного руководства»².

Но кто и когда подразделял критику на «полезную» и «вредную»? Если кто это и делает, то Леонгард и другие антикоммунисты. На самом деле критика и самокритика присуща социалистической демократии, присуща внутрипартийной и внутрикомсомольской демократии. Критика помогает совершенствовать работу, вскрывать и преодолевать противоречия и ошибки. И в этом смысле она всегда полезна.

Но, как видно, не это имеет в виду Леонгард. Если он подразумевает под «вредной критикой» антисоветскую деятельность, то она никогда не может быть квалифицирована социалистическим обществом «полезной». Естественно, что борьба с враждебной идеологией укрепляет позиции социализма.

Внутрикомсомольская демократия действительно вытекает из сущности внутрипартийной демократии и это означает реальную

¹ Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза. Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева. «Материалы XXIV съезда КПСС». Политиздат, 1971, стр. 80.

² Leonhard W. Die politischen..., S. 78.

возможность решать судьбы организации представителям масс. Делегатами XVI съезда ВЛКСМ являлись 1578 работников промышленности, строительства, транспорта, связи, сферы обслуживания, 949 труженников сельского хозяйства¹.

Партия обеспечила широкое представительство комсомола в общественных и государственных органах. В местные Советы избрано почти 500 тысяч молодых людей, в том числе свыше 263 тысяч — комсомольцев².

Как же можно перед лицом этих фактов говорить о том, что чиновники избирают чиновников? Конечно, буржуазные социологи выражают социальный заказ антикоммунизма и в этом плане вольны писать все, что им вздумается, но подобные измышления не имеют ничего общего с наукой.

В то же время подобные фальсификации имеют прикладное значение для бжуазной пропаганды. Исходя из тезиса о критике «вредной» и «полезной», она разрабатывает целый ряд тем. Так, «Голос Америки» информирует о нежелании молодых американцев подчиниться военной дисциплине и отправиться во Вьетнам несмотря на критику руководства республиканской и демократической партий. Одновременно сообщается о военной дисциплине в отрядах хунвейбинов, которые якобы выражают сущность коммунистического юношеского движения, хотя на самом деле они не имеют с ним ничего общего. Радиостанция пытается подвести к мысли, что военизация и беспрекословное повиновение — это тот путь, на котором находятся Коммунистические Союзы Молодежи в отличие от антивоенного, демократического настроения молодежи Запада. Таким образом, буржуазных социологов в данном случае занимают не научные интересы, а обслуживание потребностей антикоммунистической пропаганды.

Можно видеть, что теоретической основой дискредитации внутрисоюзной демократии является юношеский изоляционизм. Когда буржуазные социологи говорят о структуре комсомола в связи с партийным руководством, они постоянно подчеркивают, что молодому поколению свойственен природный демократизм, стремление к неповиновению, а в политическом плане — либерализм и анархизм. Игнорирование старшими устремлений молодежи в руководстве юношеской организацией, мол, приводит к бюрократизации детства и юношества, а это способствует возникновению покорности и пассивности.

Спекулятивный характер подобных рассуждений очевиден: молодежь с ее изоляционистскими устремлениями не будет оставаться пассивной и якобы станет выступать против преград, мешающих проявлению ее социальной активности.

¹ Доклад председателя Мандатной комиссии XVI съезда ВЛКСМ Б. Н. Пастухова. «XVI съезд ВЛКСМ. Стенографический отчет», ч. I. М., «Молодая гвардия», 1971, стр. 211.

² «XVI съезд ВЛКСМ. Стенографический отчет», ч. I. М., «Молодая гвардия», 1971, стр. 74.

Но куда направлена социальная активность? Буржуазным социологам хотелось бы видеть эту активность только в проявлении негативного отношения к общественным ценностям. Однако такая постановка вопроса отражает лишь практическую антикоммунистическую направленность буржуазной социологии и никак не отражает объективную реальность. Социальная активность молодежи в обществе, создающем условия для всестороннего становления и развития подрастающего поколения, выражается прежде всего в созидательной творческой деятельности. Эта деятельность широко и разнообразно реализуется в работе Ленинского комсомола под руководством Коммунистической партии.

Все «социальные причины» и «факторы», приводимые буржуазными социологами при рассмотрении ими сущности партийного руководства юношеской организацией, носят абсолютно субъективный и ненаучный характер.

Коммунистическая партия нашей страны с самого своего возникновения уделяла самое пристальное внимание работе с молодежью — и это вызывалось не какими-то конъюнктурными соображениями, а самой сущностью партии, ее целями. «Мы партия будущего,— писал В. И. Ленин, — а будущее принадлежит молодежи. Мы партия новаторов, а за новаторами всегда охотнее идет молодежь. Мы партия самоотверженной борьбы с старым гнильем, а на самоотверженную борьбу всегда первую пойдет молодежь»¹.

Коммунисты всегда выступали и выступают за организационную самостоятельность союза молодежи не из желания учитывать какие-то авангардистские настроения и польстить самолюбию молодых людей, а потому что убеждены: «без полной самостоятельности молодежь *не сможет* ни выработать из себя хороших социалистов ни подготовиться к тому, чтобы вести социализм *вперед*»².

Комсомол является верным помощником и резервом Коммунистической партии. Партия высоко ценит комсомол и поручает ему ответственные дела. Лучшие комсомольцы пополняют ряды партии. За период с XXIII до XXIV съезда партии в нее вступило 1350 тысяч комсомольцев, что составило 45 процентов ее пополнения³.

В партийном руководстве заключается источник силы и влияния комсомола, и именно это обстоятельство побуждает буржуазных социологов выступать со своими безуспешными фальсификациями.

* * *

Буржуазные социологи фальсифицируют основные принципы организации и работы комсомола: партийное руководство, идейно-политическое воспитание и демократические основы внутрисоюзной жизни. Такой выбор полностью соответствует основным на-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 163.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 226.

³ «Материалы XXIV съезда КПСС». М., Политиздат, 1971, стр. 80.

правлениям современной «советологии»: дискредитации руководящей роли партии, мировоззрения советских людей и существа советской демократии. Точно так же и методы фальсификации, применяемые теоретиками юношеского изоляционизма, могут быть отнесены к типично «советологическим».

Используя свои концепции о «конфликте поколений», аполитичности и нигилизме молодежи, буржуазные социологи преследуют цель поменять духовную ориентацию подрастающего поколения, воспрепятствовать его активному участию в коммунистическом строительстве в составе юношеского союза. Рассуждая о необходимости предоставить молодежи «самостоятельность», они фактически преследуют цель лишить ее самой возможности верно ориентироваться в действительности и подчинить буржуазной идеологии.

Идеологи антикоммунизма совершенно искусственно пытаются противопоставить юношескую организацию советской действительности. Именно советская действительность вызвала к жизни новый тип юношеской организации, наиболее полно отражающей специфику молодежи и способствующей выполнению ею своих социальных функций.

Как правило, «советологи» проявляют полное незнание форм и методов комсомольской работы и пытаются рассматривать их с позиций деятельности буржуазных союзов молодежи. Говоря о необходимости особого подхода к подрастающему поколению, они сами остаются в плену буржуазного конформизма.

Прикладной «советологический» характер буржуазных концепций массовой юношеской организации определяет запрограммированность их выводов в интересах антикоммунизма. Сам отбор понятий и терминология буржуазных социологов носят конъюнктурный характер и полностью игнорируют воспитательные факторы, прежде всего мировоззренческие.

Между тем формирование марксистско-ленинского мировоззрения является важнейшей стороной деятельности коммунистического юношеского союза. Основной задачей союзов молодежи, подчеркивал В. И. Ленин, должна быть «выработка ясного цельного социалистического мировоззрения»¹. Воспитание огромных масс советской молодежи в новых условиях — в эпоху строительства коммунизма, рост образовательного и культурного уровня юного поколения, его стремление к осмыслению научных философских проблем и закономерностей общественного развития — все это говорит о необходимости самого активного познания молодежью марксистско-ленинской науки. Главной задачей партийных и комсомольских организаций в работе с молодежью, — отмечается в постановлении ЦК КПСС «О работе Красноярской краевой партийной организации по руководству комсомолом», — «должно быть формирование у юношей и девушек марксистско-ленинского мировоззрения, классового самосознания, высокой идейной убежденности и непримиримости к буржуазной идеологии, воспитание их в духе преданности

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 115.

делу Коммунистической партии, пролетарского интернационализма и дружбы народов, готовности к защите завоеваний Октября»¹.

В противовес измышлениям буржуазных социологов о стремлении молодежи освободиться от мнимого «контроля», вся система работы в комсомоле свидетельствует о том, что деятельность в юношеской организации стимулирует социальную активность подрастающего поколения. Воспринимая единое передовое мировоззрение, проникаясь единством стоящих задач, молодежь теснее сплачивается в борьбе за торжество идеалов коммунизма. И это находится в полном соответствии с пониманием сущности юношеского союза классиками марксизма-ленинизма. «Задача Союза молодежи, — учил Владимир Ильич, — поставить свою практическую деятельность так, чтобы, учась, организуясь, сплачиваясь, борясь, эта молодежь воспитывала бы себя и всех тех, кто в ней видит вождя, чтобы она воспитывала коммунистов»².

¹ О работе Красноярской краевой партийной организации по руководству комсомолом. Изложение постановления ЦК КПСС. «Партийная жизнь», 1968, № 10, стр. 5.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 308—309.

ЧАСТЬ III ЮНОШЕСКИЙ ИЗОЛЯЦИОНИЗМ В АНТИКОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЕ

Глава 1 Основные формы и методы пропаганды

Современный антикоммунизм стремится широко использовать в пропаганде социологические концепции. Поэтому критический анализ их применения в направленном формировании общественного мнения является настоящей необходимостью и привлекает внимание советских ученых¹.

О прикладном значении теории юношеского изоляционизма уже говорилось при рассмотрении ее составляющих частей и особенностей. Однако наиболее полно прикладной характер этой буржуазной концепции сказывается в практической деятельности антикоммунистической пропаганды на молодежную аудиторию.

Стремление буржуазных идеологов использовать социологические теории для воздействия на юношескую аудиторию определило связь антикоммунистической пропаганды и молодежной социологии. По признанию английского социолога Бернарда Левина, среди буржуазных публицистов все более дает себя знать тенденция к «серьезному» рассмотрению положения молодежи и юношеского изоляционизма². Представитель боннского министерства внутренних дел, определяя функции «Федерального института исследований Востока и международных отношений», занимающегося в значительной степени молодежными проблемами, заявил, что «защита от тоталитаризма леворадикального образца... должна иметь в своей основе результаты научных исследований». Являясь директором Информационного агентства США, Леонард Маркс указывал, что эта пропагандистская организация использует в своей деятельности разнообразные формы исследовательской работы, включая опросы общественного мнения, для планирования, практической работы и оценки ее эффективности.

Новые потребности антикоммунистической пропаганды объективно поставили перед буржуазными социологами задачу создать систему направленного формирования общественного мнения среди широких масс молодежи, привели к выделению в «советологии» спе-

¹ Антикоммунистическая пропаганда империализма (доктрины, аппарат). Сб. М., 1971; Бессонов Б. Идеология духовного подавления. М., 1971; Воронцов Ю. Операция Брейнушинг. М., 1970; Проблемы борьбы против буржуазной идеологии, вып. 1. Л., 1971.

² «The New Statesman», VIII. 1967.

циального направления, которое занимается вопросами массовых коммуникаций для юношеской аудитории. Появились социологи, социальные психологи, теоретики пропаганды, которые стали усиленно заниматься проблемами личности молодого человека и массовых юношеских организаций, «анализировать» систему воспитания подрастающего поколения в советских условиях и определять тот идейный и психологический «вакуум», который может быть заполнен антикоммунистической пропагандой. Среди них можно назвать П. Джувилера, А. Кассофа, Р. Корнелла, Ж. Патрика, Д. Скотта, Б. Табарлета, В. Таубмана, М. Файнсода, Р. Фишера, Д. Хаммера, Г. Цинка, М. Чукаса, С. Шварца и др.

Однако в связи с определенной новизной проблемы крупных специальных работ по воздействию средств массовых коммуникаций на молодежь нет. Зато в последние годы по этому вопросу появилась масса статей в буржуазных периодических изданиях, что, безусловно, является результатом быстрорастущего внимания антикоммунистической социологии к выявлению возможностей идеологического воздействия на юношескую аудиторию.

Особое положение теории юношеского изоляционизма в трудах буржуазных теоретиков пропаганды и практике средств массовых коммуникаций объясняется рядом обстоятельств.

Во-первых, ориентация буржуазных идеологов на активное использование средствами массовых коммуникаций теории юношеского изоляционизма связана с изменением общей тактики антикоммунистической пропаганды. Еще в пятидесятых годах основным направлением было открытое культивирование враждебности к руководству Коммунистической партии и Советскому правительству, постоянное провоцирование к антисоветским выступлениям, возбуждение надежд на скорое «освобождение от большевизма», что имело локальной целью формирование «внутренних эмигрантов», враждебной социалистическому строю «элиты».

В шестидесятые годы, во времена политики «новых рубежей», а затем в начале семидесятых годов подобная форма оголтелого антикоммунизма уже не могла отвечать потребностям «наведения мостов». В новых условиях буржуазные идеологи делают ставку не на создание подпольных молодежных групп, к чему еще недавно призывала, например, радиостанция «Свобода», а на разрыхление классового сознания широких масс молодежи¹.

Однако буржуазные теоретики и практики средств массовых коммуникаций учитывали, что широкую аудиторию советской молодежи наверняка оттолкнет оголтелый антисоветизм. Антикоммунизм, по существу, признал, что противопоставление подрастающего поколения, воспитанного в условиях социализма, идеологическим и политическим институтам Советского государства — бесполезное занятие. Надо было найти какие-то эквиваленты, которые, не являясь внешне идеологической категорией, в то же время адекватно выражали существо идеологических ценностей. Предстояло

¹ См.: Воронцов Ю. В. Основное направление и механизм буржуазной пропаганды. М., «Знание», 1972.

определить такие формы пропаганды, которые бы не отпугнули юношей и девушек своей антикоммунистической направленностью.

Таким эквивалентом идеологических ценностей стал в буржуазной пропаганде юношеский изоляционизм, а провоцирование конфликта юношей и девушек с коммунистической идеологией стало проводиться путем искусственного разжигания изоляционистских настроений. Изоляционизм, облеченный в «конфликт поколений», «молодежное общество» и т. д., должен был помочь буржуазной пропаганде спрятать ее антикоммунистическую сущность за фасадом вечных человеческих проблем. В то же время он позволял внешне не ущемлять мировоззрения и самолюбия молодежи, усвоившей определенные идеологические ценности, ибо прямой критики этих ценностей теперь вроде бы не было. Наоборот, используя теорию юношеского изоляционизма, можно было льстить молодежи, подчеркивать ее преимущества перед старшими.

Поэтому в настоящее время буржуазная пропаганда стремится придать своим акциям объективистскую форму, благожелательный тон по отношению к юношеской аудитории. Джон Кэмпбелл, автор книги «Американская политика в отношении коммунистической Европы — выбор будущей политики», рассуждая об изменившемся подходе к новым поколениям, признает, что «американская пропаганда как через официальное радио «Голос Америки», так и через неофициальное радио «Свободная Европа» взяла гораздо более сдержанный тон, избегая тем, которые могли бы спровоцировать народы Восточной Европы на... восстание»¹.

Речь, разумеется, не идет о том, что буржуазная пропаганда стала менее антисоветской. Оставаясь по-прежнему глубоко враждебной коммунизму, Советскому государству, она, однако, вынуждена отойти от лобовой атаки, искать обходные пути, рекламировать свою «непредвзятость». Именно поэтому буржуазные пропагандисты пытаются привлечь внимание подрастающего поколения, формирующего свое мировоззрение, возможностями «конструктивного» диалога о роли молодежи, свободной дискуссии об ее авангардной миссии, поисками истины независимо от старших. Но фактически, как пишет теоретик антикоммунистической пропаганды Теодор Арнольд, дело заключается не в том, чтобы одна сторона убедила другую, и не в том, чтобы разрабатывать совместную платформу. В данном случае, считают буржуазные социологи средств массовых коммуникаций, вообще невозможно достичь сближения точек зрения, так как речь идет о своеобразной риторической дуэли, одному из участников которой суждено потерпеть поражение. Подобное поражение планируется нанести коммунистической идеологии при помощи передергивания фактов на фоне внешнего благожелательного объективизма². Таким образом, по мостам, наведенным в ходе «беспристрастных» дискуссий и «откровенных» разговоров о юно-

¹ Campbell J. American Policy toward Communist Eastern Europe: The Choices Ahead, p. 88.

² См.: Arnold T. Kommunistische..., S. 19.

шеском изоляционизме, планируется наступление буржуазной идеологии.

Во-вторых, обращение теоретиков и практиков буржуазной пропаганды к теории юношеского изоляционизма связано со все большей ориентацией средств массовых коммуникаций капиталистического Запада в сторону «мягкой» информации, в которой нет прямого упоминания об общественно-политических или экономических факторах. Как пишет советский специалист по буржуазным средствам массовых коммуникаций Ю. В. Воронцов, теоретики и практики пропаганды рассчитывают, что «мягкие» новости быстрее вызовут у человека «мгновенное вознаграждение удовольствием» от воспринятой информации. И, наоборот, «жесткие» новости, где прямо говорится об общественно-политических и экономических событиях, вызывают «замедленное вознаграждение удовольствием» и потому не привлекают к себе немедленного внимания¹. Материалы о юношеском изоляционизме преподносятся буржуазной пропагандой как «мягкая» информация, касающаяся общечеловеческих проблем, и это должно способствовать эффективности восприятия тех положений антикоммунизма, которые исподволь вкладываются в самые «мягкие» новости об «особой» роли молодежи.

Именно через «мягкие» новости с изоляционистским подтекстом должна создаваться «информированность» подрастающего поколения, под которой антикоммунистические теоретики средств массовых коммуникаций понимают ознакомление молодежи с буржуазной пропагандой. Так, «Немецкая волна» утверждает, что успеха информация достигает лишь тогда, когда она преподносится в легкой, непринужденной форме, а события в ней излагаются в сатирически-иронических полутонах. В соответствии с этим радиостанция даже выступления на самые серьезные темы нередко насыщает такой «мягкой» информацией, где преобладают искаженные факты, прямые вымыслы, антисоветские анекдоты, адресованные непосредственно молодежи.

Намекая на то, что старшее поколение советских людей совершенно необоснованно выступает против возрождения в ФРГ нацизма, «Немецкая волна» сослалась на выступление оратора национал-демократической партии, который критиковал не Советский Союз, а правительство ФРГ. Критиковал за то, что оно якобы строит в «одной африканской стране» молочный завод в таком месте, где в радиусе 150 километров нет ни одной коровы. На самом же деле, заканчивает «Немецкая волна», молочное хозяйство действительно строится, но не с западногерманской, а с советской помощью.

Радиостанция не случайно взяла своей темой советскую помощь молодым развивающимся государствам Африки. Антикоммунизм тревожит, что в своей внутренней и внешней политике многие африканские страны проявляют антиимпериалистические тенденции,

¹ См.: Воронцов Ю. В. Социология дезинформации. Социально-психологические основы буржуазной пропаганды. «Молодой коммунист», 1969, № 4, стр. 40—41.

заявляют о своих симпатиях к социализму и социалистическим странам. Попытки капиталистических стран навязать этим странам неокOLONиализм с помощью «экономической помощи» встречают сопротивление прогрессивных сил Африки.

Не случайно и то, что радиостанция говорила не о конкретном государстве, а об «одной африканской стране». И это потому, что дискредитировать высокоэффективную советскую помощь можно только голословно.

Однако эти обычные для буржуазной пропаганды приемы сейчас сочетаются с новым подтекстом: молодых людей, в отличие от старших, интересуют дела в своей собственной стране. Используя в данном случае прямую ложь, облеченную в форму «мягкой» информации, буржуазная пропаганда пытается показать не только «несостоятельность» старшего поколения; применяя атрибуты юношеского изоляционизма, она стремится оклеветать советскую политику и экономическую систему.

Наконец, в-третьих, юношеский изоляционизм, как полагают его теоретики, позволяет сочетать отчуждение молодежи от общественно-политических институтов старшего поколения с отчуждением от получаемой им информации. Буржуазные средства массовых коммуникаций практически реализуют гносеологические аспекты различных современных буржуазных философских течений о субъективности информации, необъективности и плюрализме истины, автономности внутреннего мира человека.

В этой связи следует подчеркнуть, что ориентация антикоммунистической пропаганды на юношеский изоляционизм является отражением давнишней тактики буржуазной идеологии по противопоставлению различных слоев советского общества. Антикоммунизм вынужден считаться с тем, что его попытки столкнуть в СССР классы трудящихся потерпели провал. Не дала ожидаемых результатов и пропаганда по разжиганию враждебности между различными национальностями, верующими и атеистами и т. д. Поэтому в своем стремлении подорвать идейно-политическое единство советского общества антикоммунизм все более настойчиво обращается к противопоставлению групп по принципу социальной психологии, возрастных особенностей, морально-этических ценностей. Такая тактика вполне соответствует пониманию буржуазной социологией и пропагандой современного момента как времени размывания социальных групп, что якобы ставит перед идеологией необходимость преимущественного обращения к общечеловеческим качествам.

Ориентация буржуазной пропаганды на разжигание возрастных противоречий, ее внешне благожелательный по отношению к молодежи тон и лезть в адрес подрастающего поколения, дискредитация советского образа жизни с помощью «мягкой» информации — все это говорит о курсе, рассчитанном на длительное время. Ныне все основные направления буржуазной пропаганды на молодежь — клевета на марксизм-ленинизм и советскую действительность, реклама капитализма, извращение проблем личности — все они каму-

флируются с помощью теории юношеского изоляционизма, разрабатываются через теорию юношеского изоляционизма.

Так, подавляющее большинство передач буржуазных радиостанций на советскую молодежь строится исходя из пропаганды изоляционистских настроений. Расширение тематики радиопередач неизменно сопровождается расширением диапазона трактовки юношеского изоляционизма. Например, «Голос Америки» разрабатывает сейчас с учетом «особых» интересов молодежи следующие темы: праздники и каникулы, искусство, экономика, сельское хозяйство и промышленность, образование, история, жизнь и творчество знаменитых людей, язык и литература, музыка, политика, правительство, религия, философия и психология, наука, английский язык для начинающих, положение женщины в обществе.

Юношеский изоляционизм стал стратегией буржуазной пропаганды на советскую молодежь, направленной на идеологическое перерождение советского общества, на формирование «единых бесклассовых духовных ценностей будущего», которые, как пишет известный социолог Ян Бродал, «несут в себе преимущественно молодые люди — молодые русские и американцы»¹.

Однако буржуазные идеологи не учитывают ряд определяющих качеств молодежи и роль социальной среды. Взросший идейно-политический, образовательный, культурный уровень нашей молодежи делает бесперспективными попытки замаскировать антикоммунистическую и антисоветскую направленность информации с помощью изменения тактики пропаганды.

Следует принять во внимание, что дальнейшее укрепление социально-политического единства советского общества не имеет ничего общего с буржуазной системой социальной стратификации и ее категориями «размывания социальных групп».

Надо также иметь в виду, что отношение к информации определяется социальным положением личности. В советском обществе люди различных поколений имеют единое марксистско-ленинское мировоззрение, участвуют в коммунистическом строительстве. Естественно, они с единых принципиальных позиций оценивают идейно-политическую направленность информации и ее содержание.

* *
*

Практическое использование в буржуазной пропаганде теории юношеского изоляционизма осуществляется с помощью определенных средств массовых коммуникаций. В целом позиции буржуазных социологов по сочетанию форм и средств идеологического воздействия на молодежь можно свести к известной на Западе формуле информации профессора Римского университета Франческо Фатторелло². По его мнению, процесс передачи информации характе-

¹ «Arbeiderbladet», 28. II. 1967.

² Fattorella F. *Introduziene alla tecnica sociale dell' informazione*. Roma, 1961.

ризуется четырьмя компонентами: действующим субъектом (ДС) воспринимающим субъектом (ВС), формой информации (Ф) и средством информации (С). Графически эта формула выглядит следующим образом:

$$ДС — \frac{С}{Ф} — ВС.$$

В данном случае ДС — тот или иной идеолог антикоммунизма, ВС — личность молодого человека, Ф — юношеский изоляционизм. Соответствующим этим компонентам средством информации (С) буржуазные идеологи считают радио и всячески пытаются использовать данное средство в антикоммунистической пропаганде.

«Мы живем в условиях неухающей идеологической войны,— говорил в Отчетном докладе ЦК КПСС на XXIV съезде Коммунистической партии Л. И. Брежнев, — которую ведет против нашей страны, против мира социализма империалистическая пропаганда, используя самые изощренные приемы и мощные технические средства. Все инструменты воздействия на умы, находящиеся в руках буржуазии, — печать, кино, радио — мобилизованы на то, чтобы вводить в заблуждение людей, внушать им представления о чуть ли не райской жизни при капитализме, клеветать на социализм. Эфир буквально насыщен всевозможными измышлениями о жизни нашей страны, братских стран социализма»¹.

Особенно большое внимание использованию радио для пропаганды на молодежь социалистических стран стало уделяться идеологами антикоммунизма в последние годы. Один из ведущих теоретиков и практиков американских средств массовых коммуникаций редактор журнала «Лук» Уоррен Роджерс в статье «Голос Америки» — чуть динамичней» признал, что начиная с 1963 года радио взяло на себя основную роль в разбрасывании ядовитых семян буржуазной идеологии, «предназначенных для умов советской молодежи»².

В связи с этим на внешнеполитическую радиопропаганду ассигнуются громадные средства. 23 миллиона долларов стоило строительство мощного радиокомплекса «Голоса Америки» в Гринвилле, где оборудованы студии для молодежных передач. На организацию вещания «Голоса Америки» ежегодно расходуется свыше 30 миллионов долларов. «Немецкая волна» тратит ежегодно более 50 миллионов марок³.

Увеличение финансовых расходов сопровождается увеличением штата радиостанций, куда вводятся «специалисты» по юношеским проблемам.

¹ Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза. Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева. «Материалы XXIV съезда КПСС». М., Политиздат, 1971, стр. 90—91.

² «Look», XI. 1967.

³ «Neue Züricher Zeitung», 4. II.1967.

Сейчас молодежные программы имеют десятки вещающих на СССР радиостанций. Лишь радиостанция «Свобода» передает молодежные программы на 17 языках народов СССР.

Выдвижение радио как главного канала буржуазной пропаганды юношеского изоляционизма объясняется, как положением радио в системе средств массовых коммуникаций, так и попытками увязать его специфику с юношеским изоляционизмом.

«Центр по изучению свободы информации» при Миссурийском университете, разделивший все страны мира в зависимости от степени контроля над печатью, отнес Советский Союз к группе с самой высокой степенью контроля. Подобное тенденциозное определение показывает, что буржуазные идеологи не пытаются никаких иллюзий на бесконтрольный ввоз в нашу страну такой своей продукции, как книги, газеты, фильмы, сценарии. Поэтому они пытаются особенно активно использовать радио, спекулируя на интересе молодежи к получению разносторонней информации. Так, Би-би-си ставит своей задачей передачу таких известий, которые советские люди могут получить только от зарубежного радио. Еще более откровенно определяется цель американской радиопропаганды: «изменить отношение между русским народом и его государством»¹.

Антикоммунистические теоретики массовых коммуникаций считают радио наиболее массовой формой пропаганды на советскую молодежь. Например, потенциальная (?!) советская аудитория «Голоса Америки» оценивается его руководителями в 57 миллионов человек. Буржуазная печать говорит о желательности распространения передач западных радиостанций от столицы до провинции². При этом подчеркивается, что наиболее активными слушателями могут быть молодые люди, но это тоже называется в качестве потенциальных возможностей, а в настоящее время руководство радиостанции жалуется на отсутствие подобной аудитории.

Радио объявляется буржуазными теоретиками средств массовых коммуникаций наиболее молодежной формой пропаганды, соответствующей жизненному тону отчужденного подрастающего поколения. Молодежи некогда читать газеты, утверждает «Голос Америки», тем более, что они мало изменились по сравнению с прошлыми временами. Молодежь наших дней включает радио, «чтобы узнать, что нового в мире». Буржуазная пропаганда пыталась сыграть даже на подчеркивании «юношеских качеств» руководителя «Голоса Америки» Джона Чанселлора.

Есть еще один акцент, который, по мнению буржуазных теоретиков и практиков массовых коммуникаций, делает радио наиболее эффективной формой пропаганды на юношескую аудиторию. Ссылаясь на исследования западных социологов, «Голос Америки» утверждает, что если вся молодежь любит радио, то молодежь из бедных слоев любит его особенно, что связывается с ее потребностью искать выход для накопившегося раздражения. Поэтому буржуаз-

¹ «Look», XI. 1967.

² «Christien Science Monitor», 27. I. 1970.

ные теоретики и практики пропаганды делают вывод об особой актуальности радиопередач на советскую молодежь, которая еще не живет в обществе «изобилия» (под которым понимаются США), и, следовательно, имеет возможность снимать напряжение путем общения к информации о жизни молодежи в разных странах. Так, в беседе с группой молодых советских журналистов известный американский публицист Дрю Пирсон высказал надежду, что в связи с широким развитием производства транзисторов, которые сосредотачиваются преимущественно в руках молодежи, обмен информацией между подрастающими поколениями СССР и США станет более свободным и действенным.

Обращение буржуазных идеологов к радио как к особому средству пропаганды теории юношеского изоляционизма связано с уже рассмотренной спецификой положения этой теории в системе антикоммунистической пропаганды и возможностью радио отражать эту специфику.

Во-первых, на зарубежном радио, возможно, даже более, чем на буржуазной пропаганде в целом, сказалась новая тактика отхода от открытого антисоветизма, что связано со стремлением прикрыть антикоммунистическую направленность буржуазной идеологии с помощью юношеского изоляционизма. Еще в 1965 году выступающая от имени антисоветского «Народно-трудового Союза» радиостанция «Свободная Россия» призывала молодежь к бойкоту выборов в Советы депутатов трудящихся, провоцировала студентов на борьбу «за свободу», передавала инструкции об установлении «двусторонней связи по радио с ревштабом НТС». Теперь даже наиболее махровые антисоветские радиостанции, боясь уронить свой «престиж» в глазах советской молодежи, стремятся избегать явно провокационных заявлений, сосредоточивая свое внимание на пропаганде юношеского изоляционизма.

Однако изменение тона передач на советскую молодежь совершенно не означает какого-либо притупления антикоммунистической сущности буржуазной радиопропаганды. Новые формы передач только означают новые формы идеологической диверсии. В том, что это целенаправленные диверсии, убеждает, в частности, тесная связь радиостанций с разведывательными органами.

Радиостанция «Свободная Европа» в своих передачах неоднократно хвастливо указывала на свои разносторонние связи с юношеской аудиторией. Однако, как сообщила французская «Монд», в свои передачи «Свободная Европа» вставляет шпионские объявления, оплачиваемые ЦРУ США¹.

Использование вещания на юношескую аудиторию в шпионских целях отличает не только такие махровые антикоммунистические радиостанции, как «Свободная Европа» или «Свобода». Кичащаяся своей «респектабельностью» Би-би-си также использует контакты с юношеской аудиторией для информации разведывательной службы «Сикрет интеллидженс сервис». Комментаторы по молодежным

¹ «Le Monde», 15. III. 1967.

проблемам Восточно-Европейского отдела Би-би-си постоянно заявляют о «непредвзятости» информации на советскую юношескую аудиторию. Однако фактически на этот отдел органами разведки возлагается особая задача по поддержанию постоянных контактов с секретными службами Англии по организации и проведению разведывательных операций.

Во-вторых, особое положение радио объясняется его способностью специализироваться на передаче «мягких» новостей. Поскольку юношеский изоляционизм является в значительной мере отражением стремления буржуазной идеологии прикрыть пропаганду антикоммунизма рассуждениями о вечных человеческих проблемах, постольку в передачах на молодежь особое место занимает «мягкая» информация. Джон Чанселлор, с чьим именем связывается появление юношеской струи в передачах «Голоса Америки», ввел так называемую «доску объявлений» — короткие сообщения диктора о передачах, которые следуют непосредственно за объявлением. Молодежные «попурри» Чанселлора складывались из новостей, комментариев, музыки, дискуссий — и каждый материал занимал не более 5—10 минут.

Ориентацию зарубежных радиостанций на «мягкую» информацию для советской молодежи можно видеть на примере «Программы для полуночников». Сорокаминутная ежедневная «Программа для полуночников» была впервые включена в вещание «Голоса Америки» 3 мая 1966 года и с первого же дня имела адресом совершенно определенную аудиторию. «Дорогие радиослушатели! — начал в тот день диктор новую программу. — Бывает ли так, что вам вдруг не спится или вы просто засиделись за книгами? «Голос Америки» специально для вас передает... «Программу для полуночников». Она посвящена краткому обзору новостей, музыкальным новинкам, комментариям и сообщениям наших корреспондентов и может быть особенно интересной для молодой советской интеллигенции».

В соответствии с «мягкой» направленностью программы более половины ее отведено джазовой музыке и эстрадным выступлениям западных артистов, интервью с деятелями искусств США. Как правило, здесь присутствуют сообщения из жизни американского студенчества, спортивные репортажи, радиоочерки о развитии туризма в США, занимательная и развлекательная информация. Однако неизменным составным элементом передачи является в то же время и политический комментарий по поводу текущих событий в мире, а также дважды повторяемая краткая сводка новостей дня.

В-третьих, особое положение радио в пропаганде теории юношеского изоляционизма связывается со спецификой усвоения информации отчужденной молодежью, для которой обращение к зарубежным радиопередачам якобы является в значительной мере способом выражения изоляционизма. Именно молодых людей, а не взрослых, как утверждали директор ЮСИА Л. Маркс и директор

«Голоса Америки» Д. Чанселлор, отличает стремление создавать своего рода радиоклубы¹.

С помощью радио буржуазные идеологи рассчитывают надуманный ими «конфликт поколений» в сфере социально-политической и экономической жизни дополнить конфликтом в области отношения к информации, а мнимое отчуждение молодежи от советского общества связать с отчуждением от советских средств массовых коммуникаций.

Исходя из противопоставления «социальной мобильности» молодежи и «консерватизма» старших, буржуазные идеологи подчеркивают соответствие духу подрастающего поколения высокого темпа, активности зарубежного радио. Став директором «Голоса Америки», Чанселлор прежде всего потребовал, чтобы радиостанция отошла от своей тяжеловесности и обратилась к «стремительности и ритму данного момента». В век динамизма, заявил он, радио должно отражать «дух своего времени, его темп... Я хотел бы, чтобы мы были чуть динамичней»². На «феерический стиль», энергичность, экспрессивный «молодежный» язык указывают руководители «Голоса Америки» как на средство завоевания молодежной аудитории.

Изоляционистское противопоставление поколений с помощью акцента на рационализм старших и эмоциональность молодежи также облегчается, считают буржуазные теоретики средств массовых коммуникаций, в связи со спецификой радио. В качестве средства информации, обладающего высокой эффективностью эмоционального воздействия, радио самим своим характером будет культивировать иррационализм молодежи в противовес рационализму старших. Учитывая важность форм эмоционального влияния на молодежь, сменивший Чанселлора на посту директора «Голоса Америки» Джон Дейли требовал всемерно вводить в передачу элемент «воображения». Журнал «Тайм» даже рекомендовал использовать музыкальные передачи «Голоса Америки» для танцев эмоционально настроенных выпускников московских школ на Красной площади³.

Противопоставление в изоляционистском плане образовательного и культурного уровня поколений, полагают антикоммунистические идеологи, весьма эффективно можно проводить именно с помощью радио, которое в век специализации и «фрагментарности мышления» стало одним из наиболее удобных для молодежи поставщиков сжатой до необходимого объема и весьма утилизованной информации. Поэтому западные радиостанции все больше передают информации из мира науки и техники, увеличено время для уроков английского и французского языков. Показательно, что как раз «стремление расширять свои знания об остальном мире, столь характерное для обширной части современной молодежи», руководители пропагандистского аппарата США записывают в свой актив.

¹ «United States News and World Report», 20. II. 1967.

² «Look», XI. 1967.

³ «Time», 9. XII. 1966.

Причем особенно настойчиво антикоммунистические теоретики и практики радио пытаются использовать желание молодежи к осмыслению глубоких философских проблем нашего времени в «современном аспекте». Так, в своем молодежном «Почтовом ящике» Би-би-си поместило письмо радиослушателей с предложением начать серию передач «Мыслители XX столетия», ибо якобы, оторвавшись от западной мысли и культуры, русские люди все более начинают интересоваться философией, а «священная обязанность западных станций, и в первую очередь Би-би-си, — без ложной скромности заявила радиостанция, — заполнить этот пробел».

Можно видеть, что цели буржуазного радио при отходе от лобового антисоветизма и обращении к «мягкой» информации в рамках теории юношеского изоляционизма не меняются, так же как не меняется и их содержание: антикоммунизм и антисоветизм. Как форма, так и средство коммуникации служат в данном случае для маскировки подлинных целей буржуазных идеологов. Однако социальное содержание коммуникации неизбежно приходит в противоречие с ценностными установками аудитории, и в этом случае любые, самые изощренные комбинации формы и средства информации теряют эффективность.

Подобный процесс можно наблюдать на примере ориентации буржуазного радио на некоторые черты отчужденной молодежи, выводимые теоретиками юношеского изоляционизма. Стремясь использовать мнимые противоречия между «социальной мобильностью» молодежи и «консерватизмом» старших, эмоциональностью подрастающего и рационализмом старшего поколения и т. п., буржуазные идеологи заведомо исходят из ложных посылок и тем самым делают невозможным восприятие их информации, противоречащей советской действительности.

* * *

Пытаясь изолировать молодежь от советской действительности, ибо лишь в этом случае, как полагают буржуазные идеологи, станет возможным оказание на нее определенного влияния, они делают ставку на создание общности молодых людей, изолированной от советских общественных институтов. В буржуазной печати нередко появляются призывы к молодым людям слушать западные радиостанции. При этом Л. Грулио в «Крисчен сайенс монитор» и А. Макеллар в «Реалите» отмечают, что молодежь может специально уединяться от старших и собираться вместе, чтобы послушать зарубежные передачи¹.

На что же рассчитывают буржуазные идеологи в своих попытках культивировать с помощью радио юношеский изоляционизм?

Прежде всего, они придают весьма большое значение установлению «обратной связи» с юношеской аудиторией. Различные кон-

¹ «Christien Science Monitor», 6. VI. 1967; «Réalité», I, 1967.

курсы и викторины, передачи по заявкам, ответы на вопросы радиослушателей — все это преследует цель вызвать поток писем в редакции радиостанции, установить двусторонний контакт с молодыми людьми.

Сами радиостанции всячески стремятся подчеркнуть, что пишут им именно молодые люди. Например, в один и тот же день — 20 февраля 1968 г. — Би-би-си и «Немецкая волна» выпустили в эфир «Почтовый ящик» — и в обеих передачах цитировались мнимые «письма» молодых людей этим радиостанциям.

Даже отдельные письма, утверждают радиостанции, будут использованы ими для оценки своей потенциальной юношеской аудитории и выработки собственной тактики. Так руководители «Голоса Америки» заявляют, что каждое письмо тщательно анализируется и изучается. Радио Канады сочло нужным сообщить, что оно будет очень дорожить письмами от слушателей в Советском Союзе, ибо в этих письмах надеется найти вопросы, которые впоследствии станут темами передач. Би-би-си имеет целью не только анализировать «приходящую из Советского Союза почту», но и составлять на ее основе информацию для разведывательной службы.

Однако, к глубокому сожалению радиоспионов, им, как правило, приходится довольствоваться непроверенными слухами, некоторыми субъективными впечатлениями отдельных зарубежных туристов и т. п.

Теоретики и практики буржуазных массовых коммуникаций умышленно преувеличивают влияние зарубежного радио на советскую молодежь. Приводимые выше данные о высокой идейной убежденности подрастающего поколения, общественной активности, самоотверженном труде в строительстве коммунизма, глубочайшей преданности делу отцов свидетельствуют о провале антикоммунистической пропаганды на советскую юношескую аудиторию.

Практика антикоммунистических средств массовых коммуникаций последних лет, исследования западных социологов, наконец, быстрая трансформация тона зарубежного радио во время острых международных ситуаций — все это дает некоторые основания для перспективной оценки деятельности радиостанций.

Поскольку в политике и идеологии империализм по-прежнему делает ставку на «разрыхление» советского строя, постольку пропаганда юношеского изоляционизма остается как отражение «мягкого» направления антисоветизма.

Однако нельзя полагать, что буржуазная пропаганда будет все время использовать по преимуществу «мягкие» формы и не попытается применить «жестких», открыто антикоммунистических и антисоветских, в массовом масштабе. Соотношение «мягких» и «жестких» форм зависит от двух факторов. Первый фактор — международная обстановка, внутреннее положение социалистических стран, соотношение сил между социализмом и капитализмом. Второй — степень «установки аудитории», что субъективно определяется буржуазными идеологами.

Как может переходить буржуазная пропаганда от «мягких» форм к «жестким», показали события в Чехословакии, когда обострение классовой борьбы незамедлительно вызвало волну самого отъявленного антикоммунизма, в том числе и на коротких волнах.

С провокационными антикоммунистическими призывами к молодежи немедленно обратились «Голос Америки», Би-би-си, «Немецкая волна», «Свободная Европа», «Свобода», «Свободный Берлин», американские передатчики службы РИАС в Западном Берлине. Перед августовскими событиями в Чехословакию было заброшено 22 подпольных радиопередатчика западногерманского производства, избравших своей мишенью молодое поколение¹.

К молодежи передавали призывы от имени «соотечественников» радиостанции, якобы действовавшие на территории Чехословакии. Однако, как признал журнал «Штерн», эти радиостанции вещали с территории ФРГ. «После вступления братских красных армий,— писал журнал,— на частотах чешских волн работало 12 или больше радиопередатчиков, из которых, как это ни поразительно, более 10 прослушивались на территории Федеративной Республики и лишь немногие могли быть прослушаны в Австрии. Среди них были радиостанции с названиями городов, например Пльзень или Будвейс, «Свободное радио Чехословакии», «Свободное радио Северной Богемии» и «Радио № 7»².

Таким образом, изменение политической конъюнктуры вызывает изменение тактики и тона зарубежного радио.

В связи с этим не может не обратить на себя внимание тот факт, что буржуазная пропаганда и радиопропаганда в последнее время особенно настойчиво нагнетают настроения юношеского изоляционизма в связи с какой-то «критической фазой конфликта поколений» и вытекающими отсюда последствиями.

Подобная «установка» преследует цель постепенно приучить широкую юношескую аудиторию к открытой антисоветчине. Характерно, что в закамуфлированные под «выдержанные» радиопередачи постоянно запускаются пробные антисоветские шары. Эти попытки облекаются в форму требований «гражданско-правовой революции», наступление которой связывается с надеждами на появление «самостоятельности» в поведении молодого поколения.

В качестве ближайших лозунгов «правовой революции» начинают предлагаться составные части буржуазной демократии. Прежде всего, это свобода слова и печати, под которыми понимается свобода контрреволюционной пропаганды. Так, «Голос Америки» устами молодого человека, «осознавшего» гражданские обязанности, советует всему подрастающему поколению открыто выражать свои мысли. При этом «Голос Америки» как будто не знает, что в СССР на деле существуют свобода слова и печати. Но это не та свобода, которую хотели бы видеть буржуазные идеологи. Показа-

¹ См.: Беглов С. Монополии слова. М., «Мысль», 1969, стр. 307—308.

² «Stern», 8. IX. 1968.

тельно, что «советы о свободе» молодым людям дает рекламируемый радиостанцией антисоветчик.

Как перспективный лозунг «правовой революции» буржуазная пропаганда выдвигает также требование свободы демонстраций, которые должны носить антисоветский характер. Тот же «Голос Америки» провокационно подталкивает молодых людей к устройству демонстрации и «смелому ответу на угрозы» (?!).

Ниже будут подробно рассмотрены основные приемы буржуазной фальсификации, рассчитанные на молодежь. Здесь же можно лишь заметить, что, ориентируя на требование того, что давно есть реально — уважение к Конституции, свободе слова, печати, совести и т. д., — буржуазная пропаганда стремится самим советским институтам придать антисоветское содержание.

Следует подчеркнуть, что в перспективном плане антикоммунистическая пропаганда намеревается использовать соответственно и наиболее перспективные, с ее точки зрения, социальные слои. Например, Би-би-си в будущем возлагает большие надежды на молодую техническую интеллигенцию и студенчество, ибо эти «круги жизненно необходимы для страны».

В соответствии с бытующей на Западе концепцией «единого индустриального общества» развитие науки и техники все более приобретает международный характер, становится интернациональным, стирая национальные и государственные границы. Техническая интеллигенция в СССР, как рассчитывают буржуазные пропагандисты, в отличие от старшего поколения все активнее будет интересоваться научными зарубежными достижениями, будет усваивать уровень технического мышления Запада, а вместе с ним и капиталистический образ жизни.

Поэтому от действий технической интеллигенции в значительной мере ожидается наступление идеологического Ренессанса и связанное с этим изменение тактики буржуазной пропаганды. Роберт Фоссар утверждает, что когда страна выпускает ежегодно сотни тысяч инженерно-технического персонала и людей с высшим образованием, она не может надеяться сохранить надолго область свободной и плодотворной дискуссии — область естественных наук и одновременно якобы запретную область, предназначенную для посвященных, — область социальных наук. В истории, говорит он, имелось уже несколько эпох Ренессанса, но никогда они не носили массового характера, подобного тому, что подготавливается в СССР¹.

У буржуазных пропагандистов проявляется в данном случае тот же порок, что и у буржуазных социологов. Если социологи (например, Р. Арон) делают вывод о сближении советской и американской общественных систем на основе некоторых сходных черт научно-технической революции, то пропагандисты делают ставку на молодую научно-техническую интеллигенцию в связи с «унификацией технического мышления», забывая, что мировоззрение определяется не способом решения технических задач, а социальным бытием, жиз-

¹ См.: F o s s a r t R. L'avenir du Capitalisme. Paris, 1961.

нию в определенном обществе. Поэтому, естественно, мировоззрение молодой технической интеллигенции в СССР составляет марксизм-ленинизм, а не теоретические выкладки буржуазной пропаганды.

Одновременно буржуазная пропаганда ведет поиск и других «изоляционистских» слоев, ищет платформу для их будущей консолидации на случай «жесткой» тактики. Однако во всех случаях она определяет эти слои не в связи с существом их общественного положения, а исходя из мифологических изоляционистских настроений.

Следует также отметить трансформацию буржуазного радио в попытках консолидации сконструированных в социологических лабораториях «изоляционистских групп» на антисоветской основе. Еще в начале 50-х годов оно оперировало военным могуществом империализма, шантажом и угрозой. Позднее стали делаться ссылки на заявления правительств, различных региональных организаций ООН. Теперь же зарубежное радио все чаще подкрепляет свои позиции ссылками на якобы «аналогичную» позицию зарубежных коммунистических партий и других прогрессивных организаций. Так, «Голос Америки», оперируя мифическими преследованиями молодежи, утверждает, что если это станет известно на Западе, то вызовет протесты зарубежных коммунистов. А Би-би-си заявляет, что «протесты молодежи пользуются международной поддержкой даже в коммунистических кругах других стран».

Характерно, что к этим кругам буржуазная пропаганда относит пекинское руководство, используя материалы китайской печати и радио о взаимоотношениях революционной молодежи и лиц старшего поколения, идущих «по капиталистическому пути».

Подобные приемы рассчитаны на то, чтобы ввести в заблуждение молодых людей. Такие приемы должны помочь нивелировать в психологии противоречие между коммунистической идеологией как следствием коммунистического воспитания и антисоветскими акциями как следствием враждебной нашей стране пропаганды.

Призывы к консолидации на почве юношеского изоляционизма связаны с попытками создания изоляционистской юношеской организации. В стратегии по пропаганде юношеского изоляционизма естественно заметно то, что Чайлдз называет стратегией организации. Естественно, антикоммунисты не могут не видеть, как далеки их планы от действительности. Поэтому они вынуждены довольствоваться попытками создания «неоформленной организации» через проведение викторин и диспутов, создание любительских клубов и т. п. Например, «Голос Америки» пригласил музыкальные коллективы СССР вступать в общество «Друзья музыки США», а Леонард Маркс объявил, что лишь за 60 дней у радиостанции появилось 1200 клубов любителей джаза, глубокомысленно намекнув, что ему хотелось бы больше видеть таких клубов в Восточной Европе, в том числе и в Советском Союзе. Одновременно Би-би-си стала обещать победителям ее викторин выезд из Советского Союза в Англию для вручения призов.

В целом поиски и эксперименты буржуазной радиопропаганды имеют целью установить такое соотношение между формой и средством информации, которое бы позволяло наиболее полно выражать изоляционистские настроения и ориентироваться на изоляционистскую психологию потенциального субъекта. Юношеский изоляционизм является не только основным направлением буржуазной пропаганды на советскую молодежь, но и своеобразным пропагандистским комплексом, симбиозом формы и средства на основе теоретических изысканий социологов и практиков информации, предусматривающим применение как «мягкой», так и «жесткой» тактики.

Но ни та, ни другая тактика не приближают теоретиков и практиков буржуазной пропаганды к реализации их планов по созданию изолированной общности молодых людей. В Советском Союзе сложилась новая историческая общность людей — советский народ, куда входит и молодежь. Ее происхождение, бытие, социальные функции, интересы неразрывно связаны с советской действительностью, и потому попытки изолировать ее от советской действительности абсолютно несостоятельны.

Буржуазные идеологи совершенно искусственно связывают составные части теории юношеского изоляционизма с концепциями теоретиков информации. Эта связь основана не на сходстве подхода к реальному отображению действительности, а на ее искажении.

Наконец, расчеты идеологов антикоммунизма строятся не на знании положения молодого поколения в советских условиях, а на основе механического применения к советской аудитории шаблонов буржуазной социологии и теории информации.

* *
*

В буржуазной социологии утвердилась классификация информации, разработанная Фредом Сиббертом, Теодором Питерсоном и Уилбуром Шраммом. Согласно этой классификации есть четыре теории информации: авторитарная, свободной воли, социальной ответственности и коммунистическая¹.

Субъективизм и методологическая порочность подобной классификации подробно рассмотрены советскими учеными и вряд ли требуют дополнительного анализа². Нас в данном случае интересует лишь место пропаганды юношеского изоляционизма в буржуазной теории информации.

Сама постановка вопроса буржуазными социологами о «молодежном обществе» и ответственности подрастающего поколения за

¹ Silbert F. S., Peterson T., Schamm W. Four theories of the press. University of Illinois press. Urbana, 1956.

² См.: Засурский Я. Н. Основные направления в развитии современных буржуазных теорий журналистики. Сб. «Современные буржуазные теории журналистики». МГУ, 1967.

формирование этого общества предопределяет отношение пропаганды юношеского изоляционизма к теории социальной ответственности.

Из разнородных буржуазных социологических источников, характеризующих «ответственность» подрастающего поколения, можно назвать наиболее часто повторяющиеся следующие тезисы: ответственность перед будущим, ответственность за отбор духовных ценностей для будущего, ответственность за правильное понимание современного сложного мира, ответственность за выработку динамичного социального начала.

Рассмотрим, как преломляются эти тезисы в буржуазной пропаганде юношеского изоляционизма.

Ответственность молодежи перед будущим можно рассматривать как в плане конкретного участия подрастающего поколения в созидании будущего, так и в плане формирования высоких духовных качеств. Однако буржуазная пропаганда культивирует деятельность и качества иного рода. Она всячески дискредитирует участие молодежи в созидательном труде на благо общества, без которого не может быть создано какое-либо прогрессивное, развивающееся общество. Она рекламирует индивидуализм, корыстолюбие, тщеславие — качества, которые в понимании советского человека связаны не с будущим, а с прошлым.

Ответственность за так называемый отбор духовных ценностей для будущего немыслима вне связи с усвоением молодежью социального опыта предыдущих поколений, с овладением уже созданными культурными ценностями. Между тем буржуазная пропаганда специализируется на разжигании «конфликта поколений», отвергая социальный опыт старших и созданные ими культурные ценности. Провозглашаемый антикоммунистическими пропагандистами тезис о создании подрастающим поколением своей собственной «юношеской культуры», как уже говорилось, несостоятелен с научной точки зрения, а с идеологической и политической точки зрения — реакционен, ибо практически направлен на замедление социального созревания молодежи, провоцирует социальные срывы подрастающего поколения.

Ответственность за правильное понимание современного сложного мира прямо связана с функцией распространения знаний, которую несут средства информации. Но эту функцию полностью отвергают буржуазные теоретики и практики средств массовых коммуникаций. Если советские средства массовых коммуникаций берут на себя миссию содействия обучению молодежи, то это якобы потому, что на них, как и на советском обществе в целом, отражаются... пережитки родового строя.

Так, Шрамм говорит о трех функциях информации при родовом строе: наблюдение специально выделенными вождями племени людьми за действиями врага с целью предупредить об опасности, политическое руководство племенем и передача молодежи накопленных знаний, обычаев и навыков.

В настоящее время, по мнению Шрамма, первую функцию исполняют средства информации, вторую — политические партии и правительство, а третью — школы и институты¹.

Такая классификация действительно соответствует сложившемуся положению в буржуазных средствах массовых коммуникаций, но лишь с той оговоркой, что они практически препятствуют распространению знаний.

За последние годы Би-би-си, твердящая при случае о необходимости «социальной заботы» в отношении молодежи, в три раза увеличила время на показ для юношеской и детской аудитории фильмов о насилии, преступлениях и т. п.

Американский журналист Д. Эллисон приводит типичную недельную программу работы буржуазного телевидения, с помощью которой у молодежи формируется свой особый «внутренний мир».

Воскресенье — три убийства на экране, два боевика с драками и поножовщиной, фильм о юном бандите, рассказ о мошеннике, военная драма и фильм ужасов.

Понедельник — две военные драмы, два сюжета с убийствами, три боевика с выстрелами и драками; под вечер еще две передачи ужасов, две военных ленты, два боевика, четыре истории о мошенниках и шесть убийств.

Вторник, среда, четверг и пятница — в среднем на день четыре убийства, три истории о мошенниках, одна или две передачи о головорезах и ковбоях.

И, наконец, суббота — пять боевиков, столько же историй о мошенниках, два фильма ужасов и драма о бандитах.

«Школьники, — подытоживает Эллисон, — проводят у телевизоров от 10 до 70 часов в неделю, устремленные в экран, который им представляет окно в большой мир»².

И если это называется социальной ответственностью за правильное понимание молодежью современного сложного мира, то теряет всякий смысл серьезный разбор аргументов теории социальной ответственности информации в отношении подрастающего поколения.

Этот пример взят умышленно из сферы действия буржуазных средств массовых коммуникаций на внутреннюю аудиторию, где они беззастенчиво навязывают молодежи психологию обывателя. Дело обстоит сложнее, когда антикоммунистические пропагандисты обращаются к советской аудитории: здесь им приходится считаться с психологией, нравственными ценностями нашей молодежи, и потому проводить свою антиинтеллектуальную программу в завуалированных формах. Но существо пропаганды от этого не меняется — она препятствует пониманию молодежью сущности современного мира и происходящих в нем социальных процессов.

¹ Schramm W. Mass media and national development. Paris — Stanford; 1964, pp. 38—39.

² «The Nation», 21. XII. 1964.

Наконец, об ответственности за выработку динамичного социального начала — при всей расплывчатости этой формулы о ней нельзя говорить без учета социального положения молодежи, т. е. ее конкретной принадлежности к определенному классу, связи с определенным обществом и т. д. Всего этого не касается буржуазная пропаганда.

Таким образом, ни о какой социальной ответственности буржуазной информации в рамках теории юношеского изоляционизма говорить нельзя. Наоборот, это безответственное отношение средств массовых коммуникаций к судьбам подрастающего поколения, диктуемое интересами господствующего класса.

Попытки буржуазных социологов искусственно приспособить к юношеской аудитории различные концепции информации отражают стремление антикоммунизма теоретически обосновать формы и средства дезинформации. Но и сами эти концепции в свою очередь являются дезинформацией.

Подобная взаимосвязь необъективности в теории и пропаганде вызвана шаткостью идейных позиций в отношении молодежи. В. И. Ленин неоднократно указывал, что когда идейное влияние буржуазии ослабевает, она *«везде и всегда прибегала и будет прибегать к самой отчаянной лжи и клевете»*¹. Эта ложь и клевета оказалась для буржуазии насущной потребностью сегодня, когда она безуспешно пытается вести борьбу за умы и сердца молодых людей.

Глава 2

Изоляционистские стереотипы

Стереотипизация в антикоммунистической пропаганде на молодежь опирается на изоляционистскую концепцию отчуждения подрастающего поколения от старших. Французский социолог и публицист Жан Даниэль говорит, что, составляя свой собственный общественный класс, молодежь создает и свой стереотипизированный язык².

Широкую известность на Западе получили исследования директора отделения подготовки учителей старших классов в политехническом институте штата Луизиана Б. Табарлета по определению эффективности восприятия стереотипов молодежью. Для исследования была отобрана группа из 262 студентов и выпускников колледжа, большинство из которых только что закончили шестинедельный курс «Американизм и коммунизм».

Всем предложили познакомиться с небольшим отрывком о значении индивидуализма для развития личности. Причем одной половине студентов сказали, что цитата взята из речи Уинстона Черчилля, а другой половине — у Чедди Джагана. На самом деле этот отрывок был взят из книги Генри Ристона «Необходимость быть свободным».

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 352.

² «Nouvelle Observateur», 13. III. 1968.

Табарлет сделал вывод, что молодые люди судили о написанном, исходя из сложившегося мнения об авторе, а не на основании изложенных им взглядов, что юноши и девушки более остро реагировали на слова «коммунист», «марксист» и «социалист», чем на идеи, выраженные этими понятиями. Не может не вызвать беспокойства, писал Табарлет, что «молодые люди стремились отвергнуть демократическую идею, когда им сообщили, что данной точки зрения придерживался марксист»¹.

Подобные исследования, по мнению буржуазных социологов, подтверждают, что пропаганда, особенно пропаганда антикоммунистическая, воздействует на молодежь преимущественно посредством стереотипов. Поэтому из этих исследований вытекают и формы стереотипизации в пропаганде на молодежь.

Во-первых, буржуазная пропаганда пытается создать стереотип всеобщей юношеской изоляционистской солидарности, ибо стереотипное мышление молодежи якобы всегда отталкивается от «статуса». Так, Би-би-си использовала с этой целью кампанию западно-германской печати по обвинению де Голля в «подрыве германо-французской дружбы» и привела слова о том, что «дружба между молодыми поколениями Франции и Германии является уже достаточно европейской для того, чтобы выдержать любые угрозы». Впоследствии «дружба молодых поколений Европы» стала постоянным стереотипом радиостанции.

Во-вторых, буржуазная пропаганда стремится создать стереотип, который характеризовал бы молодежь как новую социальную силу, антагонистическую коммунистической идеологии и старшему поколению. Причем для создания такого стереотипа нередко используется советская политическая терминология.

Видимо, понимая слабость своих позиций, пропагандисты ищут «научно обоснованной» поддержки в буржуазных социологических теориях.

Пропагандистский стереотип нового класса обюрокраченной молодежи, по существу, опирается на теорию конвергенции и теорию стадий экономического роста У. Ростоу². Чем ближе станет подходить Советский Союз к стадии «массового потребления», тем более массовым будет тяготение советских молодых людей к комфорту, тем больше они станут обращаться к индивидуализму, тем активнее начнется отход от марксистско-ленинской идеологии. «По мере того, как революция будет стареть, а уровень жизни повышаться, — пишет Раймон Арон, — советский режим должен будет больше прислушиваться к желаниям потребителей, придавать больше значения экономическим подсчетам в отношении капиталовложений, предоставлять больше свободы индивидууму»³.

¹ Tabarlet B. Labels, Logic and Communist «School and Society», V. 1963, pp. 224—225.

² См.: Rostow W. The stages of economic growth. A noncommunist manifesto. Cambridge, 1960.

³ Aron R. Theorie de développement et problèmes idéologiques de notre temps. «Preuves», avril, 1963.

Построенные на основе этих теорий стереотипы столь же далеки от какой-либо научности, как и сами эти теории. Если буржуазные социологи стремятся обосновать неизбежность перерождения социализма, то пропагандисты желают внушить молодежи мысль, что именно она будет ведущей силой в этом процессе.

Однако стереотипизация молодежи как особой социальной силы далеко не всегда носит в буржуазной пропаганде открыто антисоветский характер. Оставаясь, по существу, антикоммунистической, она прикрывается стереотипами некой особой революционной мобильности подрастающего поколения.

Характерно, что реакционный американский социолог и публицист Леонгард Гросс заявляет, что стереотипы советской молодежи носят более прогрессивный характер по сравнению со стереотипами старших. А это объясняется тем, что подрастающее поколение не испытало воздействия стереотипов времен коллективизации, индустриализации и войны. «Молодежи,— заключает Гросс,— не приходится воспринимать то, что приходилось воспринимать ее родителям. У нее нет необходимости заниматься идеологическим самодальбливанием»¹.

На самом деле деятельность старших поколений в течение полувека оказала и оказывает определяющее влияние на мировоззрение молодежи. За эти годы была создана развитая материальная база, с которой сегодня связана жизнь подрастающего поколения, формировались духовные ценности советского общества, которые ныне являются естественными и привычными для молодежи. Именно поэтому буржуазным пропагандистам и хотелось бы разобщить поколения. Не случайно подобная установка на сегрегацию идеологических стереотипов поколений находит свое практическое воплощение в стремлении зарубежного радио оградить «автономность» внутреннего мира молодежи, ибо, как заявляет «Голос Америки», «самая большая проблема советской молодежи — это невозможность уединиться».

В связи с этим можно заметить, что преемственность поколений — это не просто адаптация юношей и девушек к существующим социальным условиям.

Представляется, что прав венгерский специалист по молодежным проблемам доктор Й. Гомбар, утверждая, что простая адаптация не гарантирует использование всех способностей молодого поколения². Молодой человек — и в этом залог общественного прогресса — должен достигнуть не только уровня старшего поколения, но и чего-то большего. Рост продолжительности обучения и повышение его уровня, современные формы политической деятельности молодежи, широкая информированность как раз и показывают, что в определенных областях происходит не простая адаптация, а даль-

¹ «Look», X, 1966.

² См.: Гомбар Й. Проблемы молодежи и некоторые вопросы их изучения общественными науками. Стенограмма международного симпозиума молодых ученых социалистических стран «Влияние идей Октября в развитии стран мировой социалистической системы». Секция «Социализм и молодежь». М., 1967, стр. 60—62.

нейший прогресс. Молодой человек должен подняться не столько до уровня взрослых, сколько до уровня потребностей своей эпохи. Поэтому правильнее было бы говорить не об адаптации, а о социализации молодежи, но такой социализации, которая не имеет ничего общего с буржуазным юношеским изоляционизмом.

Социализацию, разумеется, нельзя сводить к стереотипу унификации и утраты каких-то психических качеств. Социализация предполагает, прежде всего, усвоение и развитие духовных ценностей. Этот процесс особенно ускоренно идет в наши дни, когда массовые средства информации охватывают все общество, в том числе и молодежь. Таким образом, молодежь включается не только в свой собственный мир, но и мир всего общества.

С другой стороны, печатные органы, радио и телевизионные программы в некотором отношении стараются приспособливаться к проблематике молодежи, ее пониманию жизни, ее вкусу. Это способствует проникновению норм, привычек, взглядов молодого поколения в среду людей более старшего возраста.

* *
*

Эффективность стереотипизации буржуазные социологи связывают с наличием у объекта пропаганды предварительных представлений о содержании данной коммуникации, степенью его готовности к восприятию направленной на него определенной информации. Это качество объекта пропаганды получило название предиспозиции. Чем сильнее предиспозиция человека по данному вопросу, считают американские социологи Д. Кокс, И. Джанис и П. Лазерсфельд, тем сложнее для коммуникации изменить мнение. При сильной положительной предиспозиции к содержанию коммуникации последняя может рационализировать и усилить мнение. «Сильная положительная предиспозиция увеличивает интерес к проблеме, затрагиваемой коммуникацией, ускоряет процесс выработки решений, выработывает противодействие к коммуникации с содержанием противоположного характера»¹.

И, наоборот, отрицательная предиспозиция, как утверждают буржуазные теоретики пропаганды Е. Купер и М. Джахода, приводит к тому, что человек не воспринимает содержание коммуникации или неверно его интерпретирует. В итоге буржуазные социологи приходят к выводу: «чем менее информирована личность по какому-либо вопросу, тем более она подвержена влиянию коммуникации»².

Подобное заключение имеет важное значение для практики буржуазной пропаганды на советскую молодежь и разработки темы юношеского изоляционизма. Старшее поколение считается в доволь-

¹ Cox D., Janis I., Lazarsfeld P. Communication and Persuasion. New Haven, 1953; «The Impact of Health News on Attitudes and Behavior» in *Journalism Quarterly*, vol. 33, 1956.

² Cooper E., Jahoda M. The Evasion of Propaganda: How prejudiced people respond to anti-prejudice propaganda, *Journ. of Psych.* 1947, N 23.

но большой степени иммунизированным к воздействию антикоммунистической идеологии, а его predisпозиция к буржуазной пропаганде — в основном негативной. Зато predisпозиция молодежи, которая объявляется более информированной, рассматривается как менее негативная или во всяком случае нейтральная. Укреплять эту predisпозицию рекомендуется осторожно. Ибо считается, что слишком большая активность массовых коммуникаций по созданию нужной predisпозиции, злоупотребление политическими терминами могут вызвать обратную реакцию и привести к эрозии положительной predisпозиции.

Буржуазным социологам очень хочется поставить знак тождества между положительной predisпозицией молодого поколения к антикоммунистической пропаганде и его отрицательной predisпозицией к старшим. Причем именно старшие, как пытаются утверждать буржуазные идеологи, формируют у молодежи подобную predisпозицию. Именно старики, пишет итальянский социолог К. Константины в статье «Молодежь протестует против общества, потому что игнорируются ее требования», открывают и поддерживают дискуссии о молодых, оставаясь всегда на позициях осуждения, которые ведут к одному результату — «обострению конфликта и разрыву между молодыми и взрослыми, обостряя и ожесточая изоляционистский протест, исходящий из мира молодежи»¹.

Буржуазные социологи пытаются создать цепь определенной причинной зависимости для формирования положительной predisпозиции молодежи к усвоению антикоммунистической пропаганды. Если раздражение старших и их несправедливое отношение к своим детям является причиной создания у подрастающего поколения положительной predisпозиции к буржуазной идеологии, то, в свою очередь, подобное поведение старших есть якобы следствие определенных общественных условий. Показательно, что многие ведущие органы буржуазной пропаганды, в том числе «Шпигель», солидарны с утверждением американского профессора Халлека, что взрослым во всех развитых странах нелегко подавлять чувство досады, «ибо они не знали той свободы и материального изобилия, которые достались их детям»².

Несостоятельность попыток объяснить формирование положительной predisпозиции молодежи к стереотипам буржуазной пропаганды, исходя из социальных условий, проявляется уже в том, что при этом игнорируется конкретный социальный подход, метод конкретного социального анализа. Появление подобной положительной predisпозиции у подрастающего поколения характеризуется как для Советского Союза, так и для капиталистических стран одними и теми же стереотипами: мир становится тесным, молодые люди всюду увлекаются модами (а в Советском Союзе — западными модами), старшие не понимают этого увлечения (а советские ветераны укоризненно качают головами)³.

¹ «Messaggero», 13. XI. 1967.

² «Der Spiegel», 1967, N 41.

³ «Arbejderbladet», 21. XI. 1967.

Ненаучный, субъективный подход антикоммунистических социологов к вопросу формирования predisпозиции молодежи проявляется и в том, что совершенно не учитываются существенные социальные факторы и в то же время выпячиваются случайные, несущественные. Это объясняется классовыми интересами антикоммунистических теоретиков средств массовых коммуникаций. Так, стремясь создать predisпозицию посредством стереотипизации аполитичности, буржуазные идеологи тенденциозно подчеркивают, что молодые русские — жизнерадостное поколение и что «старикам, воспитанным на суровых лозунгах и доктринах прошедшего полувека, могут преодолеть пропасть между поколениями только с большим трудом»¹. В то же время, говоря, например, о практичности в работе юношеской организации, буржуазные идеологи, используя ту же категорию аполитичности, придают ей совершенно другую направленность. Однако в обоих случаях не принимаются во внимание такие существенные факторы формирования predisпозиции, как классовая структура общества, социальное положение молодежи, ее мировоззрение и т. д.

Именно подобный субъективизм, исключаящий какую-либо возможность конкретного социального анализа, характерен для буржуазного радио, стремящегося стереотипизировать всеобщую predisпозицию молодежи на основе глобального юношеского изоляционизма. Например, Би-би-си тенденциозно подчеркивает, что молодые люди отвергают установленные старшими нормы поведения, а «Голос Америки» видит характерную особенность нашего времени в том, что молодое поколение, разочарованное «догматическим подходом к нему старших в прошлом десятилетии», отгородилось от жизни своими занятиями, джазовой музыкой и мини-юбками.

В этих условиях, на наш взгляд, особенно важно утверждение единства отрицательной predisпозиции поколений к буржуазной пропаганде, активное формирование этой predisпозиции. И здесь, видимо, следует еще раз подчеркнуть необходимость разоблачения попыток заигрывать с молодежью, говоря об ее особой революционности, динамичности, коммуникабельности и т. п.

С другой стороны, важно не допускать шаблонного нивелирования целого ряда интересов, увлечений, привычек поколений, на чем спекулируют буржуазные пропагандисты.

Однако, когда антикоммунистические идеологи пытаются выводить разность predisпозиции исходя из возрастных особенностей, вкусов и т. п., то они сами сводят называемую ими функцию predisпозиции к несущественным любительским интересам. В то же время они хотели бы противопоставить поколения по коренным мировоззренческим вопросам. Но единство марксистско-ленинского мировоззрения поколений, единство социальных целей предопределяют и единство их резко отрицательного отношения к буржуазной пропаганде.

¹ «Mainichi Daily News», 13. III. 1967.

Формирование буржуазной пропагандой изоляционистских стереотипов для молодежи непосредственно связано с созданием определенного «поля стимулов». Исходя из надуманного антагонизма целей и интересов поколений, антикоммунистические идеологи утверждают, что средства массовых коммуникаций на юношескую аудиторию должны содержать в себе строго определенные стереотипные стимулы, отвечающие желаниям молодежи и в то же время невосприимчивые старшими. С совокупность таких стимулов создается в пропаганде «поле стимулов», соответствующее основным интересам подрастающего поколения.

Буржуазные теоретики массовых коммуникаций предъявляют целый ряд требований к «полю стимулов» на юношескую аудиторию.

Прежде всего, «поля стимулов» старших и молодежи должны быть четко разграничены. «Всемирный спор молодежи, — утверждает Жан Даниэль в «Нувель обсерватор», — является признаком разрыва, предела»¹. «Молодые люди, — пишет Ове Фарстад в «Дагбладет», — сами отрывают себя от действительного контакта и солидарности с другими группами»². Стало быть, и «поля стимулов» поколений должны носить антагонистический характер.

Поскольку буржуазная пропаганда стремится создать для всей молодежи некие универсальные изоляционистские стереотипы, то «поле стимулов» подрастающего поколения должно быть глобальным. Гюнтер Цем подобным образом очерчивает это «поле стимулов»: «Мы вступили в глобальную эру молодежи, которая простирается над всеми общественными системами и континентами, эру, в которой стариков повсюду, в большей или меньшей степени, берут за горло»³.

Такие жаргонные определения не являются случайными. «Поле стимулов» для молодежи, считают буржуазные теоретики средств массовых коммуникаций, должно включать в себя ценности, которые формирует «юношеская культура».

Одновременно эти ценности должны носить скрытый антисоветский характер. Подобная установка объясняется необходимостью учета якобы низкой эффективности «советских стереотипов», неправдоподобностью официальной аргументации, что приводит мыслящих людей к поискам «истинных ценностей»⁴.

Наконец, при формировании «поля стимулов» рекомендуется создавать стереотип, который бы обвинял старших в появлении такой ситуации, когда «поля стимулов» поколений стали противоположными. Так, говоря о «разрыве поколений», шведская «Дагенс

¹ «Nouvelle Observateur», 13. III. 1968.

² «Dagbladet», 10. VI. 1968.

³ «Die Welt», 13. V. 1967.

⁴ «Thought», 13. XI. 1966.

нюхетер» подчеркивает, что молодые люди, как и везде, очень переживают подобное положение, однако всю вину возлагают на старших, ибо родители «изношены» более, чем сыновья¹.

Утверждение глобального характера «поля стимулов» подрастающего поколения в то же время не мешает антикоммунистическим социологам и пропагандистам говорить о принципиальном различии при создании «поля стимулов» в социалистических и капиталистических условиях. Ход рассуждений буржуазных теоретиков массовых коммуникаций примерно таков. «Поля стимулов» формируются в процессе осознания отдельными людьми и социальными группами сходства и противоположности своих интересов. Это сходство и противоположность выявляются в процессе свободного общения, дискуссии.

Поскольку на капиталистическом Западе якобы есть свобода дискуссий, создание «поля стимулов» происходит исходя из «человеческих потребностей» и независимо от принадлежности к той или иной возрастной категории.

В Советском Союзе, где, мол, «отсутствует свобода волеизлияния», «поля стимулов» поколений формируются по принципу «неразвитого» общества в зависимости от возраста. Старшие стоят за старших, молодежь может рассчитывать только на себя.

В то же время на Западе, как утверждает Би-би-си, «на стороне молодежи оказываются многие авторитетные и традиционные газеты и журналы». В результате такой поддержки не только свободно формируются «поля стимулов» — эти «поля» ведут к свободным действиям, к реализации стимулов.

Для иллюстрации подобного заявления буржуазные пропагандисты могут позволить себе игру в откровенность и самокритику. Так, Радио Канады сообщило, что «25 процентов гарвардских студентов-старшекурсников заявили, что они готовы скорее либо пойти в тюрьму, либо бежать из США, чем идти на военную службу. 94 процента студентов заявили, что они не одобряют американской политики во Вьетнаме».

Но радиопропагандисты отлично знали, что эти факты уже были опубликованы в советской печати и потому известны молодежи. Такой ход буржуазного радио не только преследовал цель показать «объективность» антикоммунистической пропаганды, но и попытаться сориентировать молодежь на реализацию тех «стимулов», которые внушаются буржуазными идеологами с помощью прозрачных аналогий.

Одновременно с помощью тенденциозного раскрытия процесса формирования «поля стимулов» делается попытка провести мысль, что политические конфликты на Западе не перерастают в возрастные. И, наоборот, надуманный «конфликт поколений» в Советском Союзе антикоммунистическим идеологам хотелось бы перевести в разряд политических конфликтов, что и должно в таком случае оп-

¹ «Dagens Nyheter», 12. II. 1967.

ределить особый подход к советской молодежи буржуазной пропаганды.

Когда буржуазные пропагандисты говорят о «полях стимулов», они, по существу, говорят об области интересов личности. Эти области у советских людей всех поколений совпадают в главном и существенном — в сфере мировоззрения, идеологических, политических и экономических задач и т. д. Можно констатировать определенную разницу частных интересов, но это не дает оснований для разговоров о конфликте поколений.

* *
*

Выделение молодежи в особый объект пропаганды, по мнению антикоммунистических теоретиков средств массовых коммуникаций, не должно ограничиваться созданием интегрированных для всего подрастающего поколения стереотипов. Буржуазные социологи говорят о «дифференцированном» характере отношения советской молодежи к «истаблшменту», что преимущественно связывается с уровнем образования, создающим «новые социальные размежевания»¹. А отсюда делается вывод о необходимости формирования стереотипов, рассчитанных на определенные категории молодежи.

Американский теоретик средств массовых коммуникаций профессор П. Лайнбарджер утверждает, что пропаганда может быть эффективной только в том случае, если она заранее планирует целенаправленное влияние на совершенно конкретную группу людей².

Людьми движут определенные желания, связанные с их материальным положением, духовными потребностями, социальным престижем и т. д., причем в различных социальных группах эти желания также будут во многом различны или даже противоположны. Если пропагандист, говорит другой буржуазный теоретик массовых коммуникаций О. Стефанс, будет давать информацию, отвечающую всем этим желаниям, «его ожидает результат, противоположный ожидаемому»³. Именно этой причиной — недостаточным дифференцированием аудитории — буржуазные социологи прежде всего склонны объяснить провал пропаганды против Советского Союза.

Дифференцирование аудитории, подчеркивают буржуазные социологи, особенно необходимо, когда пропагандист обращается к молодежи, ибо в нынешнем расчлененном, административном и бюрократизированном мире с его философским структурализмом подрастающее поколение особенно настойчиво заявляет о желании «жить своей жизнью».

Утверждения буржуазных теоретиков массовых коммуникаций о необходимости дифференцирования аудитории полны противоре-

¹ «Die Presse», 28. II. 1968.

² Linebarger P. Psychological Warfare. New York, 1940.

³ Stephens O. Facts to a Candid World, pp. 27—28.

чий. Объясняя разделение «поля стимулов» поколений стремлением стимулировать развитие индивидуальных качеств молодежи, они в то же время фактически ориентируются на создание замкнутых конформистских групп. Как пишет Макс Лернер, конформист живет в страхе очутиться в меньшинстве. Однако «он приобретает чувство устойчивости, присоединяясь к преобладающей группе, также как он приобретает чувство безопасности, делая себя неотличимым от этой группы. Боясь обнаружить какие-либо индивидуальные черты, он во всем поступает, как другие»¹. Именно такой конформизм, основанный на преклонении перед стандартами капиталистического общества, стремится воспитать в советской молодежи буржуазная пропаганда.

Практика буржуазной пропаганды на искусственное ограничение интересов определенных групп выгодным ей «полем стимулов», по существу, противопоставляет различные категории молодежи и общество, интересы личные и общественные. Такое противопоставление совершенно неправомерно, ибо сущность человека, по определению К. Маркса, есть «совокупность всех общественных отношений»².

Это противопоставление тем более неправомерно, когда речь идет о советском обществе, где общественная собственность на средства производства, социалистические общественные отношения делают все более органичным единство интересов личности и общества. Эту тенденцию еще предвидел Жан-Жак Руссо, когда писал, что «чем лучше устроено государство, тем больше в умах граждан заботы общественные дают перевес над заботами личными»³.

Необходимость противопоставления стимулов различных категорий советской молодежи и интересов общества буржуазные теоретики массовых коммуникаций пытаются вывести из якобы существующей в действительности резко отрицательной реакции молодого поколения на стремление государства «подавить» личные и групповые стимулы. Алисса Макеллар, например, утверждает, что жизнь молодого человека в советских условиях якобы определяет «абсолют»⁴.

Автор не оригинальна в перепевах тех примитивных измышлений антикоммунистической пропаганды, которые сегодня уже, как правило, не решаются использовать буржуазные органы информации, заботящиеся о своей «респектабельности». Ее высказывания могут представлять интерес лишь с точки зрения иллюстрации понимания антикоммунистическими идеологами личных и групповых стимулов.

О каком «абсолюте» рассуждает Макеллар? Сама она не дает по этому поводу определений. Но если говорить об определяющем

¹ Lerner M. *America as a Civilization*. New York, 1967, p. 652.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, стр. 3.

³ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. «Трактаты». М., «Наука», 1969, стр. 221.

⁴ «*Réalité*», I. 1967.

факторе в жизни советского молодого человека — это марксистско-ленинское мировоззрение. Социологические исследования, проведенные в юношеской среде, убедительно показывают, что советская молодежь в подавляющем большинстве связывает свои личные интересы с интересами социалистического государства¹.

Личные стимулы молодого советского человека находятся в органическом единстве со стимулами общественными. О первостепенном значении общественного стимула можно говорить лишь тогда, когда общественные интересы требуют определенного подчинения себе интересов личных или групповых. Но в этом случае личный или групповой стимул выступает как осознанный стимул общественный.

«Мы, правда, не аскеты,— говорил А. В. Луначарский,— и не требуем, чтобы человек только и думал о том, как бы ему собой пожертвовать. Ничего подобного.

Мы знаем, что нужен человек здоровый, жизнерадостный. Это в глубокой степени наш собственный долг — заботиться о развитии нашем и о том, чтобы личная жизнь протекала в здоровых и, по возможности, счастливых условиях. Но как только такие требования натываются на какой-нибудь конфликт с нашим долгом по отношению к пролетариату,— эти личные моменты должны уступить место моментам общественным. Для этого нужно выработать большой характер, нужно выработать умение владеть собой, подавлять свои страсти, свои желания, уметь властной рукой направлять свою волю, свое сознание в нужную сторону, одним словом, нужно, чтобы коммунист господствовал над мещанином, чтобы общественная личность господствовала над личностью индивидуальной»².

Вот именно этого закономерного в социалистических условиях процесса господства общественной личности над личностью индивидуальной и не понимает Макеллар, стоящая на мещанских мелкобуржуазных позициях.

Признание невозможности одновременно апеллировать к интересам различных категорий приводит буржуазных социологов к поискам той особой социальной группы, мнение которой является наиболее важным или даже решающим в формировании стереотипов общественного мнения, а также специфических стереотипов других социальных категорий. Такие первостепенной важности группы получили название «групп давления».

Буржуазные социологи пытаются довольно подробно анализировать соответствие массовых организаций «группам давления». Патрик, например, признает, что массовая организация — это фактически «группа давления» своеобразного характера. Однако если немассовые буржуазные партии объявляются наиболее полно со-

¹ См.: Здравомыслов А. Г., Ядов В. А. Отношение к труду и ценностные ориентации личности. «Социология в СССР», т. II. М., «Мысль», 1966.

² Луначарский А. В. Культурный поход комсомола. «О народном образовании». Изд-во АПН РСФСР, 1958, стр. 476.

ответствующими понятию «группы давления», то массовые советские организации, в том числе и комсомол, объявляются отличными от «групп давления», хотя «пользуются делегированными Советским правительством и Коммунистической партией полномочиями более широкими, чем группы давления». Исключение комсомола из числа «групп давления» объясняется тем, что его главной целью является не «требование», а «разъяснение»¹.

Действительно, функцией комсомола объявляется коммунистическое воспитание, хотя, как об этом говорилось ранее, советской молодежи предоставлены большие права. Умышленно противопоставляя функции «требования» и «разъяснения», антикоммунистические идеологи, по существу, показывают, что «группами давления» они могут считать в советских условиях только антисоветские организации. Но поскольку такие организации в СССР существовать не могут, буржуазная пропаганда обычно ориентируется на те «группы давления», которые не отождествляются с массовыми организациями. Если в целом для советского общества молодежь объявляется «группой давления» (наряду с технической и творческой интеллигенцией), то в среде самого юного поколения такими группами называются творческая и научная молодежь, которые, по утверждению «Голоса Америки», выделяются не столько благодаря своему материальному, как образовательному уровню.

Выделение буржуазными теоретиками массовых коммуникаций в качестве изоляционистской «группы давления» молодой интеллигенции исходит, в частности, из признания неких социальных особенностей культурного развития в России. Как, например, утверждает Эрик фон Кюнелт Леддин, русский человек — врожденный культурник, а советский — тем более, ибо для него обращение к классической культуре является «бегством в относительно аполитичное прошлое»².

Последний термин можно было бы применить к самой буржуазной пропаганде, которая, не желая рассматривать реальные особенности социальных групп, уходит от действительности или к прошлому страны или к современной капиталистической действительности, которая для советского общества также является пройденным этапом.

Однако на практике буржуазная пропаганда обычно избегает создавать откровенно антисоветские стереотипы для социальной трансформации молодой интеллигенции в сторону капитализма. Этот надуманный процесс она связывает с преградами, которые якобы ставит советское государство для утверждения подлинно самобытных форм культуры, с психологической перестройкой после Октябрьской революции и т. д.

Например, Би-би-си утверждает, что для стереотипов молодой интеллигенции характерно исчезновение крестьянского склада ума, который отличает представителей старшего поколения. «Девушка

¹ Patrick G. Les organisations..., p. 51.

² «Rheinischer Merkur», 26. V. 1967.

из сельской местности, вышедшая замуж за служащего одного учреждения, — говорилось в передаче радиостанции, — каждое воскресенье навещает свою мать в деревне. Но мы, конечно, не разрешаем ей держать кур, заявляет эта девушка, они ведь грязные, и предпочитаем привозить ей каждую неделю курицу из городского магазина».

Этот пример показывает, как извращается буржуазными пропагандистами сам процесс формирования молодой интеллигенции. Они не говорят о новых социальных функциях интеллигенции из среды трудящихся — это им невыгодно, а сосредоточивают свое внимание на поисках тех единичных бытовых деталей, с помощью которых можно было бы показать интеллигенцию в карикатурном виде. Это неизбежно приводит к тому, что в своих рассуждениях буржуазные пропагандисты игнорируют социальную действительность.

Антикоммунистические идеологи пытаются трактовать функции молодой интеллигенции не только в ракурсе «группы давления» в настоящем времени, но и в свете предполагаемых ими перспектив. Особенно подчеркивается, что получение образования приводит к созданию изоляционистской «элиты власти».

Именно от этой элиты, утверждают буржуазные социологи, исходят требования о все большем увеличении количества потребительских товаров, а сама элита все более выступает «как стабилизирующий фактор для сохранения своих благ»¹.

Наконец, будущее элиты отождествляется с ее активной ролью в трансформации социализма. Буржуазные социологи и пропагандисты даже предрекают, что повзрослевшая интеллигенция отмежуетя от рабочего класса.

В связи с подобными измышлениями особое значение, на наш взгляд, приобретает широкий показ социального происхождения нашей интеллигенции из среды трудящихся, принципиального отличия советской интеллигенции от интеллигенции буржуазной, представительного характера советского студенчества. Заслуживает популяризации получившая широкое распространение практика по выявлению способных ребят в селах и небольших городах, организация для поступающей в вузы рабочей и сельской молодежи подготовительных курсов, предоставляемые ей льготы и т. п.

Буржуазные социологи массовых коммуникаций считают, что противопоставление поколений в пропаганде следует начинать с противопоставления старшим «группы давления» — молодой интеллигенции. При этом рекомендуется использовать два стереотипа: «старшие способствовали созданию в стране обстановки серости, уныния» и «молодые русские сегодня имеют совершенно иные возможности для образования и выбора жизненного пути, чем их родители»².

Поэтому буржуазная пропаганда пытается всячески подчеркнуть мнимое «бескультурие и необразованность» старшего поколе-

¹ «Aktuellt», 15. VI. 1967.

² «Arbeiderbladet», 21. XI. 1967.

ния как якобы одну из причин непонимания подрастающего поколения и прежде всего «группы давления» — молодой интеллигенции. Для доказательства этого измышления используются самые различные формы: от передачи «серьезных» социологических исследований до пересказа сплетен и анекдотов. «Голос Америки», например, приводит впечатления о Москве журналиста Э. Робертса: «Я шел по подземному проходу из гостиницы «Метрополь» в Большой театр в часы пик. Шел быстро вместе с толпой. Вдруг передо мной оказалась девушка, и я задержался на секунду, чтобы ее не толкнуть, и почувствовал, что кто-то дал мне кулаком в спину. Споткнувшись, я налетел на девушку, и мы вместе упали. Падая, я решил, что сейчас отомщу этому дяде. Но когда я обернулся, то увидел, что это был не дядя, а 80-летняя старушка, которая и дала мне кулаком в спину. Ничего не оставалось, как рассмеяться. Меня этот случай здорово удивил».

Если в данном случае мысль о том, что молодежь становится жертвой бескультурия старших, преподносится с дешевым юмором и как бы мимоходом, то в других передачах дается «теоретическое» обоснование «конфликта поколений» на почве развития образования и распространения культуры. Так, Би-би-си заявляет, что резкое увеличение числа студентов университетов неизбежно уменьшает значение традиций, а непрерывное развитие научных знаний якобы «уменьшает автоматическое, так сказать, уважение студентов к старшему поколению».

Представляется важным вместе с разоблачением попыток буржуазных идеологов искусственно, на изоляционистской основе противопоставить молодую интеллигенцию старшему поколению и другим категориям молодежи создание у подрастающего поколения с помощью нашей пропаганды правильного представления об интеллигентности. Это прежде всего тема о воспитании интеллигентов ленинского типа с глубочайшей преданностью коммунистическому идеалу, цельностью мировоззрения, интенсивной духовной жизнью, широтой кругозора, органическим единством с народной жизнью, уважением к людям, отличными знаниями.

Само получение образования советской молодежью, рост ее культуры стали возможны в результате самоотверженной борьбы и труда старших поколений. Обращаясь к делегатам XVI съезда ВЛКСМ, Л. И. Брежнев назвал те качества, которые роднят современную молодежь с прошлыми поколениями: страстная преданность делу коммунизма, готовность к самопожертвованию ради общего дела, непримиримость к империалистам, чувство классовой пролетарской солидарности с миллионами тружеников на всем земном шаре. «Ну, а тем, что вас отличает, — сказал Леонид Ильич, — образованностью, культурой — вы обязаны своим отцам и дедам, проложившим вам путь в будущее»¹.

¹ Речь Генерального секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Л. И. Брежнева. «XVI съезд ВЛКСМ. Стенографический отчет», ч. I. М., «Молодая гвардия», 1971, стр. 21.

Дифференцирование юношеской аудитории буржуазной пропагандой не ограничивается выделением «групп давления». В этих группах, как, впрочем, и в других, она пытается выделить авангардистских «лидеров мнения», у которых наиболее четко выражено «поле стимулов» группы и которые оказывают наиболее значительное влияние на окружающих. Имея в виду «лидеров мнения», П. Лазерсфельд и Б. Берельсон подразделяют воздействие коммуникации на два этапа: на первом этапе она достигает «лидеров мнения», а на втором этапе трансформируется ими в направлении других членов группы¹.

Опираясь на результаты социологических исследований, Е. Катц и П. Лазерсфельд утверждают, что «лидеры мнения» не только играют важную роль в формировании predispositions группы, а соответственно и общественного мнения этой социальной группы, но и более подвержены коммуникации по сравнению с другими². Коммуникация оказывает более решающее влияние при принятии решения на «лидеров мнения», чем на других членов группы. Поэтому считается, что в целом пропаганда осуществляется «лидерами», которые блокируют нежелательные для них виды поведения отдельных членов группы или даже целых групп.

Буржуазная пропаганда на советскую молодежь выделяет два вида лидеров: антисоветски настроенных элементов и нарушителей общественного порядка, моральных норм. Хотя антикоммунистические идеологи не отказались от открытого антисоветизма и провоцирования политических выступлений антисоветского характера, они в то же время все более настойчиво обращаются к антисоциальным срывам молодежи. При этом они полагают, что чем больше в советской среде станет хулиганов, дебоширов, стилияг, тем действенней будут результаты пропаганды. Так, мюнхенский «Институт по изучению СССР», оперируя фальсифицированными им данными из советской периодической печати о преступности молодежи, приходит к выводу, что распространение правонарушений среди подрастающего поколения... «лишит его возможности жить при коммунизме»³.

Представляется, что при разоблачении измышлений буржуазных идеологов о какой-то особой роли хулиганствующих и тунеядствующих элементов среди молодежи правомерно особое подчеркивание того факта, что антикоммунисты умышленно переносят на советские условия присущий капиталистическому строю гангстеризм, возведенный в норму социальной жизни. Именно в США, где один че-

¹ Berelson B. *Communication and Public opinion in Communication in Modern Society*. Urbana, 1948; Lazarsfeld P. *Mass Communication, Popular Taste and Organized Action in the Communication of Ideas*.

² Katz E., Lazarsfeld P. «The Two flow of Communication» in *POQ*. N 21, 1957.

³ Альберт В. Преступность в СССР. «Институт по изучению СССР» (на русском языке). Мюнхен, 11 октября 1966, № 424, стр. 8.

ловек из пятидесяти является жертвой преступлений, гангстеры выполняют роль неких «лидеров».

Вместе с тем необходимо вскрывать органическую, социально обусловленную связь преступности с капитализмом. «Богатые и жулики,— считал В. И. Ленин,— это — две стороны одной медали, это — два главных разряда *паразитов*, вскормленных капитализмом, это — главные враги социализма...»¹. Поэтому советское общество не может быть равнодушным к борьбе с преступностью. «Всякая слабость, всякие колебания, всякое сентиментальничанье в этом отношении,— говорил В. И. Ленин,— было бы величайшим преступлением перед социализмом»².

Только при социализме возможна действенная борьба с преступностью и ее ликвидация. В связи с этим весьма актуален показ советскими средствами информации интересных форм работы с подростками по месту жительства — создание военно-спортивных лагерей и патриотических клубов, деятельность комиссий по делам несовершеннолетних при исполкомах Советов депутатов трудящихся и т. д.

Понимая, однако, что такие антисоциальные явления, как хулиганство, воровство, пьянство, рекламировать фактически невозможно, буржуазные идеологи сосредоточивают внимание на пропаганде битничества, стилижничества и т. д.

При этом буржуазная пропаганда, стремясь избежать обвинений в рекламе аморализма, пытается проявить некоторую видимость «социологического подхода». Субъективно, заявляет она, подобное поведение молодежи антиобщественно и не может быть оправдано. Однако объективно молодежь можно оправдать, она здесь не причем.

Подобный объективизм связывается с возбуждением в молодом поколении страсти к удовольствиям жизни, якобы вытекающей из необходимости удовлетворения человеческих потребностей. Для этого используются даже труды социологов, критикующих в той или иной мере буржуазное общество. При этом рост потребностей выводится не из социально-экономических условий, а из врожденных черт человеческой природы, к которым профессор Эрих Фромм — а к его трудам весьма часто прибегают буржуазные социологи по проблемам молодежи — относит стремление к счастью, обладание, любовь и свободу»³.

Однако применительно к советской действительности буржуазные пропагандисты называют и ряд других «объективных» условий, приводящих к появлению антисоциальных «лидеров мнения». Так, радиостанция «Свобода», отметив, что «мучительные» поиски молодежью России новых путей, новых средств выражения порой принимают «уродливые формы», тут же объявляет виновными во всех

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 201.

² Там же.

³ Fromm E. Beyond the Chains of Illusion. New York, 1962, p. 87.

бедах тех, кто мешает поискам молодежи, навязывая ей казенную «романтику», сажая ее в «романтизированные теплушки».

«Советологи» от пропаганды показывают, что они абсолютно не знают советскую действительность, когда заявляют, что трудовая романтика молодежи приводит к социальным срывам. Именно ударные комсомольские стройки, студенческие строительные отряды воспитывают понимание общественного долга, высокие моральные качества. Для тех, кто знаком с советской действительностью, по меньшей мере смешно искать здесь «антисоциальных лидеров». Однако подобное заявление, несмотря на всю его несостоятельность, нужно буржуазным социологам для того, чтобы сослаться на якобы широкую социальную базу «стиляжничества».

Буржуазная социология определяет стилияг как ту часть молодых людей, которая ставит целью жизни гедонистское удовлетворение своих потребностей. Подчеркивается, что основная философия стилияг сводится к тому, чтобы, как можно меньше работая, получить как можно больше. А сознательное выставление напоказ одежды, обуви, прически трактуется как следствие социальной переориентации, ибо поведение стилияг заключается в подражании тому, что, как они полагают, является развлечениями Запада¹.

Вводя тему антисоциальных «лидеров» в «конфликт поколений», буржуазные пропагандисты предлагают молодежи обратить внимание на «думающих старших», которые в состоянии понять современные духовные ценности, увлечения молодежи, наконец, ее протест против существующих общественных условий, если даже он выражен в антисоциальных формах. Если ты взрослый и разумный человек, обращается «Немецкая волна» к «старшему другу», то «ты должен предоставить нам — молодежи, которая научилась мыслить, которая научилась усматривать в ответственном отношении к демократии, честности и справедливости лучшие духовные ценности, ты должен предоставить нам право протестовать, если нам кажется, что этим идеалам угрожает опасность. Ведь вы, взрослые, можете своим поведением в жизни продемонстрировать нам то, что мы могли бы назвать драгоценным и поистине современным».

Разумеется, эта тактика не рассчитана для воздействия на представителей старшего поколения. Просто буржуазные пропагандисты подыскивают еще один искусственный аргумент, чтобы попытаться противопоставить молодежь старшим на основе изоляционистских лозунгов.

Появление «лидеров мнения» из среды антисоциальных элементов буржуазные социологи и пропагандисты ставят в прямую связь с «группой давления» из интеллигенции. По явно тенденциозному утверждению Патрика, молодые стилияги, восстающие против конформизма общества, должны встречать наибольшее понимание именно среди молодых артистов и ученых².

¹ Kassof A. The Soviet..., p. 181.

² Patrick G. Les organisations..., p. 56.

Вывод по меньшей мере странный. Непонимание подлинных культурных ценностей всегда было связано с недостатком культуры, а не наоборот. Но этот странный вывод неизбежен с точки зрения интересов буржуазной социологии и пропаганды. Они не в состоянии отрицать быстрый рост культуры среди молодого поколения СССР, что все более исключает возможность ложного понимания культурных ценностей. Отсюда тактика: объявить, пусть и бездоказательно, что все как раз иначе: рост уровня культуры ведет к росту антисоциальных срывов, ложной ориентации в области культурных ценностей и т. д.

Отсюда буржуазные социологи и пропагандисты делают новый вывод, что рано или поздно вся молодежь СССР (с ростом образования, расширением информации, контактов с Западом и т. д.) станет... стилягами, независимо от социального происхождения.

«Фигаро» даже пытается проиллюстрировать эту тенденцию посредством аналогии с битниками. По ее данным, профессиональные занятия у родителей битников были следующие: рабочие — 20 процентов, чиновники — 20 процентов, торговцы и ремесленники — 19 процентов, без профессии — 9 процентов, служащие — 8 процентов, инженеры и квалифицированные рабочие — 8 процентов, свободные профессии — 6 процентов, обслуживающий персонал — 6 процентов, земледельцы — 4 процента¹. Нетрудно заметить, что питательной средой битников, как это доказывают буржуазные социологи, объявляются преимущественно трудящиеся.

Такая постановка вопроса, по мнению буржуазных социологов и пропагандистов, может иметь два следствия. В теоретическом плане она позволила бы антикоммунистам утверждать, что даже отсутствие эксплуататорских классов в Советском Союзе не является препятствием для появления антисоциальных групп среди молодежи, которые можно использовать как «группы давления». А в практическом варианте это приводит к провоцированию, поощрению антисоциальной «элиты». Именно этим можно объяснить страсть зарубежной пропаганды, в том числе и радио, к сочинительству историй об экстравагантных «молодых интеллектуалах».

На примере обращения буржуазных идеологов к антисоциальным «лидерам» наглядно видна необходимость активных наступательных действий нашей идеологии.

«Лидерам мнения» из сферы антисоциального поведения противостоят подлинные лидеры советской молодежи — представители старшего поколения, передовые рабочие и колхозники, талантливые ученые, отважные воины, комсомольские вожаки. Обращение к теме жизни замечательных людей, которая может раскрываться и в книгах и брошюрах, и в подборке материалов периодической печати, и в цикле радиопередач, способствует утверждению в сознании молодежи авторитета ее истинных лидеров.

Стремление буржуазных теоретиков и практиков средств массовых коммуникаций предельно дифференцировать юношескую ауди-

¹ «Le Figaro», 13. XI. 1967.

торию в значительной мере исходит из расчета, что советская пропаганда будет обращаться ко всей молодежи, с общими тезисами или, как говорят буржуазные социологи информации, с общим «эпиллом».

Но эти расчеты нереальны. В последнее время воспитание гордости за советский строй, за достижения социализма наша пропаганда ведет через воспитание гордости за советский завод, советский колхоз, конкретного советского человека, когда активно подчеркивается самобытность, характерные черты каждого коллектива. Особое значение приобретает пропаганда таких дифференцированных форм воспитательной работы, как торжественный прием в ряды рабочего класса, вручение трудовых паспортов, слеты по профессиям, конкурсы мастерства для юношей и девушек определенной специальности, принятие клятвы верности своей профессии молодыми специалистами и т. д.

В условиях настойчивых попыток буржуазных идеологов сформировать в среде молодой интеллигенции антисоциальную элиту, превратить молодого человека в раба низменных страстей, погасить в нем пламя высоких помыслов об общем благе, вызвать общественную пассивность — в этих условиях особое значение приобретает утверждение высокой требовательности к каждому юноше, каждой девушке.

Правомерно глубокое раскрытие нашей пропагандой существа свободного времени при социализме, которое необходимо не для выхода напряжения, приводящего к социальным срывам, а «для образования, для интеллектуального развития... для товарищеского общения, для свободной игры физических и интеллектуальных сил...», что предвидели К. Маркс и Ф. Энгельс¹. Поэтому важно раскрытие опыта работы комсомольских организаций по организации свободного времени молодежи в условиях пятидневной рабочей недели, рассказ о деятельности любительских объединений и клубов молодежи, о самодеятельном творчестве и т. д.

При всем этом стержневой темой остается воспитание высокой политической и трудовой активности молодежи, привлечение ее к участию в социалистическом соревновании, раскрытие ленинского указания о том, что «только в труде вместе с рабочими и крестьянами можно стать настоящими коммунистами»².

* * *

Внедрение в сознание молодежи изоляционистских стереотипов, по мнению буржуазных теоретиков средств массовых коммуникаций, облегчается некоторыми особенностями молодежной аудитории в психологическом плане и прежде всего ее склонностью к бы-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, стр. 274.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 317.

строй реакции в отличие от замедленной реакции взрослых. Отсюда вытекает и ряд определенных требований к стереотипам.

Для молодежной аудитории, говорят эти теоретики, особенно важно, чтобы стереотип легко воспринимался. Если люди зрелого возраста более склонны к рациональному усвоению информации и сравнению нового стереотипа с уже известным, что повышает их способность к запоминанию пропагандистских клише, то молодежь усваивает стереотип преимущественно в эмоциональной атмосфере, без каких-либо аналогий. Отсюда стремление буржуазных пропагандистов применять в материалах с изоляционистской окраской легко запоминающиеся стереотипы. Так, говоря о «сознательном желании молодежи восставать против старших и презрении к мнениям и нормам общества взрослых», буржуазная пропаганда формирует стереотип изоляционистского юношеского бунта следующим образом: «К черту, что думают обо мне взрослые. Я хочу быть самим собой»¹.

Стереотип, утверждают буржуазные социологи, должен постоянно использоваться при соответствующей ситуации — это повышает его эффективность. Пытаясь показать «всемирный» характер конфликта отцов и детей, буржуазные пропагандисты постоянно связывают этот конфликт с унифицированными для любого общества стереотипами. Как пишет Жан Даниэль, «все молодые люди планеты обвиняют порядок, власть, отцов, профессоров»².

Большинство буржуазных теоретиков массовых коммуникаций и социологов, в том числе Р. Ривес, М. Хатвик, Д. Лукас и С. Бритт, считают, что эффективность усвоения стереотипов всегда зависит от их повторения, но не бессистемного, а в определенной пропорции. Что же касается юношеской аудитории, то для нее повторение особенно важно — это связано с формируемой у молодежи в процессе обучения и познания мира привычки усваивать информацию в процессе повторения.

Разрабатывая рекомендации по повышению эффективности стереотипов, буржуазные теоретики массовых коммуникаций ввели термин перцептивного или воспринимаемого повторения. Для людей старшего возраста перцептивное повторение связывается с простым повторением информации без всяких ее изменений, и Риверс и Хатвик не видят беды в том, если человек несколько «перечит». Однако для молодежной аудитории с ее повышенным интересом к узнаванию нового более приемлемой считается точка зрения Лукаса и Бритта о том, что одна и та же информация должна даваться в вариациях. В таких вариациях, как полагает Ховленд, стереотип может повторяться три-четыре раза, однако при более многократном повторении возникает угроза негативного отноше-

¹ «Arbeiderbladet», 4. III. 1967.

² «Nouvelle Observateur», 13. III. 1968.

ния к стереотипу¹. Х. Рей даже утверждает, что именно слишком частое повторение положений «большевистского эксперимента» приводит советскую молодежь к скептицизму², а Л. Доуб объявляет «усталость» от односторонней подачи правительственных новостей той причиной, которая побуждает обращаться к передачам зарубежных радиостанций³.

Поэтому процесс формирования стереотипов у советской молодежи буржуазные радиопропагандисты стремятся подразделять на несколько этапов, давая информацию по какому-либо вопросу через определенные интервалы и обязательно в вариациях. Подобным образом освещались IX Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Софии, студенческие «беспорядки» в европейских странах и т. д.

Стереотипы должны повторяться в определенной пропорции, считают буржуазные теоретики средств массовых коммуникаций, потому что они не всегда вызывают у молодого человека, настроение которого часто меняется, одинаковую реакцию. Эта реакция также связана с обстановкой, которая может ускорить или затормозить принятие определенного решения. При этом связь между стереотипом и соответствующей реакцией усиливается не в результате самого повторения, а потому, что молодой человек, с его несколько повышенной самооценкой, каждый раз испытывает удовлетворение от того, что он понимает информацию правильно.

В связи с этим буржуазное радио на советскую молодежь нередко дает ссылку на предыдущие передачи, проводит викторины на выявление наиболее «информированных и сообразительных», сообщает о правильных ответах на поставленные вопросы и т. д. Как считают буржуазные теоретики средств массовых коммуникаций, подобная «непревзойденная и неистощимая по своему драматизму и простоте игра» в конечном итоге позволяет радио завоевывать новую аудиторию⁴.

Подчеркивая склонность молодежи к быстрой реакции, буржуазные социологи в связи с этим очень важным считают такой выбор стереотипа, который бы исключал его воздействие в чуждых пропагандисту целях. Стереотип, как говорят западные теоретики средств массовых коммуникаций, должен обладать защитой от эффекта «бумеранга», т. е. пропагандист должен быть защищен от обратного воздействия стереотипа. Так, стремясь создать подобную защиту при разработке темы «отчуждения молодежи», буржуазные пропагандисты спешат подчеркнуть, что именно взрослые с пристрастием называют подрастающее поколение «чужим народом», хотя сами молодые люди не считают взрослых чужими⁵.

¹ Reeves R. Reality in Advertizing. New York, 1961, p. 132; Chatwick M. Advertizing Psychology and Research. New York, p. 224; Lucas D., Britt S. Advertizing Psychology and Research. New York, 1950, p. 224; Houlard C. «Effects of the Mass Media of Communication» in The Mass Media and Communication. New York, 1966.

² «Mainichi Daily News», 13. III. 1967.

³ Doob L. «The Behavior of Attitude» in Psychological Review, 1947, vol. 54.

⁴ Merlin L. Le vrai..., p. 137.

⁵ «Dagens Nyheter», 12. II. 1967.

Эффект «бумеранга» буржуазные социологи обычно демонстрируют на примере советской пропаганды на молодежь, опять-таки исходя из неких «социальных» факторов. Хотя советская молодежь, как утверждают Стивен и Барбара Розенфельд в своих мемуарах «Возвращение с Красной площади», признает право государства контролировать жизнь народа, представители власти якобы пытаются отождествлять сомнения с нелояльностью, что, мол, приводит к негативной реакции молодежи.

Авторы в данном случае демонстрируют совсем не то, что они хотели. Если бы их фальсификации читали не в США, а в СССР, «бумеранг» не замедлил бы вернуться к авторам.

Показательно, что если буржуазные социологи считают стереотипирование важным средством антикоммунистической пропаганды на советскую молодежь, то буржуазные пропагандисты стремятся показать действие в юношеской среде эффекта «бумеранга» к «штампам» идеологии. Так, являясь заведующим бюро журнала «Лайф» в Москве, Питер Янг пытался сформулировать отношение юношей и девушек к пропаганде следующим образом: «Мы не увлекаемся политическими лозунгами, потому что сами по себе они бессмысленны. Немногие из нас читают газеты. В них слишком много чистой пропаганды. Нас засыпают лозунгами и устаревшими политическими клише, как будто мы не можем понять что-либо другое»¹.

Это явная фальсификация. Комсомол издает 226 газет и журналов разовым тиражом более 64 миллионов экземпляров. Тираж «Комсомольской правды» свыше 8 миллионов, «Пионерской правды» — 10 миллионов. В республиках, краях и областях работают 274 молодежные редакции радио и телевидения, имеющие самый широкий круг слушателей и зрителей². Уже сам этот факт говорит об отношении молодежи к своей печати, радио и телевидению.

Советские молодежные средства массовых коммуникаций, как правило, весьма ответственно относятся к употреблению политической терминологии. Это и понятно — пышная фразеология, обращение по любому поводу и без повода к высоким понятиям снижают эффективность пропаганды. В то же время рассказ даже о самых важных социальных явлениях посредством обращения к конкретным, известным юношеской аудитории фактам делает нашу пропаганду более доходчивой и формирует невосприимчивость к стереотипам буржуазных идеологов.

* *
* *

Отчужденным друг от друга поколениям, как полагают буржуазные теоретики и практики средств массовых коммуникаций, долж-

¹ «Life», 13. XI. 1967.

² См.: Отчет ЦК ВЛКСМ и задачи комсомола по воспитанию молодежи в духе ленинских заветов. Доклад Первого секретаря ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельникова. «XVI съезд ВЛКСМ. Стенографический отчет», ч. I. М., «Молодая гвардия», 1971, стр. 36.

ны противостоять и отчужденные стереотипы, рассчитанные на каждое поколение в отдельности.

Утверждается, что поколения по-разному воспринимают стереотипы — причем молодежь воспринимает их более непосредственно и эмоционально. Поколения по-разному понимают стереотипы — причем молодежь понимает их не в ракурсе стабильности, присущей старшему поколению, а в соответствии со своим социальным динамизмом. Наконец, поколения по-разному реагируют на стереотипы — молодежь отличает более быстрая реакция.

Нетрудно заметить, что все эти бездоказательные утверждения опираются на концепции юношеского изоляционизма, пытаются льстить подрастающему поколению.

Однако явно просвечивает и другая тенденция. Ориентация на повторение стереотипов в вариациях и другие требования к стереотипам, направленным на молодежь, говорят о том, что буржуазные идеологи не испытывают уверенности в опробованных прежде формах и методах пропаганды и потому стремятся к возможно большей дифференциации аудитории.

Выделение социальных и возрастных категорий, «групп давления», «лидеров мнения», являясь отражением тактической формулы эксплуататорских классов «разделяй и властвуй», совершенно не говорит о каком-либо внимании буржуазных идеологов к человеческой индивидуальности, к личности. Тактическая дифференциация имеет целью интегрирование у различных категорий молодежи стимулов, враждебных старшему поколению, формирование всеобщего конформизма, построенного на антагонизме к отцам, Советской власти и подражании буржуазному образу жизни.

Попытки буржуазной пропаганды свести миропонимание молодежи к ограниченному набору стереотипов имеют целью лишить подрастающее поколение самой возможности познания действительности, ориентации в сложном современном мире.

Стремясь ограничить представление молодого человека о мире набором стереотипов, буржуазные теоретики и практики информации по существу опираются на субъективизм в понимании истины, что характерно для таких философских течений, как прагматизм, экзистенциализм и персонализм. Как и представители этих течений, буржуазные теоретики и практики информации демонстрируют антропологический взгляд на критерии истины, абсолютизируют субъективную сторону восприятия информации. Так, рассматривая пропагандиста и в качестве создателя истины и ее критерия, буржуазные теоретики и практики средств массовых коммуникаций многое заимствуют от гносеологии прагматизма. Субъективизм пропагандистских стереотипов в области общественных явлений вполне увязывается с мнением Хайдеггера о «скрытности» истины. Расчеты буржуазных специалистов средств массовых коммуникаций на психологические моменты в оценке субъектом информации показывают, что в гносеологическом плане у них немало общего с гуссерлианством.

Стереотипизация демонстрирует на практике неопозитивистский подход к «анализу обыденного языка». Стереотип лишает факт его реального содержания и с помощью лексики сосредоточивает внимание на «чувственных данных», «воображаемых чувственных предикатах». Стереотипизация уводит процесс восприятия информации в область лингвистики, заменяет логику формальными предикативными связями.

Искусственно ограничивая мир молодежи комплексом стереотипов, антикоммунисты стремятся запрограммировать ее поведение по выгодным им стандартам, манипулятивно воздействовать на психику молодого человека.

С гносеологической точки зрения подобная тактика может быть квалифицирована как антиинтеллектуальная и откровенно реакционная: молодой человек с его еще недостаточным социальным опытом приучается оперировать стереотипами и потому будет не в состоянии мыслить, анализировать, познавать.

Провозглашая стереотипизацию неотъемлемой частью пропаганды на молодежь, антикоммунистические идеологи выдают свой страх перед объективной реальностью, которая становится им враждебной. Отвергая эту реальность, ориентируясь на внедрение в сознание искусственных категорий, не отражающих действительность, они выступают как откровенные идеалисты.

Но общество тем не менее развивается по своим законам, открытым классиками марксизма-ленинизма. Жизнь богаче абстрактных построений буржуазных социологов, ее не втиснуть в прокрустово ложе стереотипов. Познавая нашу разностороннюю и содержательную действительность, овладевая марксистско-ленинским методом ее анализа, законами диалектики, молодежь уже в силу этого не может воспринимать мир через искусственные, лишённые реального содержания стереотипы.

Глава 3

Иррационализм в пропаганде — следствие антинаучности изоляционизма

Антисоциальные цели пропаганды юношеского изоляционизма, игнорирование объективной реальности и потребностей развития общества неизбежно приводят к искажению здравого смысла, сознательному уходу от доказательности в сферу иррационализма и эмоций. Поэтому не случайно именно с изоляционизмом многие западные теоретики средств массовых коммуникаций связывают эффективность пропаганды на подрастающее поколение, которая определяется как процесс формирования общественного мнения путем обращения к иррациональной стороне человеческой природы. Что же касается радио, то его привлекательность для отчужденной молодежи, как считает французский специалист радиопропаганды Л. Мерлин, и состоит в том, что радиопередачи усваиваются часто механически, в любой ситуации — и даже тогда, когда молодой человек работает.

Возможность применения иррациональных клише в юношеской аудитории буржуазные социологи и пропагандисты объясняют целым рядом специфических изоляционистских качеств молодежи.

Поскольку молодежь, как и всякая отчужденная группа, склонна к субъективизму, то и пропаганда на молодежь должна ставить перед собой задачу «внушения на субъективном уровне». К тому же «внушабельность» индивида определяется буржуазными социологами как «функция его физиологического поля, которое у молодежи якобы складывается под влиянием субъективных факторов»¹.

Концепция отчуждения молодежи, как полагают буржуазные теоретики средств массовых коммуникаций, дает им основание заявить, что юношеская аудитория положительно воспримет попытки пропагандиста ограничить свободу выбора, хотя Е. Гендерсон и считает такие попытки прямым утверждением иррационализма².

Подобная тактика опирается на утверждения экзистенциализма о глубокой субъективности свободы современного отчужденного молодого человека, сконцентрированной в понятии внутренней свободы. Хотя экзистенциализм говорит о личной ответственности при принятии решения, он ушел от ответа на остреешие проблемы идейного и морального выбора, от указания конструктивных путей для самоопределения в сложных общественных ситуациях.

Ссылаясь на подобную экзистенциалистскую концепцию, буржуазные теоретики средств массовых коммуникаций утверждают, что недостаточный социальный опыт молодежи приводит к тому, что подрастающее поколение, хотя и сознает внутренне свою ответственность, тем не менее предпочитает не задумываться в неясной ситуации, полагаясь преимущественно на стереотипные пропагандистские штампы. «Кто может с уверенностью сказать, что такое «хорошо» и что такое «плохо»?» — спрашивает Г. Чайлдз, ссылаясь на сложность выработки определенного мнения «в мире враждующих идеологий и философских систем»³.

Поэтому пропагандистские клише зачастую являются отражением неопозитивистской доктрины эмотивизма, практическим применением лингвистической философии. Буржуазных пропагандистов, как и буржуазных социологов, интересуют не столько определенные понятия, сколько слова, выражающие эти понятия. Молодежь якобы познает мир через словесное определение понятий, а потому весьма важным является «разъяснить ход рассуждений»⁴.

Нетрудно видеть, что обращение антикоммунистических средств массовых коммуникаций к подобным теоретическим построениям буржуазных философов направлено на то, чтобы изолировать мо-

¹ K r e c h D. From Theory and Problems of Social Psychology. New York, 1948, p. 334.

² H e n d e r s o n E. Toward a Definition of Propaganda, Journal of Social Psychology, 1943, vol. 18, pp. 71—87.

³ C h i l d s G. Introduction..., p. 80.

⁴ A i k e n H. Reason and Conduct New Bearings in Moral Philosophy. New York, 1962, p. 10.

лодежь от старшего поколения и оставить ей одну возможность выбора — обращение к антикоммунистической пропаганде.

Стремление изоляционистски настроенной молодежи к удовольствиям жизни и личной выгоде, полагают буржуазные теоретики массовых коммуникаций, также облегчает использование иррационализма. Тот факт, пишет Ф. Бартлетт в книге «Политическая пропаганда», что пропагандистское утверждение не является правдой, не может служить препятствием для его применения, ибо «правильно» то, что полезно для людей. Бартлетт, однако, замечает, что понятие «полезности» весьма аморфно, и полезное для одного может оказаться вредным или бесполезным для другого. Кто же должен определять «полезность»? Как полагает Бартлетт, это должен делать сам пропагандист¹.

Формирование иррационализма ставится буржуазными теоретиками средств массовых коммуникаций в прямую связь с обучением молодежи. Американские социологи Д. Крех и Р. Кратчфилд полагают, что обучение якобы «формирует у молодежи предрасположенность к усвоению любой информации»².

Есть, однако, и другая точка зрения на взаимодействие обучения и пропаганды. Л. Доуб говорит, что если целью обучения является накопление знаний и расширение кругозора, то цель пропаганды — заставить человека прийти к определенным выводам, не обращая внимания на доказательность. Отсюда Доуб делает вывод, что пропаганда эффективна тогда, «когда наука оттеснена или существует конфликт идей»³.

Подобный вывод дает основание буржуазным теоретикам и практикам массовых коммуникаций в определенных случаях строить пропаганду исходя из отчуждения молодежи от культурного наследия старших вообще и от современного процесса обучения в частности. В обоих случаях доказательности научного мышления умышленно противопоставляется бездоказательный пропагандистский стереотип.

Впечатлительность молодежи или, как говорят буржуазные социологи, ее способность легко поддаваться ангажированию делает возможным, по их мнению, использование в пропаганде прямой лжи. В соответствии с этим Л. Доуб считает задачей пропаганды направление к цели, которая «не может считаться научной и имеет сомнительную ценность для общества в данное время»⁴.

Особенно выделяют буржуазные теоретики средств массовых коммуникаций эмоциональную реакцию молодежи на воспринимаемую информацию и в связи с этим необходимость формирования эмоционально окрашенных стереотипов, которые бы возбуждали такие чувства, как страх, тщеславие, склонность к авантюризму и ни-

¹ См.: Bartlett F. Political Propaganda. New York, pp. 95—96.

² Kreh D., Grutchfield R. From Theory and Problems of Social Psychology. New York, 1948, p. 332.

³ Doob L. Public..., pp. 241—242.

⁴ Doob L. Propaganda: Its Psychology and Technique. New York, 1935, pp. 71—79.

гилизму, честолюбию. Естественно, что при таком подходе эмоциональность понимается как нечто тождественное иррационализму. У. Олбиг, отмечая необходимость опираться на эмоции, в то же время признает, что «пропагандист не питает расположения к уму человека», что «разум человеческий он в грош не ставит и стремится лишить человека возможности воспользоваться логикой мышления»¹.

Ориентация на эмоционально окрашенные иррациональные стереотипы исходит из утверждений буржуазных психологов о том, что молодыми людьми движут эмоции, а не информация или знание. Поведение индивидов, заявляет Р. Мертон, «определяется подсознательными мотивами, которые имеют эмоциональную основу»².

Первое место при возбуждении эмоций у молодежи буржуазные пропагандисты отводят страху. Для пропагандиста важно то, писал К. Шеттлер, что люди, которые чувствуют себя беззащитными, становятся более восприимчивы к определенным видам пропаганды. Пропагандист знает, что «человек, испытывающий состояние беззащитности, теряет способность поступать так, как он привык это делать»³. Призывы к «гражданскому неповиновению», упреки старшим в «игнорировании» молодежи и создании положения социального неравенства поколений, демагогические утверждения о возможных преследованиях, реклама капиталистического образа жизни — все эти акции буржуазной пропаганды в открытой или завуалированной форме рассчитаны на возбуждение страха как первотолчка для дальнейшего усвоения информации: страха лишиться самостоятельности, страха быть человеком «второго сорта» по сравнению со взрослыми, страха перед мифическими преследованиями, страха не успеть испытать все удовольствия в жизни.

Буржуазные теоретики массовых коммуникаций выделяют два этапа в возбуждении страха в юношеской аудитории.

Первый этап — это создание атмосферы неуверенности, растерянности. При этом рекомендуется возбуждать на уровне обыденного сознания «общий испуг в связи с банкротством старых принципов и отсутствием их удовлетворительной замены»⁴. Практическое воплощение подобная установка в частности находит в характеристике буржуазным радио молодежи как «потерянного поколения», культивировании нигилистического отношения к духовному наследству старших, утверждении «всемирного бунта» молодежи и т. д.

Вместе с тем созданию атмосферы неуверенности, как полагает Биллингтон, должна способствовать и такая национальная черта русских, как постоянные «раздумья о собственной судьбе»⁵. Эмо-

¹ Albig W. Modern..., p. 223.

² Merton R. Mass Persuasion: Moral Dimension, in G. Steinberg, Mass Communicators: Public Relations, Public Opinion and Mass Media. New York, 1958, p. 98.

³ Schettler C. Public Opinion and American Democracy. New York, 1956, p. 393.

⁴ Caws P. Science and the Theory of Value, pp. 7—8.

⁵ «Life», 13. XI. 1967.

циональное восприятие молодежью некоторых сторон культа личности якобы привело к тому, что такие раздумья стали носить отпечаток растерянности — а это должно облегчить нагнетание тревожных настроений.

Второй этап в создании обстановки страха — постепенное возбуждение массового испуга, культивирование психологии всеобщей неврастении. В этом случае, как и при нагнетании атмосферы растерянности, также рекомендуется использовать и глобальные факторы и локальные. Глобальный фактор — это якобы всеобщий процесс утраты отчужденной молодежью добродетели и восхищения, а в связи с этим и душевного равновесия. Молодые люди, пишет Ж. Даниэль, видят явственные угрозы и потому испытывают душевное беспокойство ¹.

Что же касается локального фактора при создании обстановки массового испуга, то обычно это вымыслы о положении советской молодежи. Так, японский «советолог» по юношеским проблемам Мамори Кикиути говорил о «тревоге» среди советской молодежи, которой, однако, он не может дать какого-либо определения ².

Защищая свою тактику по ориентации на эмоции, буржуазные теоретики средств массовых коммуникаций говорят, что без эмоций нет пропаганды. В общем с этим можно было бы согласиться, но с оговоркой: эмоции опираются на знания и убеждения. А именно этого и нет в информации, преподносимой антикоммунистами.

Видимо, понимая, что рациональное мышление будет препятствовать усвоению иррациональной информации, буржуазные идеологи всячески стремятся лишить молодежь возможности здраво оценивать информацию.

* *
*

Формирование иррациональных стереотипов у отчужденной молодежи, считают буржуазные теоретики средств массовых коммуникаций, должно осуществляться в условиях сегрегации социального опыта поколений. Не зная социального опыта прошлого, молодые легче поддаются воздействию иррациональных стереотипов. Не осознав связь своих интересов с интересами старшего поколения и всего общества в целом, молодежь оказывается более восприимчивой к пропаганде, направленной объективно против ее интересов. Буржуазные социологи Келли и Волкарт прямо говорят, что люди, которые не ценят групповых связей, легче воспринимают коммуникацию, содержание которой не соответствует духовным, моральным ценностям их группы ³.

Поэтому буржуазная пропаганда считает наиболее подверженной влиянию иррациональных стереотипов ту часть молодежи, ко-

¹ «Nouvelle Observateur», 13. III. 1968.

² «Japan Times», 5. III. 1968.

³ См.: Kelly S. Political Campaigning. Washington, 1960.

торая еще не полностью определилась в своих взглядах на жизнь, находится на перепутье после школы, в первые годы на производстве или в студенческой аудитории. Поэтому она пытается заразить идеями «технократии» молодую техническую интеллигенцию и тем самым отторгнуть ее от общественно-политической деятельности, посеять сомнения у рабочей молодежи в достоинствах советского и доказать преимущества и прелести западного образа жизни, выискивать недостатки коллективного сельского хозяйства и возвеличивать достоинства частного сектора в глазах молодежи села. При этом буржуазные идеологи нередко опираются на реальные особенности исторического процесса, но дают им однобокое и ложное истолкование, абсолютизируют их в соответствии со своими классовыми интересами.

Прежде всего тенденциозно утверждается, что отчужденная молодежь сама находит ответы на поставленные ею вопросы и что старшим необходимо положительно встретить вызов со стороны молодых людей. Ведь именно старшие якобы виноваты в том, что сейчас среди подрастающего поколения нет «почитателей, а есть только прокуроры», что для этого поколения нет больше «богов и вождей, которые бы могли научить вступающих в жизнь»¹.

К сожалению, отголоски подобных спекулятивных утверждений об иррациональном подходе молодежи к социальному опыту прошлого проникли и в отдельные труды ученых, стремящихся объективно проанализировать положение молодежи социалистических стран. Так, С. Шувар, доктор общественных наук Югославии, считает, что молодежь принимает мир не таким, каким он есть, а таким, каким он должен быть. Поколения, как правило, идут по дорогам, которые не создают и не открывают, а которые принимают, но принимают их молодежь «критически, с амбицией оставить собственные следы, и она не готова ходить по следам старших, если точно не знает, куда они ведут»².

Подобные толкования изоляционистской «самостоятельности» подрастающего поколения, по существу, смыкаются с позицией буржуазной пропаганды, которая считает иррациональный нигилизм молодежи не только нормальным явлением, но и естественной реакцией на развитие социалистического строя. Антикоммунисты даже пытаются придать этому нигилизму национальный колорит, и обращаются к русской истории и литературе, в частности к образу Базарова, у которого, однако, отрицание было протестом против феодальных и капиталистических общественных условий. Стараясь не замечать этого существенного факта, буржуазные пропагандисты голословно утверждают, что именно на Базарова якобы походит советская молодежь, «критически настроенная, но не циничная,

¹ «Nouvelle Observateur», 13. III. 1968.

² Шувар С. Союз молодежи Югославии — организация молодых строителей коммунизма. Стенограмма международного симпозиума молодых ученых социалистических стран «Влияние идей Октября в развитии стран мировой социалистической системы», секция «Социализм и молодежь». М., 1967, стр. 69—70.

осторожная, но не запуганная, не удовлетворенная, но не разочарованная, молодежь тесно связанная со своей политической системой. Цель молодых людей — более свободная, более лучшая жизнь, их любимое слово «охладись»¹.

Одновременно буржуазная пропаганда противопоставляет позитивное отношение старших к жизни и критический подход молодежи к действительности, выдержанность взрослых и «смелость» молодежи, учет жизненных обстоятельств старшим поколением и самостоятельность, чувство собственного достоинства молодежи.

Небезынтересно, что и здесь буржуазная пропаганда следует своей тактической триаде: подменить социально-экономические проблемы морально-этическими, затем дать их критику и, наконец, объяснить «морально-этические конфликты» социальными причинами. Нигилизм, заявляет зарубежное радио, — порождение советской идеологии и он должен вылиться в идеологический конфликт, в потребительское отношение молодежи к жизни. Характерное явление для молодого человека — это отчаяние в связи с тем, что его постоянно поощряют жить и работать для будущего поколения и приносить жертвы (!) во имя чего-то, что может «вообще никогда не наступить». Двадцатилетний студент якобы сказал корреспонденту Би-би-си: «Чем же наш XX век не хорош, я хочу жить теперь, а также и потом».

Таким образом, взяв вначале за исходный пункт своей программы «критического» отношения молодежи к жизни такие высокие категории, как самостоятельность, смелость, чувство собственного достоинства, буржуазная пропаганда свела их на практике к мещанской морали.

В соответствии с подобной подменой тезисов строятся многие передачи зарубежного радио, где делается упор на несостоятельность принимаемых на веру идей и распространение среди молодежи скептицизма и «нетерпеливого отношения к теориям и высказанным идеалам». Одновременно буржуазная пропаганда ищет в советской общественной жизни те индикаторы, которые бы подтвердили, что молодежи надоело слушать наставления, что она хочет слышать нечто конкретное, имеющее прямое отношение к ней самой. Такими индикаторами, как ни странно, Би-би-си объявляет большие тиражи научно-популярных журналов — как будто интерес к науке можно противопоставить интересу к политике.

Буржуазные идеологи не только стремятся обосновать закономерность иррационального скептицизма у современной молодежи, но и пытаются связать дальнейшее развитие общества и самоутверждение в жизни новых поколений с еще большим развитием нигилизма. Западногерманский социолог Гельмут Лампрехт в своей книге «Молодежь и те, кто ею командует» считает, что для нынешней отчужденной молодежи характерен не избыток скептицизма, а его недостаток. Другой западногерманский социолог Гюнтер Мюллер, препарируя фальсифицированными данными «опроса ком-

¹ «Look», X. 1966.

сомольцев», заявляет, что желательно создание такой ситуации, при которой бы «поощрялось высказывание критического мнения»¹.

В соответствии с этой заранее спланированной фальсификацией буржуазная пропаганда наиболее перспективным качеством, на котором может базироваться создание универсального «молодежного общества» будущего, объявляет глубокий скептицизм. Так, Французское радио, комментируя впечатления участников советско-французского молодежного лагеря, отметило, что на советскую молодежь якобы большое впечатление произвело не что-нибудь, а «незаурядный критический ум» французов.

Конкретной формой пропаганды иррационального скептицизма является развенчание «авторитетов», весьма напоминающее тактику китайских средств массовой информации во время «культурной революции». Буржуазные средства массовых коммуникаций всячески смакуют изоляционистский лозунг «Долой отцов!», а само его появление объясняют следствием протеста молодежи против «тысячелетнего, ужасного и часто ненавидимого символа авторитета». При этом, пытаясь прикрыть иррациональный характер кампании по огульному шельмованию «авторитетов», буржуазные идеологи, в частности западногерманский профессор Хельга Просс, заявляют, что весьма трудно отличить рациональные элементы «авторитета» от иррациональных². А известный американский социолог, профессор Мичиганского университета Анатолий Рапопорт в своей книге «Стратегия и совесть» даже утверждает, что рациональный анализ не может быть обременен «благоговением перед авторитетами»³.

Подобная тактика буржуазных социологов и пропагандистов опирается на философию прагматизма, по которой человек определяет свои действия, не руководствуясь никакой теорией и опытом прошлого, ибо и то и другое якобы есть практика, взятая лишь в «идее» и необходимая в связи с определенной практической задачей.

Стремясь вызвать эмоциональную реакцию у своих потенциальных слушателей, зарубежные радиостанции выражают соболезнование молодежи по поводу «насильственного умерщвления» ее интеллекта «авторитетами», которые только заставляют слушать и не позволяют возражать. Типичная форма таких «соболезнований» — открытые письма молодых людей своим отцам, где формирование стереотипа неповиновения «авторитетам» строится на основе возбуждения страха.

«Вы избиваете нас словами, — обращается «Немецкая волна» к «авторитетам» от имени молодежи, — возможно из страха потерять свой престиж во время такой беседы. Дети должны молчать, когда разговаривают взрослые. Эта фраза всегда была самым удобным приемом воспитания».

Здесь совершенно очевидно просвечивает желание, используя стремление молодежи к честности, доказательности, поискам исти-

¹ «Vorwärts», 18. VII. 1968.

² «Vorwärts» 21. XII. 1967.

³ Рапопорт А. Strategy..., p. 23.

ны, подменить воспитание на традициях дискуссией о том, как должны себя вести старшие.

Показательно, что в своих попытках сформировать иррациональный нигилизм по отношению к «авторитетам» буржуазная пропаганда становится на путь прямой софистики. Иррациональное отношение старших, говорит она, к самостоятельному мышлению молодежи формируется вполне рационально. Так, «Нью-Йорк таймс», поместив фальшивку — «признание» советского школьника об obstructии самостоятельного мышления учащихся преподавателями, отвечающими на вопросы «почему?» и «как?» выкриками «Вы — наглец!» и «Вы — нигилист!», прокомментировала этот материал устами «авторитета» в области образования, который якобы доверительно сообщил, что подобная политика «приведет к умственному застою общества»¹.

Одновременно буржуазная пропаганда пытается проташить мысль о том, что «зажимание рта» молодежи имеет социальную основу, так как выражает страх старших перед прогрессом, зависть к молодежи, боязнь признаться в собственной несостоятельности. Старики, сообщая «Голос Америки», отдают себе отчет в том, что быстрая урбанизация и необходимость устранения в сильной степени бюрократического контроля будут способствовать созданию поколения молодежи, которое может находить себе пути без указки и правил, а поэтому консервативные деятели делают все, что в их силах, чтобы затормозить этот прогресс.

Таким образом, антикоммунистический характер кампании по низвержению «авторитетов» наглядно проявляется в фальсификации марксистско-ленинского мировоззрения и клевете на советскую действительность. Показательно, что широко рекламируемый иррациональный скептицизм по отношению ко всем «авторитетам» практически применяется буржуазной пропагандой только к представителям Коммунистической партии. В то же время буржуазные идеологи пытаются подсунуть юношеской аудитории другие «авторитеты». В их число антикоммунисты, в частности, зачисляют Троцкого, Мао Цзэ-дуна и Маркузе, рассчитывая, что их идеи могут оказать «влияние на определенные круги молодежи»².

Попытки буржуазной пропаганды формировать иррациональные стереотипы в условиях сегрегации социального опыта поколений абсолютно несостоятельны с точки зрения социального анализа, ибо полностью игнорируют социальные связи в обществе, значение социального опыта, прогресс общества в целом. Они несостоятельны и с точки зрения политики, так как не учитывают наличие взаимосвязанных политических интересов различных социальных групп.

Сами же буржуазные пропагандисты полностью зависят от «авторитетов» капиталистического мира — представителей крупного капитала, направляющих идеологию и формирующих политику. Разоблачая утверждения буржуазных идеологов о «независимо-

¹ «New York Times», 28. I. 1967.

² «Vorwärts», 18. VII. 1968.

сти» личности от капиталистического общества, В. И. Ленин писал: «Свободны ли вы от вашего буржуазного издателя, господин писатель? от вашей буржуазной публики?... Свобода буржуазного писателя, художника, актрисы есть лишь замаскированная (или лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания»¹.

Ориентация на формирование иррациональных стереотипов, исходя из раздельного развития поколений, несостоятельна и с гносеологической точки зрения. Интеграция идеологических, психологических и возрастных проблем при создании иррациональных стереотипов исключает возможность какого-либо серьезного анализа, приводит к путанице причины и следствия, делает невозможным применение индуктивного и дедуктивного метода исследования.

Поэтому тем более важно в каждом конкретном случае давать объяснение тех или иных проблем молодежи исходя из специфики возраста, как определенного психического состояния, из особенностей развития общественной жизни и, наконец, из уровня воспитательной работы.

Так, когда буржуазная пропаганда призывает молодежь к «неповиновению», она пытается ориентироваться на вполне определенные особенности юного поколения. Действительно, если учесть, что молодежь восприимчива, импульсивна, пытлива и категорична в суждениях, что ей часто свойственны нетерпение и горячность, то станет понятным и легко объяснимым то, что молодежь до всего хочет дойти сама, подчас забывая, что уже многое открыто. Однако в советской действительности не существует тех глобальных препятствий к самоутверждению личности, о которых постоянно говорит зарубежная пропаганда. Наоборот, основы коммунистического воспитания предполагают активное самостоятельное утверждение молодежи в жизни.

Буржуазная пропаганда стремится использовать большое значение субъективного фактора в оценке молодежью некоторых явлений действительности. Антикоммунизм учитывает, что на молодежи сказались особенности развития общественной жизни последнего времени, определенная переоценка ценностей, неправильное освещение существа культа личности в ряде литературных произведений и т. д. По расчетам буржуазных идеологов, это должно привести к появлению у отдельных молодых людей элементов скептицизма и нигилизма.

На наш взгляд, не следует преувеличивать в пропаганде влияние на молодежь единичных негативных явлений, какими бы значительными они ни представлялись. Определяющее значение в восприятии молодежью событий и явлений действительности имеет сам характер общественной жизни наших дней с исключительно быстрой сменой коллизий, высоким темпом развития. В то же время в силу определенного отставания сознания от бытия, от хода событий не-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 103—104.

обходима поправка на ускоренный темп современного развития и еще формирующееся сознание молодого человека.

Нельзя не учитывать также определенных расхождений между возросшим уровнем образования и материального обеспечения молодежи, с одной стороны, и уже сложившимся уровнем культурного и материального потребления общества в целом, с другой стороны. Это расхождение, в частности, находит свое отражение в проблеме акселерации, когда физическое и интеллектуальное развитие молодого человека идет более быстрыми темпами и в то же время замедляется его гражданское становление в связи с более поздним включением в сферу производства (учеба, запрещение государством труда несовершеннолетних и т. д.). Подобные изменения, в свою очередь, по-новому ставят проблему социализации молодежи.

Характерно, что зарубежная пропаганда при своем обращении к аудитории советской молодежи не касается этих вопросов, а именно они могли бы объяснить особенности поведения молодежи и характер отношений между поколениями. Это, в частности, говорит о том, что разоблачение иррационального характера буржуазных пропагандистских стереотипов должно вестись активно, с позиций утверждения нашей социалистической действительности.

Тактика буржуазных идеологов по формированию иррациональных стереотипов в условиях сегрегации социального опыта поколений не ограничивается игнорированием опыта старших. Подобное игнорирование в конечном итоге должно вести к активному протесту, бунту, провоцированию, действиям откровенно экстремистского характера. В данном случае направленный против старших юношеский экстремизм служит для буржуазной пропаганды как целью, так и средством создания атмосферы, способствующей формированию иррациональных стереотипов.

Поэтому буржуазное радио усиленно муссирует стереотипы «бунтарского» поведения молодежи. «Голос Америки» даже видит в этом поведении глобальную тенденцию, ибо якобы «в последнее время молодежь всего мира объединена одним словом и это слово — протест». Би-би-си усматривает в подобном процессе образование глобальной «группы давления», так как «из многих европейских стран приходят сообщения, говорящие о мятежном настроении среди студенчества» и даже более того — «брожение среди студентов охватывает весь земной шар и наблюдается даже в странах Восточной Европы».

Видимо, сознавая, что односторонняя пропаганда негативного экстремизма вряд ли может увлечь молодежь, буржуазные теоретики и практики средств массовых коммуникаций одновременно пытаются связать с юношеским экстремизмом стереотипы неких позитивных задач. Таким позитивом должна служить так называемая программа исправления «морального преступления» старших. Показательно, что в этой программе в последнее время все настойчивее стал звучать лозунг, поразительно напоминающий тактику китайских хунвэйбинов: молодежь должна перевоспитывать стар-

ших, разоблачать их эгоизм и мещанские нравы. Так, говоря о высоких идеях, которые исповедовали старшие, «Немецкая волна» вкладывает в уста представителей юного поколения следующие слова, обращенные к отцам: «Мы, молодые люди, замечаем, что вы не осуществили эти идеи и мы разоблачаем ваш эгоизм, вашу склонность к уютной, основанной на самообмане жизни».

Таким образом, «позитивная программа» опять сводится к разжиганию изоляционистских настроений, возрастного конфликта, что, в свою очередь, связывается с культивированием крайнего нигилизма и анархизма. Особенно наглядно это проявляется в центральном пункте программы исправления «морального преступления» старших — пропаганде гражданского неповиновения.

Та же «Немецкая волна» в специальной передаче «Неповиновение — залог демократии» убеждала, что спокойствие было первой обязанностью подданного, а беспокойство характерно для демократов. Осознание демократии означает воспитание молодого поколения в духе критическом, скептическом, трезвом, в духе неповиновения. Поэтому школа якобы должна приучать к критике, откровению, должна приучать быть настороже, а ученик не должен больше притерпываться какого-либо мнения лишь потому, что его придерживается учитель. Чтобы не оставалось сомнений в том, на кого рассчитана эта передача, «Немецкая волна» добавляла: на каждом шагу, как на Востоке, так и на Западе, молодежь выражает свое нетерпеливое недовольство условиями, господствующими в обществе, — будь то демонстрации западногерманских студентов, шествия пражских студентов, сожжение призывных повесток американскими призывниками или «протест молодых советских литераторов». Формы, мол, различны, но содержание этих действий идет в одном направлении. Молодежь недовольна закостенелыми доктринами и хочет самостоятельно критически мыслить и действовать, не подчиняясь приказам.

Буквально, что ни фраза — то фальсификация. Она начинается с заголовка. Почему, спрашивается, неповиновение — залог демократии? Радиостанция абсолютно не уважает своих предполагаемых слушателей, если считает, что им и невдомек, что демократия — власть народа, а применительно к молодежи — широкие гарантированные права подрастающего поколения в определенном обществе. Естественно, когда таких прав нет у молодежи капиталистических стран, что косвенно признает «Немецкая волна», юноши и девушки протестуют. Но советской молодежи гарантированы широкие демократические права. Умышленно проводя параллель между самыми различными по своему характеру событиями, вытащив попутно антисоветскую сплетню, радиостанция опирается на откровенный иррационализм.

В качестве заключительного аспекта программы исправления «морального преступления» старших буржуазная пропаганда выставляет тезис о несоответствии руководящим должностям людей с сомнительной репутацией. Обычно это утверждение насыщается материалом из жизни Запада, но адресуется к советской аудито-

рии. «Молодежь, — вещает Би-би-си, — сейчас находится в состоянии открытого восстания против всего, что представляется ей в жизни общепринятым, прочно окопавшимся и не подлежащим переменам. Она считает, что нынешние власти ее совсем не олицетворяют».

Представляется весьма важным разоблачение антисоветской направленности выступлений буржуазной пропаганды по поводу «позитивной» роли юношеского экстремизма. Ведь даже тогда, когда зарубежное радио рекламирует изоляционистский молодежный «бунт» с позиций «улучшения» советского строя, оно неизменно подчеркивает, что «этот строй можно будет излечить и сохранить только тогда, когда он позволит большую свободу открытой критики и открытых исправлений» (Би-би-си).

Культивирование юношеского экстремизма, критика «авторитетов», реклама программы исправления «морального преступления» старших — все это имеет не последней целью лишить молодежь возможности воспользоваться социальным опытом старшего поколения и создать условия для восприятия иррациональной пропаганды антикоммунизма.

Ставя такие задачи, буржуазные практики средств массовых коммуникаций проявляют себя как идеалисты. Мировоззрение формируется не внушением на коротких волнах, а познанием социальной действительности. А здесь буржуазные идеологи бессильны что-либо изменить. Конечно, они могут фальсифицировать советскую действительность, рассчитывая таким образом воздействовать на мировоззрение подрастающего поколения. Но лишенная реально содержания фальсификация и объективная реальность — весьма разные категории по характеру своего влияния на ум молодого человека.

* *
*

Рассмотренный выше приоритет эмоций при игнорировании рационального социального опыта старших является главным требованием к иррациональным стереотипам. Из него буржуазные теоретики средств массовых коммуникаций выводят некоторые необходимые, по их мнению, особенности пропаганды на молодежь.

Отчетливо выраженное стремление подрастающего поколения к самостоятельности, «болезненная» реакция на ущемление его прав, неприятие командного тона — все это, считают буржуазные теоретики средств массовых коммуникаций, приводит к тому, что молодежь рассматривает пропаганду как попытку ограничить свою индивидуальность. Только очень «незрелые» или слишком озабоченные молодые люди, полагают буржуазные психологи, могут некритически реагировать на пропаганду — к таким относятся школьники, рабочая и сельская молодежь с низким уровнем образования или же те, кто испытывает какие-либо жизненные неудачи. Поэтому внушение пропагандиста должно быть облечено в такие идеологиче-

ские формы, которые, с одной стороны, были бы понятны молодежи, а с другой стороны, ставили бы под сомнение существующие общественные отношения и социальные стандарты ¹.

Буржуазные теоретики средств массовых коммуникаций предлагают несколько путей, чтобы молодежи избежать реакции «бумеранга».

Прежде всего, следует учитывать «агрессивность», задиристость молодежи, которая якобы является универсальной антииндокринационной чертой подрастающего поколения. Исходя из подобного «агрессивного» настроения молодежи, буржуазные теоретики средств массовых коммуникаций рекомендуют оставить попытки прямой индокринации молодежи привилегией старших поколений социалистических стран, а для антикоммунистической пропаганды считают выгодным не вступать в спор с юношеской аудиторией, ибо «наступления» на убеждения молодого человека могут рассматриваться им как враждебные для него действия. «Избегай спора вообще, — советует Бартлетт, — не допуская того, что есть какая-либо другая сторона, и во всех заявлениях тщательно избегай возникающих размышлений и ассоциирующих идей, за исключением благоприятных» ². Что же касается радио, то для него, считает Мерлин, особенно важно «создавать приятную обстановку и информировать: музыка и новости» ³.

Это, однако, не значит, что буржуазные социологи отвергают дискуссии. Они готовы их использовать, но при этом рекомендуют не спорить, а преподносить свою точку зрения как абсолютную, не подлежащую сомнению истину. Буржуазный социолог Теодор Арнольд в своей книге «Коммунистическая пропаганда и борьба с ней» посчитал нужным выделить специальную главу «Как вести дискуссию с коммунистами?». Он предъявляет несколько основных требований к диспуту: предварительное выяснение цели противника, искусное парирование, меткие сравнения, демагогические передержки и «лобовые атаки». При всем этом предписывается постоянно давать положительные определения фактам из «либеральной» капиталистической действительности и отрицательные определения — фактам из жизни в советских условиях ⁴.

Стремление буржуазных пропагандистов применять при диспуте «лобовые атаки» исходит, в частности, из их утверждений о «неподготовленности» советской юношеской аудитории к аргументированному спору. Так, «Дажбладет» в статье «Свободный обмен мнениями с советской молодежью» пишет, что «для большинства советской молодежи дискуссия является совершенно новым, незнакомым для нее делом» ⁵.

Диспут диспуту рознь. Для большинства советской молодежи действительно незнаком тот тип схоластического диспута, который

¹ См.: Doob L. Public..., p. 38.

² Bartlett F. Political..., pp. 70—71.

³ Merlin L. Le vrai..., p. 71.

⁴ Arnold T. Kommunistische..., S. 17.

⁵ «Dagbladet», 29. VI. 1967.

практикуется буржуазным радио и телевидением. Да и вряд ли можно ставить в заслугу жонглирование софистикой, получившее весьма широкое распространение в буржуазных средствах массовой информации.

Если же рассматривать диспут как предметное и доказательное отстаивание своих позиций, серьезный анализ аргументов оппонента, то здесь позиции антикоммунистических идеологов очень уязвимы — так же, как уязвимы их аргументы. И, наоборот, знание основ марксистско-ленинской науки дает нашей молодежи веские аргументы для активного отстаивания своих убеждений.

Разумеется, важно и знание определенных дискуссионных приемов. Поэтому весьма актуальна пропаганда получающих все более широкое распространение молодежных клубов, которые, используя дискуссионные формы, занимаются патриотическим воспитанием, прививают любовь к социалистической Родине, знакомят с жизнью выдающихся борцов за торжество коммунизма, помогают становлению социалистической нравственности, формируют иммунитет к воздействию буржуазной пропаганды.

Следующий путь для избежания реакции «бумеранга» — это, по мнению буржуазных теоретиков средств массовых коммуникаций, наличие в пропаганде того «вознаграждения», которое получает юношеская аудитория вместе с восприятием коммуникации. Из разработанной Доубом системы «вознаграждений» для молодежи наиболее характерными считаются понимание окружающих людей и общества, самопонимание, удовлетворительные личные отношения.

Вознаграждения могут быть облечены как в форму положительного, так и отрицательного стереотипа, ибо, с одной стороны, молодые люди якобы стремятся к удовлетворению своих потребностей, а с другой стороны, к освобождению от напряжения и беспокойства¹. Можно сразу заметить, что освобождение от напряжения в нужных для буржуазных идеологов размерах — вполне устойчивая тактика, осуществляемая обычно с помощью развлекательных новостей и музыки. Значительно более сложным делом считается формирование положительных стереотипов «вознаграждения».

«Вознаграждение», облеченное в форму положительного стереотипа, обычно связано с попытками создания у молодежи удовлетворения от своей большой социальной роли, правильной собственной позиции в изоляционистском ракурсе. Этим объясняются постоянные заявления буржуазных пропагандистов о том, что «вместе с понятием «молодежь» для общества открылись масштабы, которые принесли ему славу подлинной свободы», что «молодые люди открыли больше, чем предыдущие поколения», что выступления молодых против «авторитетов» — это «здоровое беспокойство»².

С формированием положительного стереотипа «вознаграждения» связана весьма любопытная деталь дифференцированного под-

¹ Lucas D., Benson C. Psychology for Advertisers. New York. 1930.

² «Dagens Nyheter», 12. II. 1967; «Dagbladet», 21. II. 1968.

хода буржуазной пропаганды к молодежи. Если создание положительного стереотипа «вознаграждения» для всех взрослых категорий населения обычно осуществляется путем обращения к положительным авторитетам, то для юношеской аудитории этот метод считается неприемлемым, так как, по мнению преподавателя Массачусетского университета Ласло Тикоша, отчужденные молодые люди «вряд ли создадут нового бога, который вдохновлял бы человечество в следующем историческом цикле»¹. Авторитет для молодежи должна заменить «народность» преподносимых пропагандистом положений.

Настороженное отношение молодежи к пропаганде, считают буржуазные теоретики средств массовых коммуникаций, ставит задачу придания информации формы, которая могла бы вызвать в юношеской аудитории желание воспринять ее. Поэтому она должна обрамляться такими фактами, музыкальными заставками и т. п., которые соответствовали бы вкусам, увлечениям молодежи. А поскольку молодежь, как говорят буржуазные социологи, наиболее увлекающаяся часть населения, то всегда существует много возможностей для привлечения ее внимания к информации, даже если содержание этой информации объективно не соответствует интересам юношеской аудитории.

Подобный «вспомогательный» интерес к коммуникации, искусственно вызываемый пропагандистом с помощью придания ей соответствующего обрамления, получил в буржуазной социологии название «вспомогательного респонса». У молодежи «вспомогательный респонс» рекомендуется вызывать, вводя в информацию музыкальные прокладки, короткие рассказы о популярных артистах и писателях, сенсационные сообщения из мира науки и техники, приключенческие моменты и прочее, что в совокупности характеризует тактику буржуазного радио: музыка и новости.

Однако эта тактика, заявляет Мерлин, может быть эффективна только в том случае, если музыка и новости будут преподноситься аудитории «молодой хозяйкой дома» — ведущим. Это не обязательно женщина, но обязательно обаятельный человек, непосредственно говорящий с радиослушателями, говорящий не тоном диктора. Ведущий, говорит Мерлин, так же относится к диктору, как человек к роботу. У диктора — голос, у ведущего — душа. Диктор — инструмент, ведущий — композитор. Ведущий — солнце, диктор — луна.

Ведущий сам превращается в «вспомогательный респонс» — и в этом его отличие от диктора. Ведущий может садиться за стол слушателя, на ручку кресла слушательницы. Но это не значит, что он держится развязно или слишком нескромно. Он — «друг дома», но надо, чтобы он умел быть желанным гостем.

Диктор обращается громким голосом к своим «дорогим слушателям». Ведущий тихо разговаривает со своими друзьями. Диктор слушает сам себя, ведущего слушают другие. Ибо весьма важен для возникновения «вспомогательного респонса» тот факт, счи-

¹ «East Europa», vol. 16, N 7.

тают буржуазные теоретики радиопропаганды, что диктор читает, а ведущий говорит¹.

Буржуазные социологи средств массовых коммуникаций, пытаясь ответить на вопрос о реакции молодого человека на информацию, рассматривают ее с точки зрения формы или пропагандистских приемов. Надо отдать им должное: в отношении создания приемов формирования ложного сознания они добились определенных успехов. Но антикоммунистические теоретики средств массовых коммуникаций обычно избегают говорить о социальном содержании информации, а именно это в конечном итоге определяет ее значимость.

* *
*

Определенные закономерности в формировании иррациональных стереотипов буржуазные теоретики средств массовых коммуникаций пытаются вывести из так называемого «черно-белого» мышления молодежи. Поскольку у отчужденной молодежи нет достаточного социального опыта и знаний, то она якобы мыслит упрощенно, черно-белыми категориями, давая всем понятиям категоричные определения, лишённые каких-либо сложных оттенков.

Молодой человек с его впечатлительностью и склонностью к романтизации фактов, говорят буржуазные социологи и психологи, на основе получаемой им информации склонен создавать определенные воображаемые модели и формы. Он упрощает их и воспринимает в сжатом виде. Все это может привести к тому, считает профессор социологии и руководитель кафедры социологии и антропологии в Дартмутском колледже М. Чукас, что будут неправильно истолковываться воспринимаемые явления, а истина станет весьма растяжимой и гибкой. В результате все это даст пропагандисту возможность «обойти врожденные стремления человека к здравому смыслу и производить манипулятивное воздействие»².

Пытаясь и здесь противопоставить «догматизм» старших и «авангардистский взгляд» подрастающего поколения, буржуазные социологи и антропологи говорят, что схема упрощенного мышления передана молодежи предыдущими поколениями, которые формировали для себя идылы, портреты, мысленные конструкции, или, как говорит Уолтер Липпман, «фикции»³.

Если «фикции» в какой-то мере удовлетворяли предыдущие поколения, то теперь, считает Олбиг, принципиально иное положение. В прошлом времени, когда сами факты существования человеческого общества были несложными, имелась возможность упрощать их, не рискуя при этом вызвать катастрофические последствия. Однако в обществе, характеризующемся возрастающей сложностью соци-

¹ Merlin L. Le vrai..., p. 129.

² Choukas M. Propaganda..., p. 120.

³ Lippman W. Public Opinion. New York, 1922, p. 15.

альных отношений, разрыв между простыми представлениями и объективной действительностью расширяется. В то же время выработанная старшими привычка к упрощению остается ¹.

Поэтому пропагандист может увеличить разрыв между поколениями, способствуя увеличению разрыва между фактами объективной действительности и их упрощенным, «черно-белым» представлением. Пропагандист, считают авторы американского «Бюллетеня по вопросам анализа пропаганды», должен строить свою деятельность с учетом психологического процесса упрощения, устраняя все и всякие «если», «но», «и». С. Чакотин рекомендует при этом использовать упрощенные политические эмблемы и символы.

Однако, учитывая высокий уровень образования молодежи и авторитет в ее глазах науки, при упрощении следует манипулировать научными терминами, чтобы создать видимость серьезного подхода к проблеме ².

Следует заметить, что в отношении радиопропаганды упрощение стимула связывается с его интенсивностью, к которой относятся громкость и четкость голоса ³.

Подобная специфика формирования иррациональных стереотипов для юношеской аудитории служит буржуазным теоретикам средств массовых коммуникаций основанием как для создания чисто «молодежных» приемов в пропаганде, так и для определенной модификации универсальных приемов, рассчитанных на многие категории населения.

Впечатлительность подрастающего поколения, значительные сангвинические черты в его характере, быстрая реакция — все это, полагают буржуазные теоретики массовых коммуникаций, позволяет применять в самых широких масштабах тактику «барража» — преднамеренного отвлечения внимания аудитории от какой-либо проблемы с помощью искусственно раздуваемой шумихи по совершенно иному вопросу. Так, в связи с разоблачением связи ряда буржуазных молодежных организаций с американским ЦРУ «Голос Америки», Би-би-си и «Немецкая волна» повели шумную кампанию о мнимом преследовании молодых советских «интеллектуалов». Пытаясь отвлечь внимание слушателей от IX Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Софии, эти же радиостанции стремились нагнетать антисоветскую и антикоммунистическую истерию, используя фальшивки о «вмешательстве» Советского Союза в дела восточноевропейских стран.

Склонность молодежи к скептицизму, утверждают буржуазные теоретики средств массовых коммуникаций, увеличивает эффективность применения в ее среде приема «копченая селедка», что значит «протянуть копченую селедку поперек дороги», «сбить со следа», т. е. направить общественное мнение по ложному пути. В связи с

¹ Albig W. Public Opinion. New York, 1939, p. 57.

² Propaganda Analysis Bulletin, vol. III, N 10; Chakotin S. The Rape of the Masses. London, 1940, ch. IV.

³ Doob L. Public..., pp. 318—320.

этим рекомендуется возбуждать у молодежи сомнения к привычной для нее интерпретации фактов, давать их «неожиданное» и оригинальное понимание. Например, пытаясь опорочить заботу Советского государства о трудоустройстве молодых специалистов и одновременно как-то сгладить тяжелое социально-экономическое положение юношей и девушек капиталистического Запада, Би-би-си сообщает, что «когда английские студенты кончают университет, то никакие власти не направляют их на ту или иную работу». С этой же целью «Голос Америки» подчеркивает, что, имея хорошие материальные условия, «три четверти молодых людей и девушек в возрасте 16—19 лет ищут работу не на полный рабочий день, а на несколько часов».

Особенно часто «копченая селедка» применяется при попытках изменить идейно-политические взгляды молодежи, при этом прямая фальсификация обычно маскируется с помощью псевдонаучной фразеологии. Так, профессор Лондонского института политэкономии Альберт Маккензи, объясняя по радио Канады причину «студенческих волнений в странах Востока», заявил, что студенты действительно интересуются взглядами К. Маркса, но только раннего Маркса. А затем Маккензи утверждал, что большое влияние на современное студенчество оказывают также взгляды Г. Маркузе, который якобы является для студентов «поздним Марксом XX века». Нетрудно видеть, что в данном случае буржуазные пропагандисты, используя глубокий интерес молодежи к научному коммунизму, пытаются подменить марксизм не имеющим с ним ничего общего маркузианством.

Подверженность молодежи эмоциям, полагают буржуазные теоретики средств массовых коммуникаций, весьма облегчает применение в юношеской аудитории приема блефа — шантажирования несуществующей в действительности угрозой. Применяя блеф, буржуазные пропагандисты стремятся, с одной стороны, возбуждать у молодежи страх, а с другой стороны, изоляционистские настроения. Поэтому зарубежное радио постоянно выражает сожаление по поводу насильственного «умерщвления» интеллекта молодежи и понижения ее самостоятельности, пытается культивировать страх перед мифическими репрессиями, спекулирует на материальном «неравенстве» поколений.

Нигилизм молодежи, убеждены буржуазные социологи и психологи, способствует использованию приема «нейм коллинг», который заключается в приписывании какой-либо идее или личности оскорбительной клички, подрывающей ее авторитет. Применительно к «конфликту поколений» это означает подчеркивать отсутствие у взрослых уважения к молодежи. В то же время буржуазное радио постоянно пытается проводить «аналогию» между действиями советского и царского правительств по отношению к молодежи, между комсомолом и гитлеровской молодежной организацией, между коммунизмом и фашизмом.

Значительно реже употребляется в юношеской аудитории прием «глитеринг дженерелити», весьма широко используемый в отноше-

нии других слоев населения. Этот прием состоит, в приписывании идее или личности положительных качеств, а поскольку молодежи, как утверждают буржуазные социологи и психологи, свойственно нигилистическое миропонимание, то использование «глитеринг дженерелити» в данном случае весьма ограничено. Обычно оно опирается на «стихийное» стремление молодежи к «бунту»: антисоветские выступления сравниваются с действиями русских революционеров, молодые «бунтари» объявляются последователями «корифеев мировой тоски и скептицизма» и т. п.

На недостаточный социальный опыт молодежи в сочетании со стремлением показать свою осведомленность и боязнью показаться в чем-либо неинформированным опирается применение приема «трансфер», переносящего престиж известного юношеской аудитории лица или организации на неизвестное лицо или организацию. Например, весьма часто буржуазное радио ставит заштатных антисоветчиков в один ряд с известными общественными деятелями, учеными, писателями.

С привычкой молодежи к процессу обучения связывается применение приема «текстимониал», при котором лицу, пользующемуся хорошей или плохой славой, дают возможность высказаться хорошо или плохо в отношении другого лица или идеи. Так или иначе, считают буржуазные теоретики средств массовых коммуникаций, сказанное отложится в общую копилку знаний молодого человека. Явно имея такие расчеты, зарубежные радиостанции в канун пятидесятилетия Великого Октября предоставляли микрофон А. Керенскому, П. Сорокину и другим известным антисоветчикам, которые клеветали на Великую Октябрьскую социалистическую революцию. «Текстимониал» используется также при умышленном искажении высказываний классиков марксизма-ленинизма, выдающихся представителей науки и культуры и т. д.

Фрагментарность мышления молодежи, убеждены буржуазные теоретики средств массовых коммуникаций, способствует применению приема «кард стокинг», суть которого сводится к подтасовке фактов, логических и нелогических заявлений для придания лучшего или худшего варианта представления о какой-либо идее или личности.

Наконец, изоляционистским аполитизмом молодежи буржуазные теоретики средств массовых коммуникаций обосновывают применение приема «бэнд взгон». В этом случае пропагандист убеждает юношескую аудиторию в том, что «все делают так», и поэтому следует слушаться советов пропагандиста и входить вместе с ним в «общий вагон». Пытаясь спровоцировать конфликт поколений в Советском Союзе, буржуазное радио постоянно подчеркивает, что молодежь бунтует во всех странах, что изоляционистский экстремизм присущ в той или иной степени всем выступлениям молодежи, что вся молодежь отвергает пропаганду и т. д.

Массированное применение всех этих приемов, полагают буржуазные теоретики и практики пропаганды, может значительно упростить завоевание аудитории.

Тем не менее, буржуазные теоретики средств массовых коммуникаций считают внедрение в сознание молодежи иррационализма весьма трудным делом. Пропаганда на молодежь, говорят они, сталкивается с сильными противниками: процессом познания и обучения подрастающего поколения, дающим рациональное представление о мире, и склонностью трезвого ума отвергать все, чья истинность кажется сомнительной.

Поэтому буржуазные пропагандисты полагаются на агностицизм, на несовершенство наших органов чувств, рассчитывая, что вызванное искусственно расстройство этих органов приведет к ошибкам в восприятии того, что мы считаем фактами. Чукас совершенно недвусмысленно заявляет, что, оперируя фактами, пропагандист стремится в полной мере использовать в своих интересах недостатки, присущие человеку¹.

Все многочисленные «недостатки» молодежи, на которых основываются приемы буржуазной пропаганды по культивированию иррациональных клише, имеют в своей основе, как считает целый ряд зарубежных социологов, характерный современный аспект миропознания подрастающего поколения — его громадный интерес к информации и связанное с этим ее механическое усвоение. Именно на распространение «информированного невежества» среди молодежи делают основную ставку пропагандисты иррационализма.

В этих условиях особое значение приобретает глубокое изучение молодежи общественных наук. В постановлении ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» отмечается необходимость вести систематическую наступательную борьбу против антикоммунизма, давать обстоятельную критику современной буржуазной философии, социологии, историографии, права и экономических теорий, шире практиковать проведение товарищеских дискуссий по спорным или недостаточно ясным вопросам².

* *
*

Иррационализм буржуазной пропаганды на молодежь отрицает объективную истину для подрастающего поколения и вместе с тем отрицает истину вообще. Ибо где нет объективности информации, там нет и самой истины. «Идея, — говорил Гегель, — есть адекватное понятие, объективная истина или истина как таковая»³.

Характерно, что особенно рьяно буржуазные пропагандисты препарируют в духе иррационализма общественные явления, преж-

¹ Ч о у к а с М. Propaganda..., p. 185.

² О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве. Постановление ЦК КПСС. «Коммунист», 1967, № 13.

³ Гегель. Соч., т. VI, М., 1939, стр. 214.

де всего подменяя действительные движущие силы общественного прогресса юношеским изоляционизмом.

Подобная интерпретация социальных явлений по-своему отражает гносеологические аспекты современных буржуазных философских течений. Она непосредственно опирается на неокантианство, отрицающее самую возможность познания человеческой деятельности. Она созвучна философии Сартра, заявляющего, что «социально-исторический эксперимент оказывается вне познания»¹. Она соответствует персонализму, отрицающему идею объективной информации.

Поскольку объект пропаганды с его недостаточным социальным опытом, считают буржуазные теоретики и практики средств массовых коммуникаций, не в состоянии проверить объективность информации (в силу отдаленности от источников информации, от описываемых событий и т. д.), то пропагандист ничем не рискует, прибегая к фальсификации. Созвучно этому заявление на XIV Международном философском конгрессе философа-теолога М. Геру. Истинность социальной, исторической информации, говорил он, можно проверить только соотнося факты и мысли, для чего необходимо свидетелем происходивших событий. Но где же его взять?²

Теоретики и практики буржуазных средств массовых коммуникаций находят у буржуазных философов полное обоснование самого процесса культивирования иррациональных стереотипов. Даже такой известный антикоммунистический философ, как Р. Арон, заявляет, что сама человеческая история в определенном смысле иррациональна. А если это так, то какой смысл ее рационально комментировать для молодого человека, только еще формирующего свое мировоззрение?

Антисоциальный смысл такой трактовки информации признает целый ряд буржуазных теоретиков и практиков средств массовых коммуникаций. Тем не менее культивирование социально вредных для подрастающего поколения иррациональных клише считается неизбежным вследствие самой сущности антикоммунистической пропаганды, игнорирующей разум молодого человека. В результате подобный подход к пропаганде приводит к игнорированию объективных закономерностей усвоения молодежью информации, к выдвиганию на первый план массового использования иррациональных стереотипов.

Детальную разработку пропагандистских приемов в отношении молодежи нельзя отнести к успехам буржуазных средств массовых коммуникаций. Это вынужденная необходимость, стремление приккрыть антисоциальное существо проводимых акций определенной системой манипулирования человеческим сознанием.

Буржуазные пропагандисты стремятся извратить познание молодежью объективной действительности с помощью теории юноше-

¹ Sartre J.-P. Critique de la raison dialectique. Paris, 1960, p. 28.

² См.: «Akten des XIV Internationalen Kongresses für Philosophie», Bd. I, S. 5.

ского изоляционизма. Но процесс социального становления молодежи неотвратим. Выступая против него, буржуазная пропаганда сама же противопоставляет себя подрастающему поколению, вызывая тот самый эффект «бумеранга», концепцию которого так полно разработали ее теоретики.

Предлагаемые буржуазными социологами различные пути модернизации антикоммунистической пропаганды на молодежь не могут привести к какому-либо повышению эффективности средств массовых коммуникаций, ибо остается неизменной сама их цель — извращение процесса социального становления молодежи. Отказаться от этой цели антикоммунистическая пропаганда не может, ибо тогда она не была бы антикоммунистической.

Поэтому буржуазные теоретики строят свои концепции на идеалистической основе, считая, что главное в информации не объективное отражение реальной действительности, а субъективные впечатления от нее. Поэтому же эти концепции являются своеобразным преломлением в сфере средств массовых коммуникаций агностицизма. Буржуазные социологи не только не ставят задачей средств массовых коммуникаций верное отражение действительности, но, напротив, умышленно противопоставляют усвоение информации и функцию познания.

Оставляя за собой функцию дезинформации, буржуазная пропаганда лишает себя всяких возможностей для достижения сколько-нибудь значительных и устойчивых успехов. Отвечая на клевету белогвардейских листов, видевших причину успехов большевиков в том, что они «не жалеют денег на агитацию», В. И. Ленин говорил, что «народ слышал всякую агитацию... Смешно думать, что он пошел за большевиками, потому что их агитация была более искусна. Нет, дело в том, что агитация их была правдива»¹.

Правдивое, глубоко партийное объяснение объективной реальности, волнующих молодежь проблем является самым действенным средством в борьбе против буржуазной пропаганды на юношескую аудиторию.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 69.

Критическому анализу буржуазных философских и социологических концепций посвящены обстоятельные труды целого ряда советских ученых. В них показана научная несостоятельность, антикоммунистическая направленность теорий, претендующих на раскрытие социального развития общества в целом.

Вместе с тем сегодня настоятельной необходимостью является критическое рассмотрение возникающих в последнее время теорий, ориентирующихся на определенные социальные слои. В данной работе анализируется одна из них — теория юношеского изоляционизма, нацеленная на молодежь.

Рассмотрение концептуальных построений буржуазных философов и социологов, избирательно подходящих к различным социальным слоям, требует решения как частных проблем по избранной теме, как и общих, связанных с методологией анализа подобных теорий. Методологической основой этого анализа является марксистско-ленинская диалектика. Применение категорий части и целого, единичного и общего и других позволяет вскрыть порочность «дифференцированного» подхода буржуазной науки к определенным слоям населения, в данном случае к молодежи.

Эклектичность теории юношеского изоляционизма, как и ряда других буржуазных философских и социологических теорий, сориентированных на различные категории людей, затрудняет анализ, который в данном случае имеет определенные методологические особенности. В работе определяется общее и особенное в концепциях ряда буржуазных философов и социологов и в связи с этим выявляются существенные признаки теории юношеского изоляционизма. В гносеологическом аспекте особое внимание обращено на субъективное отражение буржуазной наукой объективных общественных процессов.

Рассмотрение теории юношеского изоляционизма на основе методологии марксистско-ленинской диалектики показывает ее полную научную несостоятельность и позволяет сделать вывод, что она не может быть признана цельной научной теорией. В действительности, это весьма фрагментарный набор искусственных построений, извращающих реальные общественные процессы.

В работе вскрывается классовая сущность и антикоммунистическая направленность теории юношеского изоляционизма, ее «советологические» аспекты. Показывается несостоятельность попыток использовать в целях антикоммунизма ряд качеств подрастающего поколения, прогнозировать для него будущее и формировать извращенное сознание.

Анализ буржуазных средств массовых коммуникаций позволяет сделать вывод о прикладном значении теории юношеского изоляционизма в антикоммунистической пропаганде, определить ее направления, формы и методы, что может быть использовано в практической контрпропагандистской работе.

Чем вызвано в наше время внимание буржуазных идеологов к теории юношеского изоляционизма? Прежде всего, их страхом перед усвоением широкими кругами молодежи марксистско-ленинского учения и все более раскрывающейся несостоятельностью глобальных антикоммунистических концепций. Пытаясь воспрепятствовать объективному ходу общественного развития, буржуазные идеологи сосредоточивают свои усилия на конструировании социологических теорий применительно к различным категориям населения, в том числе и молодежи.

Теория юношеского изоляционизма относится к тем буржуазным концепциям, которые пытаются определить ход общественного развития. Только если другие берут в качестве своей основной категории факторы, относящиеся ко всем слоям населения («морфологическую культуру», «стадии экономического роста» и т. д.), то теория юношеского изоляционизма называет специфическую «юношескую» категорию — «молодежное общество».

По своим структурным особенностям теория юношеского изоляционизма вполне может быть названа синтетической. Она «переосмысливает» применительно к молодежи многие элементы широких антикоммунистических концепций («деидеологизации», конвергенции, анархизма и т. д.) и вместе с тем пытается определенным образом систематизировать буржуазные концепции молодежи.

Целый ряд особенностей теории юношеского изоляционизма — искусственное прогнозирование будущего, оторванность от реальной действительности, эмоциональная насыщенность и т. д. — говорят о ее мифологическом характере. Это постоянно проявляется в ненаучном подходе буржуазных социологов к выдвигаемым ими проблемам.

Теория юношеского изоляционизма в весьма значительной степени является «советологической». Рассмотрение ею тех или иных вопросов, как правило, сочетается с фальсификацией различных сторон советской действительности.

В целом теория юношеского изоляционизма носит прикладной антикоммунистический характер, что, в частности, доказывается широким использованием ее буржуазными средствами массовых коммуникаций.

Теория юношеского изоляционизма преследует цель исказить подлинное положение молодежи в капиталистических и социалистических странах, постараться отвлечь ее от марксистско-ленинского учения и борьбы за переустройство общества на социалистических и коммунистических началах, сформировать сознание подрастающего поколения по канонам капиталистического общества.

Преследуя эти антисоциальные цели, теоретики юношеского изоляционизма постоянно демонстрируют несостоятельность своих концепций.

Прежде всего, невозможно рассматривать социальную деятельность молодежи, как это делают буржуазные социологи, в отрыве от деятельности старшего поколения. Молодежь живет в обществе и зависит от общества. К тому же никакая социальная деятельность просто невозможна без усвоения опыта прошлого. Разумеется, для подрастающего поколения характерны специфические формы деятельности, но это проявляется не в изоляционистских настроениях, а в особых формах ее организации. И именно в коммунистических союзах молодежи достигается органическое сочетание общеполитических задач со свойственными подрастающему поколению интересами.

Совершенно неконкретна и нереальна постановка вопроса о занятии молодежью каких-то автономных позиций в обществе. В чем должна проявляться эта автономия? Буржуазные идеологи не в состоянии назвать факты, когда бы капиталистическое общество способствовало полноценному самоутверждению подрастающего поколения в жизни. В то же время действительность убедительно доказывает, что в советских условиях созданы все возможности для духовного и физического развития молодежи, ей поручаются ответственные дела.

Провозглашая юношеский изоляционизм, буржуазные идеологи пытаются культивировать социальную незрелость и отсутствие жизненного опыта. И наоборот, в советских условиях подрастающее поколение занимает достойное место в обществе в соответствии с полученным опытом, свершенными делами. «Время диктует людям свои законы, — говорил в своей речи на XVI съезде ВЛКСМ, обращаясь к молодежи, Л. И. Брежнев. — Младшие наследуют старшим. Так бывает в семье. Так происходит и в обществе. Смена поколений включает в себя совместную работу людей разного возраста, работу рука об руку, плечом к плечу. Для каждого поколения приходит такое время, когда оно выдвигается на ключевые позиции в жизни общества. Наступает такая пора и для вас. Старшие товарищи верят в вас, они ждут от вас новых героических дел, новых трудовых побед»¹.

Нет ничего научного и в попытках буржуазных социологов прогнозировать будущее с помощью концепции «молодежного общества», которое-де возникнет вдруг с помощью аморфных категорий «юношеской культуры». На самом деле общество будущего создается в наше время путем активной социальной деятельности масс трудящихся, включая и молодежь. «Будущее общество, к которому мы стремимся, — говорил В. И. Ленин на I Всероссийском съезде коммунистов-учащихся, — общество, в котором должны быть толь-

¹ Брежнев Л. И. Речь на XVI съезде ВЛКСМ. «XVI съезд ВЛКСМ. Стенографический отчет», ч. I. М., «Молодая гвардия», 1971, стр. 21.

ко работники, общество, в котором не должно быть никаких различий, — это общество придется долго строить. Сейчас мы закладываем только камни будущего общества, а строить придется вам, когда вы станете взрослыми»¹.

Занятие молодежью определенных позиций в обществе, соответствующих ее социальной активности, творческой энергии, знаниям, возможно лишь в развивающемся обществе — социалистическом. Основатель Коммунистической партии и Советского государства В. И. Ленин высоко ценил революционные и созидательные возможности молодежи, учил серьезно заниматься ее воспитанием, активно приобщать к революционным выступлениям трудящихся и всенародной борьбе за построение коммунистического общества. Он разработал основные принципы руководства юношеским движением, помогал подрастающему поколению находить наиболее верные направления и формы проявления социальной активности.

«В. И. Ленин, — отмечается в постановлении Центрального Комитета КПСС «О подготовке к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина», — придавал огромное значение коммунистическому воспитанию молодежи, ее активному участию в революционной борьбе и строительстве нового общества»².

Вместе с тем В. И. Ленин оставил подрастающему поколению завет «остерегаться тех ложных друзей молодежи, которые отвлекают ее от серьезного революционного воспитания...»³. Он призывал разоблачать перед молодежью подлинное лицо классовых врагов, «чтобы молодое рабочее поколение хорошо знало, с кем оно имеет дело...»⁴.

В нынешних условиях обострения идеологической борьбы аргументированное разоблачение измышлений антикоммунистов возможно лишь при условии научно обоснованной идеологической работы с молодежью. Это, в частности, требует систематического, объективного и всестороннего изучения жизни, труда и быта, знания настроения различных слоев молодежи в связи с теми или иными общественно-политическими событиями и ответа именно на те вопросы, которые больше всего волнуют молодых людей. Настоятельной необходимостью является планомерное и целеустремленное донесение до молодежи политической, экономической, культурной и научной информации, помощь в ее осмыслении, утверждение всеми средствами агитации и пропаганды в сознании юношей и девушек ясных целей и реальных лозунгов, вытекающих из принципов внутренней и внешней политики партии.

Особое внимание в идейно-воспитательной работе необходимо уделить тем категориям молодежи, которые буржуазная социология относит к «группам давления» — молодой интеллигенции и студенчеству.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 320.

² «Правда», 10. VIII. 1968.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 253.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 206.

В последние годы комсомольские организации накопили известный опыт по идейно-политическому воспитанию молодой интеллигенции. При ЦК комсомола создана группа по работе с научной молодежью, а в ЦК ЛКСМ союзных республик и ряде обкомов комсомола — секторы по работе с научной молодежью. При Центральном Комитете комсомола действует совет молодых ученых, в состав которого вошли ведущие молодые ученые — доктора и кандидаты наук, представляющие различные научные центры и научные направления. В крупных научных центрах и республиках проводятся специальные семинары комсомольского актива научных учреждений с выступлением ведущих ученых, партийных и комсомольских работников.

В это же время возникло немало интересных форм идейно-политического воспитания студенчества. Состоялся Всесоюзный слет студентов. Центральный Комитет комсомола совместно с Министерством высшего и среднего специального образования СССР стали проводить Всесоюзные конкурсы студенческих научных работ по проблемам общественных наук, истории ВЛКСМ и международного молодежного движения. Кафедры общественных наук ряда вузов для критики буржуазной идеологии используют докладно-реферативную систему, с обсуждением реферата на семинаре в группе, на курсе, факультете.

XVI съезд комсомола подчеркнул необходимость наступательно-характера борьбы с буржуазной идеологией в среде молодежи во всех сферах воспитательной работы. «Работа по коммунистическому воспитанию должна быть пронизана духом непримиримости к буржуазной идеологии и морали, — говорится в резолюции съезда. — Давать решительный отпор враждебной пропаганде, пытающейся ослабить революционный энтузиазм молодежи, посеять неверие в коммунистические идеалы, противопоставить старшему поколению. Разоблачать антинародную сущность капитализма, показывать преимущества социалистического строя, советского образа жизни. В борьбе между буржуазными и социалистическими идеями нет места нейтрализму и компромиссам»¹.

Аргументированное разоблачение антикоммунистических концепций молодежи, в какие бы модные одежды они ни рядились, является неразрывной частью этой бескомпромиссной борьбы.

¹ Резолюция XVI съезда ВЛКСМ. «XVI съезд ВЛКСМ. Стенографический отчет», ч. II. М., «Молодая гвардия», 1971, стр. 308—309.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. Собр. соч., т. 7.
Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология. Там же, т. 3.
Энгельс Ф. 25 июня. Там же, т. 5.
Энгельс Ф. Недавняя бойня в Лейпциге. — Рабочее движение в Германии. Там же, т. 2.
Энгельс Ф. Письмо В. И. Засулич от 23 апреля 1885 г. Там же, т. 36.
К. Маркс и Ф. Энгельс. О молодежи. М., «Молодая гвардия», 1972.
Ленин В. И. Антиимпериалистическая пропаганда и союзы социалистической рабочей молодежи. Полн. собр. соч., т. 16.
Ленин В. И. Задачи союзов молодежи. Там же, т. 41.
Ленин В. И. Интернационал Молодежи. Там же, т. 30.
Ленин В. И. Речь на I Всероссийском съезде коммунистов-учащихся 17 апреля 1919 г. Там же, т. 38.
Ленин В. И. Советы постороннего. Там же, т. 34.
Ленин В. И. Студенческое движение и современное политическое положение. Там же, т. 17.
В. И. Ленин о молодежи. М., «Молодая гвардия», 1970.
Материалы XXIV съезда КПСС. М., Политиздат, 1971.
О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик. Постановление ЦК КПСС от 21 февраля 1972 года. М., Политиздат, 1972.
О 50-летию ВЛКСМ и задачах коммунистического воспитания молодежи. Постановление Центрального Комитета КПСС от 3 октября 1968 года. М., «Молодая гвардия», 1968.
КПСС о комсомоле и молодежи. М., «Молодая гвардия», 1962.
Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. М., Политиздат, 1969.
Брежнев Л. И. Молодым — строить коммунизм. М., Политиздат, 1970.
Брежнев Л. И. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза. М., Политиздат, 1971.
Брежнев Л. И. Речь на Всесоюзном слете студентов. М., Политиздат, 1971.
Брежнев Л. И. Речь на XVI съезде ВЛКСМ. М., «Молодая гвардия», 1970.
XVI съезд ВЛКСМ. Стенографический отчет, ч. I и II. М., «Молодая гвардия», 1971.
Тяжелников Е. М. Отчет ЦК ВЛКСМ и задачи комсомола по воспитанию молодежи в духе ленинских заветов. Доклад и заключительное слово на XVI съезде ВЛКСМ. М., «Молодая гвардия», 1970.
Тяжелников Е. М. Речь В. И. Ленина на III Всероссийском съезде РКСМ и ее значение для коммунистического воспитания молодежи в современных условиях. М., «Молодая гвардия», 1970.
Афанасьев М. Н. Фрейдизм и буржуазное искусство. М., «Наука», 1971.
Баталов Э. Я., Никитович Л. А., Фогелер Я. Г. Поход Маркузе против марксизма. М., «Мысль», 1970.
Боголюбова Е. В. Современная буржуазная культура и «неогуманизм». М., МГУ, 1971.
Васильев В., Кулагин А., Чупров В. Ваше мнение? Прикладные социологические исследования по проблемам молодежи. М., «Советская Россия», 1967.
Влияние идей Октября в развитии стран мировой социалистической системы. Стенограмма международного симпозиума молодых ученых социалистических стран. М., 1967.

- Воронцов Ю. В. Операция Брейнушинг. М., «Молодая гвардия», 1971.
- Воронцов Ю. В. Основное направление и механизм буржуазной пропаганды. М., «Знание», 1972.
- Готт В. С. Ленинское научное предвидение и современность. М., «Знание», 1969.
- Грушин Б. и Чикин В. Исповедь поколения. М., «Молодая гвардия», 1962.
- Замошкин Ю. А., Мотрошилова Н. В. «Новые левые» — их мысли и настроения. «Вопросы философии», 1971, № 4.
- Зарубежные марксисты в борьбе против буржуазной идеологии. М., «Прогресс», 1971.
- Засурский Я. Н. Основные направления в развитии современных буржуазных теорий журналистики. «Современные буржуазные теории журналистики». М., МГУ, 1967.
- Карпушин В. А. Индивидуализм экзистенциалистской теории человека. Ростов-на-Дону, 1967.
- Кон И. С. Студенчество на Западе как социальная группа. «Вопросы философии», 1971, № 9.
- Конференция «Актуальные проблемы современного молодежного движения. Критика антимарксистских и антикоммунистических концепций». Тезисы докладов и выступлений. М., МГУ, 1971.
- Косолапов Р. И., Печенев В. А. Идеиная борьба за молодое поколение. М., «Знание», 1971.
- Кукаркин А. В. Буржуазное общество и культура. М., Политиздат, 1970.
- Курсанов Г. А. Ленинизм и кризис буржуазной философской мысли. М., «Мысль», 1971.
- Ленин, молодежь и современность. Московская общегородская молодежная научная конференция. Тезисы докладов. М., 1970.
- Ленинизм и борьба против буржуазной идеологии и антикоммунизма на современном этапе. М., «Наука», 1970.
- Митрохин Л. Н. Американские миражи. М., 1965.
- Молодежь, ее интересы, стремления, идеалы. Сборник под редакцией Когана Л. Н. М., «Молодая гвардия», 1969.
- Молодежь и социализм. Тезисы докладов Всесоюзной научно-теоретической конференции. М., «Молодая гвардия», 1967.
- Морджинская Е. Д. Ленинизм и современная идеологическая борьба. М., «Мысль», 1970.
- Москвичев Л. Н. Теория «деидеологизации»: иллюзии и действительность. М., «Мысль», 1971.
- Перфильев М. Н. Критика буржуазных теорий о советской политической системе. Л., «Наука», 1968.
- Руткевич М. Н. Общественные потребности, система образования и жизненные планы молодежи. «Жизненные планы молодежи». Свердловск, 1966.
- Руткевич М. Н. О перспективах развития интеллигенции. М., «Знание», 1971.
- Смирнов Г. Л. Советский человек. М., Политиздат, 1971.
- Скворцов Л. В. Об особенностях кризиса современной буржуазной идеологии. М., Политиздат, 1970.
- Сулемов В. А. Союз молодых борцов. М., «Молодая гвардия», 1971.
- Трущенко Н. В. Ленин и молодежь. М., «Знание», 1970.
- Янаев Г. И. Классовая борьба и молодежь. М., «Знание», 1971.
- «Akten des XIV. Internationalen Kongresses für Philosophie», Wien, 1968.
- Arnold T. Kommunistische Propaganda und ihre Abwehr. München, 1961.
- Agon R. L'Opium des intellectuels. Paris, 1955.
- Bell D. The End of Ideology. On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. Glengoe, 1960.
- Breuse E. Vers une Pedagogie des loisirs Juveniles. Bruxeelles, 1965.
- Cornneil R. Youth and Communism. An Historical Analysis of International Communist Youth Movement. New York, 1965.
- Duquesne J. Les 16—24 ans. Paris, 1963.
- Evoy J. Mc. and Miller A. Black Power and Student Rebellion. Belmont, 1969.
- Fainsood M. Soviet youth and problem of the generation. «Proceedings of the American philosophical society», 1964, vol. 108.

- Fainsod M. The Komsomol — a study of youth under dictatorship. «The American Political Science Review», III 1951.
- Fisher R. T. The Soviet pattern for youth as revealed in the proceedings of the Congresses of the Komsomol. New York, 1955.
- Freud S. Die Traumdeutung. «Gesammelte Werke». Bd. II—III. London.
- Fromm E. Escape from Freedom. New York, 1964.
- Hamblett Ch., Levenson J. Generation X. London, 1966.
- Holt R. Perspectives in Social Psychology. New York, 1965.
- Horowitz J. L. and Friedland W. H. The Knowledge Factory Student Power and Academic Politics in America. Chicago, 1970.
- Kaase M. Determinants of Political Mobilization for Students and Non — academic Youth. A Paper for the VII World Congress of Sociology. Varna, 1970.
- Kassof A. The Soviet youth program. Regimentation and rebellion. Cambridge (Mass.). Harvard univ. press, 1965.
- Keniston K. The uncommitted Alienated Youth in American society. New York, 1965.
- Keniston K. Young radicals. New York, 1968.
- Laurie P. The teenage revolution. London, 1965.
- Legman G. The Fake Revolt. New York, 1967.
- Lerner M. America as a Civilization. New York, 1967.
- Lipitsky B. 50 Jahre des Komsomols. «Deutsche Jugend», 1968, N 11.
- Lipset S. M. Political Man. The Social Bases of Politics. New York, 1960.
- Markuse H. One — Dimensional Man. Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society. Boston, Mass., 1964.
- Mays J. The young pretenders. A Study of teenage culture in contemporary society. London, 1965.
- Mills C. W. Letter to the New Left. «New Left Review», 1960, N 5.
- Mills C. W. On the Left Jacobs P. and Landay S. (eds.) The New Radicals: a Report with Documents. New York, 1966.
- Patrick G. Les organisations de masse en Union Sovietique. Syndicats et Komsomol. Paris, 1965.
- Problems of Youth. Transition to adulthood in a changing world. Chicago, 1965.
- Reich Ch. The Greeting of America. New York, 1970.
- Rosenmayr L. Hauptgebiete der Jugendsoziologie, in R. König. Hrsg. Handbuch der empirischen Sozialforschung. Bd. 2. Stuttgart, 1969.
- Rowntree J. and M. Youth as a class. «International socialist journal», Rome, 1968.
- Sampson E. E., Kerna H. A. Student Activism and Protest. San Francisco, 1970.
- Schramm W. Mass media and national development. Paris — Stanforel, 1964.
- Schwartz J., Merten D. The Language of adolescence. «The American Journal of Sociology», vol. 72, N 5, III. 1967.
- Shelsky H. Die skeptische Generation. Eine Soziologie der deutschen Jugend. Düsseldorf — Köln, 1968.
- Sherif M. and Scherif K. W. Reference groups. Exploration into conformity and deviation of adolescents. New York 1964.
- Taubman W. The view from Lenin hills. Soviet youth in ferment. New York, 1967.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Часть I. Молодежь и общество в буржуазной социологии	14
Глава 1. «Конфликт поколений» и «новое отчуждение»	14
Глава 2. Псевдореволюционность и ее социальное содержание	42
Глава 3. Молодой человек и «старая» идеология	72
Часть II. Несостоятельность концепции «автономного развития»	105
Глава 1. Миф о «молодежном обществе»	105
Глава 2. Извращение сущности коммунистического воспитания	143
Глава 3. Фальсификация принципов организации и работы комсомола	166
Часть III. Юношеский изоляционизм в антикоммунистической пропаганде	199
Глава 1. Основные формы и методы пропаганды	199
Глава 2. Изоляционистские стереотипы	218
Глава 3. Иррационализм в пропаганде — следствие антинаучности изоляционизма	241
Заключение	264
Библиография	269

Юрий Викторович Еремин

Юношеский изоляционизм — орудие антикоммунизма

Редактор *Н. И. Соловьев*
 Художественный редактор *Н. Л. Кузнецова*
 Художник *С. А. Кравченко*
 Технический редактор *Т. Д. Гарина*
 Корректор *В. В. Краснов*

А—06346. Сдано в набор 16/V—72 г. Подп. к печати 28/VIII—72 г. Формат 60×90¹/₁₆. Объем 17 п. л. 19,58 уч.-изд. л. Изд. № УМО 5533. Тираж 4000 экз. Заказ 347. Цена 90 коп.

План выпуска литературы издательства «Высшая школа» (вузы и техникумы) на 1973 г. Позиция № 11

Москва, К-51, Неглинная ул., д. 29/14,
 Издательство «Высшая школа»

Ярославский полиграфкомбинат Главполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ярославль, ул. Свободы 97

